Sandra Lipsitz BEM

The Lenses of Gender.

Transforming the Debate on Sexual Inequality

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ТЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Сандра Липсиц БЕМ

Линзы гендера.

Трансформация взглядов на проблему неравенства полов

Москва
РОССПЭН
2004

УДК 159.922.1=03 ББК 88.37 Б 45

Научный редактор Н.Ходырева Перевод с английского Д. Викторовой
БемС.
Б 45 Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 336 с.
ISBN 5 - 8243 - 0587 - 0

Книга выдающегося психолога и феминистского философа, профессора Корнельского университета Сандры Бем помогает осознать дискуссионные вопросы пола, гендера и сексуальной ориентации.

Профессор Бем обсуждает, как представления о мужчинах и женщинах, укоренившиеся в культуре и социальных институтах, трансформируются в представления и психологию индивида. Назвав эти представления линзами гендера, автор с междисциплинарных позиций рассматривает, как наше восприятие результируется в социальной практике — дискриминации женщин и сексуальных меньшинств.

Бем считает, что общество должно заботить не различия между мужчинами и женщинами, а то, как эти различия преобразуются патри-архатными социальными институтами в недостатки женщин и их дискриминацию.

ББК 88.37
ISBN 5 - 8243 - 0587 - 0

Изменяя психологию...

Вместо предисловия

Имя профессора Корнельского университета Сандры Липсиц Бем знакомо российским психологам по ее опроснику, измеряющему андрогинию. В период с 1967 по 1986 год она была самым цитируемым англоязычным психологом в области тендерной психологии. Тогда, в 70-х годах, профессор Бем доказывала, что андрогиния является решением проблем психического здоровья мужчин и женщин. Но спустя десятилетие она имела научную смелость пересмотреть свои, ставшие чрезвычайно популярными идеи о «гармоничном сочетании мужских и женских качеств в

одной личности». В энциклопедической монографии «Психология женщин» она заявила, «что андрогиния не является решением проблемы. Мы измеряли качества, которых нет!». В качестве альтернативы была предложена теория тендерной схемы.
Монография «Линзы тендера» была издана в 1993 г. Среди множества статей (43) и двух монографий, именно работа «Линзы тендера» была неоднократно награждена и признана лучшей книгой по психологии различными профессиональными организациями: Лучшая книга 1993 года по психологии, Победитель премии Книга года (1993), Выдающаяся публикация 1994 года, Достижение в области коммуникаций, языка и тендера 1994 года и т. д. А сама автор «Линз тендера» была признана Выдающейся женщиной-психологом Американской психологической Ассоциации 1995 года.
Хотя критика Сандры Бем направлена на конвенциаль-ную тендерную социализацию в США, против дискриминации женщин и сексуальных меньшинств, российские читатели с полным правом могут отметить сходную ситуацию в России.
Превалирование биодетерминистских объяснений в отечественной психологии говорит о том, насколько Вильсон и другие социобиологи популярны в России, например, Геодакян и
его теория*. Поляризация мужского и женского переполняет СМИ, а уж известная андроцентристская позиция бывшего министра культуры (!) всколыхнула даже нашу не склонную к активизму женскую общественность". Различие, пожалуй, в том, что в США многие ценностные позиции, выдвигаемые феминистскими психологами, уже приняты, усвоены и воплощены определенной частью специалистов в социальную и психотерапевтическую практики по работе не только с женщинами, но и мужчинами. Для России же пока характерно знакомство с данными позициями, и этот период требует подробного и простого (насколько это возможно в данном контексте) разъяснения этих эпистемологических ценностей.
Познакомившись с теорией тендерной схемы в начале 90-х, автор данной статьи стала популяризировать эти идеи среди отечественных специалистов. Тогда же в издании Петербургского центра тендерных проблем была опубликована статья «Гендер — сила, тендер — власть» с популярным изложением данной теории (см. также: Ходырева Н.В. Гендер в психологии: история, подходы, проблемы // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 1998. Сер. 6. Вып. 2). В полном виде перевод статьи***, где подробно описывается теория тендерной схемы, впервые публикуется в приложении к данному изданию. К тому же в России уже побывал практик — эпистемолог и психотерапевт Джон Гриндер, дающий технологию вопро-шания и исследования создания когнитивных конструктов. В этом плане Сандра Бем — это Гриндер в юбке, но с более подробными теоретическими объяснениями создания тендерных истин. Работая над этой книгой, мы сами изменялись. Книга читается непросто, так как сама задача исследования модели восприятия и познания требует усердной работы от читате-лей(ниц). Перевод также давался нелегко, так как многомерность и междисциплинарность аргументации не вмещалась в прокрустово ложе сложноподчиненных русских предложений.
* Критику данной теории см.: Воронина О.А. Теоретико-методологические основы тендерных исследований // Теория и методология тендерных исследований. М., 2001. С. 46.
** Речь идет об иске к ведущему передачи «Культурная революция» Михаилу Швыдкому, поданном в Большое жюри Союза журналистов РФ рядом общественных организаций по поводу ток-шоу «Шедевр может создать только мужчина» (Общественная дискуссия: сексизм в СМИ // Женщина Плюс. 2003. № 1.)
*** Bern S.L. Geender Schema Theory and Its Implications for Child Development: Raising Gender-aschematic Children in a Gender-schematic Society // The Psychology of Women. Ongoing Debates / Ed. by M.R.Walsh New Haven-London: Yale University Press, 1987. P. 226-245.
Например, переводчица и научный редактор отметили для себя, с каким трудом нам давался перевод слова «угнетение» женщин. Потрясающе, но факт, что в стране, где женщины менее всего представлены во власти, где насилие над женщинами остается безнаказанным в массовом масштабе, где сек-сизм льется с больших и малых экранов, понятие «угнетение» женщин принимается с трудом. Но самое главное, мы перестали испытывать тендерное «беспокойство» навсегда. Желаем читателям и читательницам «Линз» того же.
Понятие тендера
Понятие «гендер» впервые появилось в работе Р.Столера в 1963 г. В дальнейшем, термин «гендер», заимствованный из лингвистики (gender — род (англ.)), использовался для обозначения культурных характеристик мужчин и женщин в отличие от пола — совокупности биологических характеристик — генетических, физиологических и репродуктивных. При помощи понятия

«гендер» было проведено структурное отделение естественного (природного) от приобретенного (культурного) в человеке. Введение понятия было подготовлено работами М.Мид по этнографии еще в 30-х гг. XX века. Исследование «Пол и темперамент в трех примитивных сообществах» (1935) сейчас признано основой для формирования тендерного подхода и исследований. Оно подготовили почву для развенчания мифа о маскулинных и фемининных особенностях поведения как естественном следствии половых различий. Н.Чодороу первой подвергла сомнению наличие материнского инстинкта у женщин. В монографии «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология тендера» она показала, что «влечение материнства» — не биологический инстинкт, а продукт социализации женщин*.

Необходимость методологического отделения пола (биологического) от тендера (социального) определялась несколькими причинами: во-первых, распространенным мнением и верой, что различия в поведении мужчин и женщин, их социальные позиции являются следствием биологических, т.е. половых различий; во-вторых, стремлением проанализировать, как пол и гендер взаимодействуют в процессе жизненно-

* Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола. Часть III. Половая идентификация и теория материнства // Антология тендерной теории. Минск, 2000. С. 29—76.

го цикла (онтогенеза); в-третьих, пониманием того, что социальное больше поддается изменению, чем биологическое. Последнее определяет прикладное использование тендерных подходов: изменение социализации мужчин и женщин в сторону реализации интересов и способностей, а не тендерных предписаний и стереотипов. Это поможет мужчинам, например, больше заботиться о своем здоровье, совершать меньше рискогенных поступков и, в конце концов, увеличит продолжительность их жизни. Что касается женщин, то они, наконец, прямо смогут признать необходимость выстраивать свое экономическую благосостояние самим, а не окольными путями — через богатых партнеров. Конечно, для женщин, значительно больше институциональных барьеров для подобных изменений, в то время как мужчинам необходима серьезная психологическая работа над осознанием своих проблем.

Дифференциация понятий «пол» и «гендер» дало мощный толчок для развития социальных процессов с междисциплинарных позиций. В настоящее время существует несколько направлений разработки тендерного подхода (гендерной теории). К основным теориям относят теорию социального конструирования тендера; тендера как стратификационной категории; интерпретации тендера как культурного символа. Но, как отмечает исследовательницы, в российской науке получил «распространение псевдогендерный подход, в котором «гендер» используется как синоним слова «пол», а первый термин представлен просто как «более современное понятие в науке». Приверженцы биологического детерминизма осознанно или неосознанно считают, что биологические особенности мужчин и женщин определяют их социальные роли, психологические характеристики и т.д. Таким образом, важно знать и о реальном существовании биологических, социальных и психологических различиях, но также и то, как эти различия интерпретируются и как на их основе выстраивается система власти и доминирования»*.

Теория линз культуры

Теория линз культуры и более ранняя теория гендерной схемы посвящены анализу получения знаний о мужском и женском и о формировании всей системы восприятия на ос- ■ нове пола. «Различия между мужским и женским привносятся

* Словарь тендерных терминов. М., 2002. С. 20—24.

в общественную жизнь настолько экстенсивно, что тем самым осуществляется скрытая подмена: практически любой аспект культуры, любой аспект человеческого опыта предстает перед нами в неразрывной связи с половыми особенностями — касается ли это стиля одежды, социальных ролей и даже способов выражения чувств и реализации сексуального влечения»*.

В «Линзах тендера» анализируются механизмы, посредством которых формируется когнитивная система (система познания) на основе пола. «Мы не через линзы будем смотреть, а на них самих». А это значит, что при исследовании вопроса необходимо произвести определенную диссоциацию — диссоциацию себя от себя как познающего субъекта. В этом сложность освоения данного текста.

Как мы познаем мир, через какую систему, как мы сформировали и получили такую систему знаний, при которой качества женщин (реальные или воспринимаемые) трактуются как отрицательные для высокодоходных и высокостатусных профессий и занятий?

В своей теории Бем считает, что между реальным миром и нами стоит разработанная в культуре система познания, чтобы люди, как в кривом зеркале, видели то, что предлагает нам видеть

система патриархата. Мужчины и женщины, по утверждению этой системы, противоположны друг другу. Как мы умудрились не видеть разницы между мужчинами и считать их одинаковыми? С чего мы взяли, что все женщины являются единой монолитной группа? Японки и африканки, девушки XXI и XVII веков, богатые и бедные, спортсменки и вышивальщицы?
Но сформулирован и другой вопрос: «А есть ли еще кто-нибудь в мире, кто был бы так похож друг на друга, как мужчины и женщины?»". Почему когда берется за основу восприятия категория национальности или расы, то все белые мужчины и женщины становятся очень похожими между собой и совсем непохожими на мужчин и женщин из Китая? Таким образом, важна позиция, с которой мы воспринимаем, познаем и оцениваем.
Сандра Бем показывает, как в такой системе познания искусственно приписываются половые признаки огромному количеству явлений. Хотя у смелости нет мужских признаков, тем не менее, это качество называется и признается мужским.
* Там же. С. 2.
" Hyde J. The Half of Human Experience: The Psychology of Women. Lexington, 1985.
Почему нам мало известно о мужчинах или даже целых сообществах мужчин, которые в средние века или нынешнее время занимались бы уходом за больными и пожилыми, брали отпуск по уходу за младенцами, как в Швеции и Исландии? Почему и как они исчезли из поля нашего восприятия, из нашей памяти как пример, не вписывающийся в привычную ассоциативную связь с «настоящим мужским»? Вопрос относительно смелости женщин — вопрос того, как мы воспринимаем и оцениваем смелость девочек, девушек и бабушек. Почему многие поступки женщин воспринимаются как отчаяние, глупость, истеричность, а не как смелость? Почему огромное количество «не смелых» поступков мужчин (например, бросил жену с тройней или с ребенком-инвалидом; поместил престарелую мать в психдиспансер; отказался от ответственности за насилие; не признался, что принял решение, повлекшее за собой гибель людей или разорение страны) не замечается нами и расценивается как нетипичное для мужчин. В соответствии в теорией Бем и на основании принципов деятельности когнитивных процессов, человеческое восприятие селективно — оно отбирает то, что укладывается в привычную схему полярного восприятия мужчин и женщин, и оставляет без критического рассмотрения то, что чрезвычайно распространено в реальности, но никак не вписывается в рамки сконструированного культурой восприятия. Иными словами, наша система восприятия уже настроена на то, что мужчина — смелый, а женщина ..., скажем так, робкая. Система восприятия через тендерные линзы даже не предполагает, что разные женщины могут отличаться между собой по выраженности качества «смелость» — у женщин такое качество в данной системе познания не воспринимается вообще.
Подход к тендеру, который предлагала Сандра Бем в своей новой концепции линз тендера, отличался от структурного подхода к тендеру — исторически первого по появлению в научных публикациях*.
Прежде всего, она подвергла критике саму идею приписывать людским качествам и поведению маркеры мужского и женского. Из этого следует радикальный вывод: чтобы быть мужчиной и женщиной... — ничего делать не надо. Ведь наш пол с нами с самого нашего рождения. Снимается то напряжение, которое делает самооценку страдающей, если люди не
* Oakley A. Sex, Gender and Society. London, 1972; Rubin G. The traffic in women: notes on the political economy of sex // Toward an Antropology of Women/ Reiter R.R. Monthly Review Press. New York, 1975.

выполняют культурные требования сиюминутного момента быть «настоящими» мужчинами или «настоящими» женщинами. Все остальные характеристики поведения и качеств, профессии и интересы, привязанности и страсти — это свободный выбор. Вернее, должны быть свободным выбором людей в зависимости от их предпочтений, интересов и способностей.
Психология как наука относится к поздним новообразованиям в списке идеологических технологий контроля и власти. Она поддерживала концепцию двойного стандарта к психическому здоровью. Сейчас принято говорить, что за последнее время произошли большие изменения в освобождении мужчин и женщин от прессинга жестких тендерных привязок к тому или иному полу. Многие воспринимают это с тревогой, боятся хаоса, неопределенности и путаницы в человеческом поведении: «Если мой сын будет чувствительным и открытым, как он выживет в армии? Если моя дочка будет независимой и уверенной, как она выйдет замуж?» Это основные вопросы на лекциях по тендерным проблемам, волнующие моих студентов, которые придерживаются конвен-циальных тендерных ролей. Для психологов важно осознать границу

между психологической адаптацией личности к среде и необходимостью реформации социальных институтов. Поэтому уместно задаться следующими вопросами: «Где та граница, до которой надо психологически адаптироваться и адаптировать своих детей к унижающей достоинство дедовщине в армии, к пренебрежению по отношению к женщинам на политическом и бытовом уровне? Есть предел, при котором адаптивные способности личности должны быть редуцированы — необходимо сохранять личность. Вместо этого надо менять социальные институты — армию, родительство, производственную среду. Уничтожение тендерного неравенства потребует не только личностных, но и институциональных перемен.

Идея освоения культуры или, как пишет Бем, «инкульту-рации», должна быть знакома российским психологам по схожим идеям в трудах Блонского и Выготского. В автобиографии П.П.Блонского (1884—1941) мы читаем «поведение понятно лишь как история поведения». В 30-х годах XX века Л.С.Выготский (1896—1934) развивает эту мысль и предлагает теорию происхождения, структуры и развития высших психических функций, заложившая основы исторического подхода к изучению психики человека. В основе развиваемой Выготским теории лежат две гипотезы: об опосредованном характере психической деятельности и о происхождении

11

внутренних психических процессов из деятельности первоначально внешней и «интерпсихической». Применение знаков (слов, цифровых обозначений и т.п.), т.е. переход к опосредующей деятельности, перестраивает всю психическую деятельность. «Первоначально... культурные приемы и средства формируются в совместной деятельности людей, а затем ста-новятся также индивидуальными психологическими средствами управления поведением. В развитии каждой из психических функций такое опосредование постепенно превращается из внешнего во внутреннее»*. Данный процесс Выготский назвал интериоризацией. Выготский попытался найти закономерность формирования психики, которая бы отражала развитие не только отдельных функций, но и всей личности в целом. «Всякая высшая психическая функция не-обходимо проходит через внешнюю стадию в своем развитии, потому что она является первоначально социальной функцией», — формулирует он общий генетический закон культурного развития.

Можно дополнить, что, по современным представлениям, к внешним факторам, которые объединяют факторы окружающей среды — экономические, социальные, образовательные и политические, относится тендерная социализация и институциональный сексизм. Эти внешние факторы влияют и взаимодействуют с внутренними факторами. Те факторы, которые были внешними для женщин, становятся интериоризи-рованными. Даже если фактор является внутренним, он первоначально начинался как внешне продуцированный.

Теория тендерной схемы

Теория тендерной схемы была сосредоточена на эпистемологических аспектах восприятия и познания, то есть на самом процессе получения знания об окружающем мире, о мужчинах и женщинах. Сошлемся на Вирджинию Вульф в ее беседе с аудиторией сорок пять лет назад: «Любой вопрос относительно пола является таковым, что не стоит и надеяться, что вам удастся высказать истину. Можно только показать, каким образом вы пришли к тому мнению, которого придерживаетесь» Рассмотреть процесс получения знания — вот что необходимо для объяснения результатов процесса обретения знания.

* Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. 12

Как мы узнаем, что это качество является женским, а это поведение — мужским? — такие нетривиальные вопросы, заданные исследовательницей, и послужили началом формирования теории, объясняющей, как сформировалось восприятия на основе физической категории — пола. Это значит, что познавательная система человека сформирована в культуре опосредованным образом. Мы не просто один к одному отражаем окружающие нас предметы и явления в различных репрезентативных системах — зрительной, аудиальной, тактильной и т. п. Наша познавательная система активно конструирует такой тип восприятия и познания, который характеризуется определенными результатами: поляризацией мужского и женского, иерархизацией мужского и женского и интерпретацией подобного положения вещей при помощи биологизации этого процесса — то есть объяснением того, что это все естественно, то есть «по природе».

Людям довольно сложно отслеживать сам процесс познания (т. е. свои собственные психические процессы), поэтому, скорее, они предпочитают обсуждать результаты восприятия, а не сам процесс. Результаты этого восприятия в виде исследований (которые в свою очередь проведены на

основе этой же системы познания) уже переполнили хранилища эмпирических исследований*.
Теория линз объясняет, что нет никаких мест и профессий, которые бы имели исконные и естественные и неизменные половые признаки. Эти маркеры «мужского» или «женского» есть сиюминутные и преходящие требования культуры патриархата, которая давно находится в кризисе со своими стратегиями и тактиками. Вспомним профессию врача в царской России, которая всего лишь сто лет назад была прерогативой мужчин, то есть «мужской». Теперь она, по большей части, считается «женской».
Проблемы, которые необходимо обсудить в российской психологии, связаны с небрежным подходом к интерпретации влияния биологических и социальных факторов на развитие личности.
В результате, предложено корректно говорить о комплексном биолого-социо-психологическом влиянии на личность и поведение мужчин и женщин. Но всякий раз выясняется, что два последующих слова куда-то пропадают в интерпретациях поведения и развития мужчин и женщин и, как правило, остается только первая интерпрета-
* Maccoby E., Jacklin C. The Psychology of Sex Difference. Palo Alto, 1974.

ция — биологическая, т.е. естественно-научная. Что-то не слишком мы комплексны в своих объяснениях!
В России еще очень сильны биологизаторские, партриар-хатные представления о женщинах, феминизм дискредитирован как антимужской проект. До сих пор у нас считают, что женщины не могут обладать всем спектром человеческих характеристик. То же самое думают и о мужчинах. Например, о последних думают, что они не имеют психологических предпосылок для заботы о младенцах, больных и пожилых родственниках.
Весьма распространены представления о том, что биологический пол должен совпадать с психическим тендером и соответствовать поведению и ролям, присущим полу. Даже предлагается определение тендера как «полоспеци-фического» поведения, а под «тендерной схемой» понимается «обусловленное полом поведение»*. Также распространено мнение о том, что пол детерминирует развитие «я-концепции» и соответствующего поведения индивидуума, а также представление о гендере как о биполярном измерении, вокруг которого постоянно формируется человеческая личность.
Часто уделяют большое внимание психологическим различиям между мужчинами и женщинами самим по себе, нежели их различным социальным ситуациям и властной позиции. Как правило, мало значения придается крайне важному вопросу культурного происхождения этих психологических различий.
Почему так легко и просто выбирается (именно, выбирается из других возможных объяснений) биологическая интерпретация? Во-первых, это проще с точки зрения наивного реализма: это видимо (или предполагаемо) и фиксируемо. Объяснять социальным влиянием и ситуацией — это значит уметь фиксировать всю сложность и динамичность влияний среды, да еще в историческом срезе. «Обычные люди не в состоянии оценить степень влияния и тонкие детали управляющего воздействия ситуации на поведение»**.
Сандра Бем, используя междисциплинарный и исторический подходы, доказывает (на примере исторической эволюции оценки гомосексуализма), что биологические явления не имеют фиксированного, независимого значения. Значение,
* Нартова-Бочавер С.К.. Дифференциальная психология. М, 2002. С. 116. ** Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. М., 1999. С. 205.

которое им придается, зависит от того, как они объясняются и используются культурой, а их социальный смысл зависит от исторического и современного контекста. (Ibid. P. 3)
Феминистская педагогика
В статье «Теория тендерной схемы» Бем подробно объясняет процессы, приводящие к созданию познавательной системы на основе пола. Также интересно прикладное значение теории, которое апробировано супругами Бем на своих детях. Педагогические рекомендации по воспитанию детей, с одной стороны, просты, а с другой стороны, требуют от родителей такой же тендерной свободы, которую они хотят сформировать у своих детей. И здесь самым болезненной проблемой для российских родителей и психологов является, казалось бы, самый простой вопрос — о поле. Большинство психологов и родителей не могут объяснить детям, что такое пол. Они также сами затрудняются назвать критерии пола. Оказывается, это самая загадочная и табуированная тема. Удивительно, что половые различия так и остаются загадкой для некоторых детей и даже

подростков, при этом подчеркиваются и всячески преувеличиваются различия тендерные. Подобное лицемерие культуры, с его стыдливым, брезгливым отношением к биологическим различиям и при этом уклонением от прямой и недвусмысленной информации о строении половых органов и репродуктивных функциях, характерно части для психологов и педагогов, привносящих в общество психологические знания.
Бем предлагает две стратегии решения этой проблемы. Первая состоит в том, чтобы обучить детей различиям между полами. Вторая стратегия состоит в том, чтобы дать детям альтернативную или «разрушительную» схему, с помощью которой они смогли бы интерпретировать и расшифровывать культурные послания от референтной группы, рекламы, фильма или комикса. Для начала родители должны обучить детей различию между полами, обратив их внимание на социальные представления о поле. Для этого они должны проде-монтрировать нетрадиционные тендерные роли. Папа может готовить обед, купать детей, а мама — водить машину и продвигаться в науке. Родители должны избегать дисциплиниро-вания ребенка с ссылкой на пол как один из самых распространенных аргументов бессильных воспитателей: «Ты же мальчик, ты не должен жаловаться и плакать, как девчонка!
15
Пойди и дай сдачи!» или «Ты же девочка, ты должна быть аккуратной и послушной!» Мало того, родители должны сами создавать материал, который бы противоречил тендерным стереотипам. Например, в букваре к изображению женщины, моющей окно, можно пририсовать усы и написать «Папа мыл раму» или «Дедушка мыл раму», а мама участвовала в выборах как кандидат: «Мама — депутат района».
Парадокс, но социальная практика учит детей тому, что полом, по сути, не является. Часто можно услышать такой диалог: «Мама, это кто? Это мальчик, смотри у него синий беретик и брючки».
Поэтому задача родителей, наконец, состоит в том, чтобы рассказать детям, что есть собственно половые различия. Хотя существуют две, казалось бы, не требующие обсуждений биологические особенности полов: анатомия и репродукция, тем не менее они стыдливо умалчиваются родителями. Проблемой является то, что родители испытывают затруднение и смущение при объяснении детям особенностей строения половых органов. Поэтому предпочитают не давать анатомические и физиологические подробности. В российской педагогике до сих пор считается, что эти «стыдные» подробности развратят ребенка. Но они, если хотите, потому и «развращают», что, являясь тайными и стыдными в данной ортодоксальной культуре, формируют у ребенка повышенный интерес к «взрослой», табуированной для детей теме.
Родители, не считающие телесные проявления «грязными и греховными», могут сделать генитальные особенности различительными характеристиками мужского и женского. Обучая своих детей тому, что гениталии у мужчин и женщин разные, родители помогают детям понять сущность культурных определений пола, и, таким образом, не «синий беретик и брючки» станут различительными половыми признаками, а строение гениталий.
Получая четкое определение пола, дети имеют предпосылки для конструирования собственной концепции мужественности и женственности на биологической основе. Быть мальчиком и мужчиной — это значит иметь пенис и яички. Быть девочкой или женщиной — значит обладать вагиной и маткой, а не значит иметь бантик, заколку, розовый фартучек и стремиться не пачкать коленки.
Вторая стратегия, разработанная супругами Бем, связана с обеспечением альтернативными схемами, такими как схема индивидуальных различий. Например, на высказывание «девочки не играют в футбол», которое ребенок принес из шко-
16
лы, можно ответить, что правильнее сказать: «Некоторые девочки играют в футбол (как твоя сестра Аля или Маша с соседней улицы), а некоторые мальчики не делают этого (как твой дедушка и Миша Моргунов из нашего подъезда. Миша ходит на бальные танцы и уже добился больший успехов)». Схема индивидуальных различий применяется, чтобы предотвратить превращение индивидуальных различий в обобщенные половые, а также препятствовать внедрению различий между людьми в тендерную схему.
Но данная тактика недостаточна. По мере взросления детей, их знания увеличиваются и они начинают осознавать, что вера и установки ее/его семьи о тендере отличаются от тех, которые доминируют в обществе. Поэтому супруги Бем предлагают использовать схему культурного релятивизма как одного из возможных объяснений культурной относительности в мнениях. Бем предлагает выразить это следующим образом: «разные люди верят различным вещам» и

существование различных противоположных убеждений, скорее, правило в обществе, нежели исключение. Наверное, для многих российских родителей, выросших в отсутствии толерантности к другим религиям, культурам и предпочтениям весьма сложно будет искренне, а значит, и психологически конгруэнтно, реа-лизовывать подобный релятивизм.

Культурный релятивизм хорош на определенном этапе развития ребенка, но родители-феминисты не могут и не должны быть удовлетворены, притворяясь, что все идеи, особенно о тендере — одинаково верны. Поэтому Бем предлагают ознакомить детей с понятием «сексизм», который аналогичен понятию «расизм», «эйджизм» и т.д. (соответственно дискриминация по полу, национальности, возрасту) «Только получив схему сексизма, согласованную с пониманием исторических путей и современных последствий половой дискриминации, дети смогут действительно понять, почему два пола так по-разному представлены в обществе. Например, почему никогда не было женщины-президента? Почему многие папы не остаются с детьми дома и почему так много людей верят, что половые различия являются «естественными» биологическими последствиями?»

Родители должны принять решение, воспитывать ли им детей схематизированными по тендеру, а следовательно, и по полу или дети должны знать, что существует дискриминация по различным признакам, в том числе и полу, и требуются конструктивные усилия для изменения ситуации, и это называется феминизмом.

17

Социальная практика

Последняя глава книги «Линзы тендера» посвящена практикам решения социальных проблем с использованием выводов ее теории. Сейчас тактики решения проблем дискриминации являются наиболее дискуссионными темами и развиваются многими феминистками. В частности, полезно познакомиться с разными точками зрения на решение дилеммы различия — сходства между мужчинами и женщинами*. С того времени, когда угнетение было связано с кандалами и из-биением плетьми на Сенной площади, прошло два столетия. Современные практики угнетения более изощренные и неявные. Их надо расшифровывать. Например, студентка 6 курса факультета психологии заявила мне, что женщины ничего не могут привнести нового в теорию психологии, так как у них «особый вид мышления, отличный от мужчин». Можно заключить, что в процессе социализации и обучения у этой специалистки сформировано дискриминационное мнение о себе и о других женщинах в виде интеллектуального пренебрежения. Хочется проследить «эпистемологию того чулана», тот механизм педагогических практик, который сформировал у молодой специалистки неуважение к себе как женщине — исследовательнице и теоретику.

Социализация ученого

Какие же условия и ситуации должны быть, чтобы, наоборот, из маленькой женщины (в переносном и прямом смысле слова — рост профессора Сандры Бем 145 см) сформировалась большая исследовательница, внесшая выдающийся вклад в развитие психологии XX века и наметивший перспективы XXI века? Как создать социальную среду, при которых бы способности и задатки женщин реализовались на благо развития общества и науки, а не превращались в невротическую тревогу по поводу белизны белья?

В своей автобиографии Бем отмечает роль своей матери как «самое раннее серьезное влияние на страсть к профессии». Хотя родители будущей профессорши работали мелки-

* Фрейжер Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в пост-социалистическую эпоху // Гендерные исследования / Под ред. И.Жеребкиной. 2000. Вып. 5; Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / Под ред. Е.Мезенцовой. М., 2000.

18

ми служащими, ее мать редко можно было застать без книги в руках, она хотела, чтобы ее дочери окончили колледж и стали зарабатывать себе на жизнь.

«Получив степень психологии в 1965 году в университете Карнеги — Мелон, я больше всего запомнила профессора Боба Моргана, который как-то пригласил меня в свой кабинет после занятий и сказал, что из меня выйдет выдающийся психолог и что я должна дальше учиться, — пишет Сандра Бем в своей автобиографии. — Я рванулась звонить своей матери, чтобы сообщить ей это. Почему я была так взволнована? Оглядываясь назад, я думаю, что его предложение изменило мое видение себя — по поводу моего скромного происхождения и пола, — и дальнейшее видение моего будущего. Три года спустя я получила свою докторскую степень по психологии в университете Мичиган. Я запомнила своего научного консультанта Дэвида Бирча,

который обращался со мной как с совершенно особой личностью, полной творческих проектов. Как мой предыдущий руководитель, он помог мне оценить себя как высокопотенциальную личность. Большую профессиональную поддержку мне оказал мой бывший муж Дэрил Бем»* (известный социальный психолог. — Н.Х.).

Развитие карьеры будущего профессора не было безоблачным. После получения степени она тем не менее не получила приглашения для работы в университет, потому что в те времена для этого нужна была рекомендация члена совета, а так как большинство из них были мужчинами, то ее успехи и публикации не имели значения для трудоустройства. Тем не менее, она переехала в Стэндфордский университет, и с этого момента пыталась соединить свои личные и профессиональные интересы с политикой и участием в женском освободительном движении. Проработав 8 лет в Стэндфорде, она создала там тест измерения половых ролей и стала заниматься проблемами андрогинии и тендерной схематизации. Именно в Стэнфорде она обрела профессиональное признание, получив свои многочисленные награды в области психологии. Это было признанием не только ее личных достижений, но и признанием феминистского подхода в психологии. Тем не менее, в тот год, когда она получила награду от Американской психологической ассоциации (АЛА), ей было отказано в должности, как и двум другим известным психологам-феминистам Мэри Браун Парле и Джудит Лонг Лоус. Из Стэнфорда ей

* Changing Psychology's Course (Or Trying To, Anyway) / Sandra Lipsitz Bern, APA.

пришлось перебраться в Корнельский университет в качестве профессора психологии и директора программы по женским исследованиям. Эти должности она занимала до 1985 года.

Достижения

Сандра Бем считает «Линзы Тендера» своей наиболее важной работой и отмечает три своих вклада и достижения в профессию. Во-первых, она помогла психологии переосмыслить традиционные представления о женщинах, тендере и сексуальности; избавиться от андроцентризма и патриархальных взглядов и стать феминистской. Она входила в первое поколение феминистских психологов, которые начали работать над проблемами тендера и сексуальности, в то время когда в этой области еще ничего не было сделано. Тогда ее исследования и теория кардинально изменили лицо, по крайней мере, целой области психологии. Это было время ранних 70-х, когда вторая волна феминизма, названная позднее женским освободительным движением, была в самом расцвете. Эти изменения в психологии были частью более общего исторического изменения, который имел место не только в психологии и в других научных дисциплинах, но и во всей культуре США.

Говоря о своей вкладе в психологию, Сандра Бем в своей инногурационной речи упомянула, что, делая исследования и переосмысляя теорию, она привлекла внимание не только психологов, но и общественности к базовым концепциям психологии о тендере и сексуальности. Это стало возможным благодаря ее эмпирическим исследованиям по измерению андрогинии и тендерной схематизации.

С того момента, как Терман и Майлз создали тест на измерение маскулинности и фемининности в 30-х гг., все М—Ф (маскулиности — фемининности) шкалы имели все те же самые три проблематичных утверждения, которые ее шкала измерения андрогинии поколебала. Первое касалось утверждения, что маскулинность и фемининность являются глубоко укорененными и изначально присущими, внутренними аспектами человеческой личности. После проведенных Бем исследований со шкалой измерения андрогинии был сделан вывод о том, что маскулинность и фемининность — социальные и исторические структуры, находящиеся в самом дискурсе культуры. Второе утверждение касалось биполярности — того, что индивид может быть или маскулинным или фемининным, но не обладать теми и другими качествами одновременно.

Исследования с тестом на измерение половых ролей доказали, что индивиды могут иметь данные характеристики одновременно. В 90-х гг. это утверждение об одновременности было концептуально связано с целым рядом новых направлений антиполярных подходов применительно к концепции идентичности, включая бисексуальность. Третье утверждение касалось психического здоровья: что-то иное, чем конвенциаль-ная взаимосвязанная троица «пол, тендер, желание» может быть доказательством патологии. Бем доказала при помощи своего теста, что эта нерасторжимая троица сама является заложницей тендера и люди андрогинные, не вписывающиеся в эту троицу, являются, наоборот, более здоровыми.

Эти три утверждения, выведенные из эмпирической работы с использованием новой модели шкал

Ф—М, и их совместное влияние кардинально изменили наиболее устоявшиеся и заботливо взращенные традиционной психологией представления о тендере и сексуальности.

Но самым важным профессор Бем считает ее нынешнюю работу по внедрению в психологию большего понимания культурных влияний, нежели индивидуальной психологии. Это уже было сделано посредством развития теории «конструирования тендера», которая помогла отвести психологию от традиционного акцента на индивидуальности (или даже индивида в тесном или локальном контексте семьи) и стимулировать ее к пониманию личности, полностью включенной в культурный (политический) контекст. И не только это. Важным является помочь психологии видеть одновременно и индивидуальное, и культурное как диалектически взаимные интеракции одного с другим.

Ранее доминировавшая в психологии идея конвенциаль-ности тендера была заменена на теорию тендерной схемы. Если мы пропустим позднего Фрейда, то, с известной долей упрощения, мы будем иметь, с одной стороны, теорию социального научения, которая практически игнорирует внутренний мир ребенка и просто предполагает развитие его/ее тендерной конвенциональное™ случайностью (сформировавшейся в результате наград и наказаний) в сиюминутном окружении, возможно, с небольшими вариациями. С другой стороны, нам будет представлена теория когнитивного развития, которая, со своей стороны, игнорировала все, что было вне ребенка, и доказывала, что дети естественно начинают использовать тендер как организующий принцип, особенно для себя. И это — последствие дооперациональной стадии (по Пиаже).

Доля правды есть и в теории когнитивного развития, так как дети и взрослые в этом плане значительно вкладываются в создание своего собственного тендера, и они действительно организуют и оценивают информацию (включая информацию о том, что хорошо и естественно для них) в терминах тендера. Но этот вклад не появляется естественно или из глубин интеллекта (интрапсихически). Это становится настолько важным для психики ребенка, насколько культура делает это центральной идеей всего комплекса прямых и непрямых посланий о повсеместной общественной важности тендера.

Позже Бем расширила эту теорию, когда писала «Линзы тендера» и переименовала ее в инкультуральную теорию линз. Основа последней — это то, что нам важно знать процесс становления гендерно конвенциальной личности это частный случай становления субъекта, усвоившего культуру в своем контексте. В эту теорию входят три соответственных теоретических представления.

Первое — это система общих культурных линз, включенных в социальные институты, культурный дискурс, повседневные разговоры.

Второе теоретическое представление связано с тем, как эти культурные линзы исподволь усваиваются детьми, которые социализируются в этой культуре. То, что они автоматически (как часть процесса окультуривания) усвоены этими детьми, и, в конечном итоге, раз эти культурные линзы были усвоены, ребенок начинает видеть, думать, чувствовать и оценивать виртуально все культурно-специфическим способом. Как результат этого, он/она конструирует свое «я», которое согласуется с культурными линзами и поэтому участвует в социальном воспроизводстве культурной системы. Это очевидный эпистемологический результат, при котором вы не можете изучить индивида без одновременного (или даже первоначального) изучения индивидуального контекста (не только индивидуального локального, но и индивидуального культурного).

Хотелось бы еще подчеркнуть по поводу теории культурных линз. Бем объясняет, почему она (теория. — Н.Х.) выглядит похожей на нейтральную — не политизированную — теорию. Такая теория могла бы быть создана кем-нибудь, кто не является феминистом. Но эта теория быстро переросла из просто культурной теории о конвенциальных тендерных усвоенных характеристиках в эксплицитно феминистскую теорию. Это произошло, как только теория стала объяснять, как однажды усвоенные характеристики стали продуцировать

различия и неравенство между мужчинами и женщинами — на уровне психологической идентичности и как наша культурная система полового неравенства требует этого неравенства для своего воспроизводства. Так что ничего аполитичного или нейтрального нет в рассуждениях о линзах тендера, которые являются андроцентричными, поляризационными и биологически эссенциалистскими.

Бем неоднократно подчеркивает, что психология обычно не является ни нейтральной, ни аполитичной. Культурой обычно игнорируется динамика того, как неравенство социально и

психологически воспроизводится, и вместо этого ре-дукционистски фокусируется на индивидуальности, которая искусственно вырвана из культурного окружения. Необходимо понимать, что этот редукционизм сам по себе — политический, на основании того, что он — вольно или невольно — сохраняет интересы тех групп, которые уже имеют привилегированные позиции в обществе.

Третье теоретическое представление заключается в том, что психология, с точки зрения Бем, должна осознать свою собственную, присущую ей политичность. Говоря по-другому, традиционной психологии важно понять, что знания и даже наука неотделимы от политики. Другими словами, психологам важно учитывать, что знания и производство знания не могут быть отделены от динамики власти и неравенства. Так что, нравится вам это или нет, нет способа быть вне политики, не касаться политики, быть аполитичными. Любая позиция будет осознанно или неосознанно политической. И, к сожалению, политическая «нейтральность» заканчивается, как правило, скорее, помощью в воспроизводстве неравенства, чем в разрушение последнего.

Две больших главы в «Линзах» (3 и 4) посвящены тому, как психологические исследования и теория неумышленно помогала и содействовала воспроизводству патриархальной власти в течение столетий. Сейчас многие психологи могли бы сказать, что святой Грааль различий не более чем научный (и поэтому полностью объективный) поиск фактов. Но Сандра Бем настаивает на том, что это — политический выбор, признаем ли мы это или нет, так как это — отвлечение внимания от круга более серьезных вопросов, касающихся неравенства, которые психологи и в культуре, и в науке могли бы (и должны) обсуждать. Например, как различия, которые существуют между привилегированными и непривилегированными группами, социально и культурно трансформируются в экономическое, политическое и образовательное невыгодное положение

и недостатки непривилегированных. Как власть и привилегии оперируют в обществе, чтобы поддерживать статус-кво в отношении пола, расы, класса, сексуальной ориентации. И, возможно, самое важное: какую роль играет наука (психология) в социальном воспроизводстве неравенства?

В заключение своей инногурационной речи Бем обращается к молодым психологам с несколькими предложениями: 1) Будьте культуральны в своем анализе, потому что человеческая жизнь — культурный феномен. Осознавайте, что ваша работа имеет политическое приложение, реализуете ли вы это сами или нет. 2) Будьте ниспровергателями. Другими словами, делайте все, что можете в вашей работе, чтобы изменить неравенство в нашей культуре. 3) Будьте междисциплинарными. Другими словами, смотрите на гуманитарные науки как на средство для изменений, а не науку ради науки. Вместо этого читайте гуманитариев, например Фуко. И если вы хотите книгу по психологии, то читайте «Утверждая других: диалог по природе человека» (1993) Эдварда Сэпсона.

Будущее психологии

Усилия Сандры Бем и ее коллег повлияли на изменения в современной психологии. Совсем недавно появилось весьма примечательное резюме, подготовленное английскими психологами. Ими сформулированы современные задачи психологии в документе «Культурное и тендерное сознание в международной психологии» («Cultural and Gender Awareness in International Psychology»).

Как указывается, цель документа — «сориентировать психологов на более глубокое понимание исторического процесса глобального империализма и колониализма и призвать их действовать вопреки ему, следуя пяти основным принципам, которые помогают понять и преодолеть господствующие воззрения и практики традиционной психологии, распространяемой в международных масштабах».

1. Понимание опыта индивидов в многообразных культурах и контекстах.

Первый принцип подразумевает культурную и мульти-культурную компетенцию и тендерное сознание.

2. Уважение к плюрализму, основанному на различиях.

Оно ведет нас к тому, чтобы за признанием различий видеть их равную ценность. Принятие равноценности различий открывает спектр новых возможностей для обучения, шансы

для расширения наших знаний. Оно означает признание множественных точек зрения и методов, с вариацией сильных и слабых сторон, преимуществ и недостатков.

3. Осознание и анализ власти.

Третий принцип предполагает понимание и анализ феномена власти, способов преодоления

властных асимметрий, и изменений в пользу становления эгалитарных отношений, где это возможно. Он также означает понимание иерархий власти и привилегий, преимуществ и наград, которые обычно присваиваются посредством занятия позиций и получения власти.

4. Критический анализ западных перспектив.

Четвертый принцип предполагает анализ системы угнетения и привилегий в доминирующей психологической перспективе. Исследователи-психологи должны быть открытыми к другим точкам зрения и объяснениям феноменов и связанных с ними данных. Несмотря на укоренившуюся монокультуру и тендерные установки, носителями которых мы можем являться, много можно выиграть и узнать через взаимный диалог с международными партнерами.

5. Международная и междисциплинарная социокультурная перспектива.

Пятый принцип предполагает признание глубокого влияния экстернальных факторов на индивидов. Эти факторы и их интернализация приводят к возникновению множественных и сложных форм привилегий и подавления. Геополитические силы и структурные преобразования одним дают выгоды, а другим наносят ущерб, что недооценивается в традиционной психологии.

Принципы, которые способствуют большей культурной и тендерной осведомленности, а также справедливости, могут стать руководством для правильных действий в психологической теории, исследованиях и практике в международном масштабе. После десятилетий исследований стало ясно, что культура и тендер образуют разнообразие вариантов. Оба фактора могут влиять на теоретические предположения, эпистемологию, методологию и выводы в социальных науках.

Эта книга — об изменениях, которые происходят сначала в системе познания, а потом в социальной практике. Не изменив наши представления о мужчинах и женщинах, мы не сможем решить серьезные и болезненные проблемы современности. Бем пользуется метафорой линз для объяснения процесса познания в современном мире.

Сама профессор весьма положительно оценила будущее появление ее книги на русском языке. Ее сын Дэрил, известный по экспериментам с педагогикой семьи Бем, знает русский язык и надеется прочитать ее на русском. В своем письме Бем написала: «Мы только начали изменять психологию, и я надеюсь, что будущие поколения психологов смогут добиться лучших успехов».

Наталия Ходырева

Предисловие

Недавно меня попросили написать короткое эссе для издания Феминизм и психология на тему «Какой вклад внесла моя гетеросексуальность в формирование моих феминистских взглядов». Эссе вышло иным, чем ожидал редактор, потому что я жила в моногамных отношениях с любимым человеком больше двадцати семи лет, и ни теперь, ни когда бы то ни было, не была «гетеросексуальной». Но я также никогда не была ни «лесбиянкой», ни «бисексуальной». Сколько я себя помню, я была тем человеком, чья сексуальность и ген-дер никогда не попадали в сети бытующих культурных категорий. На мой взгляд, именно это, а не моя предполагаемая ге-теросексуальность, оказало наиболее серьезное влияние не только на мои феминистские взгляды, но также и на теоретическое содержание этой книги.

Когда я говорю, что моя сексуальность тесно не связана с бытующими культурными категориями, я имею ввиду следующее. Координаты сексуального партнерства, подразумевающие три категории — гетеросексуальность, гомосексуальность и бисексуальность — не имеют отношения к моей собственной модели эротически привлекательного, а также к моему собственному сексуальному опыту. И, хотя некоторые люди (а их очень мало), привлекавшие меня в течение моей сорокавосьмилетней жизни, были мужчинами, а некоторые были женщинами, то, что объединяло их всех, не имело ничего общего ни с их биологическим полом, ни с моим. Из этого я делаю вывод: меня привлекают оба пола, но моя сексуальность располагается вокруг иных координат, чем пол. Аналогично, когда я говорю, что мой тендер не связан с расхожими культурными категориями, я имею ввиду то, что с самого раннего детства мои особенности темперамента и поведения, по-видимому, не укладывались строго в пределы категорий мужского и женского, маскулинного и фемининного. В самом деле, то, что я — женщина, никогда не представлялось мне краеугольным камнем моей самооценки. Я выстраивала свою идентичность, ощущая себя человеком в данных биографических обстоятельствах, а не ориентируясь на

некое ядро, вокруг которого закручивалось все остальное. (С другой стороны, быть феминисткой — это и есть такое ядро. — СБ.)

Жизнь в гетеросексуальном браке и воспитание двоих детей также внесли свой вклад в

формирование моих феминистских взглядов и побудили меня задуматься над проблемами теории воспитания и экспериментами в этой сфере на основе равноправных отношений и свободы от тендерных стереотипов. Но все-таки наиболее основательный вклад в мои феминистские убеждения вносит мое субъективное ощущение, что я не зажата рамками категорий своей культуры. Именно это обстоятельство помогло мне понять, как культурные границы конструируют и одновременно ограничивают социальную реальность, обеспечивая исторически специфическую понятийную основу, которая опосредует наше восприятие окружающего социального мира.

Моя способность осмысливать и формулировать суть явлений в сфере тендера и сексуальности активно развивалась на протяжении двадцати лет. В начале 1970-х годов меня занимала исключительно концепция андрогинии (от греческих слов андро — мужчина, и гине — женщина), поскольку она ставила под сомнение традиционные категории маскулинного и фемининного, и это было абсолютно новым для того времени. Однако с конца 1970-х до начала 1980-х годов я начала понимать, что концепция андрогинии с неизбежностью акцентирует внимание, прежде всего, на том, что это значит для личности — быть маскулинным или фемининной, а не на приоритетных культурных представлениях о маскулинности и фемининности. Можно вполне обоснованно заявлять, что данные культурные представления в точности воспроизводят тендерную поляризацию, которую концепция андрогинии стремится ослабить. Соответственно, я шла в направлении идеи тендерной схематизации, поскольку она давала возможность утверждать с еще большей категоричностью, что маскулинность и фемининность являются конструкциями исключительно культурной схемы (cultural schema) или линз (lens), которые поляризуют тендер, придают ему определенное направление.

И, наконец, в этой книге я развиваю концепцию гендер-но-поляризующих линз более углубленно, чем ранее, и расширяю теоретические предпосылки до уровня подробного анализа того, каким образом линзы тендера системно увековечивают не только подавление женщин, но также и подавление сексуальных меньшинств. Сегодня я убеждена, что на

уровне культуры фактически внедрены три линзы тендера: тендерная поляризация, андроцентризм и биологический эссенциализм.

Эти три линзы создают фундамент теории о том, как биология, культура и сознание каждого отдельного человека взаимодействуют в историческом контексте, чтобы системно воспроизводить власть мужчин. Я надеюсь, эта теория внесет оригинальный и интегративныи вклад в область исследований феминистского направления. Вместе с тем, эти три тендерные линзы обеспечивают ясную и доступную интеллектуальную конструкцию как для систематизации междисциплинарных знаний, накопленных учеными-феминистами, так и для ведения интеллектуальных и политических дебатов, получивших распространение благодаря феминизму. Я надеюсь, что эта конструкция окажется особенно полезной тем, кто еще не знаком с феминистскими исследованиями или пока еще не ставил себе задачу конструирования собственных теоретических посылок в этой сфере.

К тому же, в широком масштабе эта книга выходит за пределы моей компетенции как психолога. Причина, по которой я вышла за пределы традиционных границ своей дисциплины, состоит в том, что более специализированная книга не смогла бы дать толкование институциональных, идеологических и психологических механизмов, которые согласованно сохраняют экономическую и политическую власть общества преимущественно в руках мужчин.

Написание подобной книги в некотором отношении рискованно. Поскольку я вторгаюсь в сферу компетенции других специалистов, моя передача их логических построений может показаться неоригинальной; в некоторых случаях они даже могут уловить неточности. Однако игра стоит свеч. Я не только использовала возможность должным образом систематизировать свои предыдущие исследования и теорию, но в конечном итоге добралась до написания книги. И мне очень хотелось бы, чтобы она была востребована — точно так же, как начинающим борющимся феминисткам очень хотелось бы, чтобы общество осознало подавление женщин и подавление сексуальных меньшинств.

Благодарности

Эта книга создавалась в моей голове больше двадцати лет, а ложилась на бумагу почти пять лет. И теперь мне хотелось бы

выразить благодарность многим людям, организациям и всем, кто вдохновлял меня.

Прежде всего, это касается Фонда Рокфеллера, чья стипендия для программы «Изменение тендерных ролей» дала мне возможность в течение одного академического 1987—1988 года пожить в Гарварде, где я имела свободный доступ к информации в широкой области гуманитарных наук, что было необходимо для написания этой книги. По утрам я обследовала книжные магазины, а от полудня до заката ненасытно поглощала все — от антропологии до социобиологии.
Благодаря некоторым специальным статьям у меня появился совершенно новый взгляд на общественную жизнь. Во-первых, это статья Кэтрин МакКиннон «Различия и господство», позволившая понять, что структура окружающего социального мира в действительности является позитивной программой действий исключительно для мужчин. После знакомства с этой статьей я стала придавать особое значение линзам андроцентризма. Во-вторых, статья Ричарда Шведера «Романтический бунт антропологии против эпохи Просвещения», основной смысл которой трудно передать в двух словах. Достаточно сказать, что эта работа познакомила меня с концепцией инкультурации (enculturation) (приобщения к культуре. — Прим. пер.), на которой я подробнее остановлюсь в главе 5. Но гораздо важнее, что данная статья способствовала выстраиванию интеллектуального контекста в моей работе над схемами, или линзами: идеи статьи оказались гораздо ближе мне по духу, чем все, что до этого я встречала в психологии.
Кроме того, хотелось бы выразить глубокую благодарность исследователям феминистского направления, усилиями которых постоянно расширяется круг литературы в области тендера и сексуальности. Двадцать лет назад, когда подобной литературы еще не существовало, эта книга не могла быть написана. Хочу добавить, что она не могла бы появиться, если бы не регулярные встречи с научной группой, занимающейся проблемами женских исследований в университете Корнелла (Cornell Women's Studies Study Group). Мы встречались дважды в неделю, и каждый раз я получала литературу междисциплинарного характера, затрагивающую феминистскую тематику, что помогало мне свободно в ней ориентироваться.
Наконец, многие люди помогали мне сделать эту книгу лучше, чем она была изначально. Здесь перечислены все те, кто благосклонно читал черновики и устранял все несуразности. Это Кати Абраме, Джоан Брумберг, Авшалом Каспи,

Роберт Коннел, Ричард Дитрих, Дебби Фрейбл, Нелли Фурман, Кэролин Хейльбрун, Энди Хостетлер, Итсу Халл, Мэри Катценштейн, Исаак Крамник, Бев Липшиц, Уилл Провайн, Элизабет Адкинс Риган, Гленн Шелленберг и особенно Салли МакКоннел Гине и Дэрил Бэм. Помощь оказывали также талантливые и преданные своему делу сотрудники издательства Йельского университета, особенно редактор моей рукописи Мэри Пасти, которая искусно удаляла из текста все лишнее, при этом не искажая заложенного автором смысла.
Академические исследователи в области психологии пишут журнальные статьи гораздо чаще, чем монографии, поэтому эта книга может оказаться моей единственной, и я хочу посвятить ее девяти людям, которые больше всего значили для меня в жизни:
моим бабушкам, Эстер и Дженни, за их безграничную и безусловную любовь
моей матери Лил за ее интеллигентность, любовь к чтению романов и честность, проявлявшуюся в предпочтении работы вне дома (пусть даже и секретарем) домашним делам
моему отцу Питу за его не всегда последовательную маскулинность
моей сестре Бев за то, что разделяла со мной трудности жизни в нашей семье и была рядом в период формирования тендерного нонконформизма
моим детям, Эмили и Джереми, за их уникальную способность быть ничьими детьми, кроме как моими и Дэрила
моему сорокавосьмилетнему мужу Дэрилу за то, что он хороший друг и хороший писатель (как Шарлотта из Паутины Шарлотты')
моей самой молодой и самой новой подруге Бет за то, что она безмерно обогатила мою жизнь.
I
* Речь идет о широко известной в Америке детской книге И.Б.Уайта «Паутина Шарлотты». — Прим. ред.

Введение
В истории западной культуры получили распространение три вида представлений в отношении женщин и мужчин: психологическая и половая природа мужчин и женщин в корне различна (1); мужчины по своей природе представляют господствующий, или лучший пол (2); различия между

мужчинами и женщинами, как и мужское превосходство, являются врожденными, а потому и естественными (3). До середины девятнадцатого века эта естественность, как правило, осмыслялась в религиозном плане — как часть великого божьего творения. Начиная с середины девятнадцатого века различия между мужским и женским стали толковаться в научном плане — как часть биологического, или эволюционного, великого творения.

В результате, большинство американцев не видели никакого противоречия между обязательностью равенства и лишением женщин политических прав до того момента, когда в середине XIX века появилось движение за права женщин. Эта первая феминистская правозащитная волна не только установила основные политические права женщин, она также впервые в истории США подвергла широкой огласке противоречие между идеологией и отношением к женщине в реальной жизни.

Зародившаяся в 1960-х годах вторая большая волна феминистского движения в защиту прав женщин продвинула общественное сознание еще дальше, разоблачив явление, получившее название «сексизм» — неприкрытую дискриминацию по признаку пола во всех областях политики и общественной

33

деятельности. Эта вторая волна феминистских требований постепенно способствовала осознанию многих общественных явлений — таких, как ограниченное число женщин в учреждениях профессионального обучения; меньшая оплата труда женщин, по сравнению с мужчинами, за одинаковый труд. И все это отнюдь не вытекало естественным образом из биологической и исторической роли жены и матери, а представляло собой незаконную форму дискриминации, основывающуюся на устаревших культурных стереотипах. Даже политические реакционеры начали поддерживать принцип равной платы за равный труд.

Но, какие бы глубокие сдвиги ни происходили в американском общественном сознании на протяжении последних 150 лет, скрытые предписания в отношении пола и тендера все же остаются внедренными в культурные дискурсы, общественные институты и души людей: эстафета мужской власти исподволь и систематически передается от поколения к поколению. Я называю эти исходные положения линзами тендера. Линзы не только задают ракурс восприятия, осмысления и рассмотрения общественной реальности, но и формируют саму социальную реальность. Они встроены в общественные институты, и поэтому их действие весьма ощутимо, что находит свое отражение, например, в неравной оплате труда и неадекватности системы страхового медицинского обеспечения.

Цель данной книги — сделать эти незаметные линзы видимыми; мы должны иметь возможность посмотреть, скорее, на тендерные линзы культуры, а не сквозь них. Только когда американцы прочувствуют и поймут, что есть более тонкие и системные пути, в русле которых культура воспроизводит мужскую власть; они наконец поймут суть пока еще не завершенного дела — феминистской защиты прав женщин.

Первая линза, внедренная в дискурс культуры, общественные институты и психику людей — это линза андроцентризма, или центрированности на мужском (превосходстве мужского, мужчин). То, что мужчины по существу совершеннее женщин, не просто исторически сложившееся общее представление, а в то же время и весьма вероломное обоснование для подобного представления. Так, мужчины и мужской опыт воспринимаются как нейтральный стандарт или норма, а женщины и женский опыт воспринимаются как отклонение от этой нормы, обусловленное спецификой пола. Поэтому к мужчине относятся не как к лучшему, а к женщине — как худшей, а, скорее, с мужчиной обращаются как с человеком, а с женщиной — как с «другой».

34

Вторая линза — это линза гендерной поляризации. Здесь мы снова встречаем не только исторически древнее представление о фундаментальных отличиях мужчин и женщин, но вдобавок более незаметное, обманом вкравшееся в жизнь общества использование наблюдаемых различий в качестве организующей нормы в общественной жизни . Это означает не просто то, что женщины и мужчины считаются разными. Это значит, что различия между мужским и женским привносятся в общественную жизнь настолько экстенсивно, что тем самым осуществляется скрытая подмена: практически любой аспект культуры, любой аспект человеческого опыта предстает перед нами в неразрывной связи с половыми особенностями — касается ли это стиля одежды, социальных ролей или даже способов выражения чувств и реализации сексуального влечения.

Наконец, третья линза — линза биологического эссенциализ-ма, которая логически обосновывает и узаконивает остальные линзы, представляя их как естественные и неизбежные последствия

наследственной биологической природы женщин и мужчин. Это именно та линза, которая на светском уровне заместила великое творение Бога научным эквивалентом — великим творением эволюции. Как мы увидим дальше, в этой книге не отрицаются биологические факты. Но я утверждаю, что эти биологические явления не имеют фиксированного, независимого значения. Значение, которое им придается, зависит от того, как они объясняются и используются культурой, а их социальный смысл зависит от исторического и современного контекста.

Линзы андроцентризма, гендерной поляризации и биологического эссенциализма методично воспроизводят власть мужчин двумя путями. Во-первых, дискурсы культуры и общественные институты, в которые эти линзы встроены, автоматически помещают женщин и мужчин в различные и неравные жизненные ситуации. Во-вторых, в процессе приобщения к культуре индивидуум постепенно внутренне усваивает линзы культуры и тем самым стремится формировать свою личность в соответствии с ними.

Конечно, не все мужчины в американском обществе в действительности обладают властью. Выражение власть мужчин имеет конкретное значение — это власть, которая исторически принадлежала богатым, белым, гетеросексуальным мужчинам, во имя которой они сначала установили, а теперь, главным образом, защищают дискурсы культуры и общественные институты нации. По этой причине при построении

35

американского общества в невыгодном положении оказались не только женщины, но также и неимущие, цветные и сексуальные меньшинства. Наряду со многими другими формами общего угнетения, притеснение лесбиянок и геев настолько непосредственно вытекает из андроцентричного, гендерно-поляризирующего и биологически эссенциалистского представления о том, что это значит — быть женщиной или мужчиной, что я последовательно включала анализ такого рода притеснения в структуру книги. Хотя другие формы подавления, пересекающиеся с подавлением женщин, ясно и недвусмысленно упоминаются только в последней главе о трансформации взглядов на проблему неравенства полов, применимость анализа мужской власти с помощью линз во всех областях жизни представляется бесспорной.

Аналогичным образом я проанализировала фактически все встретившиеся мне конкретные примеры из истории, культуры и современной действительности в США. Но многие из этих примеров точно так же применимы к другим странам, разделяющим историческое наследие западной культуры. И я предполагаю, что в целом линзы тендера встроены в дискурсы культуры, общественные институты и сознание отдельных людей практически во всех обществах, где господствуют мужчины. А это настолько повсеместно, насколько можно себе представить. Следующие три главы знакомят с тремя тендерными линзами и иллюстрируют их распространенность в историческом и современном дискурсах западной культуры. Я начинаю рассмотрение с проблемы биологического эссенциа-лизма. Западная культура так долго рассматривала почти все вопросы, относящиеся к женщинам и мужчинам в терминах биологических различий, что с этим вниманием к биологии со стороны культуры должно быть покончено еще до того, как я продолжу свое изложение

Соответственно, в главе 2, посвященной биологическому эссенциализму, документально обосновывается и подвергается критике тенденция биологов — теоретиков натурализовать социальное и экономическое неравенство между полами. Они рассматривают это неравенство, скорее, как естественное и неизбежное, чем как сложившееся в ходе исторического развития и подверженное изменениям. Они переоценивают при этом биологию и недооценивают исторический и современный социальный контексты. Кроме того, в этой главе обрисовываются в общих чертах интеракционистские, биоисторические и биосоциальные представления о неравенстве полов.

36

В главе 3 документально обосновывается и подвергается критике линза андроцентризма в четырех важнейших дискурсах Западной культуры: иудейско-христианской теологии, древнегреческой философии, психоаналитической теории Фрейда и истории американского закона о равных правах.

В главе 4 исследуется линза тендерной поляризации: документально прослеживается, как совместными усилиями медицины, сексологии, психиатрии и психологии было получено научное и медицинское обоснование такого требования культуры, согласно которому телесные половые признаки имеют свой тендерный психологический эквивалент. Кроме того, здесь анализируется, каким образом предстал научно обоснованным и культурно обусловленный приоритет исклю-

чительной гетеросексуальное™. В этой главе также обсуждается критика сложившейся медицинской традиции (включая и мою собственную работу, касающуюся андрогинии и теории тендерных схем), благодаря которой расшатывается тендерная поляризация. Также рассматривается современное направление в рамках теории феминизма, известное как «подход, центрированный на женщине», уже сам по себе являющийся ген-дерно — поляризующим.

Глава 5, в отличие от предыдущих глав книги, сфокусирована на психологии личности. В частности, она знакомит читателя с моей собственной теорией формирования тендера на уровне личности посредством «внедренных в культуру линз» (enculturated lens). По сути, это моя более ранняя теория тендерных схем, но расширенная и более глубоко проработанная. Данная теория рассматривает сам процесс приобщения к культуре: какими путями андроцентричные и гендерно-поля-ризующие социальные традиции перемещают линзы тендера от культуры к личности. Также анализируется процесс восприятия себя и личностного формирования: каким образом человек, усвоивший тендерные линзы культуры, сам выстраивает себя как тендерную личность, тендерный организм, взращивает свою андроцентричную гетеросексуальность и отвращение к гомосексуальности.

Поскольку не все индивидуумы становятся традиционно гендерно — направленными (conventionally gendered), в главе 5 рассматриваются те случаи, когда личность сопротивляется влиянию тендерных линз и тем самым формируется в направлении «нарушенной тендерной идентичности» (gender-subversive identity). Эта весьма неоднородная группа людей, включающая лесбиянок, геев, людей с бисексуальной ориентацией, т.е. всех тех, чей образ жизни попирает андроцентрич-

37

ное, гендерно — поляризующее и биологически-эссенциали-стское восприятие «настоящей» женщины или «настоящего» мужчины.

В последней 6 главе сформулированы наиболее очевидные практические предписания, вытекающие из теоретического рассмотрения книги как единого целого. Здесь я утверждаю: в современном американском обществе в результате внешне гендерно-нейтральной, а по существу вероломной андроцен-тричной политики более всего пострадали женщины. Исходя из этого, феминистки должны направлять культурные дебаты о неравенстве полов таким образом, чтобы они сводились не к различиям между мужчинами и женщинами, а к выяснению того, как андроцентричные дискурсы и андроцентричные общественные институты превращают различия между мужчинами и женщинами в неблагоприятные условия для женщин. И, наконец, я утверждаю: необходимо нечто большее, чем устранение андроцентризма; необходимо устранение самой тендерной поляризации. Таким образом, эта книга — не только упражнение в деконструкции, но и первый личный проект в реконструкции себя.

Биологический эссенциализм

Предметом оживленных дискуссий в среде исследователей феминистского направления всегда остается вопрос: была ли когда-нибудь наука объективной и может ли она вообще быть объективной1. Хотя я и не намерена оспаривать объективность научного исследования в целом, я все — таки утверждаю: с середины девятнадцатого века в обоснованиях различий между мужским и женским с позиций биологии, а также в биологических доказательствах мужского господства использовался, скорее, язык науки, чем язык религии. Целью этих биологических оценок являлось логическое объяснение и узаконивание существующего положения вещей в области пола2.

Свою аргументацию я начну с анализа двух конкретных случаев, имевших место в девятнадцатом веке: один случай связан с классовым и национальным происхождением, а другой касается различий между женщинами и мужчинами. Мои рассуждения имеют отношение к двум биологическим теориям из области половых различий и мужского превосходства, игравшим главную роль в научной литературе, начиная с 1970-х годов. Речь идет о социобиологии и пренатальной (предродовой. — Прим. пер.) гормональной теории. Они позволяют мне сделать вывод, самым тесным образом связанный с проблемой неравенства полов. Этот вывод открывает путь для социальных изменений, так как он объясняет, почему женщины и мужчины исторически играли столь разные — и неравные — роли фактически в любом обществе в человеческой истории.

39

Биологическая политика

Классовое и национальное происхождение

На протяжении многих позорных периодов в истории науки биологическое философствование

использовалось с целью представить социальное неравенство естественным и тем самым его увековечить-1. Возможно, наиболее известный тому пример в истории Соединенных Штатов — заявление о том, что выходцы из Африки особенно хорошо приспособлены к рабству из-за своего «врожденного расового характера» (Patterson 1854, цит. по: Frederickson 197\)4. Менее известно, но столь же бесчестно утверждение, согласно которому принятые правительством в начале 1900-х годов законы о стерилизации и иммиграции признаны необходимыми по следующим причинам: если бы не были введены ограничения на рождаемость или иммиграцию представителей «породы слабоумных», это неизбежно повлекло бы за собой упадок американской интеллигенции. (Brigham 1923, Р. 210). В контексте стерилизации теми «слабоумными», которыми Соединенные Штаты не хотели засорять свое население, были, в основном, лица, содержащиеся в учреждениях закрытого типа (тюрьмах, приютах, больницах для хронических больных — Прим. пер.) — одним словом, неимущие. В контексте иммиграции к умственно неполноценным людям относили большей частью уроженцев восточной и южной Европы, главным образом, итальянцев, поляков, русских и евреев, то есть тех, кто в то время начал перебираться в Америку большими группами. В отличие от них, выходцев из северной и западной Европы Америка долгие годы принимала без ограничений.

Чтобы контролировать процент умственно «неполноценных», Соединенные Штаты в период между 1907 и 1924 гг. приняли целую серию законов о стерилизации и иммиграции. Верховный суд поддержал закон о стерилизации, принятый штатом Вирджиния, что хорошо видно на примере процесса Бак против Белла {Buck v. Bell 1927). В соответствии с этим законом, действовавшим до 1972 года, в ряде психиатрических больниц подверглись стерилизации более 7500 мужчин, женщин и детей. В 1924 году Конгресс США принял иммиграционный Акт Джонсона — Лоджа (Johnson — Lodge Immigration Act), ограничивающий долю переселенцев из каждой страны в той пропорции, которая уже сложилась к моменту переписи населения страны в 1890 году. Надо

40

отметить, что эта перепись населения была осуществлена до того периода, когда среди въезжавших в США стали преобладать не уроженцы западной и северной Европы, а выходцы из восточной и южной Европы. Квоты 1890 года не только существенно ограничивали количество восточных и западных европейцев, пытавшихся в то время прибыть в страну, но и не позволили впустить в страну тысячи евреев из Европы, отчаянно пытавшихся избежать уничтожения от рук нацистов.

Единственным моральным оправданием действия ограничительных иммиграционных законов являлось самое современное на тот момент изобретение в области социальных наук, тест IQ {intelligence quantity, тест для измерения уровня интеллектуального развития. — Прим. пер.), применение которого придавало легитимный характер происходящему. Первоначально этот тест был сконструирован Альфредом Бине (Binet), для выявления среди французских школьников тех, кто нуждался в какой-либо коррекционной помощи. В Соединенных Штатах он был реконструирован таким образом, чтобы служить целям измерения врожденного интеллекта, и быстро превратился в орудие набирающего силу движения в защиту евгеники. Проблема обучения может быть устранена путем коррекции, а интеллект, как считалось, не меняется у человека с самого рождения.

В 1912 году по приглашению Министерства здравоохранения США Генри Годцарда (Henry Goddard) начал применять самую раннюю версию теста IQ при обследовании иммигрантов, прибывших на остров Эллис. К 1917 году психолог из Стэнфорда Льюис Терман (Lewis Terman) разработал американскую версию оригинального IQ теста Бине, известную сегодня как тест Стэнфорда — Бине, а также две отдельные версии, которые впоследствии были модифицированы в целях тестирования очень больших групп людей, а также для тестирования неграмотных. Ко времени вступления США в Первую мировую войну было принято устанавливать большие подмостки для массового определения уровня интеллекта, и через процедуру тестирования тогда прошли приблизительно два миллиона мужчин, призванных на военную службу.

На основе первого исследования иммигрантов, только что прибывших на о.Эллис, Годдард сделал предварительные выводы: около 79% итальянцев, 80% венгров, 83% евреев и 87% русских оказались «слабоумными» (1917, р. 252). По результатам тестирования военных, как более определенно заключил

41

Карл Бригхэм (Carl Brigham), оказалось, что «в группе иммигрантов наблюдается постепенное снижение интеллекта» относительно даты их прибытия в Америку. А именно: средний уровень

интеллекта в каждой подгруппе, «прибывавшей в эту страну с 1902 года, с интервалом в пять лет», оказывался все ниже (1923, р. 111). К тому же выяснилось, что чем больше на каждый период приходилось лиц «нордической крови», тем выше был средний показатель интеллекта в данной подгруппе (Р. 162).

Это совершенно несостоятельное заключение о нордической крови и интеллекте было основано на одной-единст-венной подсчитанной корреляции: чем больше времени иммигрант проживал в Америке до момента тестирования, тем теснее уровень его интеллекта сближался с таковым у гражданина, рожденного в США. И не имело значения, что более ранний срок прибытия в Соединенные Штаты, вероятно, коррелировал с более молодым возрастом на момент прибытия, с лучшим знанием английского языка к моменту тестирования, с учебой в американской школе и наличием опыта работы со стандартизированными тестами — эти корреляции никогда не подсчитывались. Не имело значения также и то, что принадлежность к первым волнам иммиграции из любой страны происхождения могла коррелировать с более высоким уровнем интеллекта — этого тоже никто и никогда не подсчитывал. Со слов Карла Бригхэма, ставшего впоследствии профессором психологии в Принстонском Университете, а затем секретарем Комиссии по вступительным экзаменам в колледжи и создателем теста способности к обучению (Scholastic Aptitude Test, или SAT), результаты показывают «врожденное интеллектуальное превосходство нордической группы» (Р. 180)5.

В последнее время ученые втянулись в бесконечную ожесточенную дискуссию по поводу того, сыграло ли военное исследование Бригхэма важную роль в принятии иммиграционного Акта Джонсона — Лоджа. Лион Камин (Leon Kamin 1974) и Стефен Гоулд (Stephen Gould 1981) утверждают, что сыграло, а Марк Шнейдерман и Ричард Герштейн (Mark Snyderman и Richard Herrnstein 1983) отрицают это. Однако, независимо от влияния данного исследования на Конгресс, если оно вообще имело место, главное заключается в том, что психологи того периода были такими же расистами и биологическими эссенциали-стами в развитии науки, как и политики в создании законодательства.

42

Пол

Вторая половина XIX века была временем огромных социальных сдвигов в Соединенных Штатах6. Борьба за отмену рабства и освобождение рабов, предоставление права голоса неграм привели к резким изменениям межрасовых отношений. Те же самые события подтолкнули феминисток, в числе которых были Элизабет Кейди Стэнтон, Лукреция Мотт и Сьюзен Б. Энтони, к протесту против закрепленного законом и утвердившегося в обществе неравенства между полами. Еще в 1948 году Стэнтон и Мотт созвали первую конференцию по правам женщин, прошедшую в городке Сенека Фоллз, штат Нью-Йорк. Элизабет Стэнтон требовала предоставления права голоса женщинам и проведения широкого спектра реформ в области семейного законодательства. К 1969 году, когда Стэнтон и Энтони основали Национальную Ассоциацию в защиту избирательных прав женщин (National Women's Suffrage Association), это событие стало началом развитого движения за права женщин в Соединенных Штатах. Теперь женщины требовали не только права голоса и права получения образования, которыми обладали мужчины, но и точно такого же права выступать публично, владеть собственностью, заниматься юридической практикой и даже носить брюки.

Этот феминистский вызов настолько угрожал общественному порядку, что в 1870-х гг. вновь активизировалось биологическое философствование о женщинах и мужчинах, тем самым продемонстрировав, насколько наука переплетена с культурной идеологией. В этом контексте заслуживают внимания теории четырех ученых, или групп ученых: Эдварда Кларка, Герберта Спенсера, Чарльза Дарвина, Патрика Гедце-са и Дж. Артура Томсона.

На протяжении многих столетий врачи использовали понятие «жизненная сила» («vital force») (C.E.Rosenberg 1976, p. 4), имея ввиду такие очевидные индивидуальные различия, как степень сопротивляемости болезням и способность к нормальной жизнедеятельности в стрессовых условиях. После того, как в 1852 году немецкий физик и физиолог Герман фон Гельмгольц смог измерить скорость прохождения нервного импульса, казалось логичным предположить, что эта жизненная сила не что иное, как одна из форм электрической энергии. При этом высказывалось предположение, согласно которому сама нервная система подчинена тому же закону сохранения энергии, который уже был известен в качестве регулятора тепла, света и электромагнитных явлений. Закон

сохранения энергии, известный также как первый закон термодинамики, гласит: о бщее количество энергии в (изолированной термодинамической. — Прим. пер.) системе всегда остается неизменным, потому что энергию нельзя ни создать, ни разрушить.
Принцип сохранения энергии использовался для подтверждения множества естественнонаучных представлений девятнадцатого века, в том числе и мнения, согласно которому человек должен с умеренностью предаваться какому-либо одному виду деятельности, в противном случае произойдет истощение ограниченного запаса энергии, и ее окажется недостаточно для осуществления других видов активности или деятельности. С того момента, как в 1873 году была опубликована работа Эдварда Кларка Пол в образовании (Sex in Education), закон сохранения энергии стал применяться для подтверждения антифеминистского убеждения, согласно которому высшее образование — неподходящая деятельность для женщин.
Основной тезис Кларка был весьма прямолинейным. Нервная система содержит ограниченное количество энергии. Расходование энергии на развитие одного органа с необходимостью уменьшает оставшееся количество энергии, необходимое для развития других органов. Так как в процессе получения образования энергия у женщины отводится от репродуктивных органов к мозгу, это угрожает здоровью женщины. Обучение особенно пагубно во время менструаций, потому что в этот период репродуктивные органы женщины обычно требуют наибольшего количества энергии.
Идея о том, что образование может представлять опасность для здоровья женщины, высказывалась и многими другими известными авторами в конце XIX и в начале XX века, включая английского психиатра Генри Модели, английского философа Герберта Спенсера и американского психолога Стэнли Холла. Как и Кларк, они отреагировали, по крайней мере, на два взаимосвязанных изменения в социальной жизни своих стран: (1) все большее количество колледжей и университетов открывали свои двери для женщин; (2) женская элита, получившая высшее образование, рожала меньше детей, чем их менее образованные сверстницы. В Соединенных Штатах раздражение по этому поводу еще более усиливалось в связи с возрастающим количеством иммигрантов, в среде которых показатели рождаемости были выше, как это обычно бывает на уровне более низких в социально-экономическом отношении классов. И в Англии, и в США ощущался не только риск
44
крушения викторианских стандартов поведения женщины, но и угроза того, что позднее Стэнли Холл назвал самоубийством расы (Hall 1904/1919, p. 606).
Высказываясь против женского образования, Эдвард Кларк неверно использовал первый закон термодинамики в отношении женского организма. Герберт Спенсер (Spencer 1852, 1873, 1876) создал теорию эволюции, которая объясняла фактически любую иерархическую систему в викторианском обществе, в том числе мужские и женские роли. Для этого он с небрежностью перевернул второй закон термодинамики и соединил этот перевертыш с оптимистичным прочтением теории популяции Мальтуса (Maltus 1798/1960). Мало кто помнит сегодня о теории эволюции Спенсера, но в XIX веке она была даже более влиятельной, чем теория Дарвина.
Второй закон термодинамики гласит: несмотря на то, что общее количество энергии во вселенной всегда остается неизменным, со временем эта энергия становится все менее и менее полезной*. Спенсер утверждал обратное: и в биологических, и в общественных системах «постоянство силы», или сохранение энергии, всегда и неизбежно приводит к прогрессу. Точнее, постоянство силы всегда и неизбежно приводит к сдвигу от однородности к специализации. Это наблюдается и в эволюции человеческого вида от одноклеточных организмов, и в эволюции разделения труда по классовому и половому признаку от единообразного, недифференцированного труда. Для придания большего веса своему заявлению о том, что эволюция прогрессивна по своей сути, Спенсер по-новому истолковал теорию популяции Мальтуса. Он утверждал, что суровость борьбы за существование при дефиците ресурсов неизбежно приводит не к нищете и пороку, как предсказывал Мальтус, а к выживанию наиболее сильных и здоровых.
Применяя свою «прогрессивную» теорию эволюции к классу и полу, Спенсер пришел к выводу, что общественное разделение труда по классовому и половому признакам предопределено биологически. Спенсер заключил также, что биология таким образом сформировала каждый класс и
I
* Физический смысл этого закона таков: тепловая энергия, в отличие от всех других видов энергии, может превратиться в любой другой вид энергии лишь частично В результате, любой

физический процесс, в котором происходит превращение какого-нибудь вида энергии в тепловую энергию, является необратимым процессом, т.е он не может быть осуществлен полностью в обратном направлении. Проще говоря, изготовление вечного двигателя невозможно. — Прим. пер.
45
каждый пол, чтобы их представители были готовы выполнять соответствующие им общественным роли — например, мужчин она сделала более соперничающими, а женщин — более опекающими. Фактически, биология сформировала женщин настолько заботливыми и милосердными, что им нужно отказать в праве голоса, иначе они могут вмешиваться в естественный ход прогресса и оказывать государственную помощь тем, кто без этой помощи не выжил бы в борьбе за существование. Как видно из этого вымученного аргумента против права женщин принимать участие в голосовании, Спенсер находился на переднем краю консервативного социального движения, известного как социал-дарвинизм.

Сегодня Спенсер гораздо менее известен как автор эволюционной теории, но больше — как автор, использовавший эволюционное мышление для поддержки консервативного способа решения общественных задач. В самом деле, использование эволюционного мышления в политических целях в конце XIX века с полным правом можно назвать спенсериз-мом, потому что, по крайней мере изначально, именно эволюционная теория Спенсера, но никак не Дарвина, была использована в политических целях. Более того, сам Дарвин никогда не был большим социальным или политическим активистом. Однако именно его теория и его доказательства придали научную легитимность консервативной политике того времени, и в то же время именно его эволюционная теория выдержала проверку временем.

Чарльза Дарвина (1859/1952, 1871/1952) гораздо больше интересовала эволюция видов животных и растений, чем эволюция общественной организации человечества. Тем не менее, его теория эволюции, как и Герберта Спенсера, тоже представляла естественным врожденное половое неравенство в викторианском обществе.

Эволюционная теория Дарвина содержит три главных элемента: это бесконечная индивидуальная вариативность; «отбор» (как «естественный», так и «половой») определенных видов; выживаемость — каждый раз выживают только прошедшие отбор виды. Естественный отбор предполагает следующее: те виды, которые лучше других приспособлены к физическим условиям жизни, имеют больше шансов на выживание и выведение потомства. Половой отбор означает, что у некоторых видов более успешно происходит спаривание, и по этой причине у них больше шансов на появление потомства.
46
Хотя ни в одном из вариантов отбора не присутствует тема неравенства полов, в рассуждениях Дарвина всегда содержится допущение, что самцы у каждого вида чаще подвергаются селекции, чем самки, и поэтому самцы всегда более развиты, по сравнению с самками. Дарвин обосновывал свое заключение о том, что самцы в большей степени подвергаются половому отбору, следующим образом: самцы, кроме всего прочего, вынуждены «прогонять или убивать своих соперников» и «возбуждать или очаровывать» своих половых партнерш (1871/1952, р. 594). Более того, им приходится «защищать своих самок и свое потомство от различных врагов и от охотников, ради сохранения их жизней... [Это] требует участия высших умственных способностей, как, например, наблюдательности, сообразительности, изобретательности или воображения. Таким образом, эти разносторонние способности постоянно проходили проверку и отбор в процессе жизни самцов» (Р. 566).

Подобный неравный отбор привел к тому, что в человеческом обществе мужчина может достигать «больших высот, по сравнению с женщиной, в любой деятельности, где требуется глубина мысли, способность рассуждать, творческое воображение или просто здравый смысл и руки» (Р. 566). Иными словами, «мужчина стал в конечном итоге превосходить женщину». Для женщин — счастье, что мужчины передают свои черты их дочерям, также как и сыновьям. «В противном случае не исключается возможность того, что мужчины станут превосходить женщин в умственной одаренности также, как самец павлина по красоте своего узорчатого оперения превосходит самку» (Р. 567).

Притом, что Дарвин работал над своей теорией эволюции примерно в одно время с Менделем, открывшим законы генетики, и хотя современная эволюционная биология приспособила оригинальные открытия Дарвина к законам генетики, сам Дарвин ничего не знал о генах. Фактически, он был убежденным последователем идеи Ламарка о том, что индивидуум наследует от своих родителей все черты, приобретенные в течение жизни прошлыми поколениями; черты

эти каким-то образом передаются через кровь в сперму и яйцеклетку.
В последнее десятилетие XIX века немецкий биолог Август Вейсман и другие ученые впервые предположили, что жизненный опыт индивидуума не воздействует на сперму или яйцеклетку, которые имеют отношение к наследственности. (По Вейсману, наследственная передача осуществлялась благодаря эмбриональной протоплазме). Некоторые ис-
47
следователи сделали из этого вывод, что различия между мужчинами и женщинами не могут быть обусловленными исторически, как полагал Дарвин. Так, например, Патрик Геддес и Дж. Артур Томсон утверждали: если эмбриональная протоплазма не меняется от поколения к поколению, значит, различия между мужчинами и женщинами должны быть стары, как мир, и происходят от различий между спермой и яйцеклеткой. Но что это за древнее, как мир, различие между спермой и яйцеклеткой? Метаболизм (обмен веществ. — Прим. пер.) спермы по своему характеру является «катаболи-ческим» (катаболизм — диссимиляция. — Прим. пер.), то есть «активным, энергичным, стремительным, необузданным и изменчивым». Метаболизм яйцеклетки имеет «анаболический» (анаболизм — ассимиляция. — Прим. пер.) характер, то есть «пассивный, консервативный, инертный и стабильный» (1890, р. 270).
Забудьте о естественном и половом отборе, медленно и постепенно отбирающем соответственно различные характеристики в мужчинах и женщинах. Забудьте о чрезмерно либеральном подтексте дарвиновской теории, предполагающем, что половые различия могут со временем смягчаться, благодаря передаче нового жизненного опыта, вроде высшего образования. Как поэтично выразились Геддес и Томсон в 1890 году, «что было задумано на уровне доисторических простейших, не может быть аннулировано решением Парламента» (р. 267).
Как я уже говорила, причины, побудившие такое количество ученых в период с 1870 по 1920 гг. рассуждать о мужчинах и женщинах с позиций биологии, носили не только научный характер. Но не стоит думать, что вина за признание естественным полового неравенства лежит только на ученых, чье восприятие реальности было искажено биологическим эссенциа-лизмом. Вовсе нет. Восприятие реальности через призму линз было до такой степени в духе культуры того времени, что даже такие феминистки, как Стэнтон и Энтони откатились назад, к исходным предпосылкам о природном характере расовых различий, когда полагали, что это усилит их доводы о необходимости предоставления женщинам права голоса.
Примеры из истории социобиологии
Тесное сочетание антифеминистской политики с биологическими теориями, которое было широко распространено в Соединенных Штатах на рубеже последнего столетия, начало
48

сдавать свои позиции с 1920 года. Хотя и после этого многие исследователи продолжалиискатьоснования для объяснения половых различий и полового неравенства, скорее, в вероятных, чем в очевидных причинах, тем не менее, наука постепенно становилась все более и более эмпирической. И после эры фашизма, наглядно показавшей, как биологическая теория групповых различий может быть посрамлена, мало кто из действительно больших фигур в биологии в 1950—70-е годы продолжал рассуждать по поводу любых групповых различий, включая различие между мужчинами и женщинами
Этот период биологического затишья миновал в конце 60-х годов, когда движение за гражданские права и свободу женщин снова стало расшатывать установленный социальный порядок, также как столетием раньше ему угрожали аболиционисты* и движение за права женщин.
Один из первых биологических вызовов движению за гражданские права произошел в 1969 году. Артур Йенсен (Arthur Jensen) выступил против «Интеллектуального начала» (Headstart) и других образовательных программ в опубликованной в Гарвардском педагогическом обзоре («Harvard Educational Review») статье под названием «Как нам лучше повышать IQ и другие школьные достижения». Еще один вызов женскому движению со стороны биологической науки был сделан в 1970 году, когда Лионел Тайгер (Lionel Tiger) опубликовал статью «Возможные биологические истоки половой дискриминации». В ней он утверждал, что исключение женщин из «принятия решений по вопросам большой политики, экономики и вопросам военных действий в наше время» проистекает не из-за мужского шовинизма или «принудительного процесса социализации», а из-за «генетически запрограммированных поведенческих склонностей мужчин устанавливать связи друг с другом». «Эти связи внутренне свойственны политической, экономической, военной, полицейской и другим подсистемам, которые центрированы на власти или доминировании ..... [и]

женщины как равные коллеги — даже одна —
могут служить помехой [им]» (P. 33, 36).
Хотя несколько других ученых в этот период также натура-лизировали неравенство полов, рас и классов в своих биологических теориях, взрыв произошел в 1975 году. Эдвард Вильсон (Edward O. Wilson) из Гарварда эффектно объявил о том, что социальное поведение людей и социальная организация
* Аболиционизм — движение за отмену какого-либо решения или закона, например, за отмену рабства или дискриминации. — Прим. ред.
49
закодированы в генах. Название книги Вильсона «Социобио-логия: новейший синтез» обыгрывало название книги Джулиана Хаксли (Julian Huxley) «Эволюция: современный синтез». Уже одно название показывает уровень амбиций Вилсона. Подобно тому, как Хаксли связал теорию эволюции Дарвина и современную генетику, Вилсон хотел бы отнести гуманитарные и социальные науки к категории биологических. «Социобиология» Вильсона дала начало дебатам в культуре о ролях мужчин и женщин в русле новой эволюционной перспективы — врожденности половых различий и полового неравенства. Оставляя в стороне рассуждения собственно о поле, Вильсон так мастерски присоединился к более раннему концептуальному прорыву Гамильтона (Hamilton 1964), что его теория мгновенно стала самой значительной и самой противоречивой биологической теорией социальной жизни человека в XX столетии.
Со времен Дарвина эволюционная теория была обеспокоена нерешенным вопросом о том, как альтруистическое поведение может продолжать существовать у различных видов, если сами альтруисты не имеют возможности размножаться.
Эта проблема была камнем преткновения для энтомологов, в том числе и для самого Вильсона. Ведь многие виды насекомых, живущих вместе, имеют особенные аномальные группы альтруистов, без устали работающих для всей группы, но которые, являясь стерильными, не могут передавать свои гены альтруизма другим поколениям.
В 1962 году теоретики эволюции, к которым относился, например, Ван-Эдварде (V.C.Wynne-Edvards), все еще пытались объяснить существование насекомых-альтруистов вариантом одной дарвиновской идеи о том, что естественный отбор действует, скорее, на групповом уровне, чем на индивидуальном. Но эта теория не нашла доказательств, так что эволюция осталась на периферии биологических теорий о социальном поведении.
Решение этой проблемы, по мнению Гамильтона (1964), состоит не в групповой, а в близкородственной селекции. На самом деле, альтруисты сами не размножаются, но размножа-ются их сиблинги (потомство одного поколения. — Прим. ред.). Гамильтон математически доказал, что эти сиблинги имеют даже большую пропорцию генов альтруизма, чем могли бы иметь потомки самих альтруистов. На протяжении того времени, когда альтруисты помогают своему роду выживать и размножаться, они еще и помогают ему своими собственными
50
генами. Математика Гамильтона приложима, заметьте, к насекомым, живущим большими группами, а не к людям.
Это решение проблемы альтруизма явно сместило центр естественного отбора от отдельной особи к генам. Столетием раньше Дарвин утверждал, что эволюция отбирает либо индивидуально приобретенные черты выживания, либо индивидуальные особенности воспроизводства рода. Гамильтон, напротив, заявил, что эволюция отбирает любые черты, благоприятствующие способности генов к репродукции. Согласно этой модели, индивиды могут быть полными альтруистами, но их гены — всегда эгоисты.
Считая гены центром естественного отбора, Вильсон построил теорию генетической эволюции, которая может быть приложима к поразительному разнообразию поведения и видов, включая людей. Вильсон разработал свой анализ человеческого поведения в монографии «О человеческой природе», опубликованной в 1978 году. Примерно в это же время четверо других ученых, опираясь на теорию Вильсона, также опубликовали социобиологический анализ человеческого поведения*.
В нашей книге не будут рассматриваться аспекты социо-биологии или противоречивые суждения вокруг социобиоло-гии, которые непосредственно не относятся к проблеме половых различий и полового неравенства. Однако, как будет видно в дальнейшем, проблема социобиологического анализа пола применяется ко всему социобиологическому анализу человеческого поведения.
Половые различия и половое неравенство

Социобиологический анализ — как половых различий, так и полового неравенства — основывается на том простом факте, что число потомков, которых может произвести на свет мужская особь, ограничивается только числом способных к деторождению женских особей, которых мужская особь может осеменить. В то время, как женская особь за свою жизнь способна произвести на свет только ограниченное число потомков. В отношении людей максимальное количество детей у одной женщины не превысило двадцати за всю историю человечества. Пока эволюция еще работала над особенностями,

* Это были Дэвид Бараш («Внутренний шепот»), Ричард Доукинс («Эгоистичные гены»), Джон Маккиннон («Обезьяна внутри нас»), Доналд Симоне («Эволюция человеческой сексуальности»). — Прим. ред

поддерживающими вид в целом, различные репродуктивные возможности пола казались менее важными, чем их общий интерес по поводу выживания вида. Но теперь, когда эволюция, как предполагают, действует только на уровне генов, сами различные репродуктивные способности вдруг приобрели большую значимость. Вильсон в 1978 году отметил:

«...В течение всего периода развития плода ... одна мужская особь может оплодотворить множество женских, но женская особь уже не может быть оплодотворена другой мужской особью. Таким образом, если мужская особь может искать одну женскую особь за другой, некоторые из них будут победителями, а другие — абсолютно побежденными, в то время как практически все здоровые женские особи будут с успехом оплодотворены. Это заставляет самцов быть агрессивными, вспыльчивыми, изменчивыми и неразборчивыми. Теоретически для самок более выгодно быть застенчивыми и уступчивыми до тех пор, пока они не найдут мужскую особь с лучшими генами. Для видов, где мало молодняка, также важно, чтобы самки выбирали самцов, которые склонны оставаться с ними после оплодотворения. Человеческие существа прямо подчиняются этому принципу» (Р. 124—125).

«Конфликт интересов между полами», по Вильсону, еще более примитивно описал Дэвид Бараш (David Barash) в своей книге «Внутренний шепот» («Wisperings Within»): «Сперма дешева. Яйцеклетки дороги. Для мужских особей репродукция легка: немного времени, немного семени — и, если появились потомки, то потенциальный результат с точки зрения эволюции может оказаться очень хорошим. С другой стороны, женская особь, которая сделала «плохой выбор», может иметь эволюционные трудности. Если оплодотворение произошло, плод начал развиваться, весь последующий процесс является неизменным и однозначным ... Эволюционный механизм должен быть ясен. Гены, которые позволяют самкам спариваться с менее эффективными в репродуктивном плане самцами, будут оставлять меньше своих копий, чем те гены, которые будут определять большую избирательность самок. Следовательно, гены, несущие избирательность, будут возрастать за счет тех генов, которые менее избирательны. Для самцов возможны разнообразные стратегии. Максимальное преимущество дается индивидуумам с наименьшим торможением. Генетически заданная тенденция к «быстрой и небрежной игре» — «люблю и ухожу» — хорошо отражает биологическую реальность, которую большинство из нас с трудом признает» (Р. 48).

В пользу Вильсона говорит тот факт, что его обсуждение человеческой эволюции включило предположение о том, что люди и некоторые другие приматы, такие как мармозеты и гиббоны, могут попадать в условия, в которых действительно более выгодным становиться размножение самцов в парах с самками и сотрудничество в воспитании молодняка, чем поиски дополнительных самок для спаривания.

Но другие социобиологи, должно быть, сочли этот гипотетический конфликт полов куда более непреодолимым, чем сами факторы, его регулирующие, потому что последствия, которые они из этого вывели, действительно оказались экстраординарными. Так, социобиологи считают, что для мужских особей характерно, к примеру, следующее: сексуальный промискуитет, насилие, уход от партнерш и потомства, агрессия против других самцов, неприятие неверности, отдаление от женских особей, убийство некровных детей и универсальное мужское доминирование. Для женских особей, они предполагают, характерны скромность, уклонение от секса, осторожный выбор сексуальных партнеров, посвящение времени и энергии родительской заботе, предпочтение, по крайней мере, последовательной моногамии и обман мужчин по поводу отцовства.

Социобиологический довод во всех этих случаях бьш прямолинейным и простым. Самцы

сексуально распущены, они насилуют, они оставляют самок и потомство, потому что их поведение способствует максимальному количеству спариваний с самками, которых они могут осеменить, тем самым способствуя распространению своих собственных генов. Они агрессивны по отношению к другим самцам, (особенно во время брачных игр, если они не люди), потому что они конкурируют с другими самцами за недостаточные репродуктивные ресурсы самок. Они нетерпимы к неверности и, по возможности, отстраняются от женщин, чтобы застраховать эти скудные женские ресурсы, которые должны быть использованы для воспроизводства их генов и ничьих других. Они убивают своих некровных детей, чтобы поддержать родительскую заботу исключительно о своих генах. И, наконец, они повсеместно доминируют над женскими особями, потому что их стратегия воспроизводства сама отобрала их для подобных особенностей.

Женщины, наоборот, скрывают свои сексуальные намерения до тех пор, пока не найдут лучшего сексуального партнера, потому что эта стратегия воспроизводства позволяет им вложить их недостаточные репродуктивные ресурсы в

53

лучшего самца и в лучшее потомство. Они вкладывают намного больше времени и энергии в заботу о детях, чем мужские особи, потому что они не могут легко переместить свое потомство, так как они вложили в него уже несколько месяцев беременности (в случае человека — 9 месяцев). Они предпочитают последовательную моногамию промискуитету, так как это та социальная организация, при которой самцы вкладывают больше времени и энергии в выживании женских генов. И, наконец, они иногда лгут об отцовстве, потому что это поведение дает возможность некоторым самцам — даже не отцам потомства — помогать им воспроизводить собственные гены.

Неудивительно, что этот социобиологический анализ половых различий и полового неравенства породил огромное количество противоречий. Так, Руфь Блейер (Bleier 1984), Анна Фаусто-Стерлинг (Fausto-Sterling 1985) и Джанет Сейерс (Janet Sayers) рассматривали его не более чем версию двадцатого века в науке, которая пытается натурализировать существующее положение вещей. Социобиологи защищали его так, как будто он не являлся ни политически консервативным, ни биологически эссенциалистским. Дэвид Бараш (David Barash), социобиолог, который может быть раскритикован феминистами больше, чем кто-либо другой за его рассуждения о насилии, объяснял, что его цель была «только исследовать эволюционную биологию межполовых различий, а не социальную, политическую или этическую философию. Эволюция-то просто то, что она есть. Она ничего не говорит о том, что должно быть... Более того, склонности, предсказываемые социобиологами — это просто склонности. Они не конкретны» (1979, р. 70).

Критика социобиологии

Социобиологи начали свой анализ человеческого поведения с того, что постулировали существование универсальных аспектов социальной жизни человека и человеческой социальной организации7. Развивая эту теорию универсальных аспектов, они больше сосредотачиваются на эволюционных и генетических факторах, чем на культурных и исторических, потому что они рассматривают чистые ситуационные объяснения как неадекватные.

При объяснении половых различий и доминирования со-циобиология совершенно отрицает то, что является «общим для социальных наук» (по Дэвиду Барашу), а именно, то, что

54

«мальчики делают то, что они делают, потому что их научили такому поведению; аналогичное происходит с девочками».

Бараш считает: «мы действительно прилагаем усилия по внедрению тендерной идентичности среди детей. Девочки более склонны играть с куклами, а мальчики ... с самолетами. Но для всеобъемлющего объяснения половых различий ранний социальный опыт является недостаточным. Если мы верим, что нет реальных половых различий в поведении и что те различия, которые мы видим — просто результат различного опыта, которым общество обеспечивает мальчиков и девочек, то мы в таком случае должны объяснить, почему такие различия существуют независимо во всех обществах на земле»(1979, р. 71-72).

С точки зрения социобиологии, причина этой межкультурной общности ясна. В течение нашей эволюционной предыстории мужские особи с более агрессивными, доминантными и сексуально распущенными генами смогли оставить намного больше своих копий, чем женщины, с их более сексуально избирательными и материнскими генами. В результате этого эволюционного отбора генетические различия между полами, которые прямо относятся к поведению, теперь существуют в каждой культуре, и эти универсальные генетические различия вполне объясняют, почему с мальчиками и девочками везде обращаются по-разному.

С помощью этой модели социобиологи ищут объяснения не только универсальности половых различий и доминантности. Они также пытаются объяснить и другие общие аспекты человеческого поведения, такие как агрессивность, альтруизм, защита своих территорий, ксенофобия (страх и враждебность перед всем чужим, иностранным. — Прим. ред.), войны. Для каждого аспекта, однако, приводятся одни и те же доводы.

Эволюционный отбор дает возможность одним генам со специфическим поведением оставлять как можно больше копий самих себя, чем другим генам; в результате — человеческий вид имеет теперь генетическую основу, которая и предрасполагает его вести себя более или менее одинаково во всех культурах.

Критика социобиологического подхода направлена, по меньшей мере, на три главных аспекта этой объяснительной модели. Во-первых, она критикует эмпирическое требование универсальности, утверждая, что почти во всех примерах социобиологи исказили данные о людях и животных, а в некоторых случаях — даже данные по растениям, чтобы создать

иллюзию гораздо большего числа человеческих универсальных черт, чем может существовать на самом деле. Во-вторых, критика направлена на эмпирическую базу утверждений о генетике в социобиологии и аргументирует, что нет никаких доказательств существования связи между генами и теми видами человеческого поведения, которое социобиологи пытаются (ими — генами. — Прим. ред.) объяснить. И, наконец, критика направлена на саму природу социобиологических объяснений. Ведь в отсутствии каких-либо эмпирических доказательств особых видов генов для специфического поведения, постулируемых социобиологами, все социобиологическое предприятие стало уже просто упражнением в тавтологии.

Как сказала Руфь Блейер (Ruth Bleier), «выбирая какое-то конкретное поведение человека или животных, социобиоло-гия делает предположение, что это (рассматриваемое) поведение имеет генетическую основу. А затем выстраивается спекулятивное объяснение того, как это поведение могло бы способствовать наибольшему репродуктивному успеху индивида и, вследствие этого, было бы отобрано в процессе эволюции, если оно имело генетическую базу. Это предположение затем становится доказательством для предположения, что поведение имеет генетическую основу» (1984, р. 17).

В частности, это кружение на месте привело, по крайней мере, некоторых критиков к мысли о схожести эволюционного подхода социобиологии со сказками Киплинга, которые были так популярны в XIX столетии (Lewontin, Rose, Kamin 1984, р. 258)

Хотя я согласна со всеми тремя видами ранней критики, моя собственная критика социобиологии меньше фокусируется на эмпирических вопросах самого существования поведенчески специфичных генов и унивесальностей человеческого поведения. Я придаю большее значение концептуальному вопросу о том, как социобиология объясняет взаимодействие между культурой и биологией и какую роль эта теория играет в культурных изменениях. Социобиологи сконструировали то, что они считают теорией, объясняющей, как биология и культура работают вместе, создавая универсальные черты людей. Эта теория, однако, так и не показывает, как биология и культура взаимодействуют, а это приводит к превращению культуры и истории почти в эпифеномен*.

* Эпифеномен — побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния — Прим ред

Социобиологическую модель взаимодействия между биологией и культурой легко объяснить. Гены специфического поведения обеспечивают генетически запрограммированные предпосылки для людей во всех культурах вести себя особенным образом. Эти универсальные предпосылки, однако, по-разному формируются социальной практикой в различных культурах. Закладывая некоторые различия, культура добавляет поверхностный слой, или фенотип (вариабельность) поверх глубинного, или генотипа (универсального). В обсуждении того, как очень маленькое биологическое пространство подходит для социальных изменений, Вильсон утверждает, что, нравится нам это или нет, человеческая культура имеет только «три выбора» (1978, р. 132). Люди могут увеличивать генетические предпосылки, они могут бороться против них или могут оставить их в покое и смириться с ними.

Однако на самом деле культурные влияния могут так трансформировать ситуационный контекст человеческой жизни, что человеческий организм может освободиться от того, что раньше считалось его врожденным биологическим ограничением. Рассмотрим это на трех примерах.

1. Как биологический вид, люди ежедневно нуждаются в пище и воде, а значит, и ежедневная забота о них была частью универсальной человеческой природы выживания. Но сейчас почти во всех культурах люди придумали агрокультурные техники для производства пищи и техники ее производства, сохранения, замораживания, что означает: ежедневная забота о пище больше не является частью универсальной человеческой природы выживания.
2. Как биологический вид, человеческие существа чувствительны к инфекциям от множества бактерий, и это когда-то означало, что регулярно умирать от инфекций — это часть универсальной человеческой природы. Но сейчас человечество придумало антибиотики для борьбы с инфекциями, что означает: умирать от инфекций больше не является частью универсальной человеческой природы.
3. Как биологический вид, человеческие существа не имели крыльев, а это означало, что неспособность летать является частью универсальной человеческой природы. Но сейчас человечество изобрело самолеты, которые летают, и это значит, что неспособность летать больше не является частью универсальной человеческой природы.

Кардинальное освобождение, которое иллюстрируют приведенные выше примеры технологических инноваций,

57

настолько обычно и бесспорно, что любой социобиолог без колебаний согласится с ними. Положим, что проявление каких-либо биологических черт в каждом случае зависит от того, как эта черта взаимодействует с окружением, в котором она действует. Вот почему техническое различие между генотипом и фенотипом находится на первом месте. Вот почему биологи никогда не говорят о прямой связи между биологией и поведением, а всегда говорят о норме, диапазоне порядка или реакции. Более конкретно: они говорят, что в Ситуации 1 данные биологические черты дают Поведение А, но в Ситуации 2 эти же биологические черты дают Поведение Б.

По иронии, социобиологи в массовом масштабе недооценивают вклад истории и культуры в это взаимодействие. Они обращают слишком мало внимания на культуру и историю, а также на то, что считается главной отличительной чертой человеческой биологии: способность человеческих существ изменять свое окружение через культурные изменения и, следовательно, изменять себя.

Так же, как способность людей к владению речью, эта человеческая способность к культурным изобретениям — продукт эволюции человеческого мозга.

Минимизируя эту способность человеческого мозга к эволюционированию, социобиологи ошибочно представляют человеческий организм как существо, взаимодействующее с миром в жестких рамках генетической предопределенности, а не как существо, которое взаимодействует с миром посредством генетических программ с меньшей определенностью. Это также приводит социобиологов к грубой недооценке того, как радикально может отличаться контекст человеческой жизни в разные исторические эпохи.

Как было замечено ранее, социобиологи особенно считаются с универсальностью человеческой жизни и социальной организации, потому что они рассматривают эту универсальность как чисто биологический продукт. Если есть какая-то основная мысль в моей критике социобиологии, то это то, что даже эта универсальность является продуктом взаимодействия между биологией и культурой. Когда пытаются объяснять существование универсальных человеческих черт вне времени и пространства, ученые должны уделять столько же внимания постоянству в истории и культуре, как и постоянству в биологии. Поскольку именно взаимодействие между этими двумя константами и производит эту универсальность, а не постоянство одной только биологии.

58

Пренатальная теория гормонов

Задолго до социобиологов, с их собственной историей о различии в эволюции мужских и женских генов, менее изощрённые биопсихологи выдвинули гормональную теорию о различном внутриутробном развитии мужского и женского мозга8. Эта пренатальная теория гормонов была экстраполяцией* из уже известной к концу 40-х годов теории о различном развитии в утробе матери мужского и женского тела (Jost 1953).

К концу 40-х годов биопсихологи установили, что независимо от своего генетического пола все эмбрионы имеют рудиментарную ткань, подходящую как для женских, так и для мужских гениталий, так же как для мужских и женских репродуктивных органов. Они также установили, что этот эмбрион-гермафродит преобразовывается в мужской или женский плод в зависимости от наличия или отсутствия тестостерона в критический период беременности. Другими словами, эмбрион разовьется в мужской плод, если тестостерон присутствует в этот критический период,

или в женский плод, если тестостерона не будет, а также в полуженщину или полумужчину — псевдогермафродита — если тестостерон есть, но в недостаточном количестве или не в то время.
Десятилетие спустя, это наблюдение за мужскими и женскими телами в критический период беременности переросло в теорию гормональной организации мозга (Phoenix et al. 1959). Согласно этой теории, гормоны в период пренатально-го развития не только формируют тело млекопитающего в мужское или женское во время критического периода половой дифференциации, они также необратимо формируют мозг зародыша по мужскому или женскому типу. И этот сформированный гормонами мозг, в свою очередь, организует гормональную функцию зародыша и его поведение по мужскому или женскому типу.
Доказательства этой пренатальной теории гормонов обширны, но поверхностны. При изучении зародышей млекопитающих (гвинейских свиней, крыс, мышей, собак, овец, хорьков, кроликов и макак-резусов, но не людей) были тщательно собраны данные, и оказалось, что пренатальные гормоны оказывают постоянный организующий эффект на
* Экстраполяция — метод научного исследования, заключающийся в распространении выводов, полученных из наблюдения над одной частью явления, на другую его часть — Прим ред

половое диморфическое* поведение, связанное с копуляцией, в частности — на установку и расположение собственного тела для пенетрации пенисом (Вашп 1979). У других видов млекопитающих пренатальные гормоны оказывают постоянный организующий эффект на половое диморфическое поведение, не связанное с копуляцией, например, на уровень агрессии и активности (Beatty 1979); (Meanly 1988). Аналогичная ситуация происходит с цикличностью производства гормонов, которая прямо контролируется гипоталамическим отделом мозга у многих видов. И наконец, у еще меньшего числа видов пренатальные гормоны оказывают постоянный организующий эффект на структуру нейронов в головном мозге (Arnold, Gorsky 1984; Feder 1984).
Несмотря на множество доказательств пренатальной теории гормонов на животных, есть как минимум две эмпирические причины для мысли о том, что эта теория не применима к людям в той же степени, как к другим видам млекопитающих:
1. Хотя пренатальные гормоны и формируют тело эмбриона по мужскому или женскому типу, они не имеют постоянного влияния на цикличность производства гормонов у людей и других приматов (Karsch, Dierschke, Knobil 1973; Kuhlin, Reiter; 1976, Goy, Resco 1972; Valdes et al. 1979; Knobil et al. 1980). Разрыв связи между формированием тела и организацией гормональной функции поднимает вопрос о том, определяется ли формирование мозга приматов пренатальными гормонами.
2. Даже среди крыс некоторое влияние пренатальных гормонов на поведение взрослых особей, как сейчас известно, определено частично не гормональной организацией мозга, а моделями социального взаимодействия, вызванными мужским или женским телом молодой особи. К примеру, маленькие крысы-самцы пахнут иначе, чем маленькие крысы-самки, и, кроме того, дополнительное парагенитальное вылизование, которое вызывает этот запах со стороны их матерей, частично отвечает за более высокий уровень преодоления препятствий среди взрослых самцов по сравнению с самками (Мооге 1984). Если половые различия иногда определяются социальными взаимодействиями даже в случае с крысами, они еще более вероятно определяются социальными взаимодействиями в случае с людьми, социальная жизнь которых более сложная9.
* Диморфизм — наличие в пределах одного и того же вида животных или растений двух более или менее резко различающихся форм. - Прим. ред.

Но, несмотря на множество причин, вызывающих сомнение в применимости к людям пренатальной теории гормонов, доказательства на животных были так провокативны, а привычка рассматривать человеческие половые различия с биологической точки зрения так укоренилась, что множество исследователей принимались проверять эту теорию на людях. Вдобавок, результаты этих исследований часто принимаются как подтверждающие предположения пренатальной теории гормонов, даже тогда, когда это на самом деле не так.
Два экспериментальных исследования на людях особенно знамениты, и оба имеют множество различных интерпретаций. Это исследование Мани и Эрхарта (Money, Ehrhardt) о том, что пренатальный тестостерон у генетических самок маскулинизирует их мозг и, следовательно, приводит к «мальчишеству». Целью второго исследования — Императо-МакГинли (Imperato-MacGinley) — было показать, что пренатальная маскулинизация эмбрионального мозга

тестостероном напрямую связана со становлением мужской тендерной идентичности для конкретных индивидуумов и помогает им преодолеть предыдущий опыт социализации как женщин.
По контрасту со всеми исследованиями животных в рамках пренатальной гормональной теории, в которых напрямую изменяли уровень гормонов зародыша, а затем измеряли эффект этого изменения в последующем поведении, при исследованиях на людях просто изучали влияние на последующее поведение необычных гормональных условий, в которых оказался плод. Во всех этих случаях эти необычные гормональные условия либо происходили естественным путем, либо были побочным результатом некоторых медицинских процедур, которым подвергалась мать во время беременности, как правило, направленных на сохранение плода.
Исследование Мани и Эрхарта
Джон Мани и Анке Эрхарт (1972) изучали двадцать пять женщин (по генетическим признакам), которые имели необычно высокий уровень тестостерона во время своего внутриутробного развития. У пятнадцати из этих девочек были генетические нарушения, ставшие причиной дисфункции их адреналиновых желез, которые производили слишком мало адренокортикоидов и слишком много адренального тестостерона. У десяти из этих девочек, матери которых принимали прогестины во время беременности, в исследовании была обнаружена маскулинизация внешних гениталий. Для пятна-
61
дцати девочек с андреногенитальным синдромом (adreno-genital syndrome — AGS) требовалось лечение кортизоном на протяжении всей жизни для восстановления функции их адреналиновых желез. Все двадцать пять девочек имели на вид внешние мужские гениталии, что требовало как минимум одного хирургического вмешательства, чтобы они стали выглядеть, как у женщин. Во множестве случаев требовалось неоднократное хирургическое вмешательство, которое хорошо себя зарекомендовало, включавшее иссечение клитора, преобразование мошонки в половые губы и формирование вагины.
Во время исследования эти двадцать пять девочек были в возрасте от 5 до 16 лет. Для сравнения также изучалась контрольная группа из двадцати пяти нормальных в медицинском аспекте девочек. Девочки в контрольной группе были такого же возраста и социального положения, что и девочки, которые были маскулинизированы в пренатальном периоде.
В основу интервью с девочками и их матерями Мани и Эр-харт заложили предположение о том, что девочки, маскулинизированные в пренатальный период, в поведении больше похожи на мальчиков, чем обычные девочки. Другими словами, они больше тратят энергии в игре, предпочитают мальчиков в качестве партнеров по играм, а также игрушки и одежду мальчиков, игры на открытом воздухе и физические упражнения. Эти девочки меньше интересуются куклами, заботой о детях и браком, больше заинтересованы в карьере. В своей популярной книге «Мужчины и женщины, мальчики и девочки» Мани и Эрхарт сделали вывод, что наиболее верным объяснением этому высокому уровню «мальчишеского» поведения стал «маскулинизирующий эффект, которому подвергся мозг плода» (1972, р. 103).
На самом деле, этому есть, по меньшей мере, еще три более правдоподобных объяснения:
1. Известно, что кортизон как вид лекарства повышает уровень активности как в целом, так и в играх на открытом воздухе—в частности. Пятнадцать девочек с андреногенитальным синдромом (AGS) могли, следовательно, стать большими «сорванцами» не из-за маскулинизирующего действия тестостерона на их мозг во внутриутробном развитии, а из-за кортизо-новой терапии в течение их жизни, которая подняла их уровень активности.
2. Все двадцать пять девочек, маскулинизированных в пренатальном периоде, были, на поверку, хронически больны на
62
протяжении некоторого периода их детства. Они нуждались либо в продолжительном хирургическом вмешательстве, либо в кортизоновой терапии, либо в том и в другом одновременно. Это особенно верно для девочек с андрогенитальным синдромом (AGS), которые переживали дефицит соли в организме, связанный с постоянными госпитализациями в раннем возрасте. Так как все хронически больные дети имеют дело с неадекватными чувствами и чувством неопределенности будущего, то они могут компенсировать эти чувства развитием своеобразной суетливой самоуверенности, проявления которой, возможно, и называют «мальчишеством» маскулинизированных в пренатальном периоде девочек. При этом последнее, скорее всего, является не результатом маскулинизации их мозга, а психологической реакцией на жизнь

хронически больных людей.
Эта альтернативная гипотеза подтвердилась в недавнем сравнительном исследовании группы здоровых девочек в возрасте от 7 до 17 лет с тремя группами хронически больных девочек: с андрогенитальным синдромом (AGS) с солевой недостаточностью; с андрогенитальным синдромом (AGS) без солевой недостаточности и девочек, страдающих диабетом. Последние в детстве были хронически больны, но имели нормальный уровень гормонов во время внутриутробного развития (Slijper 1984). Все три группы хронически больных девочек оказались большими «сорванцами» по тестам интересов и ценностей, чем здоровые девочки. При этом, более слабые девочки (больные AGS с солевой недостаточностью) были явно большими «сорванцами», чем менее больные девочки с тем же синдромом.
3. Последнее и, возможно, самое важное: «мальчишество» девочек могло произойти в результате психологического воздействия на девочек и их родителей того факта, что у девочек были гениталии, внешне похожие на мужские. Кроме того, из-за этого и сами девочки, и их родители могли сомневаться, какого же пола ребенок на самом деле. Они могли также интересоваться, будет ли изменяться личность девочки вместе с ее гениталиям, сможет ли она когда-нибудь найти кого-нибудь и вступить в брак. При всей этой тендерной неопределенности неудивительно, что родители маскулинизированных девочек и родители обычных девочек воспитывали своих детей по-разному. Неудивительно, если и сами маскулинизированные девочки построили несколько другую «я-концепцию», чем нормальные девочки, и, следовательно, выбрали себе иные виды активности и других друзей.
63
Хотя многие современные исследования пытались контро-, лировать даже этот психологический эффект у девочек с маскулинизированными гениталиями, данные экспериментов с ■ «девочками-сорванцами» дают очень мало подтверждений теории различной пренатальной организации мужского и женского мозга10.
Исследование Императо-МакГинли
В отличие от Мани и Эрхарта, которые изучали девочек с маскулинизированными телами в пренатальный период, Джу-лианна Императо-МакГинли и ее коллеги (1979а, 1979b) изучали мальчиков с феминизированными во время внутриутробного развития телами. Более конкретно: они изучали восемнадцать мальчиков (по генетическим признакам), живущих в Доминиканской Республике, которые испыта ли редкий дефицит энзимов. Этот дефицит препятствовал маскулинизации их гениталий в критический пренатальный период. Однако позже, в юности, высокий уровень тестостерона в подростковом возрасте привел к развитию гениталий и вторичных половых признаков по мужскому типу. В результате энзимного дефицита эти мальчики не только выглядели как девочки, но и воспитывались как девочки от рождения до пубертатного периода, но потом, наконец, стали внешне похо-1 дить на мальчиков, каковыми они и были генетически. ;»
Несмотря на то, что их воспитывали как девочек, шестна-, дцать из восемнадцати мальчиков изменили свое самоопре-»; деление с женского на мужское, как только их тела маскули-^ низировались в период пубертата (подросткового периода).^. Императо-МакГинли и ее коллеги сделали вывод, что биологические основы больше, чем окружение, влияют на развитие мужской тендерной идентичности. «Также как развитие мужского (тела) (в норме) управляется андрогенами в критический период внутриутробного развития, формирование мужской тендерной идентичности управляется состоянием андрогенов, активизирующих мозг в критические периоды (в утробе матери, у новорожденного и в пубертатный период) (1979, р. 644).
Императо-МакГинли и ее коллеги твердо верили, что феминизированные мальчики, которых они изучали, сменили женскую тендерную идентичность на мужскую во время пубертатного периода, потому что их высокий уровень прена-тального тестостерона уже маскулинизировал их мозг и высокий уровень тестостерона в подростковом периоде позволил
64
затем дремлющей маскулинности выразить себя психологически. Тестостерон во время пубертата окончательно завершил маскулинизацию их мозга и, наконец, закончил маскулинизацию их тел.
Эта чисто биологическая гипотеза имеет, однако, очевидную интеракционистскую (основанную на взаимодействии факторов. — Прим. ред.) альтернативу. Возможно, что мозг этих индивидуумов и вовсе никогда не был маскулинизирован. Возможно, что когда их тела начали маскулинизироваться во время пубертата, они сами и их окружение начали верить, что мужская идентичность будет более приемлема, чем женская. Если так, то изменения из девушки в юношу необязательно

произошло быстро или бесконфликтно; необязательно это был переход от одной определенной тендерной идентичности к другой, такой же определенной. Скорее, это значит, что какова бы ни была частная природа изменений: 1) она скорее была инициирована маскулинизацией тела, чем маскулинизацией мозга; 2) она была опосредована реакцией как самих индивидуумов, так и их окружения на их физическую маскулинизацию.
Императо-МакГинли и ее коллеги не собрали детальной культурной или психологической информации, которая позволили бы нам оценить важность этого биокультурного взаимодействия в случае с конкретными мальчиками, участвовавшими в исследовании. Однако есть совместимое с ин-теракционистской интерпретацией детальное описание антропологами и биологами процесса смены тендерной идентичности с женской на мужскую в группе замбийских мальчиков в Папуа — Новой Гвинеи. Последние имели такой же дефицит энзимов. По мнению авторов исследования, «замбийские субъекты, сменившие женскую роль на мужскую, сделали это, прежде всего, под большим общественным давлением извне. Однажды разоблаченные, они больше не могли «спрятаться» и не могли продолжать играть роль «женщины»... Очевидно, что только невозможность их тела выполнять то, что считается социальным предназначением женщин, заставило этих индивидуумов измениться» (Herdt, Davidson 1988, p. 53).
Как становится ясно из этого краткого литературного обзора, фундаментальная концептуальная проблема у пренаталь-ной теории гормонов — точно такая же, как и у социобиоло-гии. В обоих случаях сильно недооценивалось влияние индивидуального ситуационного контекста и переоценивалось влияние биологии. Иначе говоря, взаимодействие между
65
ситуацией и биологией недостаточно осмысляется, однако теоретики слишком быстро делают вывод, что половые различия и неравенство полов — это продукт только одной биологии.
Невозможность осмыслить биологию в контексте (социальном. — Прим. ред.) порождает поспешные и широкие рассуждения о глубоких половых различиях, заложенных в генах и мозге. По иронии, это также мешало рассуждать о последствиях более земных и бесспорных различий между полами, включая, к примеру, те факты, что только женщины могут рожать детей и вскармливать их грудью, а мужчины, в среднем, физически крупнее и сильнее. Я предлагаю интеракционист-скую теорию половых различий и полового неравенства, которая работает — в контексте — с известными существующими телесными различиями, а не с теми различиями, которые только предполагаются в гипотезах.
Альтернативная гипотеза: тело в социальном контексте
Объяснение различий между полами и их неравенства предполагает ответы на два совершенно различных вопроса. Один из них касается социальной организации, а другой относится к области индивидуального поведения и психологии. Вопрос первый: почему женщины и мужчины как группы играли настолько различные и неравноценные роли фактически в любом обществе, существовавшем на нашей земле? Иными словами, почему разделение труда по половому признаку и установленная система мужской политической власти являлись нормой на протяжении человеческой истории? Вопрос второй: почему мужчины и женщины как отдельные индивидуумы предрасположены вести себя по-разному, что, как видно, происходит даже в современных обществах? Почему, например, мужчины чаще проявляют физическую агрессию, а женщины более заботливы по отношению к детям?
В последнее время дискуссии в области антропологии касаются, в основном, первого вопроса, то есть социальной организации. Разногласия вызывает следующая проблема: почему в древних сообществах, где люди занимались охотой и собирательством, развивалось разделение труда по половому признаку, но при этом не развивалась институционализированная система мужской политической власти?11 С одной стороны, я с надеждой слежу за этими дискуссиями, и меня ободряет осознание того, что, возможно, эти упражнения в поис-
66
ках альтернативных объяснений тендерных универсалий не достигнут цели. С другой стороны, исходная постановка вопроса не вызывает у меня доверия, как и у любого рядового читателя. Сомнительно, что эти самые равноправные сообщества охотников-собирателей (даже если они когда-то существовали) могли не оставить следов соответствующих моделей половых различий и господства, которые могут быть обнаружены со временем. Именно им находят столь элегантные объяснения в таких теориях, как социобиология.
Исходя из того, что постоянная модель половых различий и господства существует, я принимаю предпосылки гендер-ных универсалий за исходные условия и перехожу к изложению их более

обоснованного биоисторического объяснения, к которому я пришла к настоящему времени. Это не истина в последней инстанции, а лишь один из примеров того, как может выглядеть это объяснение с биоисторических позиций.

Универсалии пола в социальной организации человечества

Как было сказано ранее, любая серьезная попытка объяснить универсальные характеристики человека во времени и пространстве предполагает рассуждения о биоисторическом взаимодействии между неизменными факторами в биологии человека и неизменными факторами в человеческой истории и культуре. Соответственно, мое биоисторическое объяснение будет строиться на объяснении универсалий пола в социальной организации человечества путем помещения как мужского, так и женского тела в контекст, существовавший почти во всей истории человечества — в универсальную окружающую среду.

Ход рассуждений следующий. Когда-то существовали неоспоримые и повсеместные различия между мужчинами и женщинами на телесном уровне: только женщины могли беременеть и кормить грудью, а мужчины, в среднем, были крупнее и сильнее. Когда-то существовали также бесспорные и повсеместные особенности окружающей среды: повсюду и во всех культурах не было эффективных средств контроля над рождаемостью, не было заменителей материнского молока в виде детского питания, было мало технических инструментов для увеличения физической силы и мало рабочих мест, не использующих физическую силу.

В таком социоисторическом контексте различия между полами на телесном уровне способствовали тому, что большинство женщин находилось в положении беременных или

кормящих грудью матерей почти на протяжении всего отрезка времени от начала менструаций до менопаузы. Благодаря этим различиям сообщество, вероятно, разрабатывало систему разделения труда с учетом пола: женщины повсеместно отвечают, в первую очередь, за уход за младенцами и воспитание старших детей, а мужчины — так же повсеместно в первую очередь — берут на себя ответственность за защиту всей группы и охотятся, там, где это возможно. Женщины обязаны, прежде всего, заботиться о детях и делать что-нибудь посильное, одновременно с основным занятием, по той причине, что дети всегда или внутри них, или возле них. Мужчины обязаны защищать и охотиться по двум причинам: во-первых, они крупнее и сильнее, а во-вторых, их свобода передвижения не ограничивалась постоянным присутствием детей.

Кроме развития системы разделения труда по признаку пола, большинство человеческих сообществ разрабатывало институциональную систему мужской политической власти. Хотя причина этого не ясна, одно из возможных объяснений таково: если сообщество, не имеющее технологий, передает функцию защиты, скорее, мужчинам, чем женщинам, это может привести к тому, что в роли защитников мужчины-воины начинают считать себя (как и другие воспринимают их) самыми главными и могущественными членами этого сообщества. Если так, они занимают общественное положение, позволяющее с легкостью контролировать решения всей группы, начиная с таких вопросов, как физическая безопасность — где можно жить в безопасности и когда нужно из тех же соображений сниматься с обжитого места. Еще одно возможное объяснение: поскольку женщины в дотехнологическом обществе постоянно заняты младенцами и более старшими детьми, по возможности, делая другие полезные дела, у мужчин просто больше шансов, чем у женщин, институционализировать имеющиеся у них рычаги власти, включая и «брутальную» (грубую, животную, жестокую. — Прим. пер.) власть, как прямое следствие мужских роста, веса и силы.

Несмотря на то, что вышеупомянутая универсальная окружающая среда кажется слишком далекой от нас, чтобы ссылаться на нее при объяснении сегодняшних гендерных универсалий, факторы решающего значения, присущие такой среде, имели место даже в американском обществе всего лишь 150 лет назад; они и сегодня присутствуют во многих технологически неразвитых обществах. Чтобы объяснить причину постоянства таких явлений, как разделение труда на основе пола и институционализация мужской политической власти, нет

необходимости утверждать, что различия между мужчинами и женщинами генетически запрограммированы или что у них разные установки на уровне психики. Достаточно постулировать: неоспоримые и повсеместные различия между мужчинами и женщинами на телесном уровне на протяжении почти всей человеческой истории взаимодействовали с неоспоримыми и повсеместными особенностями дотехнологичной окружающей среды.

Но вслед за этой биоисторической возможностью встает вопрос, который почти всегда

предъявляется в качестве основного возражения современному феминизму: если культурные достижения настолько изменили ситуационный контекст современной жизни, что физические различия между полами не имеют теперь такого функционального значения, как раньше, тогда почему мужчины и женщины продолжают играть настолько разные — и неравные — роли даже в современном высокотехнологичном обществе, где имеется не только эффективный контроль над рождаемостью и детское питание, заменяющее материнское грудное молоко, но и почти нет (или совсем нет) таких видов труда, где бы пол работника имел бы действительно решающее значение? На этот вопрос имеются два коротких ответа, и оба они касаются истории.

Развернутый ответ обстоятельно изложен в главах со 2-ой по 6-ую данной книги. Он включает объяснение того, как и почему разделение труда по половому признаку и институ-ционализация мужской власти передавались из поколения в поколение средствами культуры, чьи дискурсы и общественные институты формировались веками (и продолжают формироваться) вокруг трех линз — андроцентризма, тендерной поляризации и биологического эссенциализма.

Краткий ответ таков: однажды установленные принципы разделения труда по половому признаку и система мужского политического господства породили целую сеть культурных убеждений и общественной практики, которые уже изжили себя и стали историей. Современные технологии, по всей вероятности, настолько изменили ситуативный контекст человеческой жизни, что старые убеждения и практики больше не могут всплыть de novo. Однако, современные технологии не могли и не могут немедленно покончить с инерцией всей прошлой культурной и политической истории.

Рассмотрим всего один пример этого парадокса современности. Современные технологии до такой степени трансформировали функциональное значение мужской и женской биологии, что впервые в истории человечества осталось очень

мало видов деятельности, которые не могут быть выполнены на одинаково высоком уровне и женщинами, и мужчинами. Несмотря на это, многие общественные институты в Соединенных Штатах продолжают создавать чрезвычайные трудности на пути любого человека, который хотел бы быть одновременно и родителем, и работником на рынке оплачиваемого труда. В их число входят отсутствие отпуска в связи с беременностью, сложности в обеспечении присмотра или ухода за детьми, несогласованность во времени между продолжительностью учебного дня в школе и продолжительностью рабочего дня, неготовность работодателей принимать на работу на неполный рабочий день, географическая удаленность рабочего места от дома (последнее вошло в практику во время революционных преобразований в промышленности и резко возросло с переездом людей из городов в пригороды после Второй мировой войны).

По существу, в большинстве перечисленных общественных институтов не подразумевается, что, скорее, женщина, а не мужчина, должна отказываться от полного рабочего дня, чтобы ухаживать за детьми. Тем не менее, с учетом биологического факта женской беременности и биокультурной истории взращивания детей женщинами именно это решение (отказ женщины от работы. — Прим. пер.) почти гарантировано в любой семье, где есть два родителя и которая может себе позволить, чтобы только один из них ходил на работу и зарабатывал деньги. Являясь современным технически развитым обществом, Соединенные Штаты могут, таким образом, предоставлять возможность женщинам иметь столько детей, сколько они хотят. Однако Соединенные Штаты до сих пор не создали культурной среды, в которой женщины, принявшие решение иметь хотя бы одного ребенка, могли бы без особого труда выходить из роли няньки.

Эти рассуждения о взаимодействии исторических реалий современности с биологией проливают свет на центральную идею. Даже если определенное биоисторическое взаимодействие изначально установило мужское политическое господство, то его биоисторические первопричины (какими бы они ни были) теперь не имеют значения. Сегодня институциональная модель мужского политического господства, существующего почти в каждом известном обществе, сохраняется и воспроизводится современными культурными институтами, которые взаимодействуют с биологией здесь и теперь. Таким образом, мы должны исследовать вовсе не биологические источники мужского господства; мы должны исследовать и

изменить эти современные культурные институции, если мы хотим когда-нибудь искоренить эту старую модель.

Половые различия в индивидуальной психологии

Анализируя половые универсалии в социальной организации человечества, под константой в

человеческой истории и культуре (в моем представлении эта константа наиболее существенна) я подразумевала повсеместное отсутствие современных технологий. Соотнесение мужского и женского в контексте физического тела приводит ко всеобщему разделению труда по половому признаку, а также к институциональной системе мужского политического господства. А под константами в человеческой истории и культуре (наиболее значимыми в объяснении половых различий на уровне поведения и психологии индивидуума) я подразумевала разделение труда по половому признаку и институциональную систему мужского политического господства. Эта система, будучи когда-то созданной в результате взаимодействия биологии и истории, впоследствии создавала настолько различный жизненный опыт для мужчин и женщин, что тем самым мужское и женское трансформировалось, соответственно, в «маскулинное» и «фемининное».

Хотя все, что связано с приписыванием определенной психологической специфики каждому полу , будет широко обсуждаться в главе 5, здесь мне хотелось бы просто проиллюстрировать, как само разделение труда по половому признаку может приводить к появлению двух различных типов поведения у разных полов, часто обсуждаемых в плоскости биологии. Речь пойдет о физической агрессии и «материнской» отзывчивости по отношению к младенцам и детям раннего возраста.

В своем энциклопедическом литературном обзоре на тему половых различий у людей Элеонор Маккоби и Кэрол Джек-лин (Eleonor Maccoby and Carol Jacklin) пришли к заключению, что из всех форм социального поведения, когда-либо эмпирически изучавшихся, биологические факторы наиболее явно присутствуют в половых различиях в отношении физической агрессии. Их заключение основывается на четырех научно установленных фактах.

1. Во всех человеческих сообществах, доступных для исследования, мужчины более агрессивны, чем женщины.

2. Половые различия обнаруживаются в очень раннем возрасте, когда нет оснований считать, что взрослые по-разному

«формируют» агрессию у мальчиков и девочек, оказывая на них социальное давление разной силы.

3. Сходные половые различия обнаружены у человека и человекообразных обезьян.

4. Агрессия связана с количеством половых гормонов, и ее уровень может быть изменен в экспериментальных условиях путем контроля их количества. (1974, р. 242—243).

Однако, согласно последнему обзору Анне Фаусто-Стер-линг (Fausto-Sterling 1985), по меньшей мере, три из четырех приведенных доводов оказались гораздо слабее, чем полагали Маккоби и Джеклин. Например, что касается данных о развитии ребенка, то, согласно последним представлениям, половые различия у детей раннего возраста в отношении физической агрессии и драк могут в равной мере быть как результатом различного обращения с мальчиками и девочками, так и результатом влияния биологических факторов. Даже в обзоре Маккоби и Джеклин упоминается, что родители трехмесячных младенцев обращаются с сыновьями более небрежно, чем с дочерьми. Современные данные о человекообразных приматах показывают следующее: половые различия в физической агрессии наблюдаются только у некоторых видов приматов, а не у всех без исключения; у этих же некоторых видов половые различия проявляются только в некоторых обстоятельствах. И, наконец, в отношении связи между физической агрессией и гормонами получены следующие данные: хотя имеются серьезные доказательства причинной связи тестостерона с физической агрессией у крыс и мышей, пока не имеется достаточных доказательств того же на примере людей или приматов.

Хотя Фаусто-Стерлинг подвергает сомнению даже окончательный вывод Маккоби и Джеклин о том, что половые различия в физической агрессии человека одинаковы у всех культур, для меня это утверждение звучит, по меньшей мере, так же сильно, как и раньше. Но при этом я не вижу необходимости напрямую увязывать биологию с мозгом и поведением в целях объяснения этого феномена. Совсем наоборот. Можно теоретически вывести, что само разделение труда по половому признаку является причиной появления этих повсеместных половых различий в агрессии через механизм присвоения мужчинам роли воинов, а женщинам — роли заботливых нянек.

Присвоение мужчинами, а не женщинами роли воинов могло явиться причиной появления половых различий в физической агрессии посредством следующего механизма: мужчины, и только мужчины проводят время — и не только в

зрелости, но в детстве и в юности — в занятиях, напрямую связанных с боем или убийством; они проверяют свои физические силы и храбрость. Аналогично, присвоение женщинами, а не мужчинами роли заботливых нянек тоже обусловило половые различия в физической агрессии. Женщины, и только они проводят свое время, занимаясь одним из дел, которое, как уже доказано, снижает уровень агрессии — они заботятся о младенцах и маленьких детях (Barry, Bacon, Child 1957; Ember 1973; Whiting, Edwards 1988).

Мое следующее утверждение согласуется с данным анализом физической агрессии: женщины повсеместно в большей степени, чем мужчины, психологически предрасположены к уходу и заботе о детях. Однако это происходит не по причине наличия у них женских генов или женских гормонов и даже не потому, что они вынашивают детей в своем теле, но потому, что при разделении труда по половому признаку женщинам, и только им, повсюду отводится роль няни. И эта роль дает женщинам и девочкам, но не мужчинам и мальчикам, определенный социальный опыт общения с детьми, который благоприятствует развитию того, что обычно называют материнской мотивацией, но я предпочитаю называть родительской мотивацией. С данной гипотезой согласуются результаты двух очень тщательно проведенных исследований, посвященных тому, как сам по себе контакт с младенцами способствует появлению родительского поведения у взрослых (первое исследование было проведено на крысах, а второе — на людях).

В исследовании, проведенном на крысах (Rosenblatt 1967; см. также: Rosenblatt, Siegel 1981), новорожденные крысы помещались в клетку с одной взрослой крысой. Регистрировалось, как часто взрослая крыса проявляла различные формы родительского поведения: возвращала убегающих крысят к себе, наклонялась к ним, облизывала, строила для них гнездо. В качестве взрослой крысы в эксперименте участвовали здоровые самцы и самки с нормальным уровнем гормональной регуляции, а также самцы и самки, у которых гормональная регуляция отсутствовала в связи с хирургическим удалением яичек, яичников и гипофиза. Ни одна из взрослых самок никогда не давала потомства.

Результаты оказались поразительными. Хотя ни одна из взрослых крыс (ни самки, ни самцы) сразу же после предъявления им детенышей не проявляла родительского поведения, как это бывает у нормальной матери сразу после родов, со временем все взрослые самцы и самки стали демонстрировать все четыре вида родительского поведения. Кроме того, в

поведении взрослых особей не было обнаружено различий, связанных с полом или с наличием или отсутствием у них гормонов. Это исследование недвусмысленно показало: хотя опыт переживания в связи с рождением ребенка, безусловно, сразу вызывает всплеск родительского поведения у родивших матерей (и даже у родивших крыс), простого опыта контакта с младенцами или ухода за ними, в конечном счете, достаточно для того, чтобы у мужчин и женщин в одинаковой мере появилась мотивация к разнообразному родительскому поведению, которое на практике обычно наблюдается только у матерей.

В исследовании, в котором наблюдались матери сразу же после рождения детей (роды были преждевременными), женщины в случайном порядке были разделены на две группы (Leifer et al.,1972; также см.: Leiderman 1981; Myers 1984). Одной группе матерей, «контактной», разрешалось взаимодействовать со своими детьми, кормить их и, в общем, ухаживать за ними на протяжении периода от четырех до восьми недель, пока эти дети находились в больнице. Другой группе, «неконтактной», не разрешалось взаимодействие с детьми, пока те не наберут нормальный вес и не будут переведены в отделение, где их можно навещать и ухаживать. В то время, когда проводилось это исследование, отсутствие контакта матерей с младенцами практиковалось почти во всех американских больницах.

Чтобы установить, определяет ли наличие контакта общий уровень материнской привязанности, или преданности, или очень тесной связи с ребенком, каждая мать была объектом наблюдения в трех ситуациях: когда она кормила ребенка, когда его пеленала и когда купала. Первое наблюдение проводилось во время пятого визита матери в отделение свободного посещения; второе — через неделю после выписки ребенка из больницы; третье — в поликлинике через месяц после того, как ребенок был выписан домой. Потом была серия повторных обследований: многие из первично наблюдавшихся пар «мать — младенец» наблюдались по достижении ребенком двенадцати месяцев, затем двадцати одного месяца, а затем в промежутке между пятью и восемью годами ребенка. Во время первых трех наблюдений наибольший интерес представляли следующие два аспекта материнского поведения: (1) навыки ухода (как мать побуждает ребенка к кормлению; следит ли она за тем, чтобы в сосок поступало молоко; поддерживает ли головку ребенка); (2)

уровень материнской привязанности или внимательности к ребенку (сколько времени она смотрит

на ребенка, улыбается ребенку, говорит с ним, как долго она сохраняет с ним зрительный контакт и прижимает ребенка к себе).

Результаты исследования были очевидны. Различия между «контактными» и «неконтактными» матерями сошли на нет к моменту исполнения двадцати одного месяца ребенку. Первоначальные различия в навыках ухода за ребенком также исчезли через неделю после выписки ребенка из больницы. Несмотря на это, при исследовании контакта матерей с годовалыми детьми было очевидно: «контактные» матери все еще демонстрировали признаки большей привязанности к детям, чем «неконтактные» матери.

В целом, приведенные исследования поддерживают гипотезу о том, что женщины и девочки повсеместно более мотивированы заботиться о детях, чем мужчины и мальчики. Однако, происходит это не из-за какого-то «материнского инстинкта», а по причине того, что разделение труда по половому признаку всегда помещает женщин и девочек в условия контакта, а мужчин и мальчиков — в условия отсутствия контакта с ребенком12.

За пределами тела

Остается вопрос: действительно ли я считаю, что между полами нет иных биологических различий, кроме очевидных различий в их анатомии и физиологии? Здесь я занимаю позицию агностика*. Насколько мне известно, аргумент Алана Алда (Alda 1975) может содержать зерно истины: мужчины потому агрессивнее женщин, что они страдают от «отравления тестостероном» в пренатальном периоде развития плода. Доводы Алисы Росси (Rossi 1977, 1985) тоже могут содержать долю правды: женское материнское поведение обеспечивается женскими гормонами. И даже объяснение Камиллы Бенбоу (Benbow 1988) в некотором отношении справедливо: мужчины успешнее овладевают высшей математикой, потому что имеют особую биологически обоснованную способность к математическому мышлению.

Но к тому, о чем говорят вышеприведенные доводы, я отношусь совсем не как агностик, или не вполне агностически; может даже оказаться, что мужчины и женщины отличаются

* Агностик — отрицающий познаваемость объективного мира и объективное значение истины. — Прим. ред.

биологически в отношении какого-то количества отдельных способностей или видов предрасположенности.

1. Потенциально возможно такое множество частичных совпадений между полами в отношении всех этих способностей и предрасположенностей, что все иные отличия поблекнут, почти утратив свое значение, в свете более значительных и более очевидных различий на уровне мужского и женского организмов. Неважно, если будет доказано, что какие-то компоненты многих половых различий имеют биологическое происхождение. Эта информация мало или совсем ничего не добавит к нашему пониманию причин, по которым мужчины и женщины везде и всегда играли такие разные — и неравные — роли фактически в любом обществе в человеческой истории.

2. Думается, что вновь открываемые биологические различия будут так плохо согласовываться с требованиями работы,' выполняемой современными женщинами и мужчинами в американском обществе, что это снова мало или совсем не продвинет нас к пониманию того, почему мужчины и женщины занимают такие разные — и неравные — позиции. Да, женщины могут, в среднем, достоверно оказаться биологически более внимательными к другим, чем мужчины, но тогда им надо будет становиться психиатрами, а не секретаршами. Да, может быть достоверно доказано, что мужчины, в среднем, более склонны к занятиям математикой; но это не объяснит того факта, почему так много женщин с высоким уровнем математических способностей не востребованы профессионально. Говоря более обобщенно, не имеет значения, насколько тонкие биологические различия между полами будут однажды обнаружены; эти различия никогда не смогут оправдать половое неравенство, которое на протяжении столетий было особенностью социальной жизни человечества.

3. Не имеет значения, какое количество тонких биологических различий между полами однажды будет обнаружено; их «калибр» и значимость в каждом конкретном случае будут зависеть от ситуативного контекста, в котором живут женщины и мужчины. Особенность ситуативного контекста, которая постоянно подчеркивалась в этой главе, состояла в повсеместном отсутствии в исторические времена современных технологий. Фактором сопоставимого значения в развитии половых различий и полового неравенства является центрированность на мужчинах, которая в

каждой конкретной культуре вытекала из институционализации мужской политической власти. Эту особенность окружающей среды мы обсудим далее.

3
Андроцентризм
В 1963 году Бетти Фридан (Betty Friedan) впервые упомянула в «Загадке женственности» о «проблеме без названия» (Р. 10). Проблема заключалась в том, что, отправив наконец своих самых младших детей в школу, американские домохозяйки в свои тридцать с небольшим вдруг обнаружили, что роль жены Боба или матери Мэри — это единственное, что придавало смысл их существованию, и вне этих ролей оставшиеся сорок лет жизни не имеют ни цели, ни направления. Эта идея нашла сочувствие у миллионов женщин, не удовлетворенных своей жизнью, но не сумевших до сих пор осознать глубину или сформулировать причину своего недовольства. В конце концов, у них ведь были замечательные жизненные условия, все преимущества среднего класса, и им посчастливилось жить в самом лучшем из миров. В чем же тогда дело? Может, причина кроется в них самих?
В конце 1960-х годов образ Соединенных Штатов Америки как образцового государства самым драматическим образом изменился. Протесты против участия США в войне во Вьетнаме, волнения в черных гетто в крупных городах, студенческие демонстрации протеста, привлечение сил полиции для подавления недовольства во время национального Съезда Демократических сил... Все эти события выставили на всеобщее обозрение уязвимые места американского общества. На взрывной волне самокритики и родилось то, что средства массовой информации назвали движением за освобождение женщин, а сами его активистки окрестили радикальным феминизмом.

Они, эти активистки, отнюдь не были похожи на тех беззаветных домохозяек, о которых писала Фридан в своей *«Загадке женственности».* Это были, пожалуй, дочери тех домохозяек. И они приняли радикальное решение: не повторять материнских ошибок, не приносить себя в жертву, пусть даже и ради своих мужей или детей. Многие из них, учась в университетах, протестовали против войны во Вьетнаме. И они сполна прочувствовали, что это такое — мужское превосходство, когда товарищи по оружию отправили их на кухню, чтобы самим — как истинным мужчинам — заняться планированием революционной стратегии. Многие из этих молодых женщин обнаружили, что мужское превосходство весьма живуче даже в среде наиболее радикально настроенных университетских активистов-мужчин. Вслед за этим открытием пришло и безоговорочное понимание: несмотря на декларируемое в Америке равноправие полов, американское общество все еще остается глубоко «патриархальным»[1].
К тому времени вышла книга Кейт Миллетт (Kate Millett) *«Теория сексуальной политики»,* благодаря которой слово *патриархат* стало обиходным среди феминисток. «Наш строй, — писала Кейт Миллетт, — как и все другие в истории цивилизации, — это патриархат. Этот факт очевиден каждому, кто осознает, что армия, промышленность, технологии, университеты, наука, политика и финансы — короче говоря, каждая ветвь власти в обществе, включая политическую, полностью находится в руках мужчин» (1969, р. 34—35). Или, как позднее выразилась Адриенн Рич (Adrienne Rich) в книге *«Рожденная женщиной»:* «Патриархат — это власть отцов. Социально-родовая, идеологическая, политическая система, в которой мужчины при помощи силы, прямого давления или посредством сложившегося ритуала, традиции, закона и языка, обычаев, этикета, образования и разделения труда решают, какую роль отводить (или не отводить) женщине в их игре. В данной системе женское всегда и везде подчинено мужскому. Это вовсе не значит, что женщины не имеют власти или что всем женщинам данной культуры не доступен определенный тип власти... В условиях патриархата я могу жить *на женской половине* или водить грузовик; могу стать главой государства по праву наследования, в результате выборов или мне может выпасть участь обстирывать жену миллионера; я могу прислуживать своему мужу в глинобитной берберской хижине, поднося ему утренний кофе, или шествовать в процессии академиков. Но каков бы ни был мой статус или как бы ни сложились обстоятельства, к какому бы экономическому классу я ни принадле-

жала, я живу под властью отцов и имею доступ лишь к той части привилегий или влияния, которую пожелает предоставить мне патриархат, и только до тех пор, пока я плачу сполна за согласие с ним». (1976, р. 40—41).
Хотя концепция патриархата понятнее, чем более общая, а потому и не столь четкая концепция

сексизма (согласно которой пол человека открывает дорогу к власти в обществе), еще более плодотворной выглядит идея андроцентризма, или центрированности на мужском. Андроцентризм не только подразумевает, *кому* принадлежит власть, но и идет дальше, обозначая, *как* эта власть мужчин воспроизводится в обществе благодаря действию культурных и психологических механизмов . Как я уже отмечала в главе 1, андроцентризм признает преимущество мужского опыта и исключает значимость опыта женского. Иными словами, в данном случае мужчины и мужской опыт рассматриваются как некий нейтральный стандарт или норма для культуры или человечества в целом, а женщины и женский опыт считаются специфическим отклонением от якобы универсального стандарта; отклонением, обусловленным половыми отличиями женщины.

Концепция андроцентризма впервые была озвучена в начале двадцатого столетия Шарлоттой Перкинс Гилман (Charlotte Perkins Gilman), написавшей книгу *«Мир, сделанный мужчина-ми, или наша андроцентричная культура»,* в которой говорится:

«Все наше мировоззрение зиждется на неизменном негласном предположении: в мужчине воплощен человеческий тип, а женщина олицетворяет собой некую дополняющую, сопровождающую и подчиненную помощницу, основная сущность которой сводится к продолжению рода. Относительно мужчины женщина всегда выполняла функцию препозиции — она всегда была при нем. Всегда считалось, что она над ним или под ним, впереди него, за ним, около него. Ее существование рассматривалось как полностью относительное — «сестра Сидни», «мать Пемброука», и никогда она не присутствовала сама по себе».

Гилман продолжает свои рассуждения: «Все, что мы наблюдаем вокруг, с чем рождаемся и с чем вырастаем, мы считаем естественным порядком вещей — так уж устроен мир...». Но «то, что мы до сих пор считали «человеческой природой»... было в значительной степени лишь мужской природой». И автор, в конце концов, приходит к выводу, что «наша андроцентричная культура была и остается чрезмерно маскулинной, что никак не может быть приемлемым» (1911/1971, р. 20-22).

79

Симона де Бовуар, не прибегая к самому термину *андро-центризм,* великолепно разработала это понятие, используя его в теории неравенства полов. В книге *«Второй пол»,* первоначально опубликованной во Франции в 1949 году, она утверждает, что восприятие исторически сложившихся взаимоотношений между мужчиной и женщиной как отношений по типу господство — подчинение, высокий статус — низкий статус или даже позитивное — негативное, не является самым верным. Скорее, в культурах, где господствуют мужчины, «мужчина воплощает как позитивные, так и нейтральные черты, что, собственно, и нашло отражение в общеупотребительном использовании существительного *тап {англ.* — мужчина, человек) для обозначения человеческого существа вообще. В то же время «женщина» являет собой только негативные черты и воспринимается односторонне, через призму ограничений... Как у древних существовало понятие абсолютно вертикальной линии, относительно которой измерялся угол отклонения, так и в наши времена существует свой особый «ординар» — некий абсолютно мужской человеческий тип. В женском организме имеются яичники, матка. Тем самым женщина становится пленницей своей непохожести, очерченной границами ее природы. Часто говорят, что она думает не головой, а своими половыми железами. Мужчина позволяет себе роскошь игнорировать тот факт, что его анатомия тоже включает в себя половые железы, в том числе и яички, и что эти железы вырабатывают половые гормоны. Мужчина воспринимает свое тело в прямой и естественной связи с миром, который он постигает, с его точки зрения, объективно. В то же время женское тело он воспринимает как некий барьер, как тюрьму со всеми отягчающими последствиями. Таким образом, человечество, род людской по сути своей мужской, и потому женщина воспринимается не сама по себе, а лишь относительно мужчины; она не рассматривается как автономное, отдельное существо... Она — нечто побочное рядом с существенно важным и необходимым. Он — Субъект, он — Абсолют, она - Другая» (1952, XV - XVI)[2].

В моем представлении основополагающий образ концепции андроцентризма выглядит так. Мужчины, помещенные в центр мироздания, смотрят оттуда на окружающий мир, воспринимая все увиденное через призму своей эгоцентричной — или андроцентричной — позиции. Они подразделяют реальность на «свое» и «другое» и оценивают все, что подпадает под категорию «другое» (включая и женщин) на основе соотнесен-

ие

ности с собой. Подобное восприятие «другого» сопровождается у мужчин двумя взаимосвязанными вещами.

Во-первых, мужчины воспринимают все, с чем они сталкиваются, в контексте сходства или несходства с собой. Они принимают свое собственное существование за точку отсчета, правило или стандарт для культуры или даже человеческого вида в целом. В то же время любой другой опыт для них менее ценен и представляется второстепенным по значению отклонением, или отступлением от стандарта, который ими же и установлен.
Во-вторых, мужчины определяют все, что их окружает, скорее, в категориях полезности или функциональной значимости персонально для себя, чем в категориях «нейтральных», то есть имеющих и какие-то другие значения, кроме субъективных привязок. На протяжении многих столетий мужчина воспринимал женщину либо как домашнюю работницу в доме, где он — глава, либо в контексте ее репродуктивной функции и умения стимулировать и удовлетворять его сексуальный аппетит.
В последних двух главах будет показано, каким образом институционализация андроцентричных линз повлияла не только на души отдельных мужчин и женщин, но и структурно трансформировала различие между мужчинами и женщинами в сторону женской ущербности. В данной главе я для контраста постараюсь документально подтвердить повсеместность андроцентричных линз в культуре Запада, используя четыре важнейших для всего человечества источника: иудейско-христианскую теологию, древнегреческую философию, психоанализ Фрейда и историю закона о равных правах в США. Начну с иудейско-христианской теологии. Кроме того, что она является фундаментальной основой современной западной мысли, она также служит прекрасным примером того, как власть иногда подавляет альтернативные направления человеческой мысли для того, чтобы сформировать дискурсы культуры по собственному подобию.

Иудейско-христианская теология

История

Иудаизм и христианство упрочили свое положение как основные религии на Ближнем Востоке между XVII и V веками до н.э. и между I и IV веками н.э., соответственно[3]. Хотя

большинство людей имеют представление об этих двух исторических периодах благодаря Ветхому и Новому Завету, очень немногие знают, почему или когда возникли эти священные книги. История их создания имеет значение для понимания андроцентризма, так как она связана с заменой богини на бога и восприятием женщины как «другой». Иными словами, эта история устанавливает «происхождение двух главных символов мужского господства в западной культуре — патриархального, несомненно маскулинного Бога и сексуальной, подчиненной женщины, сбивающей мужчину с пути истинного» (Sanday 1891, p. 215).
Иудейские религиозные верования восходят к XVI или XVII веку до н.э., когда Авраам впервые поведал о явлении ему бога Израиля, имя которому было Яхве. В течение последующих четырех столетий или около того Яхве оставался прежде всего богом евреев из колена Иуды. А евреи из других родов почитали Яхве наряду с многими другими мужскими и женскими божествами, включая Ашеру, которая является прототипом богини-созидательницы у всех древних народов Ближнего Востока*. Единственными ритуалами, общими для всех евреев, были в то время обрезание крайней плоти у мужчин и запрет на принесение в жертву людей, что отражено в священных книгах, например, в истории с Исааком.
После длительного периода Египетского рабства в XIII веке до н.э. евреи освободились от плена и вышли из Египта в Ханаан, ведомые Моисеем. В повествовании об исходе евреев очень большое значение придается Десяти Заповедям, открытым Моисею богом Яхве. Моисей негодовал на евреев из-за того, что они продолжали молиться другим богам, кроме Яхве (в частности, языческому идолу — Золотому Тельцу). Поэтому составители священных книг единодушно считали Моисея основателем иудаистского монотеизма. Однако даже после прибытия в землю Ханаанскую еврейский народ продолжал поклоняться другим богам и богиням, а не только богу Яхве. Фактически, как только древние евреи перешли от полукочевого скотоводства к

* В древней Финикии, начиная с III тысячелетия до н.э., центральными божествами были супружеская пара Эл и Ашера. Среди семидесяти потомков этой пары возвышаются бог смерти и подземного царства Мот и владыка земли Ваал. Древнесемитские мифотворческие традиции считаются общими для угаритской религии Финикии и иудейской религии. См.: Гече Г. Библейские истории. М., 1979. — *Прим. пер.*

оседлому образу жизни и орошаемому земледелию, они с большим воодушевлением стали почитать тех богов и богинь, которые, по их верованиям, способствовали плодородию — в

особенности, Ваалу, сыну Ашеры, и его близкой родственницы Анат*.
Около 1100 г. до н.э. различные еврейские кланы объединились из политических соображений для защиты от общих врагов, начиная с филистимлян. Тогда же была основана монархия. Царь Саул правил до 1004 г. до н.э., царь Давид — до 965 г. до н.э; сын Давида, царь Соломон — до 922 г. до н.э. (даты приблизительные). При Давиде, собственно, и было создано Еврейское царство со столицей в Иерусалиме. Поскольку Давид до этого был царем Иудейским, в новом Еврейском царстве стали преобладать иудейские верования, в том числе и вера в единого и истинного бога Яхве.
После смерти Соломона в 922 г. до н.э. Иудейское царство распалось на две части — возникли Израильское и Иудейское царства. Иудея просуществовала почти четыреста лет, до 586 г. до н.э., когда вавилоняне разрушили Иерусалим и Иерусалимский храм. Израиль просуществовал только двести лет, до захвата его столицы Самарии ассирийцами в 722 г. до н.э. В начале истории Израиля, особенно в период царствования Ахава, женатого на чужеземке Иезавели, был распространен культ Ашеры и Ваала. Однако этому был положен конец в 852 г. до н.э., после политического переворота и казни более четырехсот жрецов культа Ваала.
Распад Иудейского царства таил в себе явную угрозу влиянию единого бога Яхве. Этот критический момент и был использован богословами, которых теперь называют яхвиста-ми**. Они взяли на себя труд написания согласующейся с единобожием истории еврейского народа, к которому призывал Моисей. Позднее эта история была детально развита и
* Ваал — языческое божество, чтимое также в Финикии, Сирии, Вавилоне. Почитался древними восточными народами как бог Солнца. У древних израильтян идолослужение Ваалу сопровождалось большими торжествами и пышностью. Анат — в западносемитской мифологии богиня охоты и битвы, сестра и возлюбленная умирающего и воскресающего бога Ваала. См.: Библейская энциклопедия. М., 1990. — *Прим. пер.*
** Яхвист, от Яхве — один из предполагаемых источников Пятикнижия. Считается, что книги Моисея имеют четыре разных источника, а, следовательно, и четырех авторов. Первый автор последовательно упоминает имя Яхве, второй называет бога Элохимом, и т.д. Поэтому условно текст первого автора называют Яхвист. См.: Гече Г. Библейские истории. М., 1989. С. 55 — *Прим. пер.).*

пополнена многими другими авторами, включая группу священников-книжников. В результате появилось Пятикнижие, известное также как Пятикнижие Моисея и канонизированное как Святое Писание пророками Ездрой и Неемией около 450 г. до н.э.
Чтобы впредь не допускать проникновения тенденций многобожия, Яхвист создал самую возвышенную историю сотворения мира. Вместо того, чтобы поведать о трудной борьбе между мужскими и женскими божествами, как о том повествовали другие древние источники Ближнего Востока, он умолчал о существовании любых богов, мужских или женских, кроме Яхве. Он также приписал Яхве высшие духовные совершенства, многие из которых ранее считались атрибутами других божеств (включая и сотворение мира). В свете истории длительной идеологической борьбы поклонников культа *Яхве* против других божеств, в том числе и богини-созидательницы Ашеры, некоторые современные теологи признают, что в Ях-висте бог предстает подчеркнуто маскулинным, а Ева проявляет себя в весьма негативном свете, не говоря уже о том, что женщины вообще были исключены из контекста тех мест Ветхого Завета, где повествуется о союзе, заключенном Яхве с Израилем. Очевидно, что этот факт также послужил цели ниспровержения Ашеры — раз и навсегда.
Хотя взгляды, отраженные в Яхвисте, были позднее слегка смягчены и уравновешены составителями священных книг, они не вызывали возражений в течение первых четырех столетий н.э. Но в некоторых образовавшихся сектах ранних христиан (известных в наше время как гностики) распространилось расширенное толкование некоторых уже укоренившихся версий. Отклонение от канона было настолько существенным, что более ортодоксальные христиане сочли его ересью. Так, основываясь на версии, изложенной в Библии (Бытие 1: 27), «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их», а также на ряде других, гностики стали считать, что как Бог, так и человеческая природа заключает в себе и мужские, и женские начала. Кроме того, они представили Еву как советчицу Адама. Судя по тому, что данный образ Евы является более позитивным, понятно, почему гностики допускали, что и женщина может быть посланником божьим.
Но это еще далеко не самое возмутительное из воззрений гностиков. Их поражало: как это

возможно, что столь несовершенный мир был создан совершенным богом? Многие гностики дошли до явно еретического вывода: сам бог евреев

84

представляет собой несовершенное порождение Первоисточника. При этом, они понимали его дуалистически: как единство мужского и женского.

Из-за идей гностиков, фундаментально поколебавших абсолютный монотеизм и абсолютную мужественность бога евреев, которого все современники почитают отцом Иисуса Христа, тексты их были исключены из двадцати шести канонизированных книг Нового Завета. В четвертом веке н.э., когда христианство стало официально установленной религией, упомянутые писания гностиков, наряду с другими, также осужденными за ересь, были преданы огню, а их приверженцев подвергали преследованиям как уголовных преступников. Большинство богословов знают об этих пергаментах и о противоборстве течений внутри раннего христианства благодаря тому, что часть тех евитков сохранилась, пролежав в пещерах, в глиняных сосудах более 1600 лет. Их нашел в 1945 году в Египте арабский крестьянин. Благодаря найденным документам, современные ученые сумели расширить наши знания о Новом Завете. Особенно интересны те фрагменты посланий апостола Павла, в которых он говорит о женщинах*. В этом документе прочитываются все те же знакомые попытки изъятия из иудейско-христианской традиции любых намеков на возможность участия женщин в богослужении. Кроме того, игнорируются любые признаки женской символики в сфере божественного.

Библейское определение женщины

Теперь, после короткого исторического экскурса, мы можем рассмотреть андроцентризм в контексте основных библейских представлений о женщине. Ранее я охарактеризовала андроцентризм как привилегированное положение мужчин, мужского опыта и мужских представлений, которые ведут к восприятию женщины как «другой»[4]. Я также предположила, что, воспринимая женщину как «другую», мужчина обычно акцентирует три аспекта в отношениях женщины к нему:

1) ее отличие и ее неполноценность, по сравнению с тем всеобщим стандартом или нормой, естественным воплощением которой он считает себя;

* В Первом послании Павла к коринфянам говорится, что женщины не должны принимать участия в богослужении. «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит». Цит. по: Гече Г. Библейские истории. С. 290 — *Прим. пер.*

85

2) ее домашняя и репродуктивная функции в рамках семьи или домашнего хозяйства, во главе которого, естественно, он видит себя;

3) ее способность стимулировать и удовлетворять его сексуальные потребности, которую он воспринимает одновременно и как возбуждающую, и как таящую в себе смутную угрозу.

Все эти идеи, кроме разве что одной, присутствуют в библейской истории сотворения мира. Адаму была дана власть по своему усмотрению давать имена всем творениям на земле, включая и женщину. Кроме того, Адам был единственным, о ком было недвусмысленно сказано, что он создан по образу и подобию Бога. Ева же, наоборот, предстает перед нами как ухудшенное отклонение от божественного стандарта. Она — вторичное существо, данное Адаму в помощь и лишенное права наделять именами.

Сказал Бог: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Бо-жию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». (Бытие, 1: 26-27).

И сказал Господь Бог:

«Нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место пло-тию.

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей: она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Бытие, 2: 18-23).

Библейская история о грехопадении Адама и Евы, акцентируя уже обозначенные темы, вводит еще одну — тему жен-

86

щины как сексуальной соблазнительницы. Началом грехопадения стало то, что Змей-искуситель склонил Еву вкусить запретного плода от древа познания. Хотя библейская версия не объясняет, почему змей обратился именно к Еве, а не к Адаму, Джон Филлипс (John Phillips) в своем богато документированном исследовании библейского мифа о Еве отмечает, что интерпретаторы Библии практически единодушно полагали, что «змей, по природе своей коварный и проницательный, знал, что из этих двух существ женщина — более слабая». А почему она слабее? Потому что она «не столь совершенная копия своего Создателя; она не только хуже Его, но и хуже Адама...; ее сила «разжижена»; способность логически мыслить, самоконтроль, набожность и моральная стойкость ослаблены» (1984, p. 57). Таким образом, уже сам выбор змея подчеркивает восприятие женщины как отклонения в худшую сторону от мужского стандарта.

Образ женщины как сексуальной соблазнительницы, искушающей мужчину делать то, что ему не свойственно, стоит за поступком Адама, преступившего вслед за Евой черту дозволенного. Хотя причина, по которой Адам впал в грех, в самой Библии не уточняется, толкователи Библии из века в век объясняли его грехопадение искушением со стороны Евы. Джон Филлипс подытоживает объяснения, лежащие в плоскости сексуальности, следующим образом: «Будучи соблазненной сама из-за собственной слабости, она способна соблазнить своего мужа, исполненная дьявольской силы». Как «орудие воли Сатаны», она наделена неотразимой сексуальностью, что с неизбежностью толкает Адама положить конец своему райскому существованию» (Р. 64)

И, наконец, отведение женщине роли домашней хозяйки и матери детей в доме, где главенствует мужчина, усиливается в библейском контексте наказания, которое Ева получает за свое прегрешение. Созданная Творцом в помощь мужчине, теперь она становится еще более покорной и более обреченной на деторождение, чем тогда, когда она отведала запретного плода. «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Бытие, 3: 16).

Остается открытым вопрос: в чем же суть ее греха, кроме того, что она не подчинилась Богу? Иначе говоря, что символизирует вкушение запретного плода? Интерпретаторы Библии предлагают, в числе прочих, три ответа.

87

1. Вкушение запретного плода символизирует плотскую сексуальность. Действительно, когда Адам и Ева отведали плода, они обнаружили, что на них нет одежд. То, что Ева сорвала плод первой, а потом уже склонила Адама, согласуется с восприятием женщины как сексуальной угрозы.

2. То, что именно Ева попробовала запретный плод, означает недостаточное послушание — как Евы, так и всех женщин — не только Богу, но и вообще мужчине. Данная интерпретация была предложена в XVI веке н.э. реформаторами протестантской церкви, в числе которых были Мартин Лютер и Джон Кальвин. Последние «отвергали сексуальную тенденциозность, сопровождающую грехопадение человечества, как еврейские побасенки и Папские бредни» (Phillips 1984, p. 99). С этим выводом согласуется и то наказание, которое понесла Ева за свое прегрешение.

3. То, что именно Ева попробовала запретный плод, также символизирует склонность женщины к тщеславию: поддавшись на уговоры Змея, она возомнила, что может по уровню познания стать «равной Богу», как уверял Змей. Подобным взглядам созвучна вся история идеологической борьбы между монотеизмом (вера в единого и истинного бога Яхве) и политеизмом (вера в других богов, помимо Яхве, включая и богиню творения). В контексте этого противоборства легко вообразить, что суровое наказание, постигшее Еву за ее попытку тягаться с Богом, Яхвист символически предназначал женскому божеству, богине творения. Точно так же он наказал женщину-богиню и вполне материально, удалив ее со сцены сотворения мира.

Я рассмотрела здесь фигуру Евы, используя материалы не только из Книги Бытия, но и из широко известных интерпретаций Книги Бытия, поскольку, согласно меткому высказыванию Филлипса, история Евы является «сердцевиной концепции Женщины в Западной цивилизации». Будучи воплощением Женщины, Ева является «неотъемлемой частью истории культуры и общества народов, несущих на себе ее печать... Последовать за Евой означает узнать больше о том образе, с которым соотносятся женщины Западной цивилизации. Чтобы понять Женщину, надо сначала

понять Еву» (1984, p. XIII).
Однако не только история Евы нуждается в ясном понимании. Западная мысль в целом и ее представление о женщине в особенности, опираются также и на философско-политическую традицию, корни которой ведут в Древнюю Грецию.

Философия древних греков
Историки в большинстве своем рассматривают древних греков как основателей западной цивилизации[5]. Они не только заложили традиции индивидуальной свободы и справедливости, ставшие основой современной демократии; их искусство, философия и наука послужили мощным фундаментом для западной мысли и культуры. Вспомним, сколько разных аспектов американской культуры являются греческими по происхождению — это не только само понятие гражданина в демократическом государстве, но также метод Сократа, клятва Гиппократа, геометрия Эвклида, теория Эдипова комплекса и даже Олимпийские игры, впервые устроенные на стадионе в Олимпии в Западной Греции в 776 г. до н.э.
Однако, наряду с этими общеизвестными и положительными традициями, древние греки положили начало и традиции женоненавистничества, в значительной степени повлиявшей на формирование взглядов на женщину вплоть до сегодняшнего дня. Эта традиция восходит, по крайней мере, к восьмому веку до н.э., когда греческий поэт Гесиод записал историю Пандоры.
В греческой мифологии Пандора была первой женщиной на земле, созданной по повелению Зевса в наказание Прометею за то, что тот украл у богов огонь и передал его людям. В намерения Зевса входило создать дьявольское, но очень привлекательное для мужчин существо. Пандоре был дан образ богини, которую другие боги наделили дарами — красотой, грацией, чтобы она была очень соблазнительна. Отсюда и ее имя — Пандора, что значит «всем одаренная».
Боги вручили Пандоре сосуд, который она не должна была ни в коем случае открывать. После брака с братом Прометея любопытство все же взяло над ней верх, и она открыла сосуд. Из сосуда по земле сразу же расползлись все болезни, бедствия, пороки и несчастья. Когда она захлопнула сосуд, на дне его осталась только надежда*. Таким образом, у древних греков, так же как и в древней иудейско-христианской традиции, первая женщина на земле была причиной потерянного рая для человечества.
Гесиод жил ненамного позже Гомера. Большинство же наиболее известных греческих поэтов и драматургов жили в IV и V веках до н.э. В их числе Софокл, написавший трагедию об
* Так люди оказались лишенными даже надежды на лучшую жизнь. См.: Мифологический словарь. М., 1992. С. 425. — *Прим. пер.*

Эдипе; Сократ (бывший учителем Платона); Платон (учитель Аристотеля) и сам Аристотель. Более всего о природе и функциях женщин рассуждали Платон и Аристотель. Подобно андроцентричным богословам иудейско-христианской традиции, Платон и Аристотель также воспринимали женщину как:
1) отклонение в худшую сторону от мужского стандарта;
2) подчиненное существо в семье, где главой является мужчина, а задачей женщины является воспроизводство законных наследников, воспитание детей и поддержание дома. (Кроме своей андроцентричности, эти взгляды имеют классовый характер: женщины-рабы даже не входили в категорию «женщины»).
В трудах Платона и Аристотеля совершенно отсутствует восприятие женщины как сексуальной соблазнительницы, способной подтолкнуть мужчину на совершение дьявольских поступков (как в случае Адама и Евы) или лишить его сил (как в случае Самсона и Далилы). Эта брешь в андроцентрической концепции женщины, возможно, связана с гомоэротизмом древнегреческой культуры. Для мужчин такого склада, как Платон или Аристотель, женщины не были центром эмоциональной жизни и объектами сексуального влечения. Таким образом, в данном случае женщина не воспринималась в контексте мужской сексуальности, несмотря на общую андроцентрическую традицию.
Платон
Понимание Платоном женщины как существа, худшего по сравнению с мужчиной, четко прослеживается в его мифе о творении. Природа человека двояка; мужчины являются «высшей расой». Первоначально женщин на земле не существовало вообще — только одни мужчины, души которых предназначались определенным звездам.
Тот, кто прожил достойную жизнь, возвращается на свою звезду и пребывает благословенно и

счастливо, в душевной гармонии. Но если ему не удается покинуть землю, во втором своем рождении он становится женщиной. А если, живя в женском облике, он не сможет противостоять дьяволу, наступает постепенное превращение его в бессловесную скотину как напоминание о том, что в него вселился дьявол. (Timaeus, 42).

Согласно этому мифу, женщина создана из мужчины — также как в Ветхом Завете. В данном случае, пожалуй, даже хуже: она произошла от тех мужчин, «которые были трусливы-

90

ми или жили неправедно» (90) во время своего первого жизненного цикла на земле. А из кого же тогда получались грубые низшие животные? Из тех, кто, став женщиной, оказались злобными и безнравственными. Выходит, по критериям доброты и ума женщина находится где-то в промежутке между мужчиной и животными.

Поскольку Платон, в основном, являлся социальным критиком и утопистом, большинство его работ посвящено описанию жизни в утопических городах-государствах двух типов («наилучшее» и «второе после наилучшего»). В наилучшем государстве все обобществлено. Высшее сословие попечителей коллективно управляет всей собственностью; не имея при этом особых личных интересов, оно в состоянии управлять городом в целом, ради всеобщего блага. Во втором городе-государстве собственность не является общественной. Платон изъял частную собственность из идеального государственного устройства, потому что, по его убеждениям, частная собственность приводит к своего рода одержимости обладанием, что ведет не только к «преувеличенной любви к себе» (Laws, V, 731), но и к политическому вырождению государства и правительства. Следуя этой логике, Платон изъял из идеального устройства также частное домашнее хозяйство, частную семью, детей и жен!

Как можно ожидать, подобная отмена традиционных форм жизненного уклада не может не привести к революционному переустройству общественной жизни в целом. Для создания наилучшего потомства мужчины и женщины из сословия попечителей, чья хорошая наследственность не вызывает сомнений, вступают во временные, но освященные союзы. Родители вновь произведенного потомства не допускаются к его воспитанию: дети сразу же после рождения отнимаются от матерей и получают общественный уход и воспитание. Ввиду этого ни одна женщина и ни один мужчина не знает, какому ребенку из детского коллектива он приходится родителем.

Как уже было отмечено, в восприятии женщины у древних греков отсутствовал один традиционной андроцентричный элемент: женщина как сексуальная соблазнительница. С отменой Платоном частной семьи, детей и жен оказался утраченным и еще один традиционный андроцентричный элемент — женщина как существо, подчиненное мужу — главе семейства. Однако эта вторая брешь никак не отразилось на отношении к женщине как к отклонению от мужского стандарта. Более того, эта брешь не оставила женщине никакой

91

иной роли или функции, кроме беременности и лактации, поскольку все остальные функции выполнялись мужчинами или рабами.

Необычный социальный контекст сказался и на необычности роли женщины в построениях Платона. Так, он считал, что в идеальном государстве женщины не только будут обладать самостоятельностью, но и станут играть ту же самую роль, что и мужчины-попечители. Платон весьма серьезно относился к содержанию мужских и женских ролей, настаивая на том, чтобы женщины принимали активное участие в армии, а мужчины — в коллективном воспитании детей.

Предвидя сомнения в возможности осуществления подобного проекта, Платон подробно объяснял, что как только женщина отходит от обычной частной роли жены своего мужа и получает то же самое образование и навыки, как и мужчина, она становится способной в полной мере выполнять те же функции, что и мужчина. Однако в целом женщины достигают менее выдающихся результатов, чем мужчины, потому что у мужчин «все способности и склонности развиты выше, чем у женщин». И, хотя «занятия у мужчин и женщин одни и те же, в любом деле женщина хуже мужчины» (Republic, V, 455). Естественно, подобные рассуждения мы уже слышали и не раз.

У Платона было существенное возражение против института частной собственности, однако он полагал, что группа людей будет иметь достаточно здравого смысла и добродетели, чтобы управлять собственностью сообща. Соответственно, институт частной собственности сохранил свое существование во «втором после наилучшего» государстве. Платон понимал, что институт частной собственности предполагает необходимость существования законных наследников, а

существование законных наследников, в свою очередь, бесспорно, требует наличия не общих, а сугубо частных жен.

В контексте Платоновых предписаний об устройстве жизни во «втором после наилучшего» государстве мы, наконец, встречаем андроцентричный взгляд на женщину как на существо подчиненное, в семье с хозяином-мужем. Здесь женщины лишены не только основных гражданских и законных прав, включая право на собственность, право наследования и право давать показания в суде, но они отделены от мужчин женской половиной в доме, где и выполняют свои первейшие обязанности: следят за работой по дому, растят детей и ухаживают за младенцами. Более того, если

92

речь идет об образовании, то матери не надо учить детей чему-нибудь особо интеллектуальному, вроде грамоты. Образование детей — как фактически все публичные роли — закреплено за мужчинами.

Хотя на словах Платон предоставил женщинам право нести службу даже во «втором после наилучшего» государстве, фактически их положение личных жен, по сути, представляет особую категорию частной собственности. Он сам признал это, когда сказал: «женщины, дети и дома, а также все остальные вещи — [все еще] являются частной собственностью индивидуумов» (Laws, VII, 807). Согласно данной схеме, женщины, как и все другие виды собственности, включая слуг и детей, вполне законно могут быть удалены из родительского дома мужчинами-родственниками — то есть, у них нет права выбирать, за кого выйти замуж.

Платон, возможно, и не мог рассуждать о женщине как о личности с собственными правами, поскольку принадлежал культуре, в которой понятия частной собственности и частной семьи были разделены. Тем не менее, он был первым мужчиной-писателем в истории западного мира, кто всерьез задался вопросом о том, могут ли мужчины и женщины по своей природе быть настолько похожими, чтобы играть в обществе одинаковые роли. Уже за одно это достижение он заслуживает похвалы. Что же касается Аристотеля, то идею сходства мужчины и женщины он вообще не принимал во внимание[6].

Аристотель

Поскольку Аристотель был, скорее, ученым, чем общественным критиком или утопистом, его больше занимало, «почему окружающий мир и его составные части таковы, каковы они есть», а вовсе не природа различий (Okin 1979, p. 73). Он отвечал на этот вопрос в телеологическом ключе. Росток клена стремится стать кленовым деревом — точно так же и все живое стремится на протяжении своего существования стать таким, как заложено в его природе. Вот как, например, он объяснял, почему женщины и рабы всегда будут отличаться друг от друга: «Природа... не скупится, подобно кузнецу, кующему дельфийский нож, чтобы тот прослужил подольше; она творит каждую вещь для одного предназначения; вот и каждый инструмент получается наилучшим тогда, когда он имеет одно предназначение, а не много» (Politics, I, 2, 1252b).

93

Это не значит, что каждый предмет, каждое творение нужно рассматривать изолированно от других. Мир, по Аристотелю, — единая структура, части которой образуют иерархию. Отсюда следует, что части единого целого — мира — взаимосвязаны в естественном порядке: одни выше, или значительнее, а другие — ниже, или не столь важны. Классификация на основе критерия «высшее — низшее» определена Аристотелем совершенно недвусмысленно: «И в мире природы, и в мире искусства низшее всегда существует ради лучшего или высшего; это лучшее или высшее всегда имеет логическое обоснование» (Politics, VII, 14, 1333a). Иначе говоря, существа, способные размышлять или здраво рассуждать, находятся на вершине иерархии; основное же назначение всего и всех остальных — помогать вышестоящим исполнять то, что им предназначено.

Для нас представляет интерес, где же в этой иерархии расположены женщины по отношению к мужчинам, и почему они находятся именно там. По Аристотелю, «мужчина таков, каков он есть, благодаря своим способностям, а женщина такова, какова она есть, по причине ее неспособности» (Generation of Animals, V, 1, 766a). То есть, «мы должны рассматривать женский характер как недоразвитый от природы» (Generation of Animals, IV, 6, 775a), как беспомощного или «искаженного» мужчину (11, 3, 737a); женские «рассуждения безосновательны» (Politics, I, 13, 1260a). Правда, женщина «естественно необходима», как и все творения, размножающиеся половым путем, но при оплодотворении в неблагоприятных условиях могут родиться и дети с уродствами, и другие «монстры». Поэтому она представляет собой один из тех случаев, когда

«природа значительно отклоняется от типичного». В действительности, она — «первое отклонение» от типичного (Generation, IV, 3, 767b). И если подобную позицию нельзя квалифицировать как классический пример андроцентрично-го взгляда на женщину (отклонение в худшую сторону от мужского стандарта), тогда я не знаю, что еще может претендовать на эту роль.

Что следует из постулата о том, что женщина от природы — существо подчиненное и она существует в иерархии ради высшего по рангу? Если она кому-то служит, то главная цель ее жизни — всячески способствовать тому, чтобы жизнь ее мужчины была устроена наилучшим образом: наиболее разумно, взвешенно и организованно. По Аристотелю, в отличие от раба, основной функцией которого является прислуживать хозяину, женщина делает то же самое, но это

94

свойственно ей от природы — ухаживать за детьми, вести хозяйство. Домашнее хозяйство, разумеется, само по себе устроено иерархически: отец главенствует над сыном, хозяин — над рабом, муж — над женой.

Противоречивое наследие

Даже из краткого обсуждения наследия Платона и Аристотеля видно, что существовали два направления мысли, которые сами греки не считали противоречащими друг другу. Однако в более поздних культурах примирение этих взглядов вызвало определенные трудности. Первое направление касается иерархии, статуса и природных различий. Коллектив в данном случае естественно рассматривался как имеющий иерархическую структуру; в свою очередь, уровень доблести, присущий от природы каждому человеку, определял его статус в этой иерархии; низшие по статусу воспринимались как естественно служащие интересам вышестоящих. Второе направление предполагает рациональность, равенство и демократию. В этом случае рациональности и полемике — а не подчинению авторитету — придавалась высшая ценность; предполагалось, что все граждане политического сообщества принимают полное и равное участие в политическом процессе.

Древние греки считали естественную иерархию настолько само собой разумеющейся, что свои представления о демократии и равенстве они применяли исключительно к элитной верхушке своего общества. Спустя две тысячи лет, в эпоху Просвещения, индивидуум получил столь огромный приоритет над коллективом, что интеллектуальная элита (включая Томаса Гоббса, Рене Декарта и Джона Локка) придавала естественно сложившейся структуре коллектива меньшее значение. Гораздо большее значение придавалось тому обстоятельству, что индивидуум имеет определенные естественные и неотъемлемые права. Взращенный на почве Просвещения язык естественных прав приобрел настолько универсальный характер, что уже стало неприемлемо управлять людьми, не сообразуясь с их естественными правами. Тезис о том, что все индивиды от рождения равны по своей природе, одним теоретическим ударом полностью разрушил доводы древних греков о природе политического неравенства одних людей по сравнению с другими[7].

Однако, несмотря на всю свою теоретическую чуждость языку естественных и неотъемлемых прав, древнегреческие взгляды на природную основу политического неравенства

95

>.

все-таки незаметно вкрались и в труды теоретиков Просвещения, и в конституции всех демократий в современном мире. Например, в Конституции США главное из политических прав — право голоса — не только не предоставлялось женщинам и неграм, но также и белым гражданам-мужчинам, не имевшим собственности.

Единственным теоретиком эпохи Просвещения, кто смог выйти за пределы древнегреческих взглядов, оправдывавших политическое неравенство природными различиями, был Жан Жак Руссо, со всей страстью выступавший против любых форм политического неравенства среди мужчин. Но Руссо никогда не пускал в ход свои пылкие доводы, если речь шла о субординации женщин. Хуже того, он считал, что, поскольку женщина может использовать свою сексуальную привлекательность для «упрочения своей империи и усиления пола, который должен повиноваться» (1755/1952, р. 346), мужчины должны подчинить себе женщин, сделать их покорными во всех других жизненных сферах, если они хотят сохранить равновесие сил. По сути, Руссо выступал против политического равенства женщин с мужчинами, воскрешая из далекого прошлого древнее иудейско-христианское восприятие женщины как дьявольской сексуальной соблазнительницы.

Как писал политический философ Арлен Саксонхаус, «напряженность, которую мы наблюдаем в

большинстве современных дебатов о месте женщины в обществе, проистекает из конфликта между теоретическими рассуждениями поборников равноправия о либерализме», на котором «построена американская политическая система, и практикой патриархальной и половой дифференциации, из которой выросло наше общество» (1985, р. 6—7). Я надеюсь, теперь читателю ясно, что в Америке и акцент на рациональности и демократии, и андроцентричное вытеснение женщин из общественной сферы (что будет документально доказано ниже) также имеет, по крайней мере отчасти, древнегреческое происхождение.

В то время как два рассмотренных нами андроцентричных дискурса уходят своими корнями в очень далекое прошлое, следующий аспект андроцентричных рассуждений, к которому мы обратимся, появился менее ста лет назад. Несмотря на свое недавнее происхождение, этот третий дискурс настолько радикально изменил представления о человеческой природе в современной западной культуре, что его следует рассматривать как основную составляющую в картине современного Западного восприятия женщины.

%

Психоаналитическая теория Фрейда

Фрейд

До сих пор мы рассматривали две категории объяснений того, почему женщины и мужчины настолько отличаются друг от друга и не равны по своей природе. В первом случае доводы сводятся к тому, что в момент творения оба пола были наделены разными и неравными свойствами (в контексте иудейско-христианской теологии их различия были предопределены Богом, а в контексте древнегреческой философии — самой природой). Во втором случае объясняется, что природные отличия и неравенство обоих полов формировалось постепенно, в ходе биологической эволюции. С обоими направлениями резко контрастирует психоаналитическая трактовка, предложенная Зигмундом Фрейдом в начале 1900-х годов. Его основной аргумент сводится к тому, что мужчина и женщина обнаруживают свою различную и неравноценную природу в процессе психологического развития в детстве.

Особое значение имеют три аспекта психосексуального развития. 1. Даже на фоне нормального психологического развития ребенок неизбежно сталкивается с множеством мыслей и чувств, переживаемых как психологически угрожающие. Поэтому развитие всегда предполагает вытеснение какой-то части этого болезненного материала в область бессознательного. 2. Наиболее часто на уровень бессознательного вытесняется материал сексуального содержания, так как сексуальность (или чувственность) оказывают решающее влияние на опыт не только раннего детства, но даже младенчества. 3. Различным стадиям психосексуального развития детей соответствуют и различные проявления детской сексуальности. Например, на протяжении «оральной» стадии сексуальность ребенка, прежде всего, сконцентрирована на акте сосания. В течение «анальной» стадии сексуальность обращена, в основном, на удержание и выталкивание фекалий. А в течение «фаллической» стадии она в первую очередь направлена на манипуляции с гениталиями[9].

Согласно Фрейду, в норме именно на фаллической стадии развития, разворачивающейся в возрасте примерно от трех до шести лет, у ребенка начинает развиваться чувство сексуального притяжения к родителю противоположного пола; также У него появляется осознание того, что у людей разного пола различные гениталии.

У мальчика, «для которого его собственный пенис является предметом гордости» (1924/1959, р. 271), вид гениталий девочки вызывает или «ужас перед искалеченным существом, или чувство триумфального презрения к ней» (1925/1959, р. 191). Кроме того, это событие наводит мальчика на мысль о том, что его пенис подвергается вполне реальному риску — он уже не раз сталкивался с угрозой кастрации, в действительности или только в воображении — когда мастурбировал, когда демонстрировал свой сексуальный интерес к матери, или в обоих случаях сразу. Все это настолько болезненно и угрожающе, что невыносимо для маленького мальчика; поэтому он подавляет свои сексуальные чувства к матери, идентифицирует себя с отцом и — через процесс идентификации — не только освобождается от эдипова комплекса, но и приходит к развитию нормальной маскулинности и сильного супер-эго*.

У девочки же, которая так долго была «маленьким человечком», «счастливая находка мастурбации с «эквивалентом пениса», осознание разницы в устройстве гениталий вызывает не страх кастрации, но желание иметь «более совершенный орган» (1933/1964, р. 104; 1925/1959, р. 195). Фрейд описывает этот критический момент как прозрение: видя не один раз пенис «брата

или сверстника, сильно заметный и большой», маленькая девочка «молниеносно приходит к выводу и решению. Она видела это; она знает, что у нее этого нет, и она хочет, чтобы у нее это было». Иными словами, маленькая девочка немедленно становится «жертвой зависти к пенису» (р. 190—191). Фрейд ни в коем случае не рассматривает эту зависть как явление ненормальное. Совсем наоборот. У девочки зависть к пенису приводит к нормальной фемининности, точно так же как и у мальчика страх кастрации приводит к нормальной маскулинности.
Точнее говоря, существует, по крайней мере, шесть нормальных и естественных психологических последствий зависти девочки к пенису, и все они представляют собой составные части ее развивающейся фемининности. Во-первых, как только «ее нарциссизму (самовлюбленности. — *Прим. пер.)* наносится рана, вслед за этим развивается чувство неполноценности». Во-вторых, когда она «преодолела свою первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса как личное наказание и поняла, что этот половой признак универсален, она начинает
* Супер-эго — усвоенная индивидуумом система социальных норм и стандартов поведения, полученная от родителей посредством поощрения и наказания. — *Прим. пер.*
98
разделять презрение мужчин в отношении того пола, который более ограничен в столь существенном вопросе». В-третьих, «даже после того, как чувство зависти к пенису отделилось от своего первичного объекта, оно продолжает существовать... в виде ревности как черты характера». В-четвертых, девочка «разрывает свою эмоциональную связь с матерью», которую она почти всегда считает «ответственной за то, что у нее (девочки. — *Прим. пер.)* нет пениса». В-пятых, из-за «чувства унижения», которое она испытывает в связи с «неполноценностью клитора», она отказывается от мастурбации, тем самым, обеспечивая «направление развитию своей [вагинальной] фе-мининности». Наконец, она «освобождается от своего желания иметь пенис, вместо чего у нее появляется желание иметь ребенка» (р. 192—195).
В этот момент, говорит Фрейд, «девочка превратилась в маленькую женщину» (р. 195). Эта маленькая женщина будет особенно счастлива, однако, если ребенок, о котором она теперь мечтает, будет маленьким мальчиком, «который предоставит ей долгожданный пенис» (1933/1964, р. 113).
К сожалению, сделанное девочкой «открытие, что она кастрирована», не всегда направляет ее развитие в сторону «нормальной фемининности» (р. 114). В некоторых случаях ее «себялюбие» настолько «принижается в результате сравнения с недосягаемой принадлежностью мальчика», что она «подавляет значительную часть своих сексуальных побуждений», а это, в свою очередь, ведет к «сексуальному торможению или к неврозу» (р. 111—112). В других случаях у девочки развивается «мощный комплекс маскулинности» (р. 114). Фрейд считал, что из-за него она «отказывается признаться себе в том, что она кастрирована», «глубоко убеждена в том, что у нее все-таки *есть* пенис» и поэтому «ведет себя так, как если бы она была мужчиной» (1925/1959, р. 191—192). «Суть этого процесса», согласно Фрейду, в том, что она избегает «нарастания пассивности..., открывающей доступ к изменениям в сторону фемининности». Крайний случай подобного комплекса маскулинности — «манифестная гомосексуальность» (1933/1964, р. 115), но есть и не столь яркие последствия, и среди них — отвержение традиционной роли жены и матери и стремление «заниматься интеллектуальной деятельностью» (Р. 111).
В обсуждении вопроса о психосексуальном развитии девочек звучат три хорошо знакомых андроцентричных аспекта восприятия женщины, идущих от иудейско-христианской и древнегреческой традиций. Однако, принимая во внимание, что в XX веке проблемы пола стали изучаться наукой,
99
восприятие женщины с позиций мужской сексуальности также заметно осовременилось.
Благодаря дарвиновской теории эволюции, секс стал рассматриваться как естественное и крайне необходимое для развития видов поведение; особое значение в этом контексте придавалось активному, привлекающему поведению самок. Иудейско-христианское понимание женщины как активной сексуальной соблазнительницы, чья сексуальная инициатива оборачивается для мужчин суровым наказанием, никак не могло вписаться в такую пост-дарвинистскую научную теорию, как теория Фрейда. Фрейд предложил вместо этого гораздо более современное толкование женщины: женщина не столько соблазнительница, сколько объект мужского сексуального аппетита. В частности, Фрейд выделял «пассивных» женщин и женщин — «мазохисток» (Р. 102), у которых в результате сложного процесса психосексуального развития сексуальное удовлетворение локализуется не в «маскулинном» клиторе, как было первоначально, а в «истинно фемининной»

вагине (Р. 104) — как раз в том, что наилучшим образом служит мужской сексуальности.
Хотя в фрейдовском понимании женщины не наблюдается принципиальных изменений в аспекте ее бытовой и репродуктивной функций, разительные изменения произошли в самой основополагающей метатеории. В то время как в древности вряд ли было возможно воспринимать женщину иначе, как через призму ее бытовой и репродуктивной ролей, Фрейд рассматривал возможность женщины играть и другие роли как в высшей степени реальную. Однако при этом он принял меры по подрыву живучести этих других ролей, теоретически разделив «нормальную фемининность» и «комплекс маскулинности» (Р. 111), тем самым, расценивая любую женщину, стремящуюся быть кем-то еще, кроме жены и матери, как случай психологической патологии.
Нельзя утверждать, что Фрейд полностью отказался от мысли, что именно природная патология побуждает женщину к активности вне дома. Он считал, что женщины по своей природе имеют «более слабую способность к сублимации инстинктов, по сравнению с мужчинами» (Р. 119), а эта способность трансформировать свои инстинкты — как раз именно то, что требуется для общественно-культурных достижений.
Все это приводит к выводу: Фрейд воспринимал женщину как отклонение от мужского стандарта в худшую сторону, что замечательно отображено в его парной концепции страха кастрации у мужчин и зависти к пенису у женщин, в каждой из

100

которых предполагается априори, что женские гениталии — это всего лишь подвергшиеся кастрации или изуродованные мужские гениталии. Однако взгляд на женщину как на отклонение от мужского стандарта в худшую сторону не ограничивается в данном случае уровнем тела. Согласно Фрейду, «при отсутствии страха кастрации основным мотивом становится потребность [в девочках], что приводит мальчиков к преодолению Эдипова комплекса... В данных условиях может пострадать формирование супер-эго; супер-эго не может достичь необходимой силы и независимости, благодаря которой оно приобретает свое культурное значение» (Р. 114).
С позиции Фрейда, решающее значение в дальнейшем развитии имеет именно опыт детства, а не опыт зрелости, поскольку почти всегда тот болезненный или угрожающий материал, с которым соприкасается взрослый на уровне своего бессознательного — это его детские переживания. Соответственно, когда Фрейд утверждает, что женское тело представляет собой отклонение от мужского стандарта в худшую сторону, он охватывает уровень ребенка, а не взрослого. Встроить андроцентричные линзы в психику каждого ребенка — как девочек, так и мальчиков — это был великолепный ход. Тем самым не только укоренилось представление о женской ущербности, поскольку она без труда осознается малолетним ребенком любого пола; произошла ассимиляция андроцен-тричных линз, «вживленных», скорее, в психику ребенка, чем в сознание мужчины-теоретика.

Феминистская критика теории Фрейда

Фрейдовский андроцентричный анализ психосексуального развития вызвал, по крайней мере, три типа критических откликов. Первый последовал от некоторых современников Фрейда, в числе которых были Эрнест Джонс, Карен Хорни и Мелани Кляйн; они сочли его рассуждения о женщинах «излишне фаллоцентричными» (Jones 1927/1961, p. 438). Они утверждали, что фемининность девочки «развивается постепенно», и не на основе фаллоцентричного процесса психосексуального развития, а «в соответствии с инстинктивной [женской] конституцией» (Jones 1935/1961, p. 495)[10].
Подобный акцент на биологических различиях мужчин и женщин был позднее детально разработан Эриком Эриксоном (1968), который утверждал, что в фундаменте женской идентичности лежит не отсутствие пениса, а наличие матки. Иными словами, Эриксон доказывал: точно так же, как мужская

101

психика преимущественно сориентирована на все то, что символизирует пенис — «все, что помогает ему строить или разрушать», женская психика преимущественно сориентирована на матку, или «внутреннее пространство», которая всегда символизировала «биологическое, психологическое и этическое обязательство заботиться о младенце» (Р. 266). Не будучи столь последовательными биологическими эссенциалистами, как Эриксон, два французских психоаналитика, Люси Ириге-рей (Luce Irigary 1985, 1991) и Мишель Монтрело (Michele Montrelay 1977), также используют тело в качестве метафоры для объяснения природы мужской и женской идентичности.
Феминистская критика второго типа последовала со стороны далеких от психоанализа социальных

конструктивистов. Согласно их мнению, все психологические различия, обусловленные полом, фактически являются результатом комбинации влияния культуры и жизни в обществе, где господствуют мужчины. Женщины действительно испытывают зависть к мужчинам, но в такой же степени они завидуют их влиянию и статусу, а не их пенисам.

Кейт Миллетт в этом же духе критиковала Фрейда за то, что он «сильно и, пожалуй, глупо запутался между биологией и культурой, анатомией и статусом». А также за то, что он «пренебрег блестящей возможностью» исследовать « влияние культуры, в которой доминирующее положение занимают мужчины, на развитие Эго (сознания. — *Прим. пер.)* молодой женщины, а вместо этого освятил ее угнетенность, ссылаясь на неотвратимые законы «биологии». Сама Миллетт приводит следующие объяснения.

«Девочки ясно осознают мужское превосходство задолго до того, как им случится увидеть пенисы своих братьев. Это настолько укоренено в их культуре, до такой степени проявляется в фаворитизме школьной и семейной среды, в имидже каждого из полов на уровне массовой культуры, религии и в каждом столкновении с миром взрослых, что увязывать все это с отличающимися мужскими гениталиями для девочек, успевших усвоить тысячи других отличительных знаков пола, было бы или излишне, или неуместно. Сталкиваясь с множеством конкретных проявлений мужского статуса как превосходящего, многократно ощущая свою малоценность, девочки завидуют не пенису, а только социальным притязаниям его обладателя» (1969, р. 264—265).

Бетти Фридан (1963) и Ева Файджес (Figes 1970) — теоретики феминизма экстенсивно развили аналогичную аргументацию.

102

По иронии судьбы, в феминистских откликах третье^
самой последней волны звучит признательность Фрейду'
создание как раз той теории, в «несоздании» которой его у [а]
рекала Миллетт — теории о том, как женская сексуальнос>,
женское бессознательное формируются — или деформиру^ [и]
ся ¯ патриархальной культурой[11]. Эти феминистские псг^
аналитики акцентируют фундаментальную фрейдовскую ^
сылку, согласно которой маскулинность и фемининн^с
являются не врожденными, а приобретенными. Кроме т^ ь
следуя за французским психоаналитиком Жаком Лакан0 '
они считают пенис психологически значимым для детей вв.^ '
той привилегированной роли, которой наделен фаллос ^ ^
символ патриархального общества. Таким образом, для ^г
Их теоретиков эдипов комплекс не является первично естесть,е
ным или биологическим феноменом; скорее, это культуру ~
феномен, «обозначающий вступление ребенка в ... Симвс^
ческое Братство» (Sayers 1982, р. 135). Как выразилась бри> "
ский психоаналитик Джулиет Митчелл, чья книга *«Психос^^ лиз и феминизм»,* изданная в 1974 году, была перво^
открытии данной темы англоговорящим читателям: «Пcг,^
анализ — это не рекомендация *для* патриархального общее-}, ~
а анализ *его»* (Р. XIII). «Миф, который Фрейд представил ^ '
Эдипов комплекс, упрощает для мужчин (и женщин) пр^ц
дуру вхождения в культуру... Этот миф специфичен только „
патриархата» (Р. 377).

Из психоаналитической теории, считает Митчелл, сле^у вовсе не тот вывод, что патриархальный порядок должен j. [T] стоянно воспроизводиться в подсознании у каждого чел^ ка, а другой вывод: сам по себе патриархат должен §ь свергнут.

Но, невзирая на то, соответствуют ли эти новейшие MD чтения Фрейда его изначальным замыслам, бесспорно о^н Наследие теории психоанализа, появившейся в начале 190Q^ ' состояло не в том, что патриархат подавляет женщин и по^ ' му должен быть свергнут. Совсем наоборот. Подобно иуде й" ско-христианской и древнегреческой традициям до него, (L хоанализ предложил еще один способ восприятия женщи^, ~ позиций андроцентризма.

Американский закон о равных правах

Из трех андроцентричных направлений восприятия ^е Щины, обнаруженных в иудейско-

христианской теоло,..

юз

древнегреческой философии и теории психоанализа Фрейда, два (восприятие женщины в рамках бытовой и репродуктивной функции в семье с мужчиной во главе, а также восприятие женщины как худшего отклонения от мужского стандарта) глубоко внедрились в историю американского Закона о равных правах. Что касается третьего андроцентричного контекста (восприятие женщины в рамках ее способности стимулировать и удовлетворять мужской сексуальный аппетит), то он вкраплен во всю историю американского законодательства о сексуальном насилии. Хотя этот вопрос специально не рассматривается в данной книге[12].

Начиная с периода колонизации, правовой статус, предоставляемый американским женщинам, нес на себе сильный отпечаток двух особенностей общего права в Англии. Во-первых, — это доктрина о статусе замужней женщины, согласно которой правовая идентичность женщины являлась составной частью правовой идентичности ее мужа; и, во-вторых, доктрина о неприкосновенности частной жизни семьи, согласно которой семья и дом защищены законом от судебного вмешательства[13]. Эти доктрины были озвучены Уильямом Блекстоуном в *Комментариях к законам Англии* (1765— 1769/1979). По поводу доктрины о неприкосновенности частной жизни семьи Блекстоун писал:

«К преступлениям и судебно наказуемым проступкам относятся... нарушения и насилие... в области публичных прав и обязанностей, взятых на себя всем обществом, рассматриваемым как сообщество со своей социальной совокупной правоспособностью... Недостатки частных лиц... не являются и не могут являться объектом действия какого-либо муниципального закона... Таким образом, порок пьянства, если оно совершается приватно и без свидетелей, остается неизвестным другим и, разумеется, не рассматривается органами правосудия; однако, если пьянство совершается публично, открыто, то оно, будучи дурным примером, наказуемо в соответствии с гражданским правом» (Vol. 4. P. 41—42).

В отношении доктрины о статусе замужней женщины Блекстоун высказывался даже более недвусмысленно: «В браке, — писал он, — муж и жена перед законом являются одним лицом; то есть само существование или правовое существование женщины приостанавливается на протяжении брака или, по крайней мере, соединяется и сводится к существованию или правовому существованию мужчины, под чьим крылом, покровительством и защитой она все исполняет» (Vol. 1. P. 430).

104

Хотя во времена колонизации ни один из этих принципов строго или последовательно не соблюдался — прежде всего, из-за нехватки рабочих рук в целом, и особенно женских рук. Им обоим стали четко следовать в переломные десятилетия после революционной войны, когда недавно образованные Соединенные Штаты энергично сводили свои законы в федеральную конституцию и конституции штатов. В результате эти новые конституции отстранили женщин от участия в общественной сфере, лишив их многих прав, предоставленных исключительно коллегам-мужчинам. В их число входили право голоса, право владеть собственностью или продавать собственность, право заключать контракты, право вести бизнес, право преследовать кого-либо судебным порядком, а также право опеки над своими детьми. Помимо этого, новые конституции изолировали женщин в рамках частной жизни в семье с господствующим мужчиной. В такой семье у мужа было законное право подвергать жену физическому наказанию за любое непослушание. А жена практически не имела законного права на юридическую защиту, если муж применял по отношению к ней насилие или каким-то образом не выполнял по отношению к ней взятых на себя обязательств.

Исключение женщин из сферы общественной жизни и в то же время лишение их юридической защиты в сфере частной жизни впервые вызвало серьезный отклик, когда шестьдесят женщин и тридцать два мужчины написали «Декларацию чувств», принятую в городе Сенека-Фоллз в 1848 году. Этот радикальный документ, созданный по образцу Декларации о независимости, содержал требования не только возвратить женщинам все права, которых они лишились в общественной сфере, включая право голоса, но и предоставить полное равенство в браке.

Хотя принятие Декларации чувств обычно считается официальным началом движения за права женщин в Соединенных Штатах, женщины — организаторы этого съезда долгое время активно участвовали в движении за отмену рабства; фактически именно опыт аболиционизма привел их к идее женского равноправия. Аболиционизм повлиял на них, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, они сумели заметить много общего между правовым статусом рабов и правовым

статусом замужних женщин, что побудило их одновременно действовать в направлении отмены рабства и отмены женской подчиненности. Во-вторых, они увидели, как ожесточенно сопротивлялось большинство их соратников-мужчин
105
по движению за отмену рабства, когда дело касалось женских прав; это убедило их в необходимости создания самостоятельного движения за права женщин.
Разногласия с мужчинами-аболиционистами стали явными во время Всемирного съезда за отмену рабства в 1840 году, когда делегатам-женщинам было отказано в праве занять сидячие места в помещении съезда. Среди них были Лукреция Мотт, делегатка съезда, и Элизабет Кейди Стентон, присутствовавшая в качестве жены сидевшего в зале мужчины-делегата. Они никогда раньше не встречались, но, познакомившись, они, по-видимому, часами говорили о несправедливости женской субординации вообще и об абсурдности ситуации с сидячими местами, возникшей на съезде — второстепенности женщин внутри самого движения аболиционистов. Из их бесед и выросла Декларация чувств.
Но начавшийся процесс не имел столь успешного завершения, вопреки надеждам ранних феминисток. Когда Авраам Линкольн 1 января 1863 года издал манифест об освобождении рабов, он не упомянул о сходстве между институтом рабства и институтом брака, в котором господствует мужчина. Что еще более важно, в 1868 и в 1870-х гг. были приняты Четырнадцатая и Пятнадцатая поправки к Конституции, согласно которым запрещалось отказывать в праве голоса любому гражданину «мужского пола» старше двадцати одного года. Особо уточнялось, что ни одному гражданину не может быть отказано в праве голоса по причине его «расы, цвета кожи, или положения раба в прошлом». Иными словами, о дискриминации по признаку пола ничего не говорилось.
Во время предварительной работы над данными поправками феминистки прилагали много усилий к тому, чтобы из Четырнадцатой поправки было исключено слово *мужской,* а слово *пол* было добавлено к перечню защищенных законом лиц в Пятнадцатой поправке. Потерпев поражение по обоим пунктам, они стали обращаться в суды с требованием, чтобы, несмотря на отсутствие в поправках каких-либо специальных упоминаний женского пола, они гарантировали бы гражданские права *всем* американским гражданам, включая женщин. Эта стратегия провалилась. И сами доводы не имели успеха: с 1870 г. до 1970 г. прошло целых сто лет, а состоящий исключительно из мужчин Верховный Суд андроцентрично воспринимал женщин не в контексте их роли граждан, а в границах их бытовой и репродуктивной функций в доме с главенствующим мужчиной.
106
От Гражданской войны к эпохе гражданских прав
До утверждения Четырнадцатой и Пятнадцатой поправок Коституция США не давала феминисткам оснований для изменения законов, касающихся прав, обязанностей или привилегий на основе пола[14]. Хотя аргументы против этих законов действовали бы успешнее, если бы феминистки добились устранения слова «мужской» из Четырнадцатой поправки или добавления слова «пол» к Пятнадцатой, Четырнадцатая поправка содержала один параграф с весьма общей формулировкой, что могло бы сделать поправку, применимой для обоих полов. Этот параграф использовался как основание для пресечения половой дискриминации в XIX веке, а спустя сто лет — как основание для успешной половой дискриминации в XX веке. Вот ее полный текст:
«Все лица, рожденные или натурализованные в Соединенных Штатах Америки, и поэтому находящиеся под их юрисдикцией, являются гражданами Соединенных Штатов Америки, а также того штата, в котором они проживают. Ни один штат не может выработать или привести в жизнь закон, ограничивающий привилегированные права или неприкосновенность граждан Соединенных Штатов Америки; также ни один штат не может лишить кого-либо жизни, свободы или собственности в незаконном порядке; равно как отказать кому бы то ни было, находящемуся под юрисдикцией Соединенных Штатов Америки, в равной защите со стороны закона».
Обратите внимание на знаменитую «равную защиту» в конце. Спустя 130 лет после введения Четырнадцатой поправки этот пункт служит основанием для почти всех конституционных возражений против дискриминационных законов, включая дискриминацию чернокожих и других меньшинств.
Это не значит, что пункт равной защиты законом всегда настолько широко толковался, чтобы его было возможно использовать применительно к женщинам. Наоборот. До 1971 года Верховный суд постоянно отказывался распространять пункт равной защиты из Четырнадцатой поправки на

женщин, аргументируя это в духе так называемого судебного консерватизма: суд, как часть установленной судебной власти, не имеет власти конституционной, чтобы создавать по существу новые законы. Последнее является сферой действия избранной законодательной власти. Компетенция суда ограничена лишь оценкой того, конституционален ли действующий закон.

107

Судебный консерватизм прослеживается в четырех важных постановлениях, вынесенных судом в первое десятилетие после принятия Четырнадцатой поправки. В первом случае, не имеющем ничего общего с правами женщин, суд «подверг значительному сомнению, не будет ли любое действие со стороны государства, не подразумевающее дискриминацию негров как класса или по расовым причинам, рассматриваться как раз в сфере действия этого положения закона» Слоутер — Хаус *(Slaughter - House,* 1873)[15]. Второе постановление, принятое сразу на следующий день после решения по делу Слоутер — Хаус *(Slaughter — House)* состояло в поддержке закона штата Иллинойс, по которому на территории штата женщины не имеют права занимать юридические должности. В данном случае решение суда имело несколько большее значение, чем содержалось в его формулировке: «судебное решение, недавно принятое по делу Слоутер — Хаус *(Slaughter — House),* содержит тщательно продуманный аргумент, в данном случае являющийся излишним» *(Bradwell v. Illinois,* 1873). Третье постановление поддерживало закон штата Миссури, согласно которому право голоса предоставляется только мужчинам. Хотя здесь суд допускал, что закон, о котором идет речь, может быть «ошибочным», он недвусмысленно отказал в ходатайстве об «изменении закона». «Если закон ошибочный, его следует изменить, но это не в наших силах» *(Minor v. Happersett,* 1875). И, наконец, четвертым постановлением был отменен закон штата Западная Вирджиния, запрещающий темнокожим входить в состав коллегии присяжных. Суд постановил: хотя штат больше не должен ограничивать отбор присяжных исключительно белокожими гражданами, тем не менее, он может «ограничивать отбор мужчинами» *(Struader v. West Virginia,* 1879)[16].

Однако судейским консерватизмом дело не исчерпывалось. В согласии с обществом, в котором они жили, девять верховных судей андроцентрично воспринимали женщин в границах их домашней и репродуктивной функций в семье с главой-мужчиной. Андроцентризм был, по крайней мере, отчасти причиной постоянных отказов суда в предоставлении женщинам, как гражданам, «равной защиты со стороны закона». Андроцентричность суда четко прослеживается в двух знаменитых процессах: *Бредуэлл против штата Иллинойс* (1873) и *Мюллер против штата Орегон* (1908).

Процесс *Бредуэлл против штата Иллинойс,* уже упоминавшийся ранее, касался закона штат Иллинойс, по которому женщины не имели права занимать юридические должности

108

на территории данного штата. И, хотя большинство мнений несло на себе отпечаток судейского консерватизма, судья Джозеф Брэдли, разделяя позиции большинства в составе суда, выдвинул другие аргументы. По его мнению, иск феминисток в данном случае «предполагает, что одной из привилегий или неприкосновенностей граждан-женщин является выбор любой и каждой профессии, рода занятий или занятости в гражданской жизни». Не ясно, однако, на самом ли деле это «всегда считалось одной из основополагающих привилегий и неприкосновенностей, касающихся пола». Последуем за Брэдли:

«Наоборот, гражданское право, так же как и сама природа, всегда признавало широкий спектр различий в соответствующих сферах и судьбах мужчин и женщин. Мужчина является или должен являться покровителем и защитником женщины. Природная робость и деликатность, присущие женскому полу, делают женщину непригодной для многих видов деятельности в гражданской жизни. Семейный уклад, основанный на божественном таинстве, как и в природе вещей, означает сферу семьи как нечто такое, что имеет отношение к территории и функциям женского пола. Гармония, если не сказать идентичность, интересов и взглядов, присущая или должная быть присущей институту семьи, несовместима с идеей о том, что женщина делает самостоятельную карьеру отдельно от мужа. Это мнение настолько упрочилось в головах основателей общего права, что стало юридической максимой — женщина по закону не имела правового существования отдельно от мужа, рассматриваемого как ее глава и представитель в социальном отношении.... Первостепенная доля и предназначение женщины — исполнять благородные и милосердные функции жены и матери. Таков закон Создателя».

Судья Брэдли красноречиво изложил идеологию «раздельных сфер», представлявшую собой характерный для XIX века вариант восприятия женщин в значениях их бытовой и репродуктивной

функции в семье с мужчиной-главой. В XX веке эта идеология искусно переместила акцент на репродуктивные отличительные признаки женщин.
С наступлением индустриализации и урбанизации в середине XIX века женщины-работницы, как и мужчины, трудились по тринадцать часов в день, семь дней в неделю, в переполненных помещениях и небезопасных условиях. Протестуя против аморальности подобной эксплуатации и лоббируя возникшее лейбористское движение, отдельные штаты нача-
109
ли проводить в жизнь «охранительные законодательные акты», ограничивающие, в том числе и полагающееся по закону, количество рабочих часов в неделю. Это охранительное нормотворчество встретило критический отпор в деле *Лохнер против штата Нью-Йорк* (1905), когда Верховный суд постановил, что сокращение рабочего времени представляет собой попытку «незаконного вмешательства в право людей.... заключать трудовые договоры наилучшим для себя образом»[17]. Однако спустя три года до Верховного суда дошел другой охранительный законодательный акт, принятый штатом Орегон, ограничивающий рабочий день для женщин максимум десятью часами. В данном случае в процессе *Мюллер против штата Орегон* суд одобрил закон, объясняя свое решение тем, что, благодаря биологическим отличиям, женщины составляют «особую категорию». Верховный суд привел следующие аргументы:
«Очевидно, что физическое строение женщины и выполнение функции материнства обеспечивают ей невыгодное положение в борьбе за существование. Это особенно сказывается, когда она обременена материнством. Но даже в случаях бездетности, судя по многочисленным свидетельствам врачей, длительное каждодневное пребывание на работе без возможности присесть, приводит к губительным последствиям для организма; поскольку для энергичного и здорового потомства необходимы здоровые матери, физическое благополучие женщин становится объектом общественного внимания и заботы с целью сохранения силы и здоровья народа.
Тем самым история преподносит еще один факт, показывающий, что женщина всегда зависела от мужчины. Мужчина упрочил свой контроль, потому что обладает значительно большей физической силой, и этот контроль в различных формах, уже не столь интенсивный, сохраняется и в наше время. На женщину смотрят в судах почти как на младшую сестру, считая, что ей нужна особая забота как условие охраны ее прав. Она долго были лишена права на образование. Но, несмотря на то, что сейчас двери аудиторий для нее открыты и все благоприятствует получению знаний, несмотря на то, что образование увеличивает ее шансы заниматься собственным бизнесом, реальность такова: в борьбе за существование она не конкурентоспособна со своими братьями... Ввиду своих отличий от другого пола, она, соответственно, помещается в особую категорию; и законодательные акты для ее защиты могут получать конституционную поддержку, даже когда
но
подобные законы мужчинам не нужны и нет оснований для поддержки...
Вытекающие из охранительных законов ограничения правомочий женщины по трудовому договору, ограничения ее прав согласовывать с работодателем продолжительность времени работы налагаются не только единственно для ее пользы, но и, в основном, для пользы всеобщей. Много слов не делают ситуацию более понятной. Два пола имеют отличия в физическом строении и функциях, в физической силе, в способности к длительному и непрерывному труду, особенно стоя на ногах, в степени влиянии их крепкого здоровья на будущее благополучие народа; в уверенности, необходимой для отстаивания своих прав, и способности бороться за существование. Эти различия оправдывают различия в законодательстве.... Учитывая перечисленные причины и не подвергая сомнению ни в каком отношении судебное решение по делу *Лохнер против штата Нью-Йорк, ...* приговор Верховного Суда штата Орегон утвержден».
Эффект данного судебного решения, имевшего характер прецедента, сказался немедленно и был длительным. Что касается истории рабочего класса в Америке, то *Мюллер* предпринял реформистскую попытку обеспечить более гуманные условия труда для каждого, кто оказался почти в тупиковом положении. Но это также лишило женщин возможности конкурировать с мужчинами при найме на работу, которая обеспечивала бы приемлемый уровень жизни. А что касается истории прав женщин в Америке, то данное судебное решение внесло раскол в движение за права женщин в связи с вопросом о справедливости акцентирования биологических отличий женщин. Но, что более важно, оно предоставило совершенно новые обоснования для закрепления прав, обязанностей и привилегий на основе пола. С практической точки зрения решение исключило любую возможность того, чтобы Верховный суд в обозримом будущем объявлял

подобные законы неконституционными. Именно поэтому в течение более шестидесяти лет суд отклонял фактически каждый иск о дискриминации по признаку пола, основываясь на прецеденте, имеющем обязательную силу, а именно на деле *Мюллер против штата Орегон* (Baer 1978, p. *66).*
В начале данного шестидесятилетнего периода были окончательно признаны неконституционными многие законы, отказывающие женщинам в праве голоса. Но не суд отменил их, а Девятнадцатая поправка к Конституции, принятая в 1920 году.
ill
Современная эра равенства.
Часть 1: Восприятие женщины как жены и матери
подвергается сомнению
В обновленном составе судей и в совершенно изменившейся Америке суд, наконец, продемонстрировал, что с судейским и социальным консерватизмом покончено. Это произошло в 1954 году, в связи с процессом *Браун против Комитета по образованию.* Суд постановил, что школы, практикующие расовую сегрегацию, являются «по существу неравноправными» и тем самым нарушают пункт о равной защите законом, содержащийся в Четырнадцатой поправке[18]. Это решение, имеющее огромное значение, возвещало новую эру в движении за гражданские права, что, в свою очередь, возвещало новую эру в современном движении женщин. К тому же, данное поворотное решение подводило суд к подробному рассмотрению формулировки о равной защите законом, применимой, в конечном счете, не только к неграм, но и к женщинам.
Что касается негров, то суд постановил следующее: хотя пункт о равной защите законом предоставляет правительству широкую свободу действий в разграничении людей, если их отличия «разумно увязаны» с какими-то легитимными установлениями правительства (например, разграничение между людьми с плохим и хорошим зрением при выдаче водительских прав), но квалификация по расовому признаку «должна рассматриваться в свете того исторического факта, что главной целью Четырнадцатой поправки было устранение расовой дискриминации в официальных документах в США. Благодаря этой твердой политике, квалификация по расовому признаку становится «конституционно сомнительной» и подвергается «наиболее жесткой проверке». Таким образом, в отсутствие какой-либо другой цели, имеющей преимущественное юридическое действие, каждый случай подобной квалификации «сводится к дискриминации по индивидуальным признакам, запрещенной в формулировке о равной защите законом» *(McLaughlin v. Florida, 1964).*
На практике такая установка на строжайшую юридическую проверку квалификации по расовым признакам почти не отличается от ее полного запрета. Бланкетные (юр.: полные, общие. — *Прим. пер.)* квалификации после проверок остаются в силе в очень редких случаях, если вообще это происходит[19].
Применительно к женщинам суд повел себя куда менее определенно. По делу *Рид против Рид (1971)* суд, сообразу-
112
ясь с тем, что женщины находятся под равной защитой закона согласно Четырнадцатой поправке, постановил, что в данном случае штат не имел права автоматически отдать предпочтение мужчине, (оспаривалось право занять должность исполнителя в суде по вопросам раздела имущества взамен умершего сотрудника, не оставившего своего волеизъявления). Несмотря на это, все-таки подавляющее большинство судей никогда не были расположены заявлять, что квалификация по половым признакам должна трактоваться точно так же, как квалификация по расовым признакам. Вот почему никогда не было ни одного показательного прецедента, когда бы пол рассматривался как сомнительная по своей сути категория для квалификации, требующая строгой судебной проверки.
Ближе всего суд подошел к созданию прецедента такого рода в процессе *Фронтиеро против Ричардсона* (1973). При изменении закона, по которому женам всех служащих в Вооруженных силах автоматически предоставляются пособия на иждивенца, женщинам-служащим пришлось доказывать, что больше половины их жалованья тратится на содержание мужей. Четверо из пяти судей записали свое единодушное мнение:
«Прежде всего, в апелляциях утверждается, что разделение по половому признаку, как и по расовому признаку, гражданству и национальному признаку, по существу сомнительно, а поэтому должно быть подвергнуто строгой судебной проверке. Мы согласны с этим и, несомненно, единодушно поддерживаем подобный подход только в последнем постановлении *по делу Рид против Рида.*

Без сомнения, наша нация имела длительную и достойную сожаления историю дискриминации по признаку пола. По традиции подобная дискриминация логически обосновывалась установкой на «романтический патернализм», что практически поместило женщин не на пьедестал, а в клетку...
В результате, в наших законодательных актах постепенно скопилось большое количество объемистых стереотипных определений различий между полами, и, фактически, на протяжении почти всего XDC столетия положение женщин в нашем обществе было во многих отношениях сопоставимо с положением негров, о чем говорит свод законов о рабстве, действовавший до Гражданской войны. Как и рабы, женщины не имели права занимать должности, входить в состав присяжных, вести судебную тяжбу от своего имени, а замужним
из
женщинам по закону не разрешалось иметь собственности и передавать права на владение собственностью или быть попечителями для своих детей.
Совершенно очевидно, что положение женщин в Америке в последние десятилетия заметно улучшилось. Тем не менее, вряд ли кто усомнится в следующем: отчасти в силу явной выраженности своих половых особенностей, женщины все еще сталкиваются с повсеместно распространенной, хотя иногда и более утонченной, дискриминацией в наших образовательных учреждениях, на рынке труда и, возможно, с наибольшей очевидностью — на политической арене...
Более того, поскольку пол, также как раса и национальность, являются неизменными характеристиками, обусловленными исключительно фактом рождения, установление законом особых ограничений в правах для представителей конкретного пола представляется как нарушение «основополагающей концепции нашей системы, согласно которой бремя доказывания должно опираться на индивидуальную ответственность...» Что отличает пол от таких несомненных статутов (узаконенных положений. — *Прим. пер.),* как интеллект или физическая недееспособность, и что сближает оба пола по общепризнанным, но не имеющим силу закона критериям — это то обстоятельство, что половые характеристики часто не имеют никакого отношения к способности создавать общество или вносить свой вклад в общественную жизнь. В результате статутные различия между полами часто воспринимаются как индивидуальные, и это относит целый класс женщин к низшему статусу, безотносительно к действительным способностям его индивидуальных представителей...
Принимая во внимание это соображение, мы можем заключить только то, что судебные решения, выносимые на основе половых признаков, также как и на основе расовых признаков, гражданства или национальности, являются по существу неравноправными и поэтому нуждаются в строгой судебной проверке».
Если бы еще один судья согласился с приведенными утверждениями, последующее постановление суда можно было бы рассматривать как обязательный прецедент. Но так как оно не получило поддержки большинства, суд постепенно пришел к более мягкому стандарту судебной проверки, описанному в деле *Крейг против Боурен (Craig v. Boren, 1976):* «Случаи квалификация по половому признаку должны служить важным
U4
государственным целям и быть по существу связанными с достижением этих целей».
Хотя стандарт «быть по существу связанным» является очевидно более строгим, чем «быть разумно связанным» (последний стандарт суд применяет к случаям, не вызывающим сомнений), это всего-навсего пустое место по сравнению со «строгой судебной проверкой», на которую надеялись феминистки, когда суд выносил окончательное решение по делу *Рид против Рид (Reed v. Reed, 1971).* Соответственно, феминистки самое большое значение придавали тому, чтобы поправка о равных правах к Конституции США была проведена и ратифицирована.
Рассуждения феминисток звучали так: «Равенство прав перед законом не должно отклоняться или урезаться Соединенными Штатами или каким-либо отдельным штатом в связи с полом». Поправка о равных правах — это обязательное положение, раз и навсегда означающее, что любой случай квалификации по признакам пола должен быть субъектом строжайшей проверки судебным порядком. По иронии судьбы именно так высказались судьи Льюис Пауэлл и Гарри Блэкман при рассмотрении дела *Фронтиеро против Ричардсона,* когда они, будучи сторонниками судебного консерватизма, разошлись во взглядах с большинством, стоявшим за «строгую проверку».
И снова история завершилась не так, как хотели феминистки. Поправка о равных правах в конечном итоге была проведена и Конгрессом, и Сенатом в 1970 г. Единственный раз она была вынесена на рассмотрение сессии Конгресса после 1923 года, когда всего три штата из тридцати

восьми требовали ее ратификации, в результате чего она так и не получила статуса закона страны. Однако, основной проблемой в связи с недавними постановлениями Верховного суда по правам женщин является не то, что эти постановления опираются на слишком мягкий стандарт судейской проверки в случаях недвусмысленной квалификации по половому признаку, хотя это тоже имеет место. Основная проблема состоит в том, что суд предоставляет равенство только тому меньшинству женщин, которое оказалось в тех же ситуациях, что и мужчины. При этом в равноправии отказывается тем женщинам, которые оказываются в ситуациях, не свойственных для мужчин. Другими словами, в судебных постановлениях мужчина андроцентрично принимается за стандарт, а женщины удостаиваются равенства только в тех случаях, когда они следуют этому мужскому стандарту.

115

Современная эпоха равенства.
Часть 2: Непреднамеренное увековечивание мужского стандарта

Главный принцип, лежащий в основе судебного анализа защиты законом, всегда состоял в том, что «к лицам, поставленным в фактически сходные ситуации, закон должен подходить сходным образом» (Taub, Schnider 1982, p. 130). Другими словами, «сходные случаи нужно рассматривать сходным образом» (Lindgren, Taub 1988, p. 41). Но до 1970-х гг. суд настолько подчеркивал различия между мужчинами и женщинами, что оба пола выглядели, скорее, различными, чем одинаковыми.

Чтобы убедить суд в том, что анализ равной защиты законом должен применяться в отношении пола точно так же, как в отношении расы, проект прав женщин, реализуемый Союзом Гражданских свобод США *(Women's Rights Project of the American Civil Liberties Union)* предоставил на рассмотрение суда в 1970-х годах ряд случаев, когда в сходных (или даже идентичных) ситуациях женщины и мужчины рассматривались законом по-разному, исходя из архаичных и непопулярных представлений о мужских и женских ролях. Чтобы не создавалось впечатления, что жертвами дискриминационных законов оказываются исключительно женщины, Союз старался отбирать только те случаи, вроде пособий для иждивенцев, когда могли пострадать и мужчины, и женщины (а не те случаи, вроде дискриминация беременных, в которых ущерб причинялся непропорционально, только женщинам). Нередко в представленных случаях истцами оказывались мужчины[20].

Союз Гражданских свобод США так замечательно состязался с судебным анализом равной защиты законом и так прекрасно оспаривал стереотипное восприятие женщин, что суд незамедлительно перестроился и признал необходимым рассмотрение пола в границах Четырнадцатой поправки. К концу 1970-х годов суд пересмотрел множество законов, допускавших дискриминацию в отношении мужчин и женщин в сходных ситуациях. (Этому способствовало принятие Конгрессом, закона о равной плате за одинаковый труд в 1963 г. и закона о гражданских правах в 1964 г.).

При всей своей эффективности стратегия Союза недостаточно учла тот факт, что подавляющее большинство американских мужчин и женщин *не находились* в сходных ситуациях. Кроме того, не был в достаточной мере учтен тот факт, что если бы подавляющему большинству американских женщин

116

было предоставлено полное равенство, нужно было бы вносить изменения в сам судебный анализ равной защиты.

Проблема судебного анализа равной защиты выступает наиболее заметно в случаях постановлений о том, можно ли исключить беременность из реестра состояний нетрудоспособности, приведенного в пакете документов страхования нетрудоспособности работников[21]. Суд дважды выносил решение по этому вопросу. По делу *Гедалъдиг против Аиелло {Geduldig v. Aiello, 1974)* было вынесено постановление, что подобное исключение не противоречит формулировке Четырнадцатой поправки о равной защите законом. По делу *Компания Дженерал электрик против Гильберта (General Electric Co.* v. *Gilbert, 1976)* было вынесено постановление, что подобное иск лючение не противоречит Главе VII Закона о гражданских правах 1964 г. Правда, Конгресс фактически аннулировал эти два судебных решения, приняв в 1978 г. **Акт различительного отношения к беременным.** Аргументы суда превосходно иллюстрируют как неадекватность анализа равной защиты законом, так и продолжающуюся готовность суда рассматривать положение мужчины как стандарт, что заслуживает детального

обсуждения.
По делу *Гедальдиг против Аиелло* суд постановил: исключение беременности из программы страхования нетрудоспособности не равносильно «дискриминации по индивидуальным признакам» в формулировке равной защиты, потому что оно не предполагает «дискриминацию, основанную на тендере как таковом». Суд допускал:
«Из истинности того, что только женщина может быть беременной, не следует, что каждый случай законодательной квалификации в отношении беременности основан на признаке пола, как это имело место в случае Рид.... и Фронтие-ро.... Отсутствие идентичности между отказом признать нетрудоспособность и тендером... очевидна даже при поверхностном рассмотрении. Программа страхования нетрудоспособности разделяет потенциальных реципиентов на две группы — беременных женщин и небеременных лиц. В то время как первая группа по составу исключительно женская, вторая включает представителей обоих полов. Таким образом, финансовая и страховая привилегии программы доступны обоим полам».
По мнению суда, безотносительное к полу решение об исключении беременности из программы страхования нетрудоспособности можно трактовать и иначе: «В данном случае отсутствует риск, от которого мужчины защищены законом, а
117
женщины не защищены. Аналогично отсутствует риск, от которого женщины защищены, а мужчины — нет».
Суд распространил эти рассуждения и на дело *Компания Дженерал Электрик против Гильберт.* «Потеря трудоспособности, связанная с беременностью, представляет собой *дополнительный* риск, уникальный для женщин, и невозможность компенсировать им этот риск не нарушает предполагаемое равновесие в льготах» для мужчин и женщин.
Так как суд подошел к женщинам и мужчинам, находящимся в одинаковых ситуациях в смысле беременности, совершенно одинаково, его мотивировка в деле *Гедальдиг и Гильберт* соответствовала модели равной защиты законом, бывшей в обращении, по крайней мере, со времен 1920-х: к лицам, поставленным в сходные ситуации, закон фактически должен подходить сходным образом. Но при более глубоком анализе данной мотивировки выясняется, как мало равенства подобная модель может предоставить подавляющему большинству американских женщин, которые не являются и никогда не были «фактически помещены в сходные условия» с мужчинами.
Проблема, связанная с мотивировкой суда, выходит за пределы предпосылки о том, что мужчины и женщины помещены в сходные условия в связи с беременностью. Суд, помимо прочего, андроцентрично устанавливает: все мужское — стандарт, а все женское — это нечто «дополнительное» или «сверх программы». Высказывая свое особое мнение по делу *Гедальдиг,* судьи Уильям Бреннан, Уильям Дуглас и Тургуд Маршалл оказались буквально в нескольких миллиметрах от разоблачения андроцентризма. Они записали следующее:
«Выбирая наименее благоприятную трактовку гендерно-обусловленного вида нетрудоспособности, присущего исключительно женщинам, штат создал тем самым двойной стандарт компенсации нетрудоспособности. На заболевание, от которого женщина-работница может оправиться, наложено ограничение, в то время как мужчина получает полную компенсацию при всех заболеваниях, включая и те, которые встречаются только или чаще у представителей мужского пола — такие, как удаление простаты, иссечение крайней плоти, гемофилия и подагра. В сущности, один набор правил применяется к женщинам, а другой — к мужчинам. Подобный неодинаковый подход к мужчинам и женщинам, в основе которого лежат физические характеристики, сложным образом связанные с одним только полом, неизбежно создает дискриминацию по признаку пола».
118
Судья Джон Стивене подошел еще ближе к раскрытию андроцентричнои сущности суда, когда обосновывал свое несогласие по делу *Дженерал Электрик:*
«Характеризовать программу как разделяющую «потенциальных реципиентов на две группы — беременных женщин и небеременных лиц» некорректно. Разделение в данном случае происходит между лицами, которые сталкиваются с риском беременности, и теми, которые с этим риском не сталкиваются. Этот принцип по определению предполагает дискриминацию по признаку пола, поскольку способность забеременеть, в первую очередь, отличает женщину от мужчины...
Также некорректно утверждать, что «отсутствует риск, от которого мужчины защищены законом, а женщины не защищены»... Если слово «риск» использовать в его точном значении, то мужчины

защищены от риска, связанного с операцией на предстательной железе, а женщины не защищены. Если это слово использовать в более широком смысле, как риск неоплаченного труда в связи с физической нетрудоспособностью, то мужчины защищены сполна... от подобного риска, в то время как женщины защищены только частично».

Стоит уяснить, о чем напоминают эти случаи беременности. Подобно древним иудейско-христианским теологам, древнегреческим философам и Фрейду, суд андроцентрично воспринимает мужской организм как стандарт человеческого организма; отсюда — он не усматривает ничего необычного или неуместного в том, что предоставляет этому стандартному человеческому организму полное страховое покрытие (то, на что распространяется страхование. — *Прим. пер.)* в связи с любым событием, которое может с ним произойти. В соответствии с андроцентричнои направленностью, суд воспринимает равную защиту законом как дарение женщинам всяких мыслимых преимуществ, в которых нуждается этот стандартный мужской организм — конечно, за вычетом страхования нетрудоспособности в связи с беременностью.

Имей суд хотя бы малейшую чувствительность по отношению к андроцентризму, он должен был принять во внимание не вышеупомянутый стандарт, а, по крайней мере, два истинно гендерно-нейтральных стандарта. Воспользуемся языком теории множеств. Существует область *пересечения* мужского и женского организмов, включающая в точности одинаковые обстоятельства, в которых оказываются и мужчины, и женщины. Однако, также есть и более обширная область *объединения* мужского и женского организмов, включающая все те многочисленные обстоятельства, в которых оказываются мужчины

119

и женщины как представители разных полов. Фактически, суд оказался настолько слеп из-за андроцентризма, что не нашел ни малейшего несоответствия между полами в свете равной защиты законом и предоставил целый пакет преимуществ мужчинам, и только им.

Что отличает даже небеременных женщин от женщин, поставленных в сходные обстоятельства с мужчинами в деле *Ге-дальдиг* и *Гильберт,* так это их биологическая способность забеременеть. А то, что в большинстве случаев удерживает женщин от попадания в сходные обстоятельства с мужчинами — это не их биология, а гендерно обусловленный жизненный опыт, их женская биография — в обществе, которое постоянно лишает их доступа к экономическим и политическим ресурсам. Три следующих примера проиллюстрируют как подлинную сущность отличий женских ситуаций, так и анд-роцентризм модели сходных условий, примененной судом.

Рассмотрим вначале решение Верховного суда по делу *Управляющий кадрами штата Массачусетс против Фини (1979).* Верховный суд постановил: хотя женщины оказались в «поразительно» невыгодном положении в результате принятия штатом закона, предоставляющего преимущество ветеранам, имеющим квалификацию, в отличие от квалифицированных неветеранов, в назначении на государственные должности, данный закон не противоречит пункту Четырнадцатой поправки о равной защите законом. Причина, указанная судом, частично состояла в следующем: так как «статут (закон. — *Прим. пер.)* всегда был нейтральным относительно тендера», различие, «как представляется, сделано между ветеранами и неветеранами, а не между мужчинами и женщинами». Поскольку здесь суд прибегал к анализу равной защиты законом, то обстоятельство, что среди оказавшихся в привилегированном положении ветеранов гораздо меньше женщин, чем мужчин, оказывается не имеющим отношения к делу.

Следующий случай относится к делу *A.F. S. CM. E* (American Federation of State, County and Municipal Employees) *Американская федерация государственных, окружных и муниципальных служащих против штата Вашингтон* (1985). В своем решении по этому делу апелляционный суд США девятого судебного округа постановил: хотя расчет действующих рыночных тарифов постоянной заработной платы для работающих по найму на территории штата предусматривал «величину разброса примерно в двадцать процентов» в оплате мужской и женской работы, что в отчете комиссии, назначенной штатом, было расценено как «сопоставимое по ценности» (труда. — *Прим.*

120

пер.) для работодателя, такая диспропорция не является нарушением Главы VII Закона о гражданских правах. Аргументы отчасти были такими:

«Штат не создавал рыночной диспропорции и не обнаруживал своей заинтересованности в недопустимых обоснованиях по признаку пола при расчете заработной платы... Ни по закону, ни логически система свободного рынка не представляется как сомнительное предпринимательство. Экономическая реальность такова, что ценность конкретной работы для работодателя является

всего лишь одним фактором, влияющим на размер компенсации за работу. Другие соображения могут включать в себя пригодность претендентов для данной работы и эффективность коллективного ведения переговоров в данной конкретной области производства...
Глава VII не обязывает ... [штат] устранять экономическое неравенство, которого он не создавал... Не усматривая явного дискриминационного мотива в действиях штата, закон не позволяет федеральным судам вмешиваться в систему рынка с целью компенсации убытков... служащим».
Поскольку речь идет о суде, налицо один несущественный аспект в данном разбирательстве, а именно: рынок почти никогда не был «свободным» для женщин. Но сдерживающими факторами для него всегда были как профсоюзы, так и сам закон, в чем мы могли убедиться при знакомстве с делами *Брэдуэлл против штата Иллинойс и Мюллер против штата Орегон.* Не существенным для данного дела оказывается также и то, что женщины заняты в минимальном количестве преимущественно женских профессий, для которых ставка заработной платы понижена, отчасти в связи с давнишней девальвацией работающих женщин в культуре США. Эта девальвация женского труда *по причине пола* наиболее ярко проявляется в сфере ухода за больными, где у среднего и младшего медицинского персонала заработная плата продолжает оставаться намного ниже уровня ценности данного труда, несмотря на критически настойчивые требования и критически скудную поддержку[22].
Наконец, учтем многие и многие случаи, когда разведенным женщинам (или совсем не работающим, или работающим неполный день на протяжении почти всей своей зрелой жизни) присуждались незначительные алименты. Причина этого отчасти в том, что с начала 1970-х годов постановления, устанавливающие абсолютную ответственность без вины в связи с разводами, как правило, строились на допущении, что женщины в такой же степени способны быть экономически
121
независимыми после развода, как и мужчины. При всей своей тендерной нейтральности в принципе, эти решения повлекли за собой в последующие двадцать лет *повышение* на 10—15% уровня жизни разведенных мужей и *понижение* на 30% уровня жизни разведенных жен и несовершеннолетних детей, живущих вместе с ними[23].
Важно ясно представлять и причины подобного послераз-водного неравенства, и то, как оно связано с анализом Верховным судом принципа равной защиты законом. Решение присуждать минимальную поддержку разведенным женщинам игнорирует различие ситуаций, в которых находятся большинство женщин и мужчин в Соединенных Штатах. На момент развода женщины с больше вероятностью несут на себе ответственность за опеку несовершеннолетних детей. Они также с большей вероятностью, по сравнению с мужчинами, не имеют образования, рекомендаций, профессионального мастерства и постоянного трудового стажа, необходимых для того, чтобы достаточно быстро устроиться на работу с таким же уровнем заработной платы, как и у их бывших мужей.
В контексте столь поразительно разных мужских и женских обстоятельств самое последнее, в чем нуждается большинство разведенных женщин — это модель равной защиты законом, которая предоставляет равноправие лишь тому меньшинству женщин, которым посчастливилось оказаться в одинаковых обстоятельствах со своими мужьями.
Проясним, что же происходит во всех этих трех примерах. Так же, как в доводах по поводу беременности, когда в страховых пособиях мужской организм был точкой отсчета, во всех трех случаях экономические преимущества также имели одну точку отсчета — мужскую биографию. С незапамятных времен мужчины, обладая властью, создавали преимущества андро-центрично. Иначе говоря, они использовали свою публичную власть для создания культурных дискурсов и общественных институтов, которые автоматически предоставляют привилегию мужскому опыту, а женский опыт воспринимают как «другой».

4
Тендерная поляризация

Даже в феминистской среде распространено убеждение: если устранить андроцентризм и биологический эссен-циализм, останутся только половые различия. На самом же деле, даже в отсутствие этих двух факторов повсеместно существующая организация социальной жизни, основанная на различии между мужчинами (мужским) и женщинами (женским), сохранилась бы. Социальная жизнь настолько тесно связана с этим различием, что всеобъемлющее разделение на мужское и женское все равно проникало бы буквально во все аспекты человеческого существования, включая не только манеру одеваться и социальные роли, но также способы выражения эмоций и сексуального влечения.

Деление на мужское и женское лежит не только в основе социальной жизни. Тендерная поляризация накладывает отпечаток и на биологический континуум генов, хромосом, гормонов и физиологических функций, составляющий пол как таковой. Это значит, что не биология, а тендерная поляризация является причиной того, что люди вообще воспринимают наличие двух — и только двух — полов (Kessler, McKenna 1978). С подобным конструктивистским восприятием пола согласуются следующие факты. Не во всех культурах человеческие существа подразделяются на представителей двух, и только двух полов (См.: Martin, Voorhies 1975, о «добавочных полах»). Кроме того, любой биологический коррелят пола, начиная с хромосом и заканчивая растительностью на лице, характеризуется значительно меньшей би-модальностью в отношении человечества в целом, чем в

123

отношении американского общества, являющегося в большой степени гендерно — ориентированным.

Тендерная поляризация действует в двух взаимосвязанных направлениях. Во-первых, она устанавливает взаимоисключающие жизненные сценарии для мужчины и женщины[1]. Во-вторых, благодаря ей любой человек или поведение, отклоняющиеся от этих сценариев, определяются как проблемные: неестественные или аморальные — с религиозной точки зрения, биологически аномальные или психопатологические — с научной точки зрения. Конечным результатом этих двух процессов является создание и внедрение гендерно-поляризую-щей связи между физическим полом и проявлениями психики и сексуальности.

Хотя многие американские общественные институты, в том числе религия, юриспруденция, образование и средства массовой информации, способствуют формированию тендерной поляризации, в данной главе, так же как в главе 2, рассматривается вклад в этот процесс ученых XIX и XX веков. Начиная со второй половины XIX века, совместными усилиями исследователей в медицине, сексологии, психиатрии и психологии было сформулировано научное и медицинское обоснование правомочности культурного требования, согласно которому физический пол должен соответствовать тендерным особенностям психики. Кроме того, было обоснование того, что исключительно гетеросексуальность имеет позитивное культурное значение. Преимущественное положение гетеросексуальное™ — это особый случай тендерной поляризации, известный в наши дни как гетеросек-сизм.

Вторая половина XIX века была временем крушения социальных устоев как в Англии и отдельных европейских странах, так и в Соединенных Штатах. Социальная дестабилизации ударила по сложившимся представлениям о сущности пола и тендерных «предписаниях» с двух сторон. Первым фактором угрозы явилось уже обсуждавшееся выше требование феминисток о соблюдении прав женщин. Второй фактор возник в результате изменений в стереотипах сексуального поведения[2].

Джон Д'Эмилио и Эстелль Фридман (D'Emilio, Freedman 1988) в исследовании истории сексуальности в Америке дают яркое описание того, как урбанизация и коммерциализация жизни в США в конце XVIII — начале XIX веков привели к разительному сдвигу и в значении сексуальности, и в ее социальной структуре. Если ранее традиция контроля со

124

стороны тесного сообщества деревенской общины приводила к тому, что сексуальные отношения ограничивались преимущественно брачным ложем, то к середине второй половины XIX века в городских регионах Америки расцвела проституция, и начала складываться преимущественно мужская гомосексуальная культура; несколько ранее все это появилось в Европе. Все аспекты этой эволюции в сфере сексуальности заслуживают пристального внимания. Тем не менее, особое значение имеет следующее: поскольку указанные перемены происходили в то же самое время, когда феминистки выступали за права женщин, это привело к ощущению, что сами основы толкования пола и тендера в западном обществе **XIX** века утратили свое концептуальное единство. Предмет разногласий выходил за пределы прав женщин. Споры велись о том, что это значит — быть мужчиной или женщиной в политическом, социальном, психологическом и даже сексуальном смысле.

Не удивительно, что консервативно-социальные реформаторы, специалисты в области общественных наук и врачи начали уделять беспрецедентное внимание природе женщин и мужчин, а также значению сексуальности. Консервативно-социальные реформаторы вели политическую борьбу против всего, что относилось к сексуальному поведению, не имеющему целью продление рода — против проституции, гомосексуализма, мастурбации, абортов и контроля

рождаемости. Социологи и врачи разрабатывали множество теорий о биологических истоках различий между мужчинами и женщинами и биологической (и патологической) природе тендерной девиации. В этой главе рассматривается научная традиция в изучении тендерной поляризации, в том числе в контексте сексуальности и гетеросексизма. Начало этой традиции было положено в девятнадцатом веке с появлением теорий тендерной девиации.

Сексуальная инверсия

Каким бы странным это ни казалось в **XX** веке, в центре дискуссий, разгоревшихся вокруг тендерной девиации в конце **XIX** века, была не гомосексуальность как таковая, а клинические случаи, которые в то время расценивались как биологическая и психологическая патология. Речь идет о любых отклонениях от традиционных тендерных сценариев, которые включали не только тех лиц, кого мы

125

сегодня назвали бы гомосексуалистами, бисексуалами или лесбиянками, но и феминисток[3]. Одной из причин, по которым феминистки и сексуальные меньшинства приравнивались друг к другу расценивались как проявления болезни, было то, что в девятнадцатом веке сексуальная ориентация еще не рассматривалась как отдельный и индивидуальный аспект человеческой психики. Любой человек, испытывающий желания, присущие противоположному полу, сексуального или несексуального характера, рассматривался как еще один пример того, что психиатры, врачи и сексологи определяли как «сексуальную инверсию». Этот новый вид патологии характеризовался «не как гомосексуальность, но как... полная смена тендерной идентичности, где эротическое поведение играет незначительную роль» (D'Emilio, Freedman 1988, p. 226).

Акцент на инверсии тендерной идентичности, характерный для конца девятнадцатого века, находит отражение в формулировках ведущих теоретиков. Так, в 1870 году немецкий психиатр Карл Вестфаль (Karl Westphal) описал женщину-пациентку с «сексуальными чувствами измененной направленности» как «увлекающуюся мальчишескими играми» и «любящую «одеваться как мальчик» (цит. по: Greenberg 1988, p. 380). Приблизительно в это же время другой плодовитый немецкий психиатр, Карл Хайнрих Ульрихс, (Karl Heinrich Ulrichs) описал «уранийцев» (термин, изобретенный Ульрихсом для обозначения мужчин с инверсией) как обладающих «женской душой, заключенной в мужское тело» (цит. по: Marshall 1981, p. 14). Прибегнув к понятиям, введенным Вестфалем и Ульрихсом, ведущий теоретик того периода Рихард Краффт-Эбинг (Richard Krafft-Ebing) отметил, что в случаях, когда наблюдается полностью сложившийся «необычный сексуальный инстинкт», «чувство, мысль, воля и характер в целом» согласуются с ним (цит. по: Greenberg, 1988, p. 414).

Хотя все трое вышеупомянутых ученых имеют немецкое происхождение, в XIX веке было немало теоретиков и за пределами Германии, признававших тотальность сексуальной инверсии, в том числе и американский невролог Джордж Бирд (George Beard). В 1884 году Бирд писал: индивидуумы с «извращенным полом»... «ненавидят противоположный пол и любят свой собственный; мужчины становятся женщинами, а женщины — мужчинами в отношении вкусов, манер, характера, чувств и поведения» (цит. по: Greenberg 1988, p. 380). Акцент на тендерной идентичности, скорее, чем на предпочте-

126

нии партнера того или иного пола, преобладал и иногда приводил к констатации таких различий, признание которых сегодня было бы невозможным. Например, исследуя семейную пару, состоявшую не из мужчины и женщины, а из двух женщин, одна из которых выдавала себя за мужчину и одевалась соответствующим образом, врачи того времени фактически игнорировали «жену», которую они, видимо, рассматривали как пассивную и нормальную в отношении пола жертву «мужа», страдавшего сексуальной инверсией (цит. по: Greenberg 1988, p. 382).

Разница между женщиной с инверсией и ее гендерно-нормальной жертвой не вызывала сомнений у сексологов того времени, областью научных интересов которых являлись женщины — участницы феминистского движения. С одной стороны, в этом движении были центральные фигуры, «не являющиеся в полной мере представительницами своего пола». Они «мужеподобны по темпераменту» и «гомогенны», дети для них — «большей или меньшей степени — обуза», а «мужская сексуальная страсть... простая грубость» (Carpenter 1896. Цит. по: Jeffreys 1985, p. 107). С другой стороны, в движении наблюдались «ложные имитации» мужеподобных лесбиянок (Ellis, 1897, Цит. по: Jeffreys 1985, p. 108). Эти женщины тянулись к феминизму не по причине своей собственной врожденной маскулинности; их привлекал интеллект и влияние сексуально-

инвертированных женщин, с которыми они общались. Причина такого влияния сексуально-инвертированных женщин на их нормальных в тендерном отношении партнерш кроется «в том факте, что врожденная аномалия с повышенной частотой встречается среди женщин с высоким уровнем интеллекта, которые, вольно или невольно, оказывают воздействие на остальных» (Р. 108)[4].

Сексологи девятнадцатого века предлагали различные объяснения того, что они считали сексуальной инверсией. Хотя вначале причиной возникновения инверсии как приобретенного расстройства считали мастурбацию, позднее инверсию стали рассматривать как биологически предопределенное расстройство. Наиболее распространенными были следующие концепции: сексуальная инверсия представляет собой редко встречающуюся форму человеческого развития; либо это одно из проявлений биологической деградации, передающейся из поколения в поколение и являющейся следствием излишеств и пороков; либо это некая разновидность промежуточного (или третьего) пола.

127

К концу столетия сексологами было разработано множество гипотез относительно биологического механизма, приводящего к появлению промежуточного пола; среди них — до сих пор не утратившая актуальности теория Карла Ульрихса (Karl Ulrichs). В соответствии с этой теорией, в период внутриутробного развития плода на уровне мозговых центров не закладывается механизм половой дифференциации, в то время как на уровне тела закладка половых признаков происходит без каких-либо отклонений. Сексологи также разработали многочисленные системные классификации для описания множества разновидностей промежуточного пола (или различных типов пола); по крайней мере, некоторые из них встречались в популяции в целом. Несмотря на значительные различия межу этими классификациями, все они строились на исходном предположении о том, что инверсия сексуального влечения является не собственно биологическим или психологическим феноменом, а промежуточной точкой на континууме, крайним полюсом которого является полностью развитая мужская или женская психика в теле противоположного пола.

По мнению историка Лоуренс Биркен (Birken 1988), ученые и врачи девятнадцатого века начали истолковывать различия между мужским и женским не на основе абсолютной дихотомии не связанных между собой форм, а используя количественную оценку спектра логически отличающихся типов. Тем самым они совершили, пусть даже и случайно, гигантский шаг в направлении деполяризации мужчин и женщин. Хотя это мнение может оказаться верным в исторической перспективе, надо сказать, что практиковавшееся в те времена занесение в ранг биологической или психологической патологии всего, что не вписывалось в культурные сценарии мужского и женского, было огромным шагом назад. Это было движение в сторону такого стандарта восприятия пола и тендерных «предписаний», которое становилось все более уязвимым в свете наступивших социальных перемен.

В 1895 году французский ученый М.А.Раффалович (M.A.Raffalovich) провозгласил наступление новой эры в сексологии, подвергнув критике популярные в то время теории мужской сексуальной инверсии. «Гомосексуалисты, — писал Раффалович, — не вписываются в устаревшее объяснение о женской душе в мужском теле. Некоторые из них более маску-линны, чем большинство мужчин, и их увлечение представителями собственного пола пропорционально сходству партнеров с ними самими. По их словам..., страсть к партнерам, по-

128

хожим на них самих, сравнима со страстью, которая возникает к партнерам другого пола» (цит. по: Birken 1988, p. 105-106).

Хотя до возникновения теории Фрейда о сексуальном влечении к сходному (или нарциссизме) оставалось еще 20 лет, уже через 2—3 года после появления статьи Раффаловича некоторые сексологи, включая Хейвлока Эллиса (Havelock Ellis), Джона Саймондса (John Symonds) в Англии и Магнуса Хирш-фельда (Magnus Hirshfeld) в Германии, предприняли первые шаги в этом направлении. Они начали рассматривать объект сексуального влечения в большей степени как самостоятельный феномен, а не как аспект тендерной идентичности. Хотя отделение сексуальности от других аспектов тендера происходило значительно медленнее в отношении женщин, чем в отношении мужчин, и хотя абсолютное и тотальное отделение не является общепризнанным и на сегодняшний день, первые заметные шаги в этом направлении были сделаны в работах Хейвлока Эллиса (Havelock Ellis), которые относятся к началу века. Эллиса называли одним из первых поствикторианских «энтузиастов сексуального» (Robinson 1976) за его

попытки расширить рамки представлений о приемлемом сексуальном поведении, не ограничивая его исключительно прокреатив-ными функциями[5].

В особенности это касается проблемы однополой сексуальности. Эллис старался представить гомосексуалистов почти такими же нормальными в отношении тендера, как всех остальных людей. Доказывая это положение, Эллис раз и навсегда отверг «вульгарную ошибку, ведущую к тому, что образ типичного гомосексуалиста сводится к тем накрашенным переодетым созданиям, которые время от времени оказываются в полицейских участках» (Ellis, Symonds 1877/1975, p. 120). Кроме того, Эллис сформулировал теорию о существовании двух совершенно различных эмпирических феноменов. Во-первых, он пересмотрел понятие «сексуальная инверсия». По его мнению, сексуальная инверсия является биологической (или «врожденной») направленностью сексуального инстинкта на представителей своего пола, — то, что сегодня мы называем гомосексуальностью. Второй феномен — это инверсия на уровне половой чувственности, или эонизм (Ellis 1928). Эонизм Эллис представлял как несексуальный феномен, имеющий различные внешние проявления. Эонисты могут всего лишь носить одежду противоположного пола или впадать в другую крайность, то есть настолько полно психологически идентифи-

129

цировать себя с противоположным полом, что ощущать себя в «неправильном» теле.

Эллис своим теоретическим разделением сексуальной инверсии и эонизма предвосхитил появление двух основных областей сексологии двадцатого века (одна занимается гомосексуальностью в качестве сексуальной ориентации как таковой, а вторая изучает тендер, или маскулинность/фемининность психики индивидуума). Тем не менее, судя по его теоретическим публикациям, характер рассуждений Эллиса об инверсии не был полностью свободен от представлений о ее тотальности, характерных как раз для девятнадцатого века.

Эллис утверждал, что мужчинам с сексуальной инверсией явно присуща «общая, хотя и не универсальная тенденция»... «приближения к женственному типу, проявляющаяся либо в складе психики, либо в физической конституции, либо в том и другом одновременно». Фактически, «хотя сам гомосексуалист может настойчиво заявлять о своей маскулинности и хотя его фемининность может и не быть столь очевидной, существенное превалирование последней может быть доказано с достаточной долей уверенности, причем, разумеется, не только среди явного меньшинства гомосексуалистов, принимающих на себя исключительно пассивную роль, хотя у них фемининность обычно наиболее заметна» (Ellis, Symonds 1897, p. 119).

Это заявление, на первый взгляд, полностью противоречит утверждению Эллиса о возможности отделить гомосексуальность от других аспектов инверсии. Однако, если принять во внимание его настойчивость в отстаивании убеждения, что «типичный гомосексуалист» — это не «накрашенное переодетое создание из тех, что задерживает полиция», похоже, что специфическим аспектом инверсии, который Эллис весьма старался отделить от мужской гомосексуальности, было использование одежды противоположного пола. Подобное отмежевание представлялось существенным и Магнусу Хирш-фельду (Magnus Hisrshfeld), который в 1910 году выделил этот аспект в качестве самостоятельного феномена и назвал его трансвестизмом.

Неспособность Эллиса отказаться от традиции XIX века рассматривать сексуальность как всего лишь один из аспектов тендерной идентичности, проявляется еще более отчетливо в его подходе к сексуальной инверсии у женщин. По Эллису, основной характеристикой женщин с инверсией сексуального влечения является «определенная степень маскулинности». Имеется даже «весьма ярко выраженная среди сексуально-ин-

130

вертированных женщин склонность использовать мужскую одежду. При этом женщина отдает предпочтение мужскому гардеробу не в связи с внешними бытовыми обстоятельствами и даже не с целью произвести впечатление на других женщин, а потому что она чувствует себя комфортнее в этой одежде» (Ellis, Symonds 1897/1975, p. 94-95).

Почему же Эллис не смог (особенно в отношении женщин) развести эти два явления — использование одежды противоположного пола и гомосексуальность? Причина носит исторический характер. Поскольку в культуре, науке и медицине XIX века считалось, что у женщин сексуальная мотивации отсутствует до той поры, пока они не начнут получать стимуляцию со стороны мужчин, женскую сексуальность как самостоятельное явление просто невозможно было иначе представить, кроме как врожденно маскулинной[6].

Эта точка зрения на автономную женскую сексуальность как маскулиннную по своей природе присутствует даже во фрейдовском анализе гомосексуальности, значительно более радикальном,

чем у Эллиса. Хотя Фрейд продвинулся достаточно далеко за рамки явления, называемого им инверсией характера, чтобы утверждать в 1905 году, что «в мужчинах полная душевная маскулинность может сочетаться с инверсией» (Р. 8). Вместе с тем он доказывал, что среди женщин с инверсией «маскулинные характеристики, как физические, так и психические», проявляются «с необычайной частотой» наряду с желанием, чтобы «черты феминин-ности проявлялись в объектах их сексуального желания» (Р. 11). Таким образом, «только у женщин с сексуальной инверсией может наблюдаться инверсия характера как некая закономерность» (Р. 8).
Независимо от того, полностью ли Эллис и Фрейд разводили понятия «женская гомосексуальность» и «женская общая сексуальная инверсия», нет сомнений в том, что со временем как культура, так и научное и медицинское сообщество стали истолковывать сексуальную инверсию, скорее, как патологию сексуального влечения, чем как тендерную патологию. Этому концептуальному сдвигу от тендера к полу способствовали изменения в социальных реалиях, в том числе отказ от разделения жизнедеятельности на мужскую и женскую сферы, а также возрастание сексуализации западной культуры. Сексуализация имела множество причин и множество граней: возрастающая доступность средств контроля рождаемости; развитие потребительской экономики и рекламной индустрии, использующей секс и сексуальную
131
привлекательность в целях сбыта потребительских товаров; изобретение автомобиля, предоставившее молодым людям определенного социального класса настолько широкие новые возможности для секса, что один до крайности встревоженный этим консервативный комментатор назвал автомобиль «приютом проституции на колесах» (цит. по: D'Emilio, Freedman 1988, p. 257). Сюда же следует отнести и введенное Фрейдом расширение значимости секса как направляющего фактора даже в поведении и ощущениях младенцев.
В **XX** веке, в условиях сексуализации культуры, единая теоретическая и научно-исследовательская традиция XIX века, рассматривающая вопросы такой патологии, как инверсия, с неизбежностью разделилась на две отдельных теоретических и исследовательских традиции. Одна из них изучала гомосексуальность как сексуальную ориентацию, а другая — проблемы тендера (или маскулинности — фемининности) на уровне индивидуальности[7]. Хотя подобное концептуальное раздвоение в начале XX века помогло немногочисленным защитникам гомосексуальности (таким, как Магнус Хиршфельд) доказать, что однополая сексуальность не должна восприниматься как патология, оно ни в коей мере не смогло подвергнуть сомнению результаты длительного сотрудничества науки и культуры в области тендерной поляризации. Соответственно, обе вышеупомянутые научные традиции **XX** века, выросшие из концепции инверсии, продолжали признавать законным как преимущественное положение гетеросексуальное™, так и культурное требование, чтобы пол тела соответствовал тендеру психики.
Гомосексуальность
Фрейд
Как и многое другое в психологии и психиатрии, традиционный для XX века подход к исследованию гомосексуальности как сексуальной ориентации, восходит к теории психоанализа Зигмунда Фрейда. В рамках этого подхода мужчинам уделяется настолько больше внимания, по сравнению с женщинами, что даже и в моем собственном исследовании неизбежно отразится предвзятость, сопутствующая этому анд-роцентрическому подходу. Теория психоанализа позднее была преобразована последователями Фрейда в самый мощный научный инструмент XX века, благодаря которому гетеросексу-
132
альности отводилась привилегированная роль, а гомосексуальность расценивалась как патология. Однако по отношению к гомосексуальности Фрейд был настолько убежденным дарвинистом, что его позиция представляла собой серьезную угрозу научным обоснованиям гетеросексизма в западной культуре[8]. В основе теории эволюции лежит утверждение, что виды, населяющие планету в настоящее время, являются биоисторическими конструкциями, эволюционировавшими в результате взаимодействия биологии и окружающей среды. Закон, примененный Дарвином к филогенетическому развитию видов, был применен Фрейдом к онтогенезу психики человека, включая и процесс развития того, что Фрейд назвал «выбором сексуального объекта» (Freud 1905/1962, p. 11). Подобно тому, как Дарвин лишил гомо сапиенса главенствующей роли, сочтя его, наравне со всеми остальными видами, биоисторической конструкцией, развившейся из более ранних форм жизни, Фрейд лишил гетеросексуальность преимуществ, рассматривая ее, наравне с гомосексуальностью, как всего лишь один из возможных исходов психосексуального развития

ребенка.
Основные положения теории Фрейда о гомосексуальности изложены в его «Трех очерках по психологии сексуальности», впервые опубликованных в 1905 году. Эти очерки представляют собой основной теоретический труд Фрейда по вопросам развития сексуальности у младенцев и детей[9]. В данной теории гетеросексуальность лишалась своего преимущественного значения, главным образом, благодаря двум моментам. Во-первых, «сексуальный инстинкт», с которым ребенок рождается, «вначале не имеет объекта». Другими словами, первоначально сексуальный инстинкт настолько «аутоэротичен» и «полиморфно искажен», что влечение может оказаться направленным на любой объект или вид деятельности, доставляющий младенцу физическое удовольствие (Р. 98—100). Во-вторых, сексуальный инстинкт «находит сексуальный объект» только в результате длительного процесса психосексуального развития (Р. 73). Более того, полиморфная искаженность первоначального инстинкта с неизбежностью приводит как к постепенному фокусированию индивидуума на одной подгруппе из множества сексуальных объектов, так и к постепенному исключению — или вытеснению в область бессознательного — всех остальных сексуальных объектов.
Эти рассуждения неразрывно связаны с исходным допущением о том, что в ходе психосексуального развития ребенка «сексуальный инстинкт и сексуальный объект теснейшим
133
образом взаимосвязаны» в ходе психосексуального развития ребенка, и это «факт, который мы могли упустить из виду вследствие наблюдаемого однообразия картины нормального развития, где объект выступает как неотъемлемая часть инстинкта». В понимании Фрейда, «сомневаться в наличии связи между инстинктом и объектом» (Р. 14) — значит в принципе исключить гетеросексуальность из ряда нормальных явлений, не нуждающихся в объяснениях; в таком случае гетеросексуальность предстает как феномен, в такой же степени требующий объяснений, как и гомосексуальность. В пространном примечании к переизданию «Трех очерков...» в 1915 году Фрейд утверждает, что как гетеросексуальность, так и гомосексуальность являются результатом одного и того же процесса психосексуального развития. В примечании, в частности, говорится следующее:
«Психоаналитическое исследование самым решительным образом противостоит попыткам отделить гомосексуалистов от всего человечества как особую группу. Сталкиваясь не только с видимыми, но и со скрытыми формами сексуального возбуждения, оно устанавливает, что все люди способны к гомосексуальному выбору объекта и фактически проделывают этот выбор в своем бессознательном... В психоаналитической трактовке выбор объекта независимо от его пола, то есть произвольный и равнозначный выбор объектов мужского и женского пола (как это наблюдается в детском возрасте, в примитивных обществах и на ранних стадиях исторического развития), представляет собой фундамент, на котором развиваются и нормальный, и гомосексуальный тип, в зависимости от ограничений в том или ином направлении. С позиции психоанализа, и сексуальный интерес мужчины исключительно к женщине также является вопросом, требующим пояснений, а отнюдь не самоочевидным фактом влечения, имеющим исключительно химическое происхождение» (1905/1962, р. 11-12).
Фрейд еще раз подчеркнул, что гомосексуальность и гетеросексуальность являются разными результатами одного и того же психосексуального процесса, когда в 1920 году пессимистично оценил прогноз лечения психоанализом женщины с гомосексуальной ориентацией. «Необходимо помнить, — писал он, — что нормальная сексуальность также зависит от ограничения в выборе объекта; вообще возможность превратить сложившегося гомосексуалиста в гетеро-сексуалиста не более перспективна, чем обратный процесс» (Р. 207). Причина такого пессимистического прогноза про-
134
ста: задача «состоит не в разрешении невротического конфликта, а в трансформации одной разновидности гениталь-ной организации сексуальности в другую», что «никак не является простым делом» (Р. 206).
Хотя рассуждения Фрейда об ослаблении связи между инстинктом и объектом, безусловно, представляли попытку изменить статус гетеросексуальное™ как привилегированной ориентации, в то же время он в значительной степени поддерживал этот статус, неизменно отдавая предпочтение репродуктивной сексуальности как «результирующей, нормальной форме» психосексуального развития. В то время как «сексуальный инстинкт до того был преимущественно ауто-эротичным», в зрелом возрасте «он подчинен репродуктивной функции; он

становится, так сказать, альтруистическим» (1905/1962, р. 73).
Какое же место отводится гомосексуалистам и лесбиянкам в соответствии с определением зрелой сексуальности как репродуктивной и гетеросексуальной? Как неоднократно указывал сам Фрейд, представление о зрелой сексуальности как о репродуктивной предполагает, что гомосексуальность не болезнь, а «разновидность сексуальной функции, являющаяся результатом некоей задержки в сексуальном развитии» (Письмо американской матери. Цит. по: Bayer 1981, р. 27). В течение своей продолжительной научной карьеры Фрейд предложил множество вариантов жизненных сценариев периода детства, которые могут привести к задержке развития; каждый из этих сценариев так или иначе включает в себя бессознательную и непреодоленную фиксацию на матери (для мужчин) или комплекс маскулинности (для женщин)[10].
Несмотря на то, что в более поздних психоаналитически ориентированных исследованиях гомосексуальности теория Фрейда о задержке развития в конце концов трансформировалась в изучение психопатологии гомосексуальности, сам Фрейд, по крайней мере, трижды разъяснял, что гомосексуальность не является болезнью, или патологией. В первый раз это утверждение прозвучало в его ответе на вопрос, заданный в 1903 году одной венской газетой. Ответ, опубликованный в той же газете, гласил:
«Я... придерживаюсь твердого убеждения, что к гомосексуалистам нельзя относиться как к больным людям, поскольку ориентация, отклоняющаяся от нормы, отнюдь не является болезнью. Если бы это было так, мы были бы вынуждены признать больными многих великих мыслителей и ученых различных эпох, о чьей гомосексуальной ориентации нам
135
достоверно известно и кем мы восхищаемся именно в связи с их психическим здоровьем. Гомосексуалисты не являются больными» (цит. по: Lewes 1988, Р. 32).
Позднее, в 1921 году, Фрейд фактически отменил решение британского психоаналитика Эрнеста Джонса об отказе принять в психоаналитическое общество кандидата, не скрывавшего своей гомосексуальности, именно по этой единственной причине. Джонс мотивировал свое решение следующим образом: если исключена возможность применить психоанализ, чтобы вылечить кандидата, то как же тот собирается лечить других? В ответе Фрейда Джонсу, под которым подписался и аналитик Отто Ранк, опровергается мнение, будто бы гомосексуальность обязательно связана с интеллектуальными или психологическими ограничениями:
«Дорогой Эрнест, мы рассмотрели Ваш запрос относительно возможного членства гомосексуалистов в психоаналитическом обществе. Мы не разделяем Вашего мнения по этому вопросу. Мы не можем отказывать таким людям, если для этого нет каких-либо иных веских причин, равно как мы не можем согласиться с преследованием таких лиц по закону. Нам представляется, что решение в подобных случаях должно приниматься по результатам тщательного изучения иных качеств кандидата» (Р. 33)
Наконец, в 1935 году Фрейд написал широко известное в наши дни письмо, адресованное американской матери. В нем Фрейд, по всей вероятности, отвечает женщине на ее вопрос о том, можно ли с помощью психоанализа вылечить сексуальную ориентацию ее сына. Ответ Фрейда, опубликованный в 1951 году, ясно дает понять, что гомосексуальность не является болезнью или патологией, как старались ее представить позднейшие психоаналитики:
«Из Вашего письма я понял, что Ваш сын — гомосексуалист. Меня поразило то, что, рассказывая о своем сыне, сами Вы не используете этот термин. Позвольте задать Вам вопрос: почему Вы избегаете его? Безусловно, гомосексуальность не является преимуществом, но она не является и чем-то, чего надо было бы стыдиться. Это не порок и не деградация; гомосексуальность также не может быть причислена к болезням. Мы рассматриваем ее как разновидность сексуальной функции, являющуюся результатом некоей задержки в сексуальном развитии. Многие выдающиеся личности древности и современности были гомосексуалистами, и в их числе несколько гениев (Платон, Микеланджело, Леонардо да Винчи и др.). Преследовать за гомосексуализм, как если бы он был
136
преступлением, в высшей степени несправедливо, и к тому же жестоко. Если Вы не верите мне, обратитесь к книгам Хэйвло-ка Эллиса.
Спрашивая меня, могу ли я помочь, Вы, вероятно, хотите узнать, могу ли я устранить гомосексуальность и заменить ее нормальной гетеросексуальностью. Обычно ответ на такой вопрос — нет. В некоторых случаях нам удается развить подавленные зачатки гетеросексуальных наклонностей, имеющиеся у любого гомосексуалиста. В большинстве же случаев это не

представляется возможным. Все зависит от характерных особенностей и возраста человека. Результат лечения непредсказуем.
Психоанализ может оказать помощь Вашему сыну в другом. Если он несчастлив, невротичен, страдает от конфликтов, социально неприспособлен, анализ может помочь ему в достижении гармонии, душевного мира и полной дееспособности, вне зависимости от того, останется ли он гомосексуалистом или изменится (цит. по: Jones, p. 195—196).
Отрицание Фрейдом главенствующей роли гетеросексуальное™ связано с его теоретическим предположением, согласно которому выбор сексуального объекта совершается в детском возрасте и начинается со стадии первоначальной сексуальной индифферентности, а не является биологически обусловленным. Как уже упоминалось в главе 3, Фрейд также высказывал мнение, что маскулинность и феминин-ность — это приобретенные, а не врожденные качества. Однако и в этом контексте Фрейду не удалось окончательно избавиться от культурных линз, помешавших ему сделать радикальные выводы, которые являлись бы логическим следствием из вышеприведенного допущения. Андроцентризм, как часть культуры, унаследованной Фрейдом, не позволил ему опровергнуть утверждение о том, что женская психика по природе своей менее совершенна, чем мужская. Точно также его допущения, основывающиеся на позициях тендерной поляризации и биологического эссенциализма, а именно на том, что гетеросексуальность является единственным узаконенным контекстом сексуальных отношений взрослых, не позволили ему признать гомосексуальность такой же нормальной, как и гетеросексуальность.
Последователи Фрейда в области психоанализа
После 1930 года последователи Фрейда внесли в содержание теории психоанализа, по меньшей мере, три значитель-
137
ных коррективы". Хотя не все изменения имели непосредственное отношение к выбору сексуального объекта, их совокупный результат свел на нет не только радикализм, свойственный фрейдовскому анализу гомосексуальности, но и присущую ему социальную толерантность.
Во-первых, последователи Фрейда отвергли его предположение о том, что и гетеросексуальность, и гомосексуальность представляют собой индивидуализированные производные от более ранней бисексуальности. В частности, они подвергли сомнению утверждение Фрейда о спайке между сексуальным инстинктом и сексуальный объектом (даже в случае гетеросексуальное™), заявив, что гетеросексуально ориентированный выбор естественен для каждого человека, однако впоследствии он может быть заблокирован психологической травмой или невротическим конфликтом. Ключевой фигурой в пересмотре теории был Шандор Радо (Rado 1940), яростно утверждавший, что, хотя у каждого гомосексуалиста наличествует латентное гетеросексуальное влечение, у гетеросексуали-стов какое-либо гомосексуальное влечение отсутствует.
Во-вторых, было отвергнуто предположение Фрейда о том, что гомосексуально ориентированный выбор объекта представляет собой задержку в психосексуальном развитии на стадии эдипова комплекса. Вместо этого последователи Фрейда выдвинули утверждение, согласно которому гомосексуальный выбор является задержкой развития на преэдипо-вой (или оральной) стадии*. Они исходили из предположения, что, поскольку у ребенка основы самосознания формируются на преэдиповой стадии, то задержка в развитии именно на этом этапе объясняет, почему у гомосексуалистов настолько неразвито и нестабильно их «эго»; они (мужчины и женщины) имеют «пограничную личностную структуру с ... примитивными объектными отношениями» (Lewes 1988, p. 76). По этой же причине выбор сексуального объекта у гомосексуалистов можно рассматривать как признак едва ли не психотической личности. Наибольший вклад в создание этой теории внесла Мелани Кляйн (Melanie Klein), чья книга 1932 года «Детский психоанализ» легла в основу школы «объектных отношений» в психоанализе. В теоретическом обосновании преэдиповой гомосексуальности было много сделано Эдмундом Берглером (Edmund Bergler) и Чарльзом Сокаридесом (Charles Socarides).
* То есть на более ранней стадии психосексуального развития. — *Прим. пер.*
138
Наконец, в-третьих, если Фрейд полагал, что первоосновой мотивации человека в целом и в случаях неврозов, в частности, является сексуальный инстинкт, то его последователи придавали решающее значение социальных факторам и межличностным отношениям, в особенности выделяя власть и зависимость. С точки зрения исследователей «межличностной» или «адаптационной» ориентации, гомосексуальность выступает не столько как специализация сексуального инстинкта, сколько как симптом, или сексуализация невротического конфликта несексуальной природы.

Отсюда происходит термин «псевдогомосексуальность», использовавшийся в 1950-х годах. Ключевыми фигурами в движении «от сексуальности» были Карен Хорни (Karen Horney) и Гарри Стэк Салливан (Harry Stack Sullivan). А основными приверженцами ревизионистского подхода к гомосексуальности — Клара Томпсон (Clara Thompson), Эбрам Кардинер (Abram Cardiner) и Лайонел Овсей (Lionel Ovesey)[12].

Несмотря на то, что среди психоаналитиков не было единодушного принятия всех трех упомянутых корректив, в конечном итоге гомосексуальность стала расцениваться как психическая патология, теоретически поддающаяся психиатрическому лечению[13]. Подтверждением того, что практически все американские психиатры, по крайней мере, склонялись к мнению о том, что гомосексуальность носит патологический характер, является следующий факт: гомосексуализм был безоговорочно включен в первый официальный перечень психических заболеваний, опубликованный Американской Психиатрической Ассоциацией в 1952 году. Без обсуждений гомосексуализм был включен и в перечень «Диагностического и статистического руководства» (Diagnostic and Statistical Manual — DSM-I), а затем и в обновленную его редакцию 1968 года (DSM-II)[14].

Единодушие американцев в признании гомосексуализма патологией также нашло отражение во введении к американскому изданию доклада Волфендена, написанному Карлом Меннингером (Karl Menninger) в 1963 году. Автор одобряет основное заключение, содержащееся в английском докладе, (согласно которому гомосексуальные половые акты между взрослыми, совершенные по взаимному согласию, не должны считаться преступлением). При этом Меннингер полностью игнорирует другой важный вывод, а именно, что гомосексуальность может рассматриваться как психическое заболевание или расстройство только в тех случаях, если критерии «выходят за границы того, что считается приемлемым» (цит. по:

Bayer 1981, p. 222). Не комментируя прямо эту завуалированную критику в адрес американских психиатрических кругов, Меннингер отмечает, что, с точки зрения психиатра, гомосексуальность «является признаком незрелой сексуальности и либо задержки психологического развития, либо регрессии*. Какое бы название ни давала этому явлению общественность, у психиатров не возникает ни малейшего сомнения в ненормальности такого поведения» (Р. 39).

Американские психиатры официально признавали гомосексуальность патологией вплоть до 1973 года, когда она была, наконец-то, исключена из третьего издания «Диагностического и статистического руководства» (DSM-I1I) в результате длительной и ожесточенной политической борьбы[15]. Одним из факторов, позволивших этому искажению классических положений психоанализа так долго оставаться в силе, было исследование этиологии мужской гомосексуальности, проводившееся в течение десяти лет Ирвингом Бибером (Irving Bieber) и другими. Результаты позволили предположить, что гомосексуальные мужчины являются жертвами патогенного влияния семьи. (Bieber et al. 1962). В этих исследованиях были допущены многочисленные методологические упущения, наиболее серьезным из которых было отсутствие группы гомосексуалистов, не проходивших лечения (контрольной группы. — *Прим. пер.).* Несмотря на это, результаты оправдывали в глазах большинства не только психопатологию гомосексуальности, но и критику мнения Фрейда относительно того, что гомосексуальность и гетеросексуальность являются индивидуализированными производными от универсальной бисексуальности. По мнению самого Бибера, исследование мужской гомосексуальности «позволило получить документальные свидетельства абсолютно патологических отношений между родителями и ребенком» в родительских семьях, из которых выходят гомосексуалисты. Наиболее характерное сочетание материнской и отцовской фигур в семье, где с наибольшей вероятностью появляется сын-гомосексуалист — «это отчужденный, враждебный отец и чрезмерно привязывающая к себе сына соблазнительница-мать, находящаяся в тесном эмоциональном контакте с сыном, и в то же время являющаяся доминирующей и подавляющей женой по отношению к своему мужу». Эти и другие результаты исследования «противоречат

* Регрессия — защитный механизм, выражающийся в том, что индивидуум отступает на более раннюю стадию развития; использование менее зрелых ответов в попытке справиться со стрессом. — *Прим. пер.*

классической теории психоанализа», указывая на то, что «большинство мужчин не являются латентными гомосексуалистами; скорее, все гомосексуалисты являются латентными гетеросексуалистами». Бибер обобщил:

«Ни у одного другого вида, репродукция которого зависит от спаривания самцов и самок, не наблюдается отклонений в виде страха или отвращения перед гетеросексуальным спариванием, равно как отклонений в сторону исключительного и последовательного, высокоорганизованного гомосексуального поведения. Чувство страха и отвращения к женским гениталиям само по себе свидетельствует о патологии гомосексуальной адаптации и ошибочности заключения, что гомосексуальная девиация встречается в рамках биологической нормы (1965, p. 249-254).
Кеннет Льюис (Kenneth Lewes) в своем недавнем критическом обзоре, посвященном эволюции взглядов на гомосексуальность в теории психоанализа (1988), высказывает следующее мнение. После Фрейда психоаналитическая теория выбора сексуального объекта принимала все более негативный характер по отношению к гомосексуалистам, в то время как психоаналитическое представление о фемининности принимало более позитивный характер в отношении женщин. Причина отчасти состоит в том, что в пересмотре представлений о фемининности участвовало множество женщин-психоаналитиков, в то время как в пересмотре представлений о гомосексуальности не принимал участие ни один аналитик, о чьей гомосексуальности было бы официально известно. В примечании к данной теме Льюис также высказывает предположение, что резко отрицательное отношение к гомосексуализму со стороны пост-фрейдовского психоанализа отчасти объясняется тем, что негативные чувства по отношению к женщинам, которые теперь в психоаналитической трактовке фемининности не могли быть выраженными открыто, проникли в психоаналитическую трактовку гомосексуальности. По словам Льюиса, «ги-некофобия (патологическая неприязнь к женскому (женщинам. — *Прим. пер),* во многом присущая раннему психоанализу, будучи удаленной из теории фемининности, нашла прибежище в современной теории гомосексуальности, которая, в отличие от предшествующей, не позволила гомосексуалистам участвовать в ее (теории. — *Прим. ред.)* формулировании». (1988, p. 238) В сочетании с потребностью, испытываемой, хотя и не признаваемой, многими аналитиками, отречься от своих собственных «гомосексуальных порывов»,
141
гинекофобия послужила причиной «атаки на гомосексуалистов, осуществляемой с невоздержанностью, свирепостью и отсутствием сочувствия», что не только выглядит «отталкивающим в дисциплине, целиком посвященной пониманию и излечению» (P. 239), но и является «темным пятном в истории психоанализа» (P. 121).
Прав или не прав Льюис в своем понимании причин оскорбительного отношения к гомосексуализму со стороны психоаналитиков, сам факт враждебности неоспорим. По мнению Льюиса, наиболее ярым противником гомосексуализма был Эдмунд Берглер (Edmund Bergler), сторонник выбора преэдиповой стадии, чьи многочисленные публикации появлялись как в уважаемых психоаналитических журналах, так и в непрофессиональных изданиях в течение более чем тридцати лет, в особенности в период с конца Второй мировой войны до середины 1950-х годов. Берглер, заявлявший об отсутствии у него каких-либо «предубеждений по отношению к гомосексуалистам», высказывался о них следующим образом: гомосексуалисты — «по существу неприятные люди, независимо от того, симпатичны или несимпатичны их публичные манеры»; в их поведении проявляется «смесь высокомерия, фальшивой агрессии и хныканья». Гомосексуалисты «раболепны при столкновении с более сильной личностью, безжалостны, когда обладают властью, и безразличны к переживаниям более слабых людей, которых они попирают» (1955, p. 28—29). По-видимому, у них имеются криминальные наклонности; отсюда «большой процент гомосексуалистов среди мошенников, искусных обманщиков, фальсификаторов, всевозможных нарушителей закона, распространителей наркотиков, игроков, сутенеров, шпионов, владельцев борделей и т.д.». Что же касается бисексуалов, Берглер делает следующее заявление: «никто не может плясать на двух свадьбах одновременно, даже гомосексуалист-волшебник» (1947, p. 403, 405).
Абрам Кардинер (Abram Kardiner), публиковавший свои работы приблизительно в то же время, что и Берглер, превзошел последнего, сравнивая «отъявленную» ненависть мужчин-гомосексуалистов к женщинам с ненавистью нацистов к евреям (1954, p. 189). Наконец, в пылу недавнего конфликта вокруг исключения гомосексуализма из DSM-III, Чарльз Со-каридес (Charles Sokarides) описал мужчин-гомосексуалистов как навязчиво стремящихся получить «своего рода «инъекцию» маскулинности». Гомосексуалист, «как и наркоман, нуждается в своей «дозе» (1970, p. 1201). Впрочем, гомосексуа-
142
лист с самого начала обречен в силу патологичности самой природы гомосексуализма.

Гомосексуалисты «несут в себе агрессию, разрушительность и самообман». И если гетеросексуальные отношения часто являются источником «сотрудничества, утешения, поощрения, обогащения, здорового соперничества и удовлетворения», то гомосексуальный «маскарад» приводит только к «разрушению, взаимному поражению, эксплуатации партнера и себя, к орально-садистическим действиям, агрессивным нападкам, попыткам ослабить тревогу. А также он ведет к псевдо-разрешению агрессивных и относящихся к либидо побуждений, которые удерживают власть над индивидуумом и приносят ему страдания» (Socarides 1968. Цит. по: Bayer 1981, p. 36).

Не стоит думать, что Берглер, Кардинер и Сокаридес — единственные психоаналитики, чьи публикации и, по всей видимости, терапия были пропитаны таким высокомерием и враждебностью. При этом надо отметить, что, хотя труды многих других психоаналитиков этого периода сохраняли сдержанно-почтительный тон, немалое число работ содержало оттенок враждебности, столь характерной для Берглера. Однако безотносительно количественного соотношения тех и других, важным, как указывает Льюис, является то, что Берглер и другие наиболее агрессивные противники гомосексуализма не были осуждены психоаналитическим сообществом. Также не наблюдалось самокритики или хотя бы осознания тона, присущего психоаналитическому дискурсу до 1980 года. Напоследок в статье, опубликованной в Американском журнале Психоаналитической Терапии *(American Journal of Psychoanalytic Therapy)* (Kwawer 1980), было высказано предположение, что причиной искажений в рассуждениях о гомосексуальности могла служить неосознанная тревога самих психоаналитиков по поводу гомосексуальности. В этом я согласна с Льюисом: для такой профессии, как психоанализ, имеющей даже специальный термин, обозначающий искажение аналитиком клинического материала в связи с собственными бессознательными тревогами (этот термин — *контрперенос),* в контексте отношения к гомосексуализму «странно, что для признания психоанализом этой проблемы потребовалось целых три четверти века» (Lewes 1988, p. 228).

Неспособность психоаналитиков «навести порядок в собственном доме» привела к драматическим последствиям в период после Второй мировой войны, когда гомосексуализм стал одним из объектов маккартистской «демонологии» (D'Emilio 1983b, p. 48)[16]. Американцы опасались, что их спо-

143

собность победить в холодной войне против Советского Союза может быть подорвана заговорщиками, и нация мобилизовала свои ресурсы для искоренения всех подозреваемых в принадлежности к коммунистам или в сочувствии им. По мере нарастания антикоммунистической волны гомосексуалисты и лесбиянки также были объявлены угрозой национальной безопасности; они вдруг обнаружили, что стали объектом всенародной охоты на ведьм.

Эта охота на ведьм началась в феврале 1950 года, когда сенатор Джозеф Маккарти официально заявил, что Государственный департамент «пронизан коммунистами» (D'Emilio, Freedman 1988, p. 292). После того, как при заслушивании показаний работника Государственного департамента в Конгрессе, случайно стало известно, что несколько десятков служащих были уволены за гомосексуальное поведение, «гомосексуальная угроза» (D'Emilio 1988b, P. 43) заняла центральное место в риторике сенатора Маккарти. В июне того же года весь Сенат уступил давлению Маккарти и санкционировал полномасштабное расследование фактов найма на работу гомосексуалистов «и других моральных извращенцев» в органы федерального правительства *(«Нью-Йорк Тайме».* Цит. по: D'Emilio 1983b, p. 42).

Отчет Сената, опубликованный в декабре 1950 года, констатировал, что действительно большое количество гомосексуалистов было нанято на работу в правительственные органы; было рекомендовано отныне исключить гомосексуалистов из правительственных служб. Эта экстраординарная рекомендация оправдывалась в отчете двумя соображениями: человек с гомосексуальной ориентацией подвергает риску национальную безопасность в связи с его неустойчивостью в отношении шантажа; кроме того, люди с гомосексуальной ориентацией обладают непредсказуемым «характером». В выражениях не стеснялись: «потакание своим извращенным сексуальным желаниям ослабляет моральную устойчивость человека»; даже «один гомосексуалист может развратить правительственное учреждение» (цит. по: D'Emilio 1983b, p. 42).

Реакция на доклад последовала безотлагательно. В течение последующих шести месяцев число увольнений с гражданских постов в исполнительной ветви власти возросло в двенадцать раз, а в апреле 1953 года президент Эйзенхауэр издал распоряжение, запрещающее гомосексуалистам и лесбиянкам занимать должности в федеральных учреждениях на всей территории страны.

Последовало и нечто худшее: начиная с 1950 года,
144
ФБР вместе с местными отделениями полиции нравов начало создавать государственную систему наблюдения с целью препятствовать гомосексуалистам, желающим устроиться на государственную службу, скрывая свою сексуальную ориентацию. Не удивительно, что охота на ведьм в федеральном масштабе привела к серьезным последствиям на местном уровне, позволяя силам полиции по всей стране преследовать гомосексуалистов непредсказуемыми и зачастую жестокими способами.

Хотя ответственность за эту лихорадку гомофобии нельзя полностью возложить на психиатрические или даже психоаналитические круги, однако логично предположить, что если бы эти две «августейшие» группы не породили систему рассуждений, имеющую столь яркую тенденцию к патологизации гомосексуализма, федеральное правительство не оправдало бы с такой легкостью политику систематического отказа признавать политические и гражданские права гомосексуалистов и лесбиянок.

Отказ от подхода к гомосексуальности как к патологии: социальное конструирование сексуальности

Сомнения в научных кругах по отношению к психиатрической традиции рассматривать гомосексуализм как болезнь, по иронии судьбы, пришлись на период маккартистской охоты на ведьм. Эти сомнения базировались на двух эмпирических аргументах: во-первых, гомосексуальность статистически является слишком распространенным явлением для того, чтобы считать ее, скорее, патологией сексуальности, чем вариантом нормы; во-вторых, за рамками терапии остается слишком большое число психически здоровых гомосексуалистов, для того чтобы можно было увязывать гомосексуализм с врожденным психическим заболеванием.

Первое возражение базировалось на результатах принципиально новых исследований Альфреда Кинси (Alfred Kinsey) и его коллег (1948, 1953), а также Клиланда Форда (Cleland Ford) и Фрэнка Бича (Beach 1951). Исследования Кинси были основаныны на подробных самоотчетах об особенностях сексуального поведения, полученных от тысяч американских мужчин и женщин. Результаты показали, помимо прочего, что к сорока пяти годам 37% американских мужчин и 20% американских женщин прошли, по крайней мере, через единичный в своей жизни гомосексуальный эпизод. В свою очередь, исследование Форда и Бича, основанное на
145
тщательном анализе имевшейся информации о различных формах человеческого общественного строя и о разнообразных формах устройства сообществ в животном мире, не только доказало наличие гомосексуального поведения практически у всех объектов исследования.; более того, в целых сорока девяти из изучавшихся семидесяти шести форм общественного строя гомосексуальное поведение того или иного рода имело культурную ценность.

Второе возражение связано с принципиально важным исследованием Эвелин Хукер (Hooker 1957) о соотношении сексуальной ориентации и психического здоровья. Это было первое социологическое исследование, в котором сравнивались гомосексуалисты и гетеросексуалисты, не получавшие никакого лечения. Результаты показали, что гомосексуалисты не обязательно происходят из неблагополучных семей. Другим открытием, повлекшим еще более значительные последствия, было то, что гомосексуалисты не отличались от гетеросексуа-листов ни по одному из психопатологических проявлений, включенных в исследование[17].

Хотя данные опроса Кинси и были неадекватно использованы в период маккартизма в целях преувеличения масштабов «гомосексуальной угрозы», вскоре все новаторские открытия стали использоваться по прямому назначению в возобновившейся борьбе за права гомосексуалистов (D'Emilio 1983b). Кроме того, упомянутые исследования послужили отправной точкой для еще более серьезных возражений против трактовки гомосексуализма как болезни, что, в конечном счете, поставило под вопрос не только природность гетеросексуально-сти, но и саму деятельность психиатрии. Эти более глубокие сомнения можно заметить уже в 1950-х—1960-х годах в работах, по меньшей мере, шести социологов и одного психиатра Томаса Шаца (Thomas Szasz), намного опередившего свое время. Однако только после того, как Мишель Фуко (Michel Foucault 1978) предложил некую социальную и историческую конструкцию, охарактеризованную позднее Адриенн Рич (Rich 1980) как принудительная гетеросексуальность, историки и социологи окончательно и в полном объеме сформулировали теоретический каркас всей системы возражений — так появился социальный конструктивизм[18].

В западной культуре долгое время превалировало убеждение, что сексуальное желание

представляет собой феномен неисторического характера, «исходно «естественной»» формой которого является гетеросексуальность (Weeks 1986, р. 15). Основой для социально-конструктивистского пере-
146
смотра служит предположение, согласно которому сексуальное желание представляет собой биоисторический феномен. Этот феномен принимает различные формы в зависимости от того или иного культурно — исторического контекста, и в этом смысле не отличается от этикета, связанного с принятием пищи. Разумеется, люди повсеместно вступают в сексуальные контакты, так же, как они повсеместно едят. Но правила, регулирующие, как и с кем осуществляются эти контакты, равно как общественные институты, обеспечивающие соблюдение этих правил, и даже сами понятия сексуального или сексуально привлекательного не имеют никакой универсальной — или вненеисторической — формы. С этой точки зрения, нет ничего священного или хотя бы биологически оправданного в требовании исключительной гетеросексуальное™ во взаимоисключающих жизненных сценариях для мужчин и женщин в современной Америке. Их исключительность — это просто исторический факт того, каким образом сексуальность устроена в данное время и в данном месте.
Для того чтобы документально подтвердить данный биоисторический взгляд на сексуальность, исследователи, работающие в самых разных областях науки, проводят два вида дополняющих друг друга исследований. Изучается социальная организация сексуальности в различные эпохи и в различных странах; кроме того, изучаются дискурсы* и те социальные институты в своих собственных обществах, которые способствовали усилению исключительности гетеросексуальное™.
В исследовании социальной организации сексуальности в различные эпохи и в разных странах особую значимость представляют два вывода. Согласно первому, даже в американском обществе страстная романтическая дружба между двумя индивидуумами одного пола не рассматривалась как отношения сексуального характера до конца девятнадцатого века, пока не были окончательно разработаны такие понятия, как инверсия и, позднее, гомосексуализм. До этого момента сексуальность рассматривалась исключительно на Уровне поведения (она не считалась свойством характера или личности человека), а правила сексуального поведения воспринимались не в контексте того, к какому полу принадлежал сексуальный партнер, но в отношении того, имеет ли
* Совокупность вербальных манифестаций, устных или письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи. — *Прим. ред.*
147
целью сексуальное поведение продолжение рода или нет. Второй существенный вывод напрашивался в дискуссии вокруг раннего кросс-культурного исследования Форда и Бича. Эти исследователи показали, что, в отличие от США, в ряде стран исключительная гетеросексуальность не только не входит в число взаимоисключающих мужских и женских сценариев, но и сами эти сценарии включают определенные виды гомосексуальных действий. Наиболее ярким примером в этом отношении является племя самбиа (Новая Гвинея), где действует следующее культурное предписание: маскулинность «настоящего» мужчины может быть обретена только посредством орально-генитальной передачи семени от старшего мужчины к младшему[19].
По результатам исследований социальной конструкции исключительной гетеросексуальности в современном американском обществе можно сделать только один существенный вывод. Этот вывод, подразумевавшийся в дискуссии времен Маккарти, сводится к тому, что на идею исключительной гетеросексуальности работают два различных типа социальных институтов. Одни из них прибегают к принудительным мерам с целью наказания нарушителей, а другие действуют без принуждения, но, заключая, по выражению Джеффри Викса (Jeffrey Weeks), перефразировавшего Фуко, «возможности [человеческого] тела» в «сеть условий» (1981, р. 100).
У самбиа эта сеть условий приводит к тому, что люди воспринимают и гетеросексуальное, и гомосексуальное поведение как естественную и ожидаемую сторону мужской сексуальности. С другой стороны, это проявление может рассматриваться как противоестественное, если оно осуществляется способом, нарушающим какие-либо правила, установленные самбиа относительного того, как и с кем происходит сексуальный контакт. В современной Америке, напротив, эта сеть условий, в создании которой важную роль сыграла психиатрия, заставляет людей воспринимать слова гомосексуальный и гетеросексуальный, скорее, как взаимоисключающие типы личности, чем как взаимно сочетающиеся формы сексуального

поведения. Наличие подобной сети приводит также к тому, что люди воспринимают гомосексуализм в качестве патологического аспекта тендерной девиации. То, что Вике называл «сетью условий», я бы обозначила термином «линзы культуры».
В том самом 1973 году, когда Американская психиатрическая ассоциация наконец-то исключила гомосексуализм из
148
официального перечня психических заболеваний, Джордж Вайнберг (George Weinberg) перевернул распространенные представления о здоровье и патологии с ног на голову, сформулировав концепцию гомофобии для объяснения притеснения гомосексуальности. При всей полезности этой концепции, вынудившей преследователей гомосексуалистов занять оборонительную позицию, ее недостаток заключается в том, что она рассматривает дискриминацию гомосексуалистов как проявления патологии или невроза у отдельного преследователя, в то время как эти притеснения являются, по сути, неотъемлемой частью культурных дискурсов и социальных институтов многих обществ. Иными словами, эта концепция деполитизирует проблему притеснений гомосексуалистов и закрывает глаза на ее культурные корни. А именно: точно так же, как страх или отвращение по отношению к гомосексуальности могут быть проявлением психологической проблемы у многих индивидуумов, этот страх и отвращение являются продуктом институционального и идеологического акцентирования на тендерной поляризации и принудительной гетеросексуальности[20].
Маскулинность — фемининность
Как было отмечено выше, научный дискурс об инверсии тендера и о сексуальности разделился на два независимых направления, одно из которых занимается гомосексуальностью как сексуальной ориентацией, а другое — маскулинностью или фемининностью психики индивидуума. Хотя в психоанализе (как, впрочем, и ни в одной другой теории) в отношении второго направления не было достигнуто такой же степени согласованности, как в отношении первого, все же психоаналитический подход к маскулинности и фемининности с таким же успехом стигматизировал любые не вписывающиеся в рамки пола отклонения от мужских и женских сценариев, с каким психоаналитическое толкование гомосексуализма, с его более широкой теоретической базой, осуждало любые сексуальные девиации как у мужчин, так и у женщин.
В XX веке в психологии и психиатрии существовало, по крайней мере, три независимых традиции, в рамках которых разрабатывались определенные теории гендерно-поля-ризующей связи между полом тела и тендером психики. Эти три традиции касались, соответственно, оценки маскулинности — фемининности (1), лечения и профилактики нару-
149
шений в сфере маскулинности — фемининности, в особенности «транссексуализма» (2), а также развития маскулинности — фемининности у «нормальных» детей (3).
Оценка маскулинности — фемининности (M—F Assessment)
В главе, посвященной рассмотрению проблемы биологического эссенциализма, говорилось, что в конце XIX века интенсивно развивались биологические теории первопричин неполноценности женщин по сравнению с мужчинами. Само по себе несовершенство женщины рассматривалось и учеными, и обществом как установленный факт. В ответ на все эти биологические и мизогинистские (женоненавистнические. — *Прим. ред.)* теории Хелен Томпсон Вулли (Helen Thompson WooUey) и Лета Стеттер Холлингворт (Leta Stetter Hollingworth) направили всю мощь эмпирической науки на объективный и непредвзятый анализ проблемы различий между мужчинами и женщинами[21]. Это были одни из самых первых женщин, удостоенных докторской степени в новой области экспериментальной психологии.
В 1903 году они опубликовали предварительные результаты объективных лабораторных исследований половых различий по целому ряду интеллектуальных, сенсорных, моторных и эмоциональных показателей. Кроме того, они опубликовали первый обзор экспериментальных данных из множества научных статей, что дало возможность собрать воедино большое количество фактов и обобщить результаты всех доступных психологических исследований[22]. Эти публикации были тоже тщательно обоснованными и подтвержденными документально. К 1936 году психолог Льюис Терман, (Lewis Terman) модифицировавший тест Стэнфорд — Бине (адаптированный вариант теста Бине), был вынужден признать, что «принципиальное равенство полов» было выявлено «в отношении общего интеллекта и большинства отдельных видов одаренности», включая «музыкальные способности, артистические способности, математические способности и даже технические способности» (Terman, Miles 1936, p. 1—2).

Признавая принципиальное равенство полов, Терман, однако, не считал, что это равенство предполагает фундаментальное сходство полов по «типу личности» (Р. 2) или «темпераменту» (Р. VI). Совсем наоборот. Будучи знакомым со всеми опубликованными трудами Вулли и Холлингворт, Терман все же придерживался убеждения, что «между полами существует фундаментальное различие в сфере бессознатель-
но
ного и в сфере эмоций; также различаются чувства, интересы, отношения и модели поведения, являющиеся производными от различий на уровне бессознательного и эмоций» (Р. 2). Решив документально обосновать различия между полами раз и навсегда, Терман сконструировал самый первый тест для определения «психической маскулинности и феми-нинности» (Р. 3)[23].

По собственному признанию Термана, у него была еще одна причина для создания этого теста. Он полагал, что тестирование поможет выделить категорию лиц с инверсией сексуального влечения, из среды которых «в основном, выходят гомосексуалисты». Интерес Термана к определению «степени искажения полового темперамента» (Р. 467) был, очевидно, связан с традицией исследований природы тендерной девиации, описанной мною выше.

Для создания этого первого «М—Ф теста» Терман и его соавтор Катарина Кокс Майлз (Terman, Miles 1936) провели предварительное тестирование, включавшее сотни вопросов, которые предположительно могли бы выявить разницу между мужчинами и женщинами. В конце концов, в тест были включены только те 455 вопросов, на которые в ходе предварительного тестирования мужчины и женщины действительно давали разные ответы. Общий характер этого теста несложно понять.

Например, в разделе «Интересы» испытуемым, которым нравилась профессии воспитателя, роман *«Ребекка с фермы Саннибрук»,* младенцы и шарады, начислялись баллы, указывающие на фемининность, а тем, у кого вышеперечисленное не вызывало интереса — баллы, указывающие на маскулинность. Тем испытуемым, кому нравились военное дело, роман *«Робинзон Крузо»,* люди со звучными, громкими голосами, а также охота, начислялись баллы, указывающие на маскулинность; тем же, кому все это не нравилось, начислялись баллы, указывающие на фемининность. В разделе «Интроверсия — Экстраверсия» за согласие с утверждениями: «в большинстве случаев я предпочитаю», чтобы руководство брал на себя кто-нибудь другой», «я крайне тщательно слежу за своей одеждой» и «я часто боюсь темноты» — начислялись баллы, указывающие на фемининность. Несогласие с этими же утверждениями оценивалось как проявление маскулинности. За согласие с утверждениями: «мне скорее не нравится принимать ванну», «в детстве я был очень непослушным», «я могу терпеть боль так же, как Другие» и «в школе трудно добиться успеха» — начислялись
151
баллы, указывающие на маскулинность. Несогласие с этими утверждениями оценивалось как проявление фемининности.

Благодаря конструкции теста (в каждом разделе теста на каждое утверждение могли даваться разные ответы), с его помощью можно было легко и быстро определять ответы как значимо более типичные для женщин или для мужчин. На основе разницы между типично женскими и типично мужскими ответами выводился результирующий показатель М—Ф теста Термана — Майлз (Terman — Miles M—F test). Это делалось следующим образом. Испытуемые получали балл, указывающий на фемининность, за каждый типично женский ответ и балл, указывающий на маскулинность, за каждый типично мужской ответ. Затем суммарное количество баллов, указывающих на фемининность, вычиталось из суммарного количества баллов, указывающих на маскулинность. Полученная разность и составляла конечный показатель по шкале М—Ф. Такой метод подсчета вынуждает рассматривать маскулинность и фемининность как противоположные значения одного и того же параметра. То есть, судя по ответу на каждый отдельный вопрос в объеме всего теста, получается, что люди должны быть *либо* маскулинными, *либо* фемининными (или, точнее, они должны быть типичными женщинами или типичными мужчинами). Другими словами, выходило, что они не могут быть *и* маскулинными, *и* фемининными одновременно.

Метод Тест Термана и Майлз был сконструирован по принципу замкнутого круга: из многочисленных вопросов на предварительном этапе в сам тест включаются только те вопросы, в ответах на которые было выявлено эмпирическое различие между мужчинами и женщинами. Он позволил им документально подтвердить на новой выборке испытуемых различие двух полов по показателю «психической маскулинности и фемининности» (Р. 3). Различие было столь существенным, что только около десяти из тысячи мужчин и женщин показали результат,

приближающийся к значению, характерному для противоположного пола.
Разрабатывая новый тест психической маскулинности и фемининности, Терман и Майлз считали, что им удастся придать концепции маскулинности и фемининности такую же точность измерения и ясность, какую тест IQ внес в концепцию интеллекта (P. VI). Фактически авторы достигли гораздо большего. Осознанно или нет, они узаконили с научной точки зрения три спорных умозаключения, касающиеся природы мужественности и женственности[24].
152
Во-первых, Терман и Майлз наполнили содержанием психическую маскулинность — фемининность, представив ее как заложенный глубоко в сознании и устойчивый аспект человеческой личности. Сама идея этой характеристики существовала в западной культуре сотни лет, но теперь, впервые в истории, имелся научный тест, разработанный специально для ее оценки, а также соответствующий количественный показатель. Другими словами, маскулинность — фемининность стала «реальной» сущностью, узаконенной наукой в качестве личностного аспекта каждого индивидуума.
В последнее время критики теста Термана и Майлз указывают на то, что этот тест не измеряет никакого глубоко заложенного устойчивого аспекта человеческой психики: он измеряет только степень приверженности человека к культурным нормам маскулинности и фемининности, действовавшим в начале двадцатого века в Америке. То, что содержание теста сильно сближалось с культурными нормами, так мало значило для самих Термана и Майлз, что это ничуть не повлияло на их утверждения о непреложной реальности маскулинности и фемининности. Авторы теста писали:
«Маскулинность и фемининность являются важными аспектами человеческой личности. Неверно считать их фактором, придающим личности только внешний колорит и пикантность; скорее, они представляют собой один из немногих стержней, вокруг которых постепенно формируется структура личности. Различия между маскулинностью и фемининно-стью, по всей вероятности, так же глубоки, как различия между любыми другими чертами человеческого темперамента, вследствие влияния природы или в результате воспитания» (P. 451).
Помимо наполнения содержанием понятий маскулинности и фемининности, Терману и Майлз удалось поляризовать эти понятия как взаимоисключающие (или биполярные) проявления единой характеристики. Поляризация отразилась в подсчете результатов теста и, что еще более важно, научно узаконила с позиций психологии традицию признания двух, и только двух взаимоисключающих сценариев для мужчин и женщин. Таким образом, издавна существующее в культуре представление, что человек может быть либо маскулинным, либо фемининным, но не тем и другим вместе, было легитимизировано с общенаучной и психологической позиций.
Наконец, Терман и Майлз создали теорию о связи между маскулинностью — фемининностью, гомосексуальностью и психологической нормальностью. Согласно этой теории, лица
153
с искажениями показателя по шкале М—Ф в сторону противоположного пола рассматривались как неполноценные личности, из среды которых, главным образом, появляются гомосексуалисты. Подобные рассуждения привели к дальнейшей научной легитимизации осуждения гомосексуализма культурой. Более того, они также способствовали формированию более общего культурного убеждения, в соответствии с которым любые отклонения от общепризнанной маскулинности или фемининности свидетельствуют о психопатологии. Тер-ман и Майлз описывали связь между маскулинностью — фе-мининностью, гомосексуальностью и психологической нормальностью следующим образом:
«Оценки в области данной темы [гомосексуальности], полученные наиболее информированными исследователями, показывают, что количество мужчин-гомосексуалистов находится в диапазоне от 3 до 5%... М—Ф тест не определяет гомосексуальность в ее обычном понимании, ... [но] с его помощью можно приблизительно определить степень инверсии темперамента в сторону противоположного пола..., и именно из лиц с инверсий в этом смысле, возможно, и формируются гомосексуалисты... Использование теста [в этом контексте] поможет сфокусировать внимание на поведенческих проявлениях нарушения развития, подобно тому, как работают тесты на интеллект в случаях умственной неполноценности. Известно, что легкую степень умственной отсталости теперь можно выявить в более раннем возрасте, чем поколение назад. То же самое будет в свое время применимо и в отношении потенциальных гомосексуалистов. Особенно желательна ранняя диагностика гомосексуализма, поскольку у нас имеется достаточно оснований полагать, что дефекты личности могут быть компенсированы и до некоторой степени скорректированы.... В

настоящий момент неизвестно, кто в первую очередь должен заниматься девиациями маскулинности — фемининности: невролог, биохимик, эндокринолог, или, прежде всего, эту проблему должны решать родители и воспитатели» (P. 460).

В течение тридцати пяти лет, последовавших за публикацией М—Ф теста Термана — Майлз, в психологии развивалось эмпирическое изучение так называемых личностных проявлений фемининности-маскулинности. Были разработаны по меньшей мере пять или шесть дополнительных способов измерения таких признаков; возможно, наиболее известна шкала маскулинности — фемининности в Миннесотском многопрофильном личностном опроснике *{Minnesota Multiphasic*

Personality Inventory (Minnesota Multiphasic Personality Inven-torye). Кроме того, была осуществлена серия эмпирических исследований в области предпосылок и коррелятов маскулинности — фемининности у детей и взрослых[25].

В большинстве исследований маскулинности—фемининности присутствуют три допущения, вкравшихся и в М—Ф тест Термана и Майлз: подкрепленное эмпирическими доказательствами предположение о том, что маскулинность — фе-мининность является ключевым параметром человеческой личности; предположение о биполярности, при которой маскулинность и фемининность являются противоположными полюсами одной оси, а отсюда вывод, что личность может быть либо маскулинной, либо фемининной, но никак ни той и другой одновременно; и предположение, касающееся психического здоровья: все, что не вписывается в рамки стандартной маскулинности или фемининности, свидетельствует о наличии патологии.

Терапия и профилактика расстройств гендерной идентичности (Gender Iidentity Disorders)

Во фрейдовской психиатрии гомосексуальность и даже транствестизм трактовались как патология, связанная с сексуальностью, а не с тендером. По поводу гендерной инверсии (или, по определению Термана и Майлз, «инверсии полового темперамента») не возникало серьезных дискуссий до того момента, пока в 1952 году Кристин Джоргенсен (Christine Jorgensen) не стала причиной международной сенсации, уехав в Данию мужчиной и вернувшись в Америку женщиной. Хотя интерес к людям, желающим подвергнуться и подвергающимся операциям по перемене пола, достиг своего пика только в конце 1960-х — начале 1970-х годов, уже в 1953 году эндокринолог Гарри Бенджамин (Harry Benjamin) начал борьбу за признание того, что он называл расстройством гендерной идентичности в форме транссексуализма, самостоятельным видом психической патологии. По словам Бенджамина, это не диагностируемое заболевание причиняло невыразимые страдания многим людям, некоторых из них он сам лечил гормонами, начиная с 1920-х годов.

Признание, за которое боролся Бенджамин, состоялось в 1980 году, когда в классификацию психических расстройств третьего издания «Диагностического и статистического руководства» (DSM-Ш) Американской психиатрической ассоциации была введена новая категория «расстройств гендерной

идентичности», а транссексуализм был признан одним из расстройств данной категории. Любопытно, что расстройства тендерной идентичности (Gender Iidentity Disorders) впервые были официально признаны патологией именно в том самом третьем изданияи руководства, в котором также впервые в истории психиатрии отсутствовало официальное определение гомосексуальности как патологии. Возможно, это не было совпадением. Может быть, в психиатрическом истеблишменте все еще бытовала стойкая убежденность в том, что тендерная неконформность является патологией; и если текущая политическая ситуация не позволяла выражать подобную убежденность по отношению к гомосексуализму, для этой цели использовались любые другие доступные объекты[26].

Согласно DSM-III, имеются три диагностических критерия для выявления транссексуализма: «постоянный дискомфорт и ощущение неправильности собственного пола», «наличие в течение, по меньшей мере, двух лет стойкой озабоченности тем, чтобы избавиться от своих первичных и вторичных половых признаков и обрести половые признаки другого пола», и достижение половой зрелости. Далее в DSM-III следует описание диагностически менее существенных проявлений у большинства транссексуалов: они «почти обязательно испытывали в детстве проблемы, связанные с тендерной идентичностью»; часто считают свои гениталии «отталкивающими»; часто жалуются «на то, что чувствуют себя некомфортно в одежде назначенного им пола и поэтому предпочитают одежду другого пола»; нередко предпочитают «виды деятельности, которые в нашей культуре

более характерны для другого пола», а также в разной степени перенимают «поведение, одежду и манеры» другого пола. В отношении предыстории их сексуальной ориентации говорится, что транссексуалы являются очень неоднородной группой: они могут быть асексуальными, гомосексуальными, гетеросексуальными или «неопределенной сексуальной ориентации». Предположительная распространенность транссексуализма составляет один случай на 30 000 мужчин и один случай на 100 000 женщин; соотношение мужчин и женщин среди обращающихся за помощью в клиники, специализирующиеся на транссексуализме, варьируется от 8 : 1 до 1 : 1 (Р. 74—76).

Вопрос адекватного лечения транссексуализма всегда вызывал разногласия, даже среди психиатров. Многие психиатры с самого начала были против операций по перемене пола, поскольку, по их словам, эти операции устраняли, скорее, только наиболее очевидный симптом заболевания, а не его

156

о основополагающую причину. Тем не менее, к середине 1960-х годов, когда врачи в престижных медицинских учреждениях, таких как университет Джонса Хопкинса и Минне-сотский университет, начали осуществлять такие операции во вновь образованных клиниках, специализирующихся на тендерной идентичности, хирургическая смена пола стала предпочтительным способом лечения как для психиатров, так и для самими транссексуалов.

Некоторое время операции по смене пола считались настоящей панацеей, однако в конце 1970-х годов доверие к ним упало, чему способствовали следующие факты. В результате контрольного обследования пятидесяти пациентов-транссексуалов, перенесших операцию по смене пола, был сделан вывод, что разница между прооперированными и непрооперированными пациентами оказалась весьма незначительной (Meyer, Reter 1979). И в связи с этим клиника Джонса Хопкинса, первая в США, в которой стали проводиться операции подобного рода, прекратила их применение[27]. В то же время, термины «транссексуализм» и «операция по смене пола» стали общеупотребительными, в основном, благодаря огласке историй нескольких известных транссексуалов, включая Ян Моррис, опубликовавшую собственные описания процесса превращения в женщину в книге под названием «Головоломка» (1974), а также Ре не Ричарде, вокруг которой развернулась полемика в спортивных кругах, когда она попыталась после операции по смене пола участвовать в теннисном турнире в женской команде.

В то время тендерная идентичность транссексуалов расценивалась как существенно нарушенная и весьма резистентная к психотерапии. Однако, ряд психиатров вскоре пришли к убеждению, что терапевтически было бы эффективнее отбирать детей, подверженных «риску» транссексуализма, и осуществлять коррекцию их развития, чем дожидаться, пока они окончательно сформируются во взрослых транссексуалов, чтобы потом подвергать их уродующим (и не всегда столь эффективным) операциям. Руководствуясь этой идеей, психиатры, практикующие в различных регионах страны, разработали программы, сочетающие исследование и терапию. Основной целью было выявление, обследование и лечение мальчиков и девочек (в особенности мальчиков), в чьем поведении проявляется нетрадиционно много кросс-гендер-ных элементов — таких, как желание носить одежду другого пола, предпочтение видов деятельности, характерных для другого пола и желание быть индивидуумом другого пола.

157

Первое, отчасти предварительное исследование такого рода было опубликовано Ричардом Грином (Richard Green) из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе в 1974 году. Исчерпывающий обзор всех подобных исследований, проведенных в последующие десять лет, был опубликован Кеннетом Зукером (Kenneth Zucker) в 1985 году. Окончательные результаты лонгитюдного пятнадцатилетнего исследования самого Ричарда Грина, посвященного проблеме фемининных мальчиков, было опубликовано в 1987 году.

В рамках этих проектов использовались различные методы лечения. В проектах более принудительного характера, к которым относится и программа Джорджа Рекера (George Reker), родители и педагоги применяли техники модификации поведения. Эти техники были направлены на устранение практически всех проявлений, считавшихся не соответствующими тендеру. Сюда включались не только запрет на использование одежды и игрушек другого пола и запрет на общение с детьми другого пола, но также недопустимость модуляций голоса и манер, присущих другому полу (в том числе таких, например, как «мягкое, женственное рукопожатие»)[28]. Проекты менее принудительного характера, в том числе программа Ричарда Грина, были направлены не столько на полное избавление от поведенческих проявлений, не соответствующих тендерной

специфике его пола, а, скорее, на помощь ребенку в овладении видами деятельности и отношениями, соответствующими тендерной специфике пола, при условии, что ребенку этот процесс доставляет удовлетворение.
Исследования и терапия детей с нарушенной тендерной идентичностью (cross-gender-identified children) (Zucker 1985) послужили основанием для внесения в DSM-I1I, наряду с транссексуализмом, второго расстройства тендерной идентичности, сформулирванного как «детское расстройство тендерной идентичности» (gender identity disorder in childhood). Основные признаки этого расстройства, диагностировать которое можно только у детей, не достигших полового созревания, — «стойкое интенсивное недовольство ребенка по поводу его или ее паспортного пола» и «желание принадлежать или настаивание на том, что он или она принадлежит к другому полу». Кроме того, *девочка* должна демонстрировать «либо стойкое и ярко выраженное отвращение к традиционно женской одежде и настойчивое желание носить стандартную мужскую одежду, либо стойкое отрицание своих женских анатомических особенностей», а *мальчик* — «либо увлеченность
158
типично женскими видами деятельности, либо стойкое отрицание своих мужских анатомических особенностей» (Р. 71).
Для обозначения различия между ребенком с истинным расстройством тендера и ребенком, просто не соответствующим тендерным стереотипам, DSM-III дает развернутое объяснение: «Это расстройство заключается не просто в нежелании ребенка соответствовать полоролевому поведению, что наблюдается у девочек-«сорванцов» или мальчиков-«мамень-киных сынков»; оно, скорее, представляет собой глубокое нарушение нормального чувства мужественности или женственности» (Р. 71). Впрочем, в подтверждение мнения, что указанное различие не так легко устанавливается, как это хотели бы представить психиатры, в DSM-III добавлено без комментариев следующее: «согласно клиническим наблюдениям, среди страдающих данным нарушением отмечается значительно большее количество мальчиков, чем девочек». (Р. 72). В главе 5 будет показано, что гендерно-неконформные мальчики в значительно большей степени подвергаются гонениям и остракизму, чем гендерно-неконформные девочки. Возможно, акцентирование внимания на преобладании мальчиков с тендерными нарушениями является одним из проявлений социальной нетерпимости культуры.
Хотя вмешательство в развитие детей с расстройством тендерной идентичности обосновывалось тем, что они подвержены риску транссексуализма, вскоре упор сместился на риск гомосексуальности. Причины были сформулированы в DSM-III: у «очень немногих» детей с нарушениями тендера «развивается транссексуализм в подростковом или взрослом возрасте», в то время как «от одной до двух третей или более мальчиков с нарушениями в подростковом возрасте проявляют гомосексуальную ориентацию», как и «некоторые» из немногочисленных девочек, которые «сохраняют маскулинную идентификацию» (Р. 72). Эта связь между наличием нарушений тендера в детском возрасте и гомосексуализмом подтверждается Зукером. Он проанализировал все исследования, опубликованные к середине 1980-х гг., в которых прослеживалось развитие детей с нарушениями тендера в подростковом возрасте вплоть до достижения ими зрелости; в число этих исследований входила и недавняя работа Грина под названием «Синдром «маменькиного сынка» и развитие гомосексуально-сти»(Тпе «Sissy Boy Syndrome» and the Development of Homosexuality) .
Существуют два объяснения «низкого процента транссексуалистов» (Zucker 1985), вышедших из среды детей с
159
расстройством тендерной идентичности. Во-первых, терапия сама по себе может менять течение болезни. Во-вторых, взрослые транссексуалы настолько реже встречаются в общей массе населения, по сравнению с детьми с нарушениями тендера, что со стороны статистики обнаружить значимую связь между этими двумя группами невозможно. Для этого необходимо было располагать очень большой статистической выборкой детей с расстройством тендера, чего не могли предоставить исследования, включавшие терапевтические вмешательства. Гомосексуализм, с другой стороны, не является редким явлением, так что любой его коррелят в детстве обнаружить значительно легче. То, что в исследованиях, прослеживавших развитие детей с расстройством тендерной идентичности, обнаружилась связь, особенно среди мальчиков, между гомосексуальностью во взрослом возрасте и тем, что в других контекстах называлось «тендерным нонконформизмом» (gender nonconformity) в детстве, неудивительно. По крайней мере, одно

большое ретроспективное исследование взрослых гомосексуалистов (Bell, Weiberg, Hammersmith 1981) уже продемонстрировало эту связь на американской выборке.
Обратив внимание на низкий процент транссексуалов и высокий процент гомосексуалистов, вышедших из среды детей с тендерными нарушениями, которые проходили терапию, двое ученых обвинили такие исследования в том, что само вмешательство в развитие детей является «скрытой попыткой подавить развитие гомосексуальной идентичности у детей младшего возраста» (Morin, Shultz 1978, p. 142). Это обвинение с полным правом может быть предъявлено исследователям вроде Джорджа Рекерса, который был бы рад искоренить гомосексуальность, которую он считал сексуальной перверсией, «преподносимой неподготовленной публике в качестве права, которое имеют двое взрослых по обоюдному добровольному согласию» (1982b, p. 88). В меньшей степени это справедливо в отношении таких ученых, как Ричард Грин, который не только играл ключевую роль в процессе исключения гомосексуализма из DSM, но и считал своей целью просто попытаться помочь детям — несчастным жертвам сильнейшего социального остракизма и острой неудовлетворенности своим собственным полом. В то же время, оба эти варианта не предлагали ребенку помочь, чтобы он мог справится с социальным остракизмом путем самоутверждения. Скорее, состояние ребенка квалифицируется как патология, и от ребенка требуют изменить часть своего «я», заслуживаю-
160
щую, возможно, такого же уважения со стороны культуры, как религия или раса. Критики подобного подхода могли бы заметить, что такое демократическое и плюралистическое общество, как Соединенные Штаты Америки, не решает проблемы дискриминации религиозных или расовых меньшинств, обращаясь к представителям этих меньшинств с предложением переменить веру или сменить цвет кожи на более светлый. Исходя из этих же принципов, общество не должно решать проблемы дискриминации тендерных меньшинств, предлагая им «стать как все» или подвергнуться операции по смене пола.
Достаточно скверно уже то, что психиатрия, возможно, усматривала патологию и подвергала лечению детей, у которых вообще не было психического расстройства. Но что еще хуже, как указывают Дженис Реймонд (Janice Raymond 1979) и Томас Жаж (Szasz 1979), психиатры вновь использовали данную им почти священную власть, определяя психическое здоровье и болезнь в таком ракурсе, чтобы укрепить крайне поляризованные социальные сценарии для мужчин и женщин. Утвердив новую нозологическую форму психического расстройства, они вновь объявили тендерное соответствие естественным, а тендерную девиацию — патологией, точно так же, как они поступали с сексуальной инверсией и гомосексуальностью в предыдущий исторический период[29].
Безусловно, люди, крайне недовольные своим биологическим полом, нуждаются в определенной помощи. Но даже с точки зрения психического здоровья транссексуализм значительно корректнее рассматривать в качестве социальной патологии, чем в качестве индивидуальной патологии. Другими словами, правильнее было бы рассматривать транссексуализм как оборотную сторону социального процесса тендерной поляризации, который формирует абсолютно традиционных мужчин и женщин. В конце концов, в культуре, менее склонной к тендерной поляризации, отсутствие жесткой связки между личностью, поведением индивидуума и гендерно-поляризованным комплексом, соответствующим его или ее биологическому полу, не имело бы столь большого значения в культуре, менее склонной к тендерной поляризации. Кроме того, количество значимых параметров, входящих в категорию маскулинного или фемининного, было бы так невелико, что пол жестко не ограничивал бы проявления личности, и таким образом у людей было бы меньше причин испытывать горе по поводу пола, с которым они родились.
161
Развитие маскулинности — фемининности у «нормальных» детей
Хотя наличие в DSM такого пункта, как «детское расстройство тендерной идентичности», неопровержимо доказывает, что, по крайней мере, небольшая доля американских детей не вписывается в культурные тендерные сценарии, но почти каждый родитель, учитель и возрастной психолог знает, что огромное большинство американских детей, особенно дошкольников и младших школьников, строго соответствует тендеру. Дети воспринимают целый ряд артефактов и действий как свойственных исключительно одному или другому полу. Еще более важно, что они явно предпочитают для себя и своих сверстников однополых партнеров по играм, равно как игрушки, одежду и деятельность, соответствующие своему полу[30].
Еще двадцать пять лет тому назад большинство возрастных психологов предполагали, что эта

модель раннего тендерного традиционализма каким-то образом усваивается из гендерно-поляризующей практики социального окружения. Однако за последние двадцать пять лет, по меньшей мере, в одном выдающемся направлении в области психологии развития было высказано предположение совершенно иного рода, а именно: ранний тендерный традиционализм является естественным — и почти неизбежным — побочным продуктом интеллектуальной деятельности самого ребенка[31].

Признание того, что соответствие маленьких детей тендерным сценариям является естественным, началось в 1966 году, когда Лоуренс Колберг (Lawrence Kohlberg) адаптировал в применении к тендеру теорию Жана Пиаже (Jean Piaget) об интеллектуальном развитии (ребенка и подростка. — *Прим. пер.).* Хотя концепция Пиаже о ребенке как активном участнике познавательного процесса оказала огромное положительное влияние на психологию, адаптация теории Пиаже, произведенная Колбергом в плоскости тендера, столь безоговорочно игнорировала гендерно-поляризующую практику, существующую в социальном окружении ребенка, что представила ранний тендерный традиционализм как результат умственного развития ребенка.

В основе аргументации Колберга, последователя Пиаже, лежало предположение, что дети являются не пассивными или бессознательными пешками, подвергающимися социализирующему влиянию окружения, но активными участниками познавательного процесса, стремящимися понять природу

162

физического и социального мира и свое место в этом мире. Другими словами, дети постоянно находятся в поиске каких-либо категорий* или закономерностей. Дети всячески стараются обнаруживать категории, существующие в мире вокруг них; обнаружив такие правила или закономерности, они спонтанно формируют себя и соответствующий набор социальных правил. В понимании Колберга и его последователей, из данного положения применительно к тендеру следует: «поскольку пол является стабильной и легко определяемой *естественной* категорией» (Martin, Halverson 1981, p. 1129 *—курсив автора),* интеллектуальный процесс почти неизбежно приводит детей к выбору тендера как организующего принципа для социальных правил их собственного поведения и поведения сверстников. Не важно, усиливается или поощряется на уровне общества (или социализирующего окружения ребенка) тендерная поляризация, маленький ребенок, независимо от этого, спонтанно обнаруживает дихотомию мужского и женского в природе и классифицирует — и оценивает — себя и других в терминах этой дихотомии. По словам самого Колберга, «базовые я-категоризации определяют базовые оценки. Мальчик, стабильно идентифицировавший себя как принадлежащего к мужскому полу, позитивно оценивает объекты и действия, соответствующие его тендерной идентификации» (1966, p. 89)[32].

В сочетании с утверждением о том, что дихотомия мужского — женского воспринимается естественно, присущая ребенку склонность к поиску группировок может быть теоретическим объяснением того, почему дети дошкольного возраста организуют свой социальный мир на основе тендера. Но, продолжает теория Колберга, есть еще что-то, заставляющее детей младшего возраста быть скорее жесткими, чем гибкими в отношении мужского и женского и, соответственно, становиться более жесткими традиционалистами в области тендера, чем в остальном. Это что-то еще — дооперациональная стадия развития интеллекта, которая длится, согласно Пиаже, приблизительно от восемнадцати месяцев до семи лет. Этой стадии присущи некоторые интеллектуальные ограничения, из которых только два имеют отношение к данной дискуссии[33].

* Согласно Пиаже, категория — подлинная единица мысли. До того, как у Ребенка устанавливаются логические операции, он выполняет «классификации» объектов и действий — ищет спрятанный предмет, собирает пирамидку и т.п. Категории, в свою очередь, порождают арифметические, геометрические и элементарные физические «классы». — *Прим. пер.*

163

Во-первых, ребенок, находящийся на стадии дооперацио-нального интеллекта — это эгоцентричный «моральный реалист» (Piaget 1932), склонный рассматривать все правила и закономерности в качестве абсолютных и универсальных. Не делается никакого различия между физическим, социально-нормативным и моральным. Каждое правило — это моральное обязательство; каждая закономерность — непреложный моральный закон. Колберг описывает связь между эгоцентрическим моральным реализмом и жестким тендерным традиционализмом, отмечая, что «физические константы», лежащие в основе тендера, «имеют тенденцию идентифицироваться с божественным или моральным законом, и необходимость адаптироваться к

физическим закономерностям собственной идентичности определяется как моральный долг». Дети полагают, что поведение, свойственное тому же полу, является «морально необходимым» и выражают «свое недовольство детьми, отклоняющимися от поведения, определяемого полом» (1966, p. 122).

Во-вторых, ребенок, находящийся на дооперациональной стадии интеллектуального развития, еще не в состоянии мысленно «преобразовать», то есть трансформировать какой-либо воспринятый им объект реального мира*. Отсюда невозможность «сохранять неизменность» — понимать, что базовая идентичность объекта остается прежней, даже после ряда смен различных впечатлений об этом объекте. Таким образом, ребенок на дооперациональной стадии ограничен восприятием (в своем познании мира. — *Прим. пер),* то есть сосредоточен на поверхностных признаках объектов и склонен воспринимать их в качестве определяющих, даже когда они таковыми не являются. Это второе ограничение, характерное для мышления на дооперациональной стадии, осложняет для ребенка понимание того, что даже когда внешний облик человека резко изменяется, его или ее пол остается прежним. Это вынуждает ребенка еще более жестко соответствовать тендеру, чем в других областях познания, поскольку, с точки зрения ребенка, находящегося на стадии дооперационального интеллекта, человек должен и выглядеть, и действовать, как

* На данной стадии ребенок считает объективной только такую реальность, которая выявляется в непосредственном восприятии. Кроме того, он еще не умеет представлять себе вещи с разных позиций. Оценивая свойства объекта, он учитывает только то, что он воспринимает в данный момент, и только очень постепенно освобождается от сиюминутных впечатлений. — *Прим. пер.*

164

мужчина или женщина, для того чтобы действительно быть мужчиной или женщиной.

Фундаментальная характеристика ребенка, содержащаяся в теории Колберга, кажется, в общем, справедливой. Дети, действительно, представляются активными участниками процесса обретения тендера, которые не только находят дихотомию мужского и женского притягательной с точки зрения восприятия и эмоций, но и спонтанно переводят эту перцепционную и эмоциональную притягательность в жесткий набор тендерных правил для себя и других. Однако предположение Колберга о том, что жесткий тендерный традиционализм, таким образом, является естественным — и почти что неизбежным — свойством раннего детства, представляется принципиально неверным. Во-первых, дихотомия мужского и женского может быть перцептивно и эмоционально стимулирующей для детей, в первую очередь, не из-за какого-либо естественного перцептивного превосходства над другими измерениями или категориями, но из-за того, что сама гендер-но-поляризующая практика социального окружения ребенка сделала ее перцептивно и эмоционально стимулирующей. Во-вторых, даже дети дошкольного возраста могут воспринимать тендер в негибком гендерно-поляризующем ключе не по причине нахождения на предооперациональторной стадии интеллектуального развития, но поскольку они еще не усвоили, что делает человека мужчиной или женщиной в биологическом смысле.

С возможностью того, что для детей младшего возраста дихотомия мужского и женского является стимулирующей, потому что так сказывается на них гендерно-поляризующая практика социального окружения, согласуются два следующих эмпирических открытия, получивших многочисленные подтверждения. Во-первых, хотя целых 80% двухгодовалых детей в Америке в состоянии отличить мужчин от женщин на основании чисто культурных признаков, таких, как прическа и одежда, до 50% трех- и четырехлетних детей в Америке все еще не могут отличить мужчин от женщин, если все, чем они располагают при оценивании — это только биологически естественные признаки, такие, как гениталии и телосложение. Другими словами, перцептивно и эмоционально стимулирующими для американских детей являются вовсе не биологически естественные половые различия, а сконструированные культурой тендерные различия. Во-вторых, к двадцати — двадцати четырем месяцам дети формируют значительно более жесткие правила для своих сверстни-

165

ков мужского пола, чем для сверстниц; ни в интелллектуаль-ном развитии, ни в биологии нет ничего, что могло бы однозначно объяснить появление такой асимметрии; зато такая причина, очевидно, имеется в культуре, которая предписывает куда более жесткое обращение с отклонениями от тендерного поведения мальчиков («маменькиных сынков»), чем от девочек («девчонок-сорванцов»)[34].

Возможность того, что жесткость представлений детей младшего возраста о тендере объясняется не стадией их психического развития, а тем, что им не хватает знаний в области биологии,

согласуется с эмпирическими открытиями, появившимися после того, как современные возрастные психологи усомнились в самом существовании четких, универсальных и хронологически-фиксированных стадий в развитии человека (наподобие тех, которые описывал Пиаже). Согласно «антистадийным» теориям, единственная значимая причина, почему маленькие дети не могут полностью справиться со всеми тестами Пиаже на мышление (включая и имевшие отношение к тендеру), состоит в том, что они не обладают достаточным объемом знаний о самом тестовом материале. Протестируйте мышление совсем маленьких детей в области, где они обладают достаточными знаниями (попросите, например, даже самого маленького специалиста по динозаврам поразмышлять о динозаврах) — и их мышление будет выглядеть не дооперациональным, а таким же зрелым, как у взрослых[35].

Значение этого аргумента против стадийности развития человеческой психики для области пола и тендера должно быть очевидным. Даже если самые маленькие дети требуют наиболее жесткого соответствия тендеру от самих себя и своих ровесников, отчасти они поступают таким образом не потому, что находятся на дооперациональной стадии когнитивного развития, но потому, что они еще не узнали (или, точнее, им еще не объяснили), что главными атрибутами для распознавания мужчин и женщин являются половые органы. С «антистадийной» точкой зрения совпадает и мое собственное открытие, сделанное в результате недавнего исследования. Выяснилось, что только около половины протестированных мной трехлетних и четырехлетних детей, а также детей, недавно достигших пяти лет, обладали знанием о гениталиях, достаточным для правильного определения (по цветным фотографиям) пола четырех маленьких детей, обнаженных, по меньшей мере, ниже пояса. Но из тех, кто располагал необходимым знанием, целых 74% смогли по-преж-

166

нему правильно определить пол двух других маленьких детей, чья физическая внешность на фотографиях была сильно изменена (Bern 1989).

Таким образом, недавние эмпирические доказательства, полученные в последнее время, действительно ставят под сомнение теорию Колберга об усвоении тендера. Однако в рамках данной дискуссии важным является то, что Колберг считал тендерную поляризацию естественной, локализуя источник побуждения совмещать пол и поведение на гендерно-поляризующей основе в сознании ребенка, находящегося на дооперациональной стадии развития. Очень похоже на Фрейда: Фрейд признавал естественным андроцентризм, локализуя источник андроцентричной оценки пениса в сознании ребенка, находящегося на эдиповой стадии развития.

Деконструкция маскулинности — фемининности

Во всех рассмотренных нами психологических и психиатрических дискурсах маскулинности и фемининности тем или иным способом отдается приоритет тендерному традиционализму, а тендерные девиации считаются патологией. Иными словами, естественным признается только соответствие культурному требованию, чтобы физический пол совпадал с психическим тендером. Дискурс оценки маскулинности — фемининности добивается этого не только путем представления тендера как биполярного измерения, вокруг которого постоянно формируется человеческая личность, но также стигматизируя маскулинных и фемининных девиантов с тендерной идентичностью другого пола (фемининных мальчиков и маскулинных девочек. — *Прим. пер.)* как среду, из которой, в основном, выходят гомосексуалисты. Дискурс нарушений тендерной идентичности укрепляет тендерный традиционализм, открыто признавая больными тех детей и взрослых, которые не в состоянии достичь требуемого культурой совпадения физического и психического. Наконец, дискурс тендерного развития у «нормальных» детей рассматривает феномен раннего тендерного традиционализма как почти что неизбежный побочный продукт взаимодействия естественно воспринимаемой дихотомии мужского и женского с естественно протекающим процессом интеллектуального развития ребенка на дооперациональной стадии.

Это традиционное признание тендерного соответствия естественным, а тендерного несоответствия — патологическим сохранялось в области психологии до начала 1970-х годов,

167

когда феминизм, наконец, занял устойчивые позиции как в психологии, так и в культуре в целом. Под влиянием феминистского духа времени ряд психологов-феминистов, включая и меня, примерно в одно и то же время независимо друг от друга начали высказывать сомнения в истинности весьма проблематичных предположений относительно маскулинности и фемининности. Несколько ранних работ в этой области являются знаковыми для нарастающей критики в этой области.

В 1970 году Инге Броверман (Inge Broverman) и ее коллеги не только эмпирически подтвердили,

но и подвергли критике существование двойного стандарта психического здоровья, применяемого психологами-клиницистами, психиатрами и социальными работниками. Этот двойной стандарт имел явное сходство с тендерными стереотипами, превалировавшими в то время в американской культуре. Мое собственное теоретическое и эмпирическое исследование концепции андрогинности началось в 1971 году с разработки опросника половых ролей. (Bern Sex Role Inventory — BSRI). Двумя годами позже, в 1973 году, Энн Константи-нопл опубликовала критику всех шкал измерения маскулинности — фемининности, разработанных психологами до 1970 года, а Джин Блок — статью об андрогинии, основанную на собственном длительном исследовании. Наконец, в 1974 году Дженет Тейлор Спенс, Роберт Хелмрайх и Джой Степп опубликовали свой инструмент оценки андрогинии — «Опросник личностных характеристик» (The Personal Attributes Questionnaire)[36].

Хотя концепция ангдрогинии не была столь однозначной, ранние теоретические и эмпирические работы в области ее исследования дали новый импульс для пересмотра традиционных психологических представлений о маскулинности-фе-мининности. Поскольку эти ранние работы по андрогинии имели столь важное значение для ранней феминистской критики тендерной поляризации в рамках самой психологии, я остановлюсь на них более подробно, а затем перейду к работам, целью которых было преодоление концептуальных ограничений теории андрогинии[37].

Опросник половых ролей Бем (BSRI) сконструирован по принципу шкалы самооценки. От испытуемого требуется оценить по семибалльной шкале, насколько точно каждый из шестидесяти различных признаков описывает его или ее. Двадцать признаков отражают определение маскулинности в данной культуре (например, напористый, независимый), два-

168

дцать — фемининности (например, нежный, понимающий), и двадцать являются нейтральными. (Испытуемому об этом не известно). Хотя опросник половых ролей BSRI, на первый взгляд, представляется стандартным способом измерения маскулинности — фемининности, ряд его свойств прямо противоречат трем проблематичным допущениям, которые мы ранее неоднократно упоминали, возвращаясь к Терману и Майлз (1936)[38].

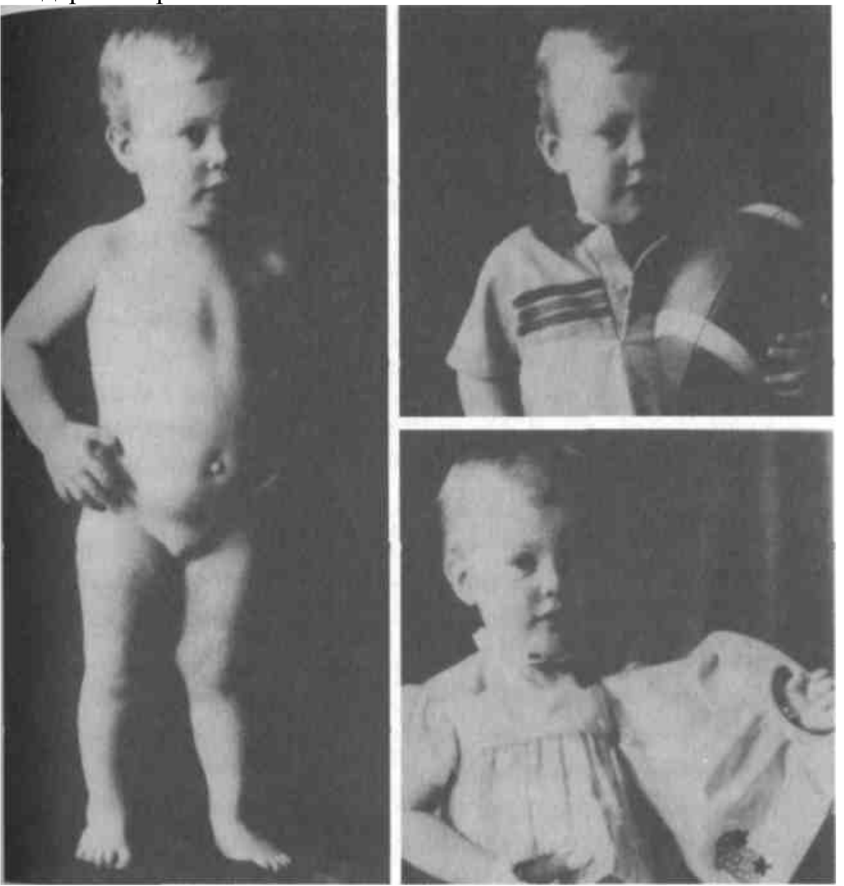
Первое и, возможно, самое главное: отбор признаков маскулинности и фемининности, включенных в опросник BSRI, основывался не на том, как мужчины и женщины описывают себя сами, а на том, что культурно определялось как соответствующее тендеру в Соединенных Штатах в начале 1970-х годов. Эксперты, отбиравшие признаки для включения в тест, рассматривались, используя антропологический термин, в качестве «местных источников» информации о культуре. Они оценивали каждый атрибут не в соответствии с тем, насколько хорошо он описывает их лично, но насколько он представлялся им желательным для мужчины или женщины «в американском обществе в целом». Опросник разрабатывался, скорее, для определения места маскулинности и фемининности в дискурсе культуры, чем на уровне личности индивидуума, и по своей сути он представлял попытку опровергнуть взгляды Термана и Майлз, рассматривавших маскулинность — фемининность в качестве центрального измерения человеческой личности. Процедура тестирования была также разработана таким образом, чтобы соответствовать концепту традиционно-тендерной личности (или «личности типичного пола»), как человека, чье самоопределение и поведение тесно переплетены со стереотипными определениями тендерного соответствия в его или ее культуре.

Во-вторых, при подсчете показателей отобранные испытуемыми признаки маскулинности и феминности не группируются в кластеры, расположенные на двух противоположных концах единой шкалы маскулинности — фемининности. Вместо этого предполагается, что данные признаки представляют собой две полностью независимые шкалы: культурно определяемой маскулинности и культурно определяемой фемининности. Это нововведение в процедуре подсчета показателей дало индивидуумам, заполнявшим опросник половых ролей Бем, возможность описать себя как обладающих высокими показателями по обеим шкалам, низкими показателями по обеим шкалам или высокими по-

169

Проверка устойчивости представлений о половой принадлежности. После непродолжительного просмотра фотографий обнаженного ребенка, детей просят определить пол этого ребенка по другим фотографиям, на которых его гениталии не видны и на которых ребенок одет и/или причесан сначала в манере, несвойственной его полу, а затем в соответствии со своим полом. Дети, правильно определившие пол ребенка на всех шести фотографиях, считаются прошедшими тест. Такие дети ясно понимают, что пол остается неизменным, даже если меняются культурные

тендерные признаки.

казателями по одной шкале и низкими — по другой. Таким образом, было опровергнуто предположение Термана и Майлз о биполярности, в соответствии с которым индивидуум может быть или маскулинным, или фемининным, но не тем и другим одновременно.

Наконец, опросник BSRI сравнивал традиционных типизированных по полу людей (sex-typed people) не с теми, кому присущи черты людей с инверсией (cross-sex-inverted), как это делалось до сих пор в большинстве случаев, а с людьми, которые были «андрогинными». Под андрогинны-ми людьми понимались (как концептуально, так и методологически) следующие индивидуумы: (1) в их представлении о самих себе объединены культурные определения как маскулинности, так и фемининности; (2) их представление о самих себе вообще не связано с культурными определениями тендерного соответствия. В любом случае, позитивное значение, которое феминисткам удалось придать этой противоположной группе, наводило на мысль, что гендер-но-традиционные типизированные по полу индивидуумы могут оказаться не наиболее психически здоровыми из всех людей, а, скорее, «пленник[ами] тендера» (Heilbrun 1973, p. IX). Эта переоценка привела к пересмотру предположения Термана и Майлз о психическом здоровье, согласно которому все, что не является гендерно-традиционным, является свидетельством патологии.

Итоговый результат по шкале фемининности равен общему числу признаков фемининности, присутствующих в представлении испытуемого (его или ее) о себе; итоговый результат по шкале маскулинности равен общему числу атрибутов маскулинности, присутствующих в представлении испытуемого (ее или его) о себе; также подсчитывается показатель фе-мининность — минус — маскулинность (Femininity — Minus-Masculinity Difference Score), равный разнице между общим числом признаков фемининности и маскулинности у индивидуума. При создании опросника BSRI испытуемых планировалось характеризовать как типизированных по полу, лиц с инверсией или андрогинных личностей (на основе показателя (F—M) фемининность — минус — маскулинность). Небольшая разница между фемининностъю и маскулинностью указывала на андрогинность, а большая разница — на типизированных по полу или лиц с инверсией.

Несколько позже было принято решение обозначать термином *андрогинный* тех индивидуумов, кто получал в результате небольшую разницу между высокими показателями по

шкале фемининности и высокими же показателями по шкале маскулинности; также был введен

термин *недифференцированный,* обозначавший индивидуумов, получивших небольшую разницу между низкими показатели по шкале фемининности и низкими же — по шкале маскулинности. Хотя для данного решения имелись свои эмпирических причины, необходимо признать, что оно затушевывало основное назначение опросника BSRI — устанавливать концептуальную и эмпирическую разницу между двумя различными группами индивидуумов: теми, кто обладает высокой мотивацией отвечать стандартам тендерного соответствия как на уровне самооценки, так и в поведении (группа типизированных по полу), и теми, для кого культурные стандарты тендерного соответствия не являются особенно важными ни в отношении их самооценки, ни в отношении их поведения (андрогинная группа).

Как мне казалось в то время и как я до сих пор считаю, концепция андрогинии представляла на тот момент самый серьезный вызов тендерной поляризации в психологии и в американской культуре. В то время как ранее считалось, что маскулинность и фемининность являются центральными измерениями человеческой личности, теперь предполагается, что маскулинность и фемининность — не более чем культурные стереотипы, которым люди следуют на свой страх и риск. Ранее считалось: чтобы быть психически здоровыми, мужчины должны быть маскулинными, а женщины — фемининными; теперь не только предполагается, что каждый индивидуум может быть и маскулинным, и фемининным, но и допускается (что более важно), что стандарты психического здоровья должны быть свободными от тендерных (genderless) характеристик. Наконец, ранее считалось, что пол детерминирует развитие «я-концепции» и соответствующего поведения индивидуума; теперь же не только предполагается, что индивидуум должен быть свободен во всем, что касается его или ее собственного уникального сочетания темперамента и поведения, но и (что важнее), само разделение отличительных черт и поведения на две категории — маскулинного и фемининного — находится где-то между сомнительным и аморальным.

Революционный характер концепции андрогинии настолько точно соответствовал феминистстким настроениям начала 1970-х, что эта концепция мгновенно получила известность в области психологии. Так, она была открыта и идеализирована, по меньшей мере, двумя феминистками, чья

173

деятельность была связана с гуманитарными науками — литературоведом Каролин Хейлбрун и поэтессой Адриенн Рич. Каролин Хейлбрун предварила свое масштабное исследование андрогинии, прослеживающее течение «невидимой реки андрогинии» (1973, р. XX) от ее источника в пре-эллинисти-ческом мифе вплоть до литературы XX века, следующим высказыванием:

«Когда предмет дискуссии крайне противоречив, — отметила Вирджиния Вульф в беседе с аудиторией сорок пять лет назад, — а любой вопрос относительно пола является таковым, не стоит и надеяться, что вам удастся высказать истину. Можно только показать, каким образом вы пришли к тому мнению, которого придерживаетесь». Мое мнение можно сформулировать достаточно просто: я считаю, что наше будущее спасение заключается в отходе от противопоставления полов и плена тендера в направлении мира, в котором можно свободно выбирать индивидуальные роли и способ личного поведения. Идеал, к которому, по моему мнению, мы должны стремиться, лучше всего описывается термином «андрогиния». Это древнегреческое слово, состоящее из *андро* (мужской) и *гин* (женский)... означает освобождение индивидуума из тенет общепринятого. ...Оно предполагает спектр, в котором человеческие существа выбирают свое место, не ориентируясь на правила приличия или обычай (Р. IX—XI).

Адриенн Рич не предпослала своему стихотворению «Незнакомец» подобного предисловия, но стихотворение говорит само за себя:

Гляжу, как прежде, в самое сердце
улицы, как в реку
прохожу по рекам авеню
чувствую содрогание пещер под асфальтом
наблюдаю, как в небоскребах загораются огни
Иду, как прежде,
как мужчина, как женщина, по городу
Провидческий гнев обостряет зрение
и делает четче видения милосердия,
рожденного этим гневом
Если, пройдя через этот яркий туманный свет,
я услышу мертвый язык

если меня спросят, кто я
я смогу ответить только
174
я андрогин мыслящее существо которому нет названия на вашем мертвом языке утерянное существительное, глагол, от которого остался только инфинитив буквы моего имени увидит новорожденный, не открывая глаз
(1973, р. 19)

Любому человеку, знакомому с историей современной феминистской мысли, известно, что концепция андрогинии была подвергнута суровой критике за столь же короткое время, какое потребовалось для ее идеализации. Так, к 1974 году Адриенн Рич исключила свою стихотворение, посвященное андрогинии, из своего поэтического сборника; к 1976 году ее краткая критическая статья о концепции в целом была включена в «Рожденная женщиной», а к 1978 г. «Мечта об общем языке» включала стихотворение, озаглавленное «Естественные возможности», в котором Рич исключила само слово из своего словаря. Вот отрывок из этого стихотворения:

Вот слова, которые я не смогу выбрать вновь:
гуманизм   андрогиния
В них нет стыда, нет робости
перед лицом гневных стоических праматерей:
Их блеск слишком поверхностен, как краска,
не проникающая
в поры настоящей жизни,
той, которой мы живем
(Р. 66)

Хотя массовая критика андрогинии, продолжавшаяся в течение последних пятнадцати лет, сильно различалась, в зависимости от политической и профессиональной принадлежности критиков, три следующих критических направления в наибольшей степени ответственны за то, как быстро андрогиния превратилось в ругательство для большого числа теоретиков феминизма[39].

Во-первых, с точки зрения критиков, история концепции не была ни столь яркой, ни столь гендерно-нейтральной, как предполагала Хейлбрун в своем исследовании андрогинии.
175
Скорее наоборот. По словам Барбары Гелпи, андрогиния использовалась в течение всей истории западной культуры в значении мечты о том, как создать «совершенного мужчину» (1974, р. 153); другими словами, мечты о том, как «маскулинный сосуд» может быть «наполнен и исполнен фемининными эмоциями и реальностью» (Р. 152). В «прекрасном новом мире мужских андрогинов» (Р. 157) мужчины, таким образом, смогут быть андрогинными, в то время как женщины по-прежнему будут андроцентрично определяться относительно мужчин. Многие говорят, что андроцентричный характер и акцент концепции отражен в самом ее названии, где *андро* поставлено перед *гин.*

Во-вторых, что еще более важно, концепция андрогинии одновременно настолько гендерно-нейтральна, настолько утопична и настолько лишена какой-либо реальной связи с исторической действительностью, что она даже не признает существование тендерного неравенства, не говоря уже о том, чтобы предоставить концептуальный или исторический анализ этого неравенства. Этот недостаток более всего очевиден в единообразном отношении к маскулинности и фе-мининности. Хотя мужчины и деятельность мужчин были в центре культурных ценностей в большинство эпох и в большинстве стран, концепция андрогинии сама по себе не делает ничего для того, чтобы выявить это неравенство. Она также не делает ничего для того, чтобы женщины и их деятельность ценились *больше* или мужчины и их деятельность — *меньше.*

Не говоря уже о чересчур однообразной трактовке того, что представляли собой мужчины и женщины исторически, в концепцию андрогинии было привнесено слишком много личного для того, чтобы она могла представлять какую-либо политическую ценность. Уничтожение тендерного неравенства потребует не только личностных, но и институциональных перемен. Сосредоточившись в большей степени на личности, чем на патриархате, теория андрогинии не предлагает никакого концептуального или политического анализа тендерного неравенства; фактически, она отвлекает внимание от такого анализа.

Наконец, концепция андрогинии воспроизводит — и тем самым материализует — ту самую тендерную поляризацию, которую она пытается ослабить. Как это происходит? За счет придания маскулинности и фемининности характера концептуальных данностей, если не установленных

личностных структур; за счет подчеркивания взаимодополняющего харак-

хера маскулинности и фемининности, что, в свою очередь, предполагает естественность гетеросексуальности; и также за счет подчеркивания различий между мужским и женским, а не, скажем, классовых различий или различий в распределении власти.

Я считаю, что все эти критические высказывания отчасти справедливы (мое собственное ощущение ограниченности концепции заставило меня выйти за ее рамки не позднее 1977 года, когда я начала работу по тендерной схематизации). Тем не менее, я не нахожу ни один из критических выводов настолько сокрушительным, чтобы оправдать исключение *андрогинии* из феминистского лексикона[40]. Да, андрогиния, очевидно, имеет андроцентричную предысторию, но ее не обязательно применять андроцентрично (и она не использовалась андроцентрично современными феминистками). Да, теория андрогинии лишена какого-либо анализа тендерного неравенства (поэтому-то мне доставило особенное удовольствие, в конце концов, обсудить этот концепт в моей книге, вслед за подробным обсуждением андроцен-тризма). Даже если в теории андрогинии не хватает анализа тендерного неравенства, она все равно имела политические последствия. Для теоретиков феминизма в определенный исторический момент, так же как для многих людей, до сих пор не уверенных в том, как надо поступать: по-мужски или по-женски, теория андрогинии предлагает и утопическое видение, и модель психического здоровья; при этом от индивидуума не требуется отказываться от каких-либо черт характера и особенностей поведения, которые традиционно определяются культурой как несоответствующие тому или иному полу. По моему мнению, эта революция в дискурсе культуры была и остается существенным политическим достижением.

Ссылка на маскулинность и фемининность приводит, наконец, к третьему направлению в критике теории андрогинии. По мнению критиков, эта теория, пытаясь ослабить тендерную поляризацию, наоборот, материализует ее. Я думаю, здесь необходимо провести границу не только между различными методами использования концепции андрогинии, но и между ее различными значениями. Ранним теоретикам андрогинии, таким, как Карл Юнг (1953), маскулинность и фемининность концептуально представлялись как глубоко укорененные личностные структуры, чья взаимодополняемость предполагала естественность гетеросексуальности, а сама андрогиния определялась как совмещение этих

двух взаимодополняющих структур внутри одного человека или гетеросексуального брака.

Однако, более поздние авторы, такие, как Каролин Хейл-брун и я, представляли маскулинность и фемининность не как личностные глубинные структуры индивидуума, а как стереотипные определения, внедренные в культурный дискурс; андрогиния представлялась не как интеграция маскулинности и фемининности, а как отсутствие всякой озабоченности по поводу культурного определения маскулинности и фемининности. Говоря другими словами, «мораль» андрогинии такова: «у *поведения* не должно быть тендера», где понятие поведения включает выбор партнеров того или иного пола (Bern 1978, p. 19).

Тем не менее, я не думаю, что концепция андрогинии адекватно передает то обстоятельство, что маскулинность и фемининность не имеют независимой или ощутимой реальности. Теория андрогинии неизбежно фокусируется в большей степени на одновременной маскулинности и фемининности индивидуума, чем на том, что культурой изначально были созданы концепции маскулинности и фемининности. Поэтому справедливым будет утверждение, что теория андрогинии, даже в своих наиболее феминистских трактовках, в точности воспроизвела ту самую тендерную поляризацию, которую она стремится ослабить.

В 1977 году, чтобы более наглядно показать, что маскулинность и фемининность являются культурными линзами, поляризующими реальность, я сдвинула фокус моего собственного исследования с концепции андрогинии на концепцию процесса освоения гендерно-схематизированной информации, или тендерной схематизации (gender schematicity). Проще говоря, тендерная схематизация — это усвоение (интернализа-ция. — *Прим. ред.)* личностью тендерной поляризации, которая существует в культуре, это усвоенная готовность видеть реальность как естественно поделенную на поляризованные половые и тендерные категории и в то же время воспринимать реальность единой и неделимой (естественно или неестественно) в отношении какого-либо другого набора категорий. Тендерная схематизация — это наложение основанной на ген-дере классификации на социальную реальность, группы людей, черт личности, типов поведения и другого на основе поляризованных дефиниций маскулинности и

фемининности, превалирующих в культуре. Итак, тендерная схематизация построена на основе тендера, а не на других параметрах, которые могли бы оказаться ничуть не хуже.

178

Особый акцент на процессе усвоенияи гендерно-схема-тичной информации отчасти вытекает из моей более общей теории о том, как младенцы мужского и женского пола становятся традиционно маскулинными и фемининными взрослыми; эта теория известна как теория тендерной схемы (Bern 1981b). В теории тендерной схемы (gender schema theory) к области тендера применяются те же идеи относительно внутреннего усвоения тендерных линз, которые будут более подробно рассматриваться в главе 5. В частности, в теории тендерной схемы утверждается: ввиду того, что американская культура является гендерно-поляризующей и в своем дискурсе, и в социальных установлениях, дети в этих условиях усваивают тендерные схемы (или становятся гендерно-поляризованными), даже не осознавая этого. Тендерная схематизация, в свою очередь, направляет поведение детей в сторону традиционного соответствия своему полу. Другими словами, применяя к реальности классификацию, основанную на тендере, дети оценивают различные способы поведения в плоскости культурного истолкования тендерного соответствия и отвергают любую манеру поведения, которая не соответствует их полу В отличие от Колберга, объясняющего то, почему дети приобретают типичные черты своего пола, закономерностями развития детского интеллекта, данная альтернативная концепция позволяет увидеть источник стремления ребенка к соответствию между полом и поведением не в разуме ребенка, а в тендерной поляризации культуры. В качестве примера из реальной жизни относительно того, что значит быть гендерно схематичным, рассмотрим, как студент колледжа Корнелл решает, какое новое хобби выбрать для себя из множества предлагаемых возможностей. Он или она должны оценить стоимость каждого из предлагаемых увлечений, а также — можно ли им заниматься в холодную погоду, в перерывах между занятиями, экзаменами, курсовыми и так далее. В Итаке, штат Нью-Йорк, где описание местной погоды — «зима и июль» — лишь наполовину шутливое, после рассмотрения всех возможностей можно прийти, в конце концов, к вязанию как к наиболее очевидному варианту. Однако быть гендерно схематичным означает быть склонным посмотреть на это решение через гендерно-поляризующую линзу. Студент сначала спросит себя: «Какого «пола» это хобби? Какого пола я? Совпадают ли они?» Если пол и хобби совместимы, такое хобби может рассматриваться как возможное. Если нет, оно будет отвергнуто.

179

Сместив фокус своего исследования с андрогинности к тендерной схематичности, я хотела доказать, что считаю маскулинность и фемининность культурными конструкциями; я также хотела проделать с исследованием индивидуальных различий внутри культуры то, что антропологи часто пытаются проделать с различиями между культурами. Точно так же, как они используют межкультурные различия для того, чтобы осветить, или обнажить, способ организации реальности в отдельной культуре, моя теоретическая и эмпирическая работа по тендерной схематизации представляла собой попытку использовать различия между гендерно-схематизиро-ванными и гендерно-несхематизированными людьми внутри американской культуры. Это требовалось для того, чтобы осветить, или обнажить, не только тендерную схематичность типизированных по полу людей в частности, но и тендерную поляризованность американской культуры в целом. Таким образом, в своем исследовании я рассматривала типизированных по полу людей не только в качестве гендерно-схема-тизированных индивидуумов, но и как людей, в высшей степени приобщенных к своей родной культуре, чей способ переработки информации мог служить окном в наше понимание культуры в целом[41].

Это новаторское применение индивидуальных различий имело свои методологические плюсы, поскольку, как отмечено выше, по опроснику BSRI люди характеризуются как полностью типизированные по полу тогда и только тогда, когда их самооценка соответствует строго поляризованным представлениям о тендерном соответствии, превалирующим в культуре. Иначе говоря, люди, полностью типизированные по полу, по результатам опросника BSRI, могли быть с таким же успехом охарактеризованы как глубоко приобщенные к культуре в отношении тендера. При успешном применении обе стратегии (рассмотрение культурных различий или индивидуальных различий) в состоянии обнажить ранее невидимые культурные линзы. То есть, они позволяют нам смотреть на линзы культуры, а не через них, демонстрируя нам ранее невообразимые альтернативы. Таким способом мы узнаем, что присущий культуре бессознательный — и доминирующий — способ организации реальности не является единственным способом ее организации.

Если в концепции тендерной схематизации есть феминистская мораль, то она, таким образом, сводится не к тому, что каждый из нас должен быть свободен в познании маску-

180

линного и фемининного внутри себя. Она, скорее, в том, что в нашем текущем историческом контексте нет необходимости в том, чтобы созданная культурой дихотомия маскулинного и фемининного воспроизводилась бы или средствами культуры, или в идентичности индивидуумов. Такого и быть не должно. Та же самая феминистская мораль подразумевается, по крайней мере, в некоторых интерпретациях андрогинии.

За пределами науки: торжество различий между женщинами

В истории феминистской мысли существовал длительный раскол между теми, кто пытался минимизировать различия между мужским и женским (к ним относятся Каролин Хейл-брун и я), и теми, кто старался подорвать какую бы то ни было тендерную поляризацию в культурных дискурсах и социальных институтах; также и теми, кто пытался максимизировать эти различия, чтобы возвысить и таким образом переоценить те аспекты женского опыта, которые андроцентрич-ная история опорочила или оставила без внимания. Этот раскол заметен уже в первой волне движения в защиту женщин, когда «минимизаторы различий», в том числе Элизабет Кэйди Стэнтон (Elizabeth Cady Stanton) и Сьюзан Б. Энтони (Susan B. Anthony) отстаивали право женщин голосовать на выборах на том основании, что между женщинами и мужчинами больше сходства, чем различий; в то же время «макси-мизаторы различий», такие как Люси Стоун (Lucy Stone), обосновывали это право тем, что женщины обладают особыми качествами, включая воспитание и более развитое этическое чувство. Этот раскол отразился также во многих разновидностях феминистской теории, боровшихся друг с другом с начала второй волны движения по защите прав женщин в 1960-х годах[42].

В то время как минимизирующее направление переживало свой расцвет в период теории андрогинии в конце 1960-х — начале 1970-х годов, феминистский дискурс начала 1980-х был во многом обусловлен признанием отличий, присущих женщинам, а также развитием критики маскулинности. Основные участники этого дискурса максимизации не всегда приходили к согласию относительно источника различий между мужским и женским, о которых они заявляли. Однако они были солидарны в вопросах ценности и содержания

181

прототипных мужских и женских «точек зрения» (Harding 1986) или «голосов» (Gilligan 1982).

Фактически все теоретики, размышлявшие о женщине, рассматривали в качестве ее особого дара способность с легкостью пренебрегать мелкими элементарными обобщениями и искусственными противопоставлениями, к которым мужчины, как принято считать, испытывают почти непреодолимое влечение. Именно поэтому Джин Бэйкер Миллер (Miller 1976) считала главной особенностью женщины ее способность развиваться и расти в процессе отношений, а не искусственно противопоставлять независимость и зависимость. Карол Джиллиган (Carol Gilligan) выдвигала в центр такое качество женщины, как «видение мира, состоящего из отношений, а не из отдельных людей; мира, объединенного человеческими взаимоотношениями, а не системой правил» (1982, р. 29). Для Хилари Роуз (Hilary Rose) основное женское качество — это объединение «руки, разума и сердца» (1983, р. 73), а не разделение физического, умственного и эмоционального.

Склонность рассматривать всех и все во взаимосвязи, а отсюда ¯ стремление к равновесию, отражается не только в психике женщины и ее межличностных отношениях, но и в ее ценностных предпочтениях и в предпочтительности социальных институтов, которые она создавала бы в соответствии со своими склонностями. Если бы женщины обладали властью создавать господствующие культурные институты, человечество находилось бы сейчас в значительно меньшей опасности уничтожения себя самого и планеты, которую оно населяет. У нас были бы также абсолютно иные представления не только о науке и морали, но и о любой другой сфере жизни. Эта картина прекрасного нового мира, созданного женщинами, предполагает сокрушительную критику современного мира, построенного мужчинами. Согласно теоретикам, помещающими в центр своих теоретических построений женщину, проблема мужчин и созданных ими социальных институтов, состоит в том, что они чересчур озабочены разделением, господством и иерархией, и в то же время недостаточно озабочены общностью, взаимопомощью и гармонией.

Поскольку вышеупомянутые теоретики значительно реже приходят к согласию об источнике принимаемых без доказательства различий между мужским и женским, чем о содержании и

ценности этих различий, они выдвигают множество предположений относительно истоков различий между мужским и женским — от теорий биологически-эссенциалистско-

182

го характера, теорий развития ребенка до теорий из области социальной психологии.

Ближе всего к биологическому эссенциализму примыкают личности, подобные Адриенн Рич (Rich 1976) и Мэри Дэйли (Daly 1978), которые, как нам представляется, подчеркивают метафизическую природу женского тела. Адриенн Рич утверждает, в частности, что «в качестве обитательницы женского тела» она находит «границы эго ... совсем не такими жесткими, как предполагают слова "внутренний" и "внешний"».

В акте любви... часто присутствует сильное чувство *взаимопроникновения,* ощущения того, как тают стены плоти, как физическое и эмоциональное желание переносят одного человека в другого, размывая границу между телами. Идентификация с оргазмом другой женщины, как будто бы это твой собственный оргазм — одно из самых сильных межличностных переживаний: в такие моменты нет ничего, что было бы «внутри» или «снаружи». Во время беременности... я воспринимаю эмбрион... как нечто, находящееся внутри меня, но с каждым часом и с каждым днем все более отдельное от меня и существующее само по себе... Существование женщины далеко от режима «внутреннего пространства», женщины сильны и ранимы, будучи настроены и на «внутреннее» и на «внешнее», которые для нас не две полярные точки, а нечто длящееся (Р. 47-48).

Я действительно задаю себе вопрос, не могут ли женщины начать, наконец, *мыслить через тело,* соединить то, что было так жестоко дезорганизовано — наши огромные духовные возможности, почти что не используемые, наше высокоразвитую тактильную чувствительность, наши гениальные способности к тщательному наблюдению, нашу сложную, стойкую к боли, способную к различным удовольствиям физическую структуру.... В таком мире женщины действительно будут создавать новую жизнь, принося в нее не только детей (если и как мы пожелаем), но свое видение, мышление, необходимое для поддержки, утешения и изменения человеческого существования — новое отношение ко вселенной (Р. 290—292).

Иное направление, более близкое к теории развития, представляют, в частности, Эвелин Фокс Келлер (Keller 1985) и Карол Джиллиган (1982). Вслед за Нэнси Чодороу (Chodorow 1978) они утверждают, что в своих различных проявлениях и западная наука (Келлер), и западная мораль (Джиллиган) стали фактически зависимыми от объективности — то есть, они привержены идее отделения себя от

183

другого, субъекта об объекта (отчасти потому, что психика западных мужчин, формировавших и мораль, и науку, была окрашена отношениями матери и маленького мальчика, в контексте которых была насущной необходимость отделения от матери, а сохранение отношений зависимости представляло сомнительную ценность).

Существует, наконец, и социально-психологический взгляд на различие между мужским и женским, представленный целым рядом теоретиков, располагавших женщину в центре своей теории. Эти ученые считают, по-разному обосновывая свое мнение, что различные конструкции реальности у мужчин и женщин формируются за счет различий в их общественном положении. Большинству таких теоретиков, придающих большое значение ситуативным факторам (среди которых Джин Бэйкер Миллер (Jean Baker Miller 1976), Сара Раддик (Ruddick 1989), Дороти Смит (Smith 1987), Хилари Роуз (Rose 1983) и Беттина Аптекер (Aptheker 1989), представляется, что наибольшее влияние на «обыденность» (Aptheker 1989) положения женщины в обществе оказывает ее роль «сиделки» в области трудовых отношений, включая и опыт материнства. Для других, в том числе и для Нэнси Хартсок (Hartsock 1983), и для Сандры Хардинг (Harding 1986), к этому женщину приводит ежедневный опыт подчинения — или того, что Белл Хуке (Bell Hooks) называет «вытеснением на обочину». Доказано, что подобная маргинальность, в свою очередь, приводит к появлению «оппозиционного сознания» (Hooks 1984)[43]. Интересно, что последних трех из перечисленных теоретиков можно было бы счесть почти за представителей минимизирующего направления, поскольку они фокусируются не столько на том, какие различия влечет за собой существование в качестве женщины, но и на том, какие различия влечет за собой «существование на обочине»[44].

Дискурс 1980-х, в центре которого находится женщина, или ее отличительные особенности, внес коррективы не только в длительную историю андроцентризма в западной культуре, но и в некоторые неудачные аспекты феминистской теории конца 1960-х — начала 1970-х годов. Цели

дискурса 60—70-х были следующими: упор на угнетение женщин, или патриархат, в контексте которого женщины рассматривались в качестве жертв; а также упор на тендерную нейтральность и андрогинность — в обоих случаях женщин едва замечали. Благодаря самовыражению в феминистском дискурсе 1980-х, женщины определенно перестали быть незаметными и больше не олицетворяют собой лишь только

184

жертв. Однако, напрашивается вопрос: удалось ли этому максимизирующему дискурсу обнажить и, таким образом, устранить хотя бы одну из трех линз, каждая из которых по-своему формировала жизнь мужчин и женщин с момента зарождения западной культуры, или же данный дискурс просто воспроизвел эти линзы в новом аспекте? По моему мнению, дискурс 1980-х годов, центрированный на женщине, к сожалению, весьма активно возрождал и тендерную поляризацию, и биологический эссенциализм; но в то же время он представлял собой серьезный, хотя и неоднозначный вызов андроцентризму.

В случае с тендерной поляризацией все очевидно. Несмотря на подчеркивание уникальной способности женщины пренебрегать искусственными противопоставлениями, слабость к которым приписывается мужчинам, теоретическое направление, поставившее во главу угла женщину, настолько полно поляризовало мужчин и женщин, наряду с их разными способами отношения к реальности, что на практике и мужчины и женщины оказались настолько же ограниченными однородными представлениями о самих себе, как и раньше. Принимая во внимание, что в настоящее время скорее мужчины, чем женщины подвергаются очернению и слова *маскулинность* и *фемининность* не используются открыто, все же дело обстоит не так, что нынешних женщин возвышают, а нынешних мужчин порочат. Эти однородные представления — не более, чем оборотная сторона гендерно-поляризованных карикатур андроцентризма.

Что касается биологического эссенциализма, выводы не столь однозначны: слишком уж расходятся мнения между теоретиками по вопросу истоков различий между мужским и женским. Несмотря на это расхождение, теоретики, центрированные на женщине, настолько больше внимания уделяют психологическим различиям между мужчинами и женщинами, чем их различным социальным ситуациям; настолько мало значения придают в своих дискуссиях крайне важному вопросу происхождения этих психологических различий, а также представляют эти различия настолько глубоко внутренне связанными с сутью того, что означает быть мужчиной или женщиной, что в результате влияние дискурса сводится к представлению, что эти психологические различия между мужчинами и женщинами являются естественными, а не социально сформированными.

Здесь мы подходим, наконец, к вопросу андроцентризма. Если рассматривать дискурс, ставящий в центр женщину,

185

таким образом, какой он зачастую предполагает, то есть в качестве описания эмпирического различия между реальными мужчинами и женщинами, то в результате, к сожалению, мы получим неоднозначную (хотя в некоторой степени увлекательную) попытку уничтожить линзу андроцентризма. Эта попытка увлекательна, поскольку переворачивает андроцен-тричную систему ценностей, ставя в ее центр не мужчин и мужские модели поведения, а женщин и женские модели поведения. Неоднозначность этой попытки заключается в том, что она характеризуется такой же односторонностью и иска-женностью, что и линза, которую она призвана разрушить. Другими словами, женщины и мужчины из плоти и крови не настолько хороши и, соответственно, плохи, и не настолько гомогенны, насколько этот дискурс, судя по всему, пытается их представить.

С другой стороны, рассмотрим дискурс, ставящий в центр женщину, аналогично тому, как я рассматриваю свое собственное исследование тендерной схематичности, то есть, в первую очередь не как эмпирическое исследование различий между человеческими существами, а как стратегию обнаружения невидимой культурной линзы. В этом случае две концепции, которые были неоднозначно представлены в этом дискурсе в качестве прототипично мужской модели поведения и отличий женщины, становятся, соответственно, андроцентрическои линзой и *идеализированным* выражением женской точки зрения, которое также может рассматриваться в качестве гине-центричной, или сфокусированной на женщине, линзы. Что еще более важно, дискурс, ставящий в центр женщину, сам по себе становится не только неоднозначной дискуссией относительно личной мужской и женской психологии, но и на самом деле провокативной

дискуссией относительно андроцентризма, содержащегося в завуалированной форме даже в социальных институтах, представляющихся наиболее гендерно-нейтральными.
В главе 3 я утверждала, что мужчины использовали занимаемые ими властные позиции для создания социального мира, определявшего женщин и их роли в соответствии с мужчинами и их ролями. Тем не менее, дискурсу 1980-х годов, ставящему в центр женщину, удалось показать, что мужчины, которым принадлежала власть, определяли в анд-роцетричном ключе значительно большее; в этом ключе определялись наука, мораль, психическое здоровье, труд, политика, закон, а также все остальные общественные институты.
186
То, что мужчины, которым принадлежала власть, в анд-роцентричном ключе определяли эти институты, значит не только, что они исключали из них женщин, хотя это также соответствует действительности. Это значит, что они бессознательно встраивали в эти институты все фундаментальные умозаключения о действительности, к которым они пришли, благодаря особенностям своего положения в социальной структуре. Поскольку они имели привилегию в социальной иерархии и эмоционально и физически дистанцировались от деятельности, связанной со всеобъемлющей заботой о других, институты, построенные ими, имели предрасположенность принимать именно те формы, которые столь красноречиво (и столь ядовито) описывались теоретиками, ставившими в центр женщину, в терминах половых различий.
Несмотря на ответственность, которую несет дискурс, ставящий в центр женщину, за воспроизводство биологического эссенциализма и в особенности тендерной поляризации, его косвенная критика культурного андроцентризма имела огромную просветительскую ценность.

5

Конструирование тендерной идентичности

В теоретических представлениях о социальном конструировании тендера, преобладавших в общественно-научной литературе последних пяти десятилетий, акцент делался на социализации, ситуационных ограничениях, обусловленных структурой общества, а также на психодинамическом конфликте и на формировании человеком собственной индивидуальности. Первый и второй факторы концентрируются вокруг воздействии культуры на личность, в то время как третий и четвертый отражают то, что происходит внутри психики человека в дальнейшем[1]. Раскрывая содержание этих представлений, а затем выходя за их пределы, мы идем в направлении от анализа тендерных линз в обществе на уровне культуры (что уже рассматривалось в предыдущих главах) к социально-психологическому изучению процессов, при участии которых личность усваивает эти тендерные линзы и тем самым конвенционально* выстраивает тендерное «я» или воздерживается от их усвоения и тем самым становится личностью с нарушенным тендером (gender subversive).
Все теории социализации придают особое значение «подгонке» ребенка под некоторый заранее установленный культурный паттерн, или шаблон поведения. Однако, теории социологической и антропологической ориентации, в отличие
* Конвенциальный (от лат.сопуегЛю — соответствующий договору, условию) — соответствующий установившимся традициям. — *Прим. ред.*
188
от теорий психологической ориентации, подчеркивают разные грани этого процесса. Для социологов и антропологов анализ социализации начинается не с отдельного ребенка или отдельной социализирующей фигуры, а на уровне общей потребности социума готовить каждое следующее поколение молодых людей к тому, чтобы каждый из них занял нужное место в общественном устройстве. Так как социальная структура повсеместно базируется на тендерном разделении труда, эта подготовка должна включать в себя гендерно-дифферен-цированную (разную для мужчин и женщин. — *Прим. пер.)* «шлифовку» не только трудовых навыков, но также и психики. Дети мужского и женского пола должны формироваться так, чтобы в дальнейшем соответствовать своим очень непохожим взрослым ролям.
Данная традиция, в большей степени социальная (или функциональная), отражена в трех исследованиях: Талькотт Парсонс и Роберт Бейлс (Parsons, Bales 1955); Герберт Берри, Маргарет Бэкон и Ирвин Чайлд (Barry Bacon and Child 1957); Беатрис Уайтинг и Кэролин Эдварде (Whiting, Edward 1988). Работа Уайтинг и Эдварде представляет особый интерес в связи с высказанным в ней предположением о том, что, готовясь к освоению своих взрослых ролей, мальчики и девочки почти повсеместно оказываются помещенными в разные «условия обучения» (P. 2), с разными (для мальчиков и девочек. — *Прим. пер.)* категориями «социальных партнеров» (P. 6). В данном

исследовании, проводившемся в таких непохожих регионах, как Африка, Индия, Филиппины, Окинава, Мексика и США, эти различия подтверждены фактически. При изучении ухода за младенцами в возрасте до года и взаимодействия с ними выяснилось следующее: в условиях обучения девочек гораздо больше кросс-культурных проявлений (общих для культур разных народов. — *Прим. пер.),* чем в условиях обучения мальчиков. Этот вывод возвращает к исходному доводу, приведенному мной в конце главы 2, о том, что женщины и девочки повсюду больше стремятся ухаживать за младенцами и маленькими детьми, по сравнению с мужчинами и мальчиками. И это происходит не из-за некоего «материнского инстинкта», а потому, что разделение труда по признаку пола всегда и при любых обстоятельствах помещает женщин и девочек в условия «контакта» (соприкосновения и установления физической и эмоциональной связи), а мужчин и мальчиков — в «бесконтактные» условия (условия, не предполагающие экстенсивного соприкосновения и физической и эмоциональной связи. — *Прим. пер.).*

189

В отличие от социологов и антропологов, для которых отправной точкой анализа тендерной социализации является общественное устройство, психологи изучают этот вопрос на уровне стереотипных тендерных ожиданий самих взрослых членов данной социальной структуры. На этом уровне действует модель самоисполяющегося пророчества. Простейший пример: взрослые, воспитывая детей, обращаются с мальчиками и девочками по — разному, потому что у них имеются ген-дерно-стереотипные предубеждения о том, что должно быть характерно для мальчика, а что — для девочки. В результате такого различного подхода девочки и мальчики начинают различаться именно в том отношении, которое продиктовано предубеждениями взрослых[2].

Возможно, наилучшим примером демонстрации подобного способа тендерной социализации является исследование Беверли Фегота, в котором производилась тщательная регистрация поведения воспитателей и детей в игровой группе начинающих ходить малышей. Наблюдение проводилось дважды, с интервалом в год (Fagot et al. 1985). В первых сериях наблюдений годовалые мальчики и девочки взаимодействовали с воспитателями и друг с другом очень похожим образом. Однако педагоги, из-за наличия у них тендерных стереотипов, непреднамеренно побуждали девочек к более послушному и кроткому поведению, а мальчиков так же непреднамеренно побуждали быть более напористыми и настойчивыми. Повторное исследование поведения тех же детей через двенадцать месяцев показало: в результате подобного различного обращения со стороны воспитателей стили общения мальчиков и девочек стали резко отличными друг от друга, таким образом, продемонстрировав, что тендерные предубеждения взрослых в реальности превращаются в гендерно-дифферен-цированное социальное поведение детей.

Так же, как и теории социализации, социально-структурные, или ситуационные, теории сосредоточены на том, как культура преобразует личность. Но, в отличие от сторонников теории социализации, исследователи социально-структурного направления не усматривают столь глубоко укорененного и стойкого воздействия культуры на психику развивающегося ребенка. Скорее, они рассматривают и ребенка, и взрослого в границах их собственных ситуаций. По их мнению, не социализация периода детства обусловливает в дальнейшем формирование конвенционально-гендерных женщин и мужчин, а закрепление за женщинами и мужчинами различных и неравных позиций в общественной структуре. Это различное и

190

неравное распределение психологически формирует и детей, и взрослых, предоставляя их мотивации и способностям реа-лизовываться в стереотипном мужском или стереотипном женском направлениях. Это распределение создает жесткие рамки, ограничивающие способности женщин и мужчин выходить за пределы своих предопределенных тендерных позиций, несмотря на возможное наличие у них такой мотивации.

Социально-структурное направление в изучении формирования тендера убедительно обосновали в последнее время Элис Игли (Alice Eagly 1987) и Синтия Эпштейн (Epstein 1988). Однако два наиболее известных эмпирических исследования в этом направлении были предприняты на десять лет раньше. Розабет Мосс Кантер (Rosabeth Moss Kanter) в исследовании *Мужчины и Женщины в Корпорациях* (1977) утверждала, что женщины, по сравнению с мужчинами, менее настроены делать карьеру в мире оплачиваемого труда не по причине каких-либо внутриличностных различий, а потому что большинство традиционно женских профессий — конторских и обслуживающих — предоставляют им мизерную возможность продвижения по службе. Нэнси

Хенли (Nancy Henley) в *Политике Тела* (1977) доказывала аналогичное положение: отличные друг от друга стили вербальной и невербальной коммуникации мужчин и женщин являются следствием различного статуса женщин и мужчин в структуре общества.
Психологическое применение социально-структурного направления очевидно: изменение позиции женщины в структуре общества незамедлительно приводит к изменению и ее мотивации, и ее компетенции. Политическое применение также ясно: если женщины когда-нибудь достигнут политического и экономического равенства, *то* не за счет изменений в их сознании или даже изменений в механизме социализации личности; для этого должна быть изменена андроцентричная структура общества, действующая системно и в каждый конкретный момент оберегающая власть мужчин.
В отличие от теории социализации и социально-структурной теории, которые, так или иначе, ставят во главу угла вопрос о том, каким образом культура превращает мужское и женское в маскулинное и фемининное, теории психоаналитического направления сосредоточены на том, каким образом психические конфликты детства довершают эту трансформацию. Психоаналитические теории исходят из допущения, что эти психические конфликты возникают всякий раз, когда побуждения ребенка и его желания приводят к появлению эмоциональных проблем.
191
Как было показано в главе 3, Фрейд исходил из следующих предположений: влечение ребенка к матери само по себе создает эмоциональную проблему, сопряженную со страхом кастрации у мальчиков и завистью к пенису у девочек, когда они со стыдом и позором обнаруживают существование гениталь-ных различий. У мальчиков этот внутренний психический конфликт приводит к маскулинности посредством идентификации с отцом; у девочек он ведет к фемининности посредством признания женской неполноценности и сдвига от материнской любви к любви отцовской.
В психоаналитических работах последних лет исходная предпосылка Фрейда о женской неполноценности и даже его интерпретация эдипова конфликта вызывают возражения. Например, Жак Лакан весьма убедителен в своем утверждении: причина, побуждающая идентифицировать мужчин с преимуществами и властью, а женщин — с неполноценностью и зависимостью, заключатся не в открытии элементарного анатомического отличия, а в осознании значимости фаллоса в патриархатном обществе[3].
Нэнси Чодороу (1978, 1989) придерживается противоположного мнения. По ее мнению, переломный момент наступает раньше, в преэдипов период; в это время у мальчика возникает конфликт в сфере зависимости и симбиоза. Основываясь на идеях теории объектных отношений, а также на том факте, что уход за ребенком повсеместно закреплен, скорее, за матерями, чем за отцами, Чодороу утверждает: поскольку матери наиболее вероятно общаются со своими маленькими сыновьями, как с другими и особыми, отличными от них, а с маленькими дочерьми — как с близкими и похожими, у мальчиков развивается «я» — отвергающее привязанности» (a self that denies relatedness); в то время как у девочек развивается «я» — связанное с другими» (a self-in-relation) (1989, р. 15). Кроме того, мальчики вырастают с такой сильной потребностью отрицать свою зависимость от женщин в целом, что, будучи мужчинами, они используют любые доступные им формы власти, чтобы с их помощью «отбраковывать» женщин на основании того, что они — другие (Р. 14).
В современном демократическом обществе, где люди сами выбирают себе взрослые роли, вместо того, чтобы получать их по назначению на основе каких-то приписанных характеристик, психологическая идентичность имеет первостепенное значение, и это, пожалуй, неизбежно. Идентичность также осознается как нечто, что люди выстраивают сами, а не по требованию других людей в процессе культурной социализа-
192
ции согласно статусу в общественной структуре, или даже вследствие психических конфликтов. Наиболее ранние теории идентичности или совсем игнорировали проблему тендера, или считали идентичность женщины временно неопределенной до тех пор, пока она не сформируется в ореоле идентичности мужчины, который станет ее мужем. В последнее время психологи и социологи, изучающие идентичность, начали рассматривать маскулинность, фемининность и даже сексуальную ориентацию отчасти как результат личностного и осознанного предпочтения, отдаваемого индивидуумом какому-то отдельному аспекту своего «я»[4].
Этот образ личности, активно выстраивающий свою идентичность на основе пола или

сексуальности, появляется в трех разных теоретических и эмпирических контекстах. Мы встречаем его у Лоуренса Колберга, последователя Пиаже, когда он объясняет, как маленькие дети формируют свою маскулинность или фемининность (мы обсуждали это в Главе 4). Мы также встречаем его в исследовании способа, которым транссексуалы определенным образом говорят о себе и ведут себя, что дает им возможность сойти за лиц того пола, к которому они хотели бы принадлежать. По крайней мере, некоторые социологи считают: такое построение маскулинного или фемининного «я» у транссексуалов отличается от «я»-конструкции у нетранссексуалов только лишь уровнем осознания и фактором отчаяния[5]. Наконец, образ личности, выстраивающей свою идентичность, встречается в недавних теоретических исследованиях того, как сексуальность по отношению к людям своего пола трансформировалось в двадцатом веке из греха, порока, патологии сначала в гомосексуальную идентичность, а позднее даже в самоутверждающуюся идентичность геев и лесбиянок[6].

Человек, делающий акцент на определенном аспекте своего «я», может достичь большего, чем просто осознания уникальной индивидуальности. Он может вынести приверженность своей уникальности на политическую арену и организовать целое политическое движение, о чем красноречиво свидетельствует солидарная политическая деятельность за права сексуальных меньшинств, женщин, пожилых граждан и американских негров.

Каждое из приведенных в начале этой главы четырех теоретических представлений о социальном формировании ген-дера выдвинуло свои убедительные аргументы в объяснении того, каким образом мальчики и девочки младшего возраста со временем превращаются в маскулинных и фемининных

193

взрослых людей, которые добровольно принимают разные — и неравные — роли, уготованные им в андроцентричном и гендерно-поляризующем обществе. Основная суть теорий социализации состоит в том, что взрослая женщина (или мужчина) до некоторой степени является продуктом сопрокосно-вения ребенка с культурой. Суть психодинамических теорий — в следующем: поскольку процесс социализации сопряжен с необходимостью регуляции естественных импульсов ребенка, психика взрослого человека неизбежно содержит в себе подавленные желания и психические конфликты. Суть теорий конструирования идентичности — в том, что даже маленький ребенок никогда полностью не является пассивным объектом влияния культуры; и дети, и взрослые — активные творцы смысла, в том числе и смысла собственного существования. И, наконец, суть социально-структурных теорий заключается в следующем: по крайней мере, некоторая часть людей, даже достигнув зрелости, ведет себя определенным образом вовсе не потому, что это соответствует их внутреннему миру, а потому, что этого от них требует или наделяет правом их нынешний статус и власть.

Теория линз культуры (the enculturated-lens theory), объясняющая процесс формирования тендерной личности, которая будет приведена ниже, стремится объединить уже упомянутые важные направления и в то же время изучить человека, существующего на протяжении всей его жизни в социальном и историческом контексте, содержащем линзы андроцентризма и тендерной поляризации. Таким образом, задача этой теории состоит в объяснении того, как общество управляет процессом передачи своих линз от культуры к человеку. В общем, речь идет о том, как общество превращает культурное в естественное, то есть природное? В особенности, как общество превращает «тендерное культурное» в природное, трансформируя мальчиков и девочек в маскулинных и фемининных взрослых.

На протяжении примерно пятнадцати последних лет ряд исследователей феминистского направления обращались к психоаналитическим теориям, особенно к теории Нэнси Чо-дороу об отношениях матери и младенца, потому что другие социально-конструктивистские теории отводят психологии тендера слишком поверхностный уровень человеческой психики. Возможно, что концепция интернализованных тендерных линз не дает таких точных или конкретных трактовок, как теория Чодороу по проблемам отношений мать — младенец или психологического измерения эмоционального контакта в

194

противовес эмоциональной дистанции. Тем не менее, эта концепция предлагает феминистам и психологам такую же глубокую и полную трактовку (на уровне психологии и культуры) формирования тендерной личности, какую она предлагает для представления культурных процессов как природных или естественных.

Процесс инкультурации

Согласно теории тендерной схемы, намеченной в общих чертах в главе 4, в гендерно-поляризующих обществах дети усваивают линзу тендерной поляризации и тем самым формируют себя в рамках определенного тендерного полюса (или тендерной схематизации). В свою очередь, эта усвоенная линза помогает детям становиться конвенционально-гендерными (т.е. вести себя в соответствии с традиционными культурными ожиданиями по отношению к своему полу. — *Прим. ред.)*. Другими сорвами, при наложении гендерно-поляризующей линзы на социальную реальность дети оценивают различные способы поведения в соответствии с культурными определениями тендерного соответствия и отклоняют поведение, не соответствующих их полу.

Теория тендерной схемы содержит две фундаментальных исходных предпосылки о процессе формирования тендерной личности: во-первых, существуют тендерные линзы, встроенные в дискурс культуры и социальной практики, которые усваиваются ребенком в процессе его развития, а во-вторых, как только эти линзы усвоены, они предрасполагают ребенка, а позднее, взрослого, формировать свою идентичность в соответствии с линзами. Теория, о которой пойдет речь, сохраняет данные предпосылки, но развивает и расширяет значение тендерной схемы в двух существенных направлениях.

Во-первых, к более ранним соображениям добавляется линза андроцентризма. Так как общество является не только гендерно-поляризующим, но и андроцентричным, мужчины и женщины в нем сами становятся андроцентричны-ми и гендерно-поляризованными. Добавление этой второй линзы резко меняет результат усвоения тендерных линз. В то время как раньше считалось, что личность — не более, чем носитель культурной тендерной поляризации, теперь личность представляется глубоко вовлеченной — помимо своей воли — в процесс социального воспроизводства мужской власти.

195

Во-вторых, более ранняя теория расширена за счет обстоятельного раскрытия процессов инкультурации (окультуривания, приобщения к культуре. — *Прим. ред.).* Предполагается, что именно они передают линзы андроцентризма и тендерной поляризации от культуры к индивидууму. Модель инкультурации является достаточно широкой для того, чтобы с ее помощью можно было объяснить, как все другие линзы культуры, а не только тендерные, передаются индивидууму. Таким образом, изучение становления конвенциональных в отношении тендера женщин и мужчин является частью более широкой темы — как культурное становится «естественным». Основываясь на этом допущении, я в качестве вводной части своего теоретического анализа конструирования тендерной личности использую более общий анализ двух процессов инкультурации, имеющих решающее значение для превращения культурного в «естественное». Первый — это предварительное программирование повседневного опыта индивидуума с помощью общественных институтов в варианты выбора по умолчанию, или осуществление своего рода «исторической подгонки» индивидуумов под конкретное время и место, а второй — передача подразумеваемых наставлений — или метасообщений — о том, как линзы культуры обычно формируют социальную реальность[7].

Преобразование культурного в естественное

Предварительное программирование повседневного опыта в варианты выбора по умолчанию в рамках конкретной культуры отчетливо видно при самом поверхностном изучении: дети в разных культурах и разных исторических эпохах формировались как несомненно разные в социальном отношении[8]. Рассмотрим, как опыт детей в современной Америке на уровне среднего социального класса структурируется общественными институтами. Каждый ребенок в возрасте от шести до шестнадцати лет проводит по семь часов в день, пять дней в неделю, сорок недель в году в строго разграниченных по возрасту классах, изучая материал, который часто не имеет прямого отношения ни к ним самим, ни к кому-либо в их группах. А теперь сравним ситуацию в Америке с общественным структурированием повседневного жизненного опыта детей в более традиционной культуре, где основные жизненные навыки приобретаются в процессе ежедневного участия в производительном труде вместе со взрослыми, и где детский каждодневный труд — наравне с

196

трудом взрослых — необходим для экономического благополучия семьи и общества.

Уточним предмет обсуждения. И дети, и взрослые зависят от своего повседневного социального опыта. Этот социальный опыт, в свою очередь, предварительно программируется институционализированной социальной практикой (которая, в свою очередь, создана социальными институтами). Сама же по себе эта практика является всего лишь одной из линз культуры, содержащихся в дискурсе культуры.

При всей важности структурирования повседневного опыта для превращения культурного в естественное, столь же значительным является менее заметный процесс скрытой коммуникации, используемый линзами культуры для организации реальности. Речь идет о передаче культурных ме-тасообщений о том, что является важным, что ценно, на какие различия между людьми и объектами следует обращать внимание, а какие можно проигнорировать; какие параметры оценки сходства или несходства между людьми и другими объектами надо использовать в первую очередь, и так далее, и тому подобное. Передача культурных метасообщений помогает воспринимать созданное людьми (культурное) как естественное (биологическое и неизменное. — *Прим. ред.).* Это происходит благодаря неосознаваемому переносу линз культуры в психику личности, в ее сознание.

По мнению антрополога Клиффорда Гирца (Clifford Geertz), признаком «естественного» сознания является неспособность отличать реальность от того способа, каким данная культура создает саму эту реальность; другими словами, реальность, которую кто-то воспринимает, и линзы культуры, сквозь которые эта реальность воспринимается, представляются «нерасторжимыми» (1983, р. 58). Хотя данный способ осознания иногда может использоваться взрослыми людьми, живущими в достаточно однородном обществе, все же он характерен для детей, которые обучаются определенному способу объяснения реальности, при этом, не предполагая, что возможны другие способы объяснения той же реальности. В отличие от взрослого, знающего другие культуры, ребенок, взрослеющий с самого начала в одной культуре, похож на рыбку из известной пословицы, которая не понимает, что окружающая ее среда — мокрая. В конце концов, какой же ей еще быть?

Существует, по крайней мере, два способа говорить об этом неосознаваемом переносе линз от конкретной культуры

197

к ребенку, и оба предполагают, что переносимая информация включена внутрь социальной практики самой культуры.

В такой степени, в которой социальная жизнь передает ребенку метапослания, усвоение культурной информации можно рассматривать как педагогику, действующую на подсознание с помощью внушения (subliminal pedagogy). В такой степени, в которой ребенок постепенно разгадывает смысл, вложенный в социальные традиции, усвоение культурной информации можно рассматривать, в большей степени как факт активного сбора информации, чем просто ее передачу. В этом случае сама культура выступает в большей степени в качестве текста, который нужно считывать; и читатель этот должен быть активным, создающим смысл — тогда урок будет усвоен.

Синхронный процесс передачи и сбора информации беспрерывно стимулирует активного ребенка, разгадывающего смысл социальных отношений — таким образом он подвергается воздействию культурно значимых социальных явлений. Возьмем для примера наручные часы, отсчитывающие минуты. Знакомясь с ними, примеривая их, ребенок усваивает, что время должно оцениваться точно и что поведение человека должно четко планироваться. В культурах, где время отсчитывается по солнцу и времени года, совсем другое представление о социальной реальности.

В реальности социальная сторона жизни не может быть четко поделена на части: ту, которая заранее структурирует каждодневный опыт, и ту, которая передает культурные метапослания. Вся институционализированная социальая жизнь одновременно включает в себя и то, и другое. Это будет видно из последующего анализа того, как американская семья из среднего класса порождает таких радикальных индивидуалистов, которых антропологи рассматривают как особую категорию — людей с Запада, или даже как особую категорию — американцев[9].

Процесс формирования американских детей в индивидуалистичных взрослых американцев начинается почти сразу же после рождения. Хотя во многих других культурах дети проводят годы в тесном физическом контакте с матерями — их долго кормят грудью, носят за спиной, и даже спать они могут в одной постели с родителями, американские дети в семьях, где супруги могут позволить себе иметь детей, обычно с самого начала спят не в родительских постелях и даже не в родительских спальнях. К наступлению года их, как правило, отлучают от материнской груди. Разница между «я»

198

и другими формируется у ребенка неявным, но принудительным образом.

Американцы постоянно формируют у своих детей будущую идею о том, что их преимущество состоит в автономном «я»; у «я» есть границы, которые нельзя нарушать; у автономного «я» есть потребности, желания и предпочтения, которые следует удовлетворять, как только возможно.

Родители, предоставляя детям собственные детские спальни, стуча в их двери перед тем, как войти, и покупая им дневники для записей личного характера вместе с ключами от них, тем самым сообщают детям, что их «я» имеет неприкосновенные границы. Они сообщают, что потребности, желания и предпочтения детей следует удовлетворять. Дети узнают от родителей, что у них *есть* потребности, желания и предпочтения: родители спрашивают даже у малышей, едва начинающих ходить, чего они хотели бы поесть, и откликаются на любой крик младенцев, относясь к этим звукам как к выражению желания, которое они, родители, постараются выполнить. В других, более социоцентричных культурах, подобные права и привилегии не даются ни детям, ни взрослым.

Строя свои социальные взаимодействия с детьми подобным выраженно индивидуалистичным образом, американские родители делают одновременно две вещи. Во-первых, они помещают детей в социальный контекст, который формирует из них личностей с отчетливо выраженными желаниями и ожиданиями, что эти желания будут удовлетворены. Во-вторых, родители передают детям общепринятую культурную концепцию личности.

Но не только американский ребенок живет в социальном мире, который относится к индивидууму как к фундаментальной единице всей общественной жизни. Взрослый американец живет в социальном мире, который относится к нему точно так же.

Рассмотрим, например, американскую особенность — «уехать в колледж» (going away to college). Если бы в принципе было возможно такое, чтобы любой молодой американец получал престижное высшее образование, не уезжая из дома вовсе или живя недалеко от дома, выражение «поступить в колледж» (going to college) (для тех, кто может себе это позволить) все равно будет означать «уйти в колледж» (going *away* to college — *англ.* То есть, уехать из дома для учебы в колледже. — *Прим. пер.).* Учиться в колледже — значит быть отделенным географически, культурно и психологически от тех, с кем

199

молодого человека или девушку связывали узы любви. Таким образом, отделение индивидуума от семьи рассматривается как естественная и желательная стадия развития, а невозможность подобного отрыва — как признак незрелости и препятствие для социальной мобильности.

Рассмотрим американский институт брака и последующего развода. Когда- то брак воспринимался как обязательство супругов жить вместе до последнего дня, а расторгнуть его можно были лишь при исключительных обстоятельствах, если вообще это было возможно. Со временем брак начинает рассматриваться как партнерство с ограниченной ответственностью, сохраняющееся в том и только в том случае, если по существу способствует росту и развитию обоих партнеров. Разводиться стало легче, и не только по закону, но также социально и психологически. И опять отделение — это норма, а трудности способствуют саморазвитию.

Обратимся к американской традиции психотерапии. Очень многие люди из тех, кто может себе это позволить, в настоящее время ищут профессионального совета психотерапевта всякий раз, когда они испытывают чувство неудовлетворенности своей жизнью. Некоторые социологи такие как Роберт Беллах и др. (Bellah et al. 1985) считают психотерапевта значимой культурной фигурой в Америке конца двадцатого века. С точки зрения социологов, распространенность терапии возрастает отчасти потому, что терапевтическая диада (психотерапевт и клиент. — *Прим. ред.)* представляет собой некую разновидность межличностных отношений, обеспечивающих защиту «я» пациента, что является существенным моментом в личной жизни современных американцев. Иными словами, речь идет об отношениях, в которых нет места требованиям или моральным суждениям: приоритет отдается повышению личностной самооценки пациента, а не общераспространенной нормальности взаимоотношений в любой группе большей, чем диада. Опять мы видим: связь желательна тогда и только тогда, если она не является помехой для личности.

Наконец, обсудим основополагающий институт капиталистической системы — институт частной собственности. Это настолько повсеместное явление в повседневной жизни американцев, что даже совместное владение соседями газонокосилкой почти невероятно. И не только материальные предметы американцам трудно с кем-нибудь делить: даже к пространству вокруг собственного тела они относятся так, как если бы оно было частной собственностью. Эта специ-

200

фическая американская модель поведения — претензия на относительно большое личное пространство — особенно ярко проявляется в личных контактах на встречах международного уровня, где американцы для сохранения привычной личной дистанции отступают на дюйм

(примерно два с половиной сантиметра — прим. перев.), а их собеседники, представители многих других культур, приближаются к ним на дюйм[10].

Не удивительно поэтому, что живущих всю жизнь в таком крайне индивидуалистичном мире американцев в Тибете называют *nga dangpo,* то есть «я — лучший»[11].

Преобразование гендерного в природное

Подобно тому, как американское общество формирует «я — лучших», помещая людей в культурную среду, дискурсы и социальная жизнь которой группируются вокруг линзы радикального индивидуализма, оно также формирует конвенционально-гендерных женщин и мужчин. Происходит это в процессе помещения людей в культурную среду, дискурсы и социальная жизнь которой группируется вокруг линз андроцентризма и тендерной поляризации. В главах 3 и 4 я раскрыла андроцентризм и тендерную поляризацию в некоторых существенных дискурсах западной культуры. В данном случае моя цель — раскрыть андроцентризм и тендерную поляризацию в некоторых социальных практиках. Эта практика программирует различный и неравный социальный опыт для мужчин и женщин; кроме того, она переносит андроцентричные и гендерно-поляри-зующие линзы с уровня культуры на уровень психики индивидуума.

Андроцентризм в американской общественной жизни наиболее ярко проявляется в мире оплачиваемого труда, где большинство женщин все еще подвергаются сегрегации в профессиях, которые сами по себе воплощают все те же три андроцентирных аспекта восприятия женщины, которые обсуждались в главе 3[12]. Андроцентричное определение женщины в терминах ее бытовой и репродуктивной функции заключено в тех многих видах труда женщин, которые обеспечивают административную и материально-техническую поддержку мужчинам, имеющим высокий статус. Это секретарши, административные референты, ассистенты по киноархиву, средний юридический персонал, стоматолог-гигиенист и средний медицинский персонал. Андроцентричное

201

восприятие женщины к контексте ее способности стимулировать или удовлетворять мужской сексуальный аппетит заложено в занятия, которые напрямую обслуживают мужские сексуальные потребности — проститутки, стриптизерши, танцовщицы в дискотеке; также и в профессии, обслуживающие мужскую сексуальность косвенным образом, где особенно желательна женская привлекательность: такие, как бортпроводницы, секретари в приемной и регистраторы, даже телевизионные репортеры, ведущие репортажи с места событий. Андроцентричное восприятие женщины как отклонения от мужского стандарта в худшую сторону встроено в само толкование того, что составляет обычную трудовую жизнь в Америке: непрерывная полная рабочая неделя (прерываемая только в связи с болезнью) на протяжении ранней и средней зрелости человека. Полная рабочая неделя — это конструкция историческая, она варьируется (даже для мужчин) от примерно сорока часов в неделю для профессий «рабочего класса» до гораздо большего периода времени, чем сорок часов в неделю, для строящих свою карьеру молодых профессионалов в области юридической практики и в финансовой сфере. Но, каков бы ни был социальный характер работы, ни биологической факт беременности женщины, ни культурный и исторический факт ухода женщиной за детьми не учитывается при определении норм рабочего времени. Это означает, что женщина в сфере оплачиваемого труда все еще вынуждена справляться с таким социальным порядком (например, отсутствие отпуска в связи с беременностью и уходом за ребенком), который был институционализирован в те времена, когда у женщин по закону не было доступа к оплачиваемой сфере труда.

Из рассмотрения вопроса о том, как культурное превращается в естественное, можно уяснить, что все эти андро-центричные технологии выполняют одновременно две вещи. Во-первых, они помещают мужчин и женщин в неравные позиции в социальной структуре — позиции, в которых у мужчин больше возможностей зарабатывать деньги, приобретать профессиональные навыки, отвечающие требованиям рынка; продвигаться по службе и обладать властью. Такое неравное позиционирование сопровождается разным каждодневным социальным опытом у мужчин и женщин, что, в свою очередь, обусловливает разные пути толкования реальности.

Во-вторых, эти андроцентричные социальные технологии затрагивают всех участников социальной жизни — мужчин и

202

женщин, так же как и любых наблюдателей. Дети, например, наблюдают, как выглядит этот социальный мир, на примере кино или телевизионных новостей: они видят, что мужчины являются привилегированным полом, и что мужские перспективы обладают преимуществами. Другими словами, эти технологии сообщают, что мужчины — главные действующие лица в театре

человеческой жизни, вокруг них закручено все действие и их глазами показан мир. Женщинам, наоборот, отданы периферийные, незначительные роли по отношению к центральным фигурам. Говоря словами Симоны де Бовуар, женщины — второй пол, или другой пол.

Подобное андроцентричное послание передается многими институциолизированными социальными практиками. Например, феминистской критике подвергается практика распространенного использования местоимений мужского рода ¯ *он, его* и *мужчина,* вместо местоимений женского рода — *она, ее* и *женщина.* Со своей стороны, ученые мужи антифеминистского толка (играя под Фрейда) снисходительно заявляют, что протесты феминисток против подобной лингвистической условности не следует рассматривать как случай «зависти к местоимению»; это не что иное, как утонченная критика социальной традиции, согласно которой, женщина ничем не примечательна, а мужчина рассматривается как стандарт и опора для всего рода человеческого[13]. Другой лингвистический пример — практика, согласно которой, женщина, выйдя замуж, берет имя своего мужа и титул *Миссис* (Mrs — *англ.)* — Миссис Джон Смит. Не говоря о том, что подобная практика андроцентрична по форме, согласно ей, дается фамилия отца детям. А также очень большое значение придается тому, чтобы у родителей был, по крайней мере, один ребенок мужского пола, потому что только мальчик может продолжить то, что известно под благозвучным именем *родовой фамилии.*

Так же, как андроцентризм за пределами семьи, андро-центризм внутрисемейный простирается за пределы лингвистических условностей. В соответствии с андроцентрич-ным восприятием женщины в границах ее бытовой и репродуктивной функций, даже от работающей женщины ожидается, что она должна оказывать такую поддержку своему мужу, в которой он нуждается как лицо, зарабатывающее деньги. В соответствии с андроцентричным восприятием женщины в границах ее способности стимулировать и удовлетворять мужской сексуальный аппетит, от жены также ожидается, что она будет вступать в сексуальную бли-

зость по первому требованию мужа — вот почему понятие изнасилования в браке часто рассматривается как оксюморон* (нелепость).

Этот отказ признать реальность изнасилования в браке является не единственным примером того, как андроцентричное наделение мужчины привилегиями не оставляет женщинам законного права обращения в суд, когда мужья их насилуют. Еще один пример — это давнишняя политика системы криминального правосудия, которая отказывается видеть преступление в случае избиения жен своими мужьями.

В некоторых культурах андроцентризм организует социальные традиции таким образом, что происходит посягательство на детей, точно так же как на взрослых. Например, при ограниченных природных ресурсах убивалось гораздо большее количество новорожденных девочек, чем новорожденных мальчиков. Гораздо большее количество девочек школьного возраста, по сравнению с мальчиками, не получали достаточного образования, чтобы стать грамотными людьми. Наоборот, в современной Америке, где существует обязательное образование и антидискриминационные законы, где санкционировано фактически одинаковое образование для девочек и мальчиков, андроцентризм покушается на большинство детей более тонкими способами. Так, школа с большей серьезностью относится к трудностям чтения у мальчиков, чем к трудностям освоения компьютеров и математики — у девочек. Культура в целом более сурова к изнеженным маменькиным сынкам, чем к девчонкам-сорванцам. Это различное отношение к мальчикам-неженкам и девочкам-сорванцам ярко освещает чрезвычайно важную взаимосвязь между андроцентризмом и тендерной поляризацией, на которой мы остановимся позже.

Даже в конце XX века тендерная поляризация в Америке каждодневно формирует жизнь детей с момента прикрепления розовой или голубой бирки к плетеной кроватке новорожденного, чтобы обозначить пол ребенка, как это делается почти в каждой американской больнице. (К лысой головке моей дочери также был прикреплен ленточками розовый бантик). Тендерная поляризация продолжается дома: родители одевают детей в розовую или голубую одежду, делают им прически (как можно раньше) — длинные волосы у девочек и

* Окси(ю)морон — стилистический оборот, в котором сочетаются семантически констрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство. — *Прим. ред.*

короткие у мальчиков; украшают их спальни фотографиями балерин или футболистов и говорят им вполне определенно, что нельзя носить *это* или играть в *эти* игрушки, потому что это «только для мальчиков» или «только для девочек».

Игры и одежда — не единственное, что считается неподходящим для того или иного пола; очень многие естественные человеческие порывы встречают аналогичное отношение. Например, считается неженственным стремление к автономии и власти, а чувства уязвимости, зависимости и привязанность к представителям своего пола считаются неуместными для мужчин.
И снова все эти гендерно-поляризующие социальные традиции одновременно выполняют две вещи. Во-первых, они программируют разный социальный опыт для мужчин и женщин, а во-вторых, они сообщают мужчинам и женщинам, что различия между ними чрезвычайно важны; то, что они такие непохожие, связано — и так и должно быть — фактически с каждым аспектом человеческого опыта.
Дети получают эту гендерно-поляризующую информацию как из реальной жизни, поделенной на маскулинную и фемининную, так и посредством более тонких нюансов родного языка. Вдумаемся, какая информация передается трехлетнему ребенку, когда взрослый исправляет его высказывание о дедушке — «она ест яблоко»; или когда четырехлетний малыш учит песенку, в которой «тонкие пальчики — женщины, а большие пальцы — мужчины» (the thingers are ladies and the thumbs are men); или когда в пять лет учат отслеживать дни календаря — бумажные фигурки мальчиков накалываются на стенку в нечетные дни, а фигурки девочек — в четные дни. Если не углубляться, подобные уроки родной речи могут иметь отношение к усвоению грамматики, названию частей тела и изучению календаря. Но, однако, на метауровне дети обучаются смотреть на социальную реальность через гендерно-поляризующую линзу.
Тендерная поляризация не заканчивается с завершением детства. В зрелости она проявляется, по крайней мере, с такой же силой в отношении тела; точно также велико значение тендерной поляризации в отношении эротических желаний и сексуальной экспрессии. Мужчины и женщины могут быть одинаковыми только в одном: от них требуется соответствовать культурному предписанию быть исключительно гетеросексуальными.
Данное предписание быть гетеросексуальными институ-циализировано во множестве социальных сторон жизни, где
205
гетеросексуальной ориентации отдается предпочтение, а гомосексуальность маргинализируется. Примеров немало: (1) признание однополой сексуальной активности противозаконной встретила одобрение Верховного Суда в недавнем деле *Боуэрс против Хардвик* в 1986 г.; (2) отказ в праве вступать в законный брак мужским и женским гомосексуальным парам лишает их преимуществ, которыми пользуются супружеские гетеросексуальные пары, в том числе: доплаты к заработной плате при покупке личного дома; права наследования в случае смерти наследников; законное право участвовать в принятии решений медицинского характера за своего брачного партнера, в случае его недееспособности вследствие болезни или несчастного случая; (3) гомосексуалистам и лесбиянкам чинят препятствия при зачислении в вооруженные силы; (4) многие церкви отказывают принимать в свою паству не скрывающих свою гомосексуальность мужчин и женщин; (5) почти вся социальная жизнь подростков рассчитана на гетеросексуальные пары, со свиданиями и танцами в старших классах школы и загородными пикниками: существование отношений между юношами-гомосексуалистами и девушками-лесбиянками едва ли не отрицается; (6) сходным образом, гомосексуалисты и лесбиянки являются едва ли не фигурой умолчания в составлении сетки вещания и рекламных объявлений в средствах массовой информации. Цензура в отношении однополой сексуальности в средствах массовой информации некоторым образом претерпела изменения в связи с эпидемией СПИДа. Однако, программы новостей и даже редкие эпизоды в комедийных шоу, цель которых — информировать о путях распространения вируса иммунодефицита человека, не бросают вызов социальным предписаниям о преимуществах гетеросексуальное™. Более ощутимого результата, несомненно, мог бы добиться один-единственный рекламный ролик о зубной пасте, где главными героями были бы представители однополой романтической пары.
Кроме передачи сообщения о том, что различия между мужчинами и женщинами нельзя игнорировать ни в одной области общественной жизни, гендерно-поляризующие социальные практики также передают и вывод из этого мета-послания: существует другое существенное различие, а именно: между *реальными* мужчиной и женщиной и *биологическими* мужчиной и женщиной. Этот вывод впервые появляется, когда родители учат самых маленьких детей различить мужчин и женщин.
206
В критическом разборе когнитивной теории развития Кольберга в главе 4, я обратила внимание на

следующее: хотя дети трехлетнего возраста способны понять, что есть такие биологические атрибуты, как гениталии, и по ним судят, мужчина это или женщина, тем не менее, 50% американских детей от трех до пяти лет способны отличать мужчину от женщины, только когда эти мужчины и женщины одеты и причесаны строго по правилам тендерной поляризации.

С позиции приобщения к культуре, такое количество американских детей обращают большее внимание на прическу и одежду, а не на гениталии по той причине, что они усвоили скрытый — пусть даже в чем-то ошибочный — культурный мета-посыл о том, что такое пол. Американцы обычно одевают мальчиков и девочек, не достигших подросткового возраста, по-разному, и прически выбирают для них тоже разные. Тем самым они поляризуют их физическую наружность — ровно настолько, чтобы их пол был очевиден даже тогда, когда их гениталии скрыты от посторонних взоров. Более того, в супермаркетах, на игровых площадках и в любом другом общественном месте родители с готовностью сообщают своим детям о том, кто находится в поле их зрения — мужчины или женщины, даже если у них нет специфической информации о гениталиях. Поступая таким образом, взрослые не только сами полагаются на бросающиеся в глаза культурные «намеки», но при этом также невольно учат детей скорее социальному или культурному определению пола, чем биологическому.

В моем понимании, последствия научения социальному определению пола длятся дольше того момента, как ребенок узнает о специфическом значении гениталий как дифференцирующего признака мужчин и женщин. Социальное определение не только «тренирует» шаблон поведения ребенка, культурно соответствующий сообщению о его (ее) поле. Социальное определние пола также исподволь внушает ребенку никогда не оставляющее его чувство, что быть мужчиной или женщиной — значит то, над чем надо работать, добиваться, прорабатывать, совершенствовать, быть уверенным, что не потеряешь, а не иметь соответствующие биологические признаки.

Если постоянный нажим обстоятельств и жизненных требований взаимоисключающих культурных сценириев (мужских и женских. — *Прим. пер.)* не подпитывает росток этой идеи, возможно, он завянет и умрет, как только ребенок

узнает правду о гениталиях. Но поскольку культурные сценарии все-таки подпитывают этот росток, он прорастает и дает плоды глубокой внутренней незащищенности. А это, в свою очередь, побуждает многих взрослых людей пытаться усиливать ощущение: «я — настоящий мужчина» или «я — настоящая женщина» при помощи выбора того или иного стиля поведения в повседневной жизни.

Чувство внутренней незащищенности серьезно обостряется в гендерно-поляризующем обществе вследствие присущего такому обществу требования: люди должны подавлять, по крайней мере, некоторые свои наиболее естественные человеческие порывы. Поляризация человеческих порывов усиливает внутреннее чувство тендерной незащищенности (как понимал и сам Фрейд), потому что, независимо от того, насколько хорошо развит у человека самоконтроль, эти не соответствующие тендерным ожиданиям порывы и импульсы приводят к конфликту и противоречивым тенденциям в психике человека. Кроме того, они представляют собой беспрерывную внутреннюю угрозу мужскому или женскому «я», над формированием и сохранением которых люди так усердно работают.

В принципе, родители могут передавать детям очень разные метасообщения не только о том, что такое пол, но и о том, когда пол имеет значение. Они могут дать понять, что пол — это четкое биологическое понятие, которое имеет значение только в сфере репродукции. Вместе с тем, данное утверждение полностью противоположно традиционному культурному метапосланию о том, что пол имеет как раз очень большое значение в фактически любой сфере человеческой деятельности. В своей собственной семье я старалась передать своим детям как можно раньше, что «быть мальчиком — это значит иметь пенис и яички; быть девочкой — значит иметь вагину, клитор и матку; мальчик ты или девочка, мужчина или женщина, эти вещи не имеют значения до тех пор, пока ты не захочешь родить ребенка».

И равноправие, вытекающее из четкого биологического определения пола, и несвобода как следствие отсутствия подобного определения, хорошо видны на примере того, с чем столкнулся мой сын Джереми, когда наивно решил носить заколку — пряжку для волос в детском саду. В тот же день другой мальчик сказал, что Джереми, должно быть, девочка, потому что «только девчонки носят такие заколки». После долгих и упорных объяснений насчет того, что «заколка ничего не значит; у мальчика должен быть пенис и яички», Джереми, в

результате, сдернул свои штаны для большей убедительности. Но это не произвело на того мальчика должного впечатления. Он просто сказал: «Пенис есть у каждого, а заколки носят только девчонки»[14].

Несмотря на то, что гендерно-поляризующие представления о настоящем мужчине и настоящей женщине дают ощущения обоим, что их особенности как мужчин и женщин — не просто данность, а нечто, что они должны постоянно создавать и реконструировать, в контексте андроцен-тричной культуры именно мужчин вынудили серьезно тревожиться по поводу соответствия тендерному поведению. Андроцентризм обостряет неуверенность мужчин относительно того, являются ли они настоящими мужчинами, по крайней мере, двумя различными способами. Андроцентризм основательно обесценивает любые мысли, чувства и поступки, которые в культуре определены как женские, а подобное нарушение тендерных границ имеет для мужчин более негативное культурное значение, чем для женщин. Это, в свою очередь, означает, что мужчины, нарушающие тендерные границы, в большей степени культурно опозорены, чем женщины, поступающие аналогичным образом. В то же самое время андроцентризм предоставляет настолько недостижимый образ того, что подразумевается под «настоящим мужчиной», что только очень немногие мужчины когда-нибудь смогут ему соответствовать.

В детстве культурная асимметрия между нарушителями тендерных границ мужского пола и нарушительницами тендерных границ женского пола видна в беспощадном отношении к маменькиным сынкам и, наоборот, в благодушно-халатном отношении к девчонкам-сорванцам, иногда переходящем даже в нескрываемое восхищение. Асимметрию можно наблюдать и в стандартах детской одежды, и в правилах детских игр. Хотя современная девочка может носить фактически любой предмет одежды и играть фактически со всеми игрушками, и ее социальное сообщество при этом и бровью не поведет, стоит мальчику захотеть хотя бы раз примерить костюм принцессы в костюмированном уголке своего детского сада, его родители и воспитатели незамедлительно запланируют совещание, на котором обсудят адекватность его тендерной идентичности. Хотя термины *неженка* и *сорванец* не применяются в отношении к взрослым, выходящим за пределы положенных тендерных границ, в мире взрослых эта асимметрия между мужчинами-нарушителями и женщинами-нарушителями столь же сильная. Поэтому женщина может носить

209

практически любые предметы мужской одежды — включая жокейское нижнее белье — и быть при этом социально принятой; но мужчина до сих пор не может носить большинство предметов женской одежды без того, чтобы его не заклеймили позором[15].

Жесткое подавление эмоциональных порывов у мужчин, воспринимаемых культурой как почти женские (лично я не вижу ничего неестественного в том, чтобы мужчине хотелось украсить себя чем-нибудь ярким и нежно-шелковистым), создает для многих мужчин необычайные трудности, связанные с признанием у себя желаний, содержащих хоть малейший намек на женственность. В пластах их психики содержатся подавленные импульсы такого рода, которые не облегчают положение, а приводят в действие постоянную внутреннюю угрозу безопасности их тендерной идентичности. Теоретически женщины тоже подвержены такого рода внутренней угрозе, но андроцентризм в современной американской культуре позволяет женщинам достаточно свободно выражать многие импульсы и порывы, воспринимаемые культурой как маскулинные (в том числе и стремление к политическому лидерству и атлетизму). Возможно, поэтому в женской психике не так много подавленных маскулинных импульсов, как в мужской психике — подавленных фемининных.

Помимо асимметрии в приемлемости выхода мужчин и женщин за границы гендера, андроцентризм предусматривает определенное восприятие «настоящего» мужчины. Этот настоящий мужчина настолько основательно снабжен влиянием и преимуществами, что это неизбежно создает повышенный риск для тех миллионов мужчин, у которых нет такого уровня власти и привилегий — риск ощущать себя не то чтобы недостаточно влиятельным и первым, но также недостаточно маскулинными. Риск ощущать себя немаскулинным, лишенным силы — или бесполым существом среднего рода — особенно нарастает, когда мужчина вынужден считаться с женщиной более влиятельной или имеющей больше привилегий (или даже более умной), чем он сам.

Распространенная угроза чувству маскулинности у мужчин могла бы «замахнуться» на сами основы андроцентрич-ного общества, если бы не две компенсирующие социальные традиции, дающие возможность даже упомянутым миллионам мужчин без власти и привилегий чувствовать

себя, по крайней мере, до некоторой степени настоящими мужчинами. Во-первых, исторически сложившееся недопущение жен-
210
щин до публичной власти, развитие религиозной и научной системы доказательств естественного права мужчин главенствовать над женщинами дают возможность бесправным мужчинам утверждаться, по крайней мере, в том, что у них есть мужское *право* на власть и привилегии. Во-вторых, культурная маргинализация гомосексуалистов дает возможность мужчинам, не имеющим власти и привилегий, утверждаться в статусе настоящих мужчин, не только воспринимая себя в контексте своих естественных отличий от всех женщин, но также в контексте их естественных отличий от тех мужчин, которые, без всякого сомнения, к «настоящими мужчинам» не относятся.

Ничто из сказанного не указывает на то, что андроцен-тризм предусматривает образ «настоящей» женщины, который с легкостью применили бы к себе все женщины. В культуре, которая андроцентрично воспринимает женщин в границах их бытовой и репродуктивной функций, женщины, не способные иметь детей, почти неизбежно чувствуют, что они не «настоящие» женщины. Более того, экстраординарное акцентирование культуры на том, что настоящая женщина сексуально привлекательна для мужчины, вынуждает огромное количество женщин старше сорока лет (или, быть может, даже старше тридцати лет) беспокоиться о том, что их статус настоящей женщины исчезнет безнадежно и навсегда. Это также заставляет женщин любого возраста идти на чрезмерные траты времени, энергии и денег в погоне за красотой.

Конструирование своего «Я»

Андроцентричные и гендерно-поляризующие социальные традиции так четко очерчивают границы ролей мужчин и женщин, что оставляют мало возможностей индивидуального выбора в вопросе: каким(ой) же надо быть, чтобы чувствовать себя мужчиной или женщиной (если вообще такая возможность имеется). Внутренне усвоенные личностью линзы андроцентризма и тендерной поляризации выполняют точно такую же функцию в создании тендерной структуры индивида, которая отведена всем внутренне усвоенным линзам культуры в производстве естественного из культурного. То есть, линзы подготавливают заранее предопределенные социальные стратегии жизнедеятельности и поведения, которые кажутся настолько нормальными и естествен-
211
ными, что какие-то иные жизненные направления даже не приходят в голову.

Однако, Соединенные Штаты, будучи страной мобильного общества, предоставляет почти бесконечное разнообразие выборов для индивидуума, но при этом бесхитростно сообщает ему, что его адекватность как мужчины или женщины зависит от выбора ограниченного подмножества из имеющегося разнообразия. Тут интернализованные линзы андроцентризма и тендерной поляризации настолько строго направляют выбор индивидуумом альтернатив, что «я»-конструкция кажется принадлежащей в равной степени и индивидууму, и культуре. Подобным образом сконструированное «я» вмещает в себя личность и тело, созданные тендером **(gendered personality and gendered body),** андроцентричную гетеросексуальность и отвращение к гомосексуальности.

Личность, созданная гендером

Я неоднократно говорила, что воспроизводству мужской власти в обществе способствует и принимает в этом процессе участие культурная трансформация женского и мужского в маскулинное и фемининное. Другими словами, я утверждала, что живучесть института власти мужчин зависит от формирования мужчин и женщин, чьи личности, созданные гендером, отображают разные и неравные роли, отведенные им в структуре общества. Может показаться, что личность, созданная гендером — это статичный набор маскулинных и фемининных черт, сформированных в процессе приобщения к культуре, то есть это, как говорится, скорее, конечный *продукт,* чем психологический *процесс.* Однако личность, созданная гендером — это одновременно и продукт, и процесс. Это и индивидуальный набор маскулинных или фемининных черт, и способ создания реальности, который сам по себе создает эти черты.

Набор маскулинных или фемининных черт, образующий подобную личность, долгое время рассматривался в значении двух важных, если не дополняющих друг друга, способов человеческого функционирования. Разные теоретики давали этим моделям разные названия. Согласно Толкотту Парсонсу (Parsons, Bales 1955), маскулинность ассоциируется с «инструментальной» ориентацией, опорой на познавательные процессы в выборе работы или решении проблем; в то время как фемининность ассоциируется с «экспрессивной» ориентацией, эмоциональной заботой о благополучии других и о гармо-

яичных отношениях в группе. Дэвид Бакан (Bakan 1966) высказал сходное мнение: маскулинность ассоциируется с ориентацией «быть агентом действий» (agentic orientation), заботой лично о себе, а фемининность связана с «коллективной» ориентацией и озабоченностью отношениями между собой и другими. Наконец, Эрик Эриксон различал «внутреннее и внешнее» пространство как анатомический аналог сходного психологического отличия маскулинной «любви к тому, "что работает", и к тому, что мужчина может делать, и не имеет значения, помогает ли это строить или разрушать», от более этичной фемининной приверженности к «возможностям в делах сохранения мира и спокойствия ... и приверженности лечению» (1968, р. 262).

В конце 1960-х и начале 1970-х годов многие феминистские сторонники андрогинии по существу утверждали: хотя инструментальные и лидерские черты традиционно воспринимаются как мужские, а экспрессивность и коллективность — как женские, подобная тендерная поляризация катастрофически и безо всякой нужды ограничивала человеческие возможности, оставляя каждой личности право лишь на половину полного личностного потенциала в рамках культурного определения тендерного соответствия. Эти ограничения могли бы не иметь значения, говорили сторонники андрогинии, если бы ставкой в игре был бы набор тривиальных возможностей — вроде ношения брюк или пользования губной помадой; но поскольку каждый лишался чрезвычайно важного аспекта отношений с миром, констатация данных ограничений весьма печальна и никому не нужна. Более того, эта тема заслуживает того, чтобы быть одной из центральных в феминистской революции.

Впрочем, ко времени достижения зрелости не только культура вполовину ограничивает потенциал личности. Причина заключается в собственной личностной готовности человека воспринимать себя через андроцентричные и гендерно-поля-ризующие линзы. Они были внутренне усвоены личностью из культуры, в результате чего каждая возможность, совпадаю-Щия с ракурсом линз, рассматривается как нормальная и естественная для собственного «я», а каждая возможность, не согласующаяся с этим ракурсом, рассматривается как чуждая и проблематичная для собственного «я». Иначе говоря, люди ограничены своей культурно обусловленной готовностью постоянно спрашивать себя: «Совпадает ли этот образ жизни или способ поведения с моим культурным представлением о Настоящем мужчине или настоящей женщине?». Ответ не

заставляет себя ждать: «Если не совпадает, я сразу от этого отказываюсь. А если совпадает, я этим когда-нибудь воспользуюсь».

Впрочем, нельзя сказать, что человек, внутренне приобщившийся к культуре, постоянно задается подобными вопросами и постоянно (или иногда) осознает их. Чаще все выглядит так, как если бы культура настроила антенну индивидуумов на волну андроцентричной и гендерно-поляри-зующей радиостанции, так что они автоматически принимают всю информацию, передаваемую станцией. Когда подстройка заканчивается, интернализованные личностью линзы андро-центризма и тендерной поляризации не только придают форму мыслям индивидов о самих себе, но и тому, что они чувствуют. Иначе говоря, самые глубинные мысли и чувства о том, что чуждо его «я», а что родственно, сформированы внутренне усвоенными (интернализированными — в терминах Л.С.Выготского. — *Прим. ред.)* культурными определениями того, какими должны быть мужчина и женщина.

Итак, тендерная личность, как и тендерная культура, обладает готовностью подвергать процедуре классификаци на основе тендера каждую разнородную совокупность человеческих возможностей. Таким образом, тендерная личность — это нечто большее, чем индивидуальная совокупность маскулинных или фемининных черт; это одновременно и способ воспринимать реальность, которая снова и снова создает и воспроизводит эти черты на протяжении всего цикла существования «я»—конструкции. Подобное представление о тендерной личности — как о процессе и продукте одновременно — согласуется с давней традицией в психологии личности, согласно которой каждая личность конструирует его или ее собственную уникальную реальность, привнося свой особенный стиль социального взаимодействия во все ситуации. Налицо и аналогия с давнишней традицией в когнитивной психологии, рассматривающей человеческое восприятие как творческий, конструктивный процесс, предполагающий определенную избирательность, организацию информации и интерпретацию со стороны воспринимающего[16].

В главе 4 я представила свое эмпирическое исследование тендерных линз как концептуальный вызов теоретической традиции тендерной поляризации в психологии. Однако исследование также включает в себя эмпирическую проверку вышеупомянутого психологического утверждения о том,

что личность, созданная тендером — это одновременно и процесс,
214
и продукт. А именно, исследование подвергает проверке теорию о том, что традиционно тендерные женщины и мужчины наполовину *ограничивают свой потенциал* именно потому, что неосознанно воспринимают социальную реальность через призму тендерной классификации.

Общая стратегия поиска сначала предполагала выявление традиционно тендерных личностей — тех людей, которые в результате самооценки по шкалам маскулинности и феми-нинности опросника Bern Sex Role Inventory (BSRI) демонстрировали такие черты, которые совпадают с высоко поляризованными представлениями о тендерном соответствии в американской культуре. Затем следовало выяснить, на самом ли деле эмпирически полученные прототипы маскулинности и фемининности в значительно большей степени, чем что-либо другое, формируют информацию на основе тендера. Если это так, то есть основания утверждать, что тендерная личность является и процессом, и продуктом. Кроме того, тогда есть основания для утверждения, что сам процесс может частично определять продукт. (Так как упомянутые исследования по времени предшествовали моим рассуждениям об андроцентризме, они касаются только линзы тендерной поляризации).

В одном из исследований испытуемым предъявляли список из шестидесяти одного слова, а затем, убрав его, просили назвать в любом порядке как можно большее количество слов, сохранившихся в памяти. В списке были приведены в случайном порядке названия животных, отдельные глаголы, детали одежды и имена людей. Имена были наполовину мужские, а наполовину женские. Треть слов из каждой категории подразумевала маскулинный подтекст (маскулинную коннотацию) *(орангутанг, метать, брюки),* другая треть подразумевала фемининный подтекст *(бабочка, смущаться, бикини),* а последняя треть вообще не подразумевала тендерного подтекста *(муравей, шагать, свитер).* Исследования в области когнитивной психологии показали, что если человек хранит в памяти несколько слов, организованных в какую — нибудь схему или ассоциативную цепочку, воспоминание одного слова из этой схемы повышает вероятность воспоминания другого слова. Соответственно, в последовательности воспроизведения слов по памяти отразятся серии или наборы слов, связавшихся между собой в памяти в вышеупомянутые схемы: например, после названия животного на память, вероятно, придет название другого животного. В данном исследовании испытуемые могли группировать слова или по
215
смысловому сходству (животные, глаголы, одежда, имена), или в соответствии с тендером.

Результаты показали следующее. Традиционно тендерные испытуемые группировали статистически значимо большее количество слов в соответствии с тендером, в отличие от остальных испытуемых. Например, если традиционно тендерный субъект вспоминал такое «фемининное животное» (из категории «животные». — *Прим. пер.),* как «бабочка», то за ним с наибольшей вероятностью следовало другое «фемининное» слово — «бикини». В то же время субъекты, не показавшие себя традиционно тендерными, с большей вероятностью вслед за «бабочкой» вспоминали название другого «животного». (Надо отметить, что традиционно тендерные субъекты не чаще, чем другие испытуемые, группировали слова в семантические категории; все действовали таким образом.) Однако, как и предсказывала теория, традиционно тендерные личности в большей степени, по сравнению с другими, организовывали информацию в значениях тендера — смотрели на реальность через линзу тендерной поляризации (Bern 1981b).

В нашем с Деборой Фрейбл (Frable 1985) исследовании испытуемые наблюдали групповую дискуссию; по окончании дискуссии их попросили вспомнить, кто из участников что говорил. Целью исследования было выяснить, насколько часто испытуемые — наблюдатели ошибочно приписывали высказывания одних мужчин другим мужчинам, а не женщинам. Точно так же выяснялось, насколько часто высказывания одних женщин ошибочно приписывались другим женщинам, а не мужчинам. Подобные ошибки внутри одного пола означают, что субъект путает людей данного пола друг с другом — то есть, что он или она обращает внимание, классифицирует и вспоминает людей по принципу их пола. Результаты показали, что традиционно тендерные субъекты были особенно подвержены такого рода ошибке, и это снова говорило о том, что их перцептивные и концептуальные миры (их восприятие и понимание. — *Прим. пер.)* организованы вокруг тендера. (Контрольное исследование показало, что традиционно тендерные личности не чаще, чем другие, делали ошибки внутри *расы* (по результатам экспериментов с людьми разной расы. — *Прим. ред.);* то есть, полученный результат относится именно к тендеру).

В третьем исследовании (Bern 1981b) шестьдесят утверждений — характеристик из опросника

BSRI (Bern Sex Role Inventory) проецировались на экран по одному в каждый
216
момент времени, и испытуемых просили оценивать, совпадают ли предъявляемые утверждения с их собственным представлением о себе. Отвечали они нажатием одной из двух кнопок — «я» или «не я». (Фиксировалось время реакции — от момента появления стимула на экране до момента нажатия кнопки. — *Прим. пер.).* Оказалось, что традиционно тендерные субъекты отвечали *быстрее,* чем остальные, в тех случаях, когда подтверждали с помощью кнопки «я» гендерно — приемлемые характеристики или отвергали с помощью кнопки «не я» гендерно неприемлемые характеристики. Эти же традиционно тендерные субъекты отвечали *медленнее* остальных, когда подтверждали гендерно — неприемлемые характеристики или отрицали гендерно — приемлемые. Отсюда следует: у традиционно тендерных личностей есть готовность принимать решение на основе тендера о том, какие признаки согласуются с их «я — концепцией», а какие — не согласуются. Результаты применения опросника BSRI также показывают, что традиционно тендерные личности, характеризуя себя, распределяют соответствующие признаки в равноценные категории, руководствуясь тендером.
Еще один важный вопрос состоит в следующем: верно ли то, что непринужденное, спонтанное использование подобной классификации (классификация признаков на основе тендера. — *Прим. пер.)* вдвое ограничивает человеческий потенциал традиционно тендерных мужчин и женщин, в соответствии с формулировками гендерно-приемлемого в культуре? Для проверки этой гипотезы была проведена вторая серия лабораторных экспериментов, целью которых было выяснение того, будут ли традиционно тендерные личности, выявленные по результатам опросника, в значительно большей степени, чем остальные испытуемые, ограничивать свое поведение в соответствии с формулировками гендерно — приемлемого в культуре.
Первое исследование в этой серии (Bern, Lenney 1976) показало, что традиционно тендерные личности действительно в большей степени, чем остальные, избегают даже таких тривиальных поступков, как смазка скрипящих дверных петель или глажение пеленок, если воспринимают подобные действия как не свойственные своему полу. Более того, оказалось, что если традиционно тендерные личности попадают в ситуации, когда им поневоле приходится все это делать, они чаще, чем остальные, сообщают о своих негативных чувствах по этому поводу.
217
В других исследогвания из той же серии (Bern 1975; Martyna, Watson 1976) подтвеердилось, что данный паттерн избегания поведения, приписываемого противоположному полу, имеет место не только в незначительных обьщенных ситуациях, но и в более основательщой деятельности, в области инструментальной (действия) и в области экспрессивной (общения). Итак, только андроггинные *женщины и мужчины* (имеющие и маскулинные, и фемганинные черты. — *Прим. пер.)* — были непоколебимы в своих позициях, когда находились под давлением группы анонишных участников эксперимента (последние были специально инструктированы давать заведомо противоположные ютветы). Вопреки давлению анонимной группы, андрогинные женщины и мужчины *в равной степени* демонстрировали готовность ухаживать за маленьким ребенком и помогать одингокому сверстнику. И, наоборот, традиционно тендерные жещщины и мужчины выразили свою готовность быть на высоте только в тех областях деятельности и поведения, которые; по определению культуры соответствовали их полу. Другшми словами, традиционно маскулинные мужчины по результатам исследования оказались независимыми, но не заботливыми, а традиционно тендерные женщины — заботливыми,, но не независимыми[17].
Традиционно гевддерные женщины и мужчины в исследовании по данной программе представляют в чистом виде всех, кто является продуктом культуры в американском обществе. Глядя на Н1их, можно, как в окне, увидеть, что происходит в самосознании культуры в целом. Культурное самосознание, в свою очередь, включает не только тендерную поляризацию, но также и андроцентризм. Таким образом, в реальной жизни лшнзы андроцентризма и тендерной поляризации, вместе взятые, формируют восприятие того, что полагается естественным для него самого, для других и для общественного окружения.
В качестве примера того, как у конкретной личности линзы андроцентризма и тендерной поляризации могут влиять на восприятие им других людей, рассмотрим одно из моих любимых исследований в области социальной психологии. Испытуемые разглядывали фотографии мужчин и женщин — аспирантов, сидящих пю обе стороны прямоугольного стола, во главе которого также сидел человек. Испытуемым надо было расположить изображенных на фотографии людей по степени лидерства и влиятельности в группе. В полном согласии с основным предположением

о том, что линзы андроцентризма и тендерной поляризации предрасполагают считать более
218
естественным, когда властью обладает мужчина, а не женщина, испытуемые в данном эксперименте видели в сидящем во главе стола мужчине лидера группы. Но когда на этом же месте сидела женщина, ее не воспринимали как лидера[18].

Для иллюстрации того, каким образом линзы андроцен-тризма и тендерной поляризации, вместе взятые, могут формировать восприятие социального порядка вещей в культуре в целом, обсудим взгляд типичного американца на то, какой процент мужчин должен трудиться во властных и влиятельных структурах в американском обществе. В самом ли деле на сегодняшний день их там слишком много. На определенном этапе истории Америки линзы тендера были способны влиять на полное отстранение женщин от власти (и этот факт вряд ли стоит комментировать). Сегодня линзы допускают участие одной женщины на девять мужчин в Верховном Суде, одной женщины на пятнадцатть мужчин в Палате представителей конгресса США и одной женщины на пятьдесят мужчин в Сенате, и эти соотношения считаются приемлемыми. Линзы, кроме того, способствуют следующему: истинный американец не замечает того факта, что культура искаженно истолковывает продолжающееся мужское господство на уровне своих социальных институтов таким образом, что, по крайней мере, в первом приближении оно выглядит как равенство полов. Линзы андроцентризма и тендерной поляризации не допустили бы подобной ошибки, если бы на уровне этих общественных институтов вместо мужчин главенствовали женщины.

Наконец, рассмотрим пример того, как линзы андроцентризма и тендерной поляризации совместными усилиями могут формировать восприятие таким образом, чтобы человек находил естественные для себя ситуации и способы поведения. Во многих работах достоверно показано: и мужчины, и женщины воспринимают других мужчин и женщин, а также себя, используя одну систему оценок для женщин и другую систему оценок — для мужчин. Точнее, в то время как мужчины представляют себя и других мужчин компетентными и достойными, если не доказано обратное (по крайней мере, это касается белых мужчин), каждая женщина должна сама наглядно доказать, почему именно ее можно считать компетентной или достойной. Это различие — необходимость доказывать — было обнаружено во многих эмпирических исследованиях: женщины недооценивали уровень своей деятельности, а мужчины его переоценивали. Более того, женщины недостаточно хвалили себя и претендовали на недостаточное
219
вознаграждение по результатам своей деятельности, а мужчины перехваливали себя и претендовали на избыточное вознаграждение по результатам своей деятельности[19].

Подобный андроцентричный и гендерно-поляризующий способ самовосприятия предрасполагает женщин отказываться от способа существования или линии поведения, который означает отношение к женщинам как к людям, с чьими потребностями, желаниями, способностями и интересами следует считаться и принимать всерьез. Последнее предполагает многое — в частности, требовать от работодателя достойной оценки своих профессиональных качеств; убеждать опубликовать статью; конкурировать с кем-то; или, при наличии спорной ситуации, настолько серьезно относиться к собственным талантам и интересам, чтобы убедительно доказать, что этот важный проект должен быть поручен вам. Следуя андроцен-тричному и гендерно-поляризующему стилю жизни и линии поведения, женщины также вынуждены подчинять собственные потребности, желания, способности и интересы своим мужьям и детям.

Андроцентричный и гендерно-поляризующий способы самовосприятия не только повышают вероятность для женщин недооценки себя в отношениях с другими, но также и повышают вероятность для мужчин переоценивать себя в аналогичных ситуациях. В частности, у мужчин появляется тенденция отказываться от такого способа существования и линии поведения, при которых они оказываются в подчиненной позиции; это особенно остро проявляется тогда, когда в более влиятельной позиции оказывается женщина. Наряду с этим, под влиянием линз тендера, мужчины выбирают любые стили жизни и линии поведения, предоставляющие возможности занимать более влиятельные или властные позиции.

Опираясь во всестороннем обсуждении на андроцентрич-ные и гендерно-поляризующие линзы как на концептуальную базу, мы увидим, что женщины культурно предрасположены претендовать на менее заметные позиции, чем они заслуживают по справедливости, в то время как мужчины культурно предрасположены претендовать на более заметные позиции, чем они заслуживают по справедливости. Также ясно, что гетеросексуальный брак (только лишь в психологическом аспекте) представляет собой прекрасную «питательную среду» для неравенства, потому что в нем

сосуществуют мужчина, присваивающий привилегии, и женщина, отказывающаяся от них.
220
Но какой силой влияния ни обладали бы тендерные линзы, внутренне усвоенные личностью, и сколь бы ни было велико их значение для «я»-конструкции у тендерных личностей, было бы неправильным думать, что разные и неравные мужские и женские способы бытия и стили поведения формируются только лишь за счет самовосприятия и самооценки. Стили жизнедеятельности женщин и мужчин, столь непохожие, синхронно формируются андроцентричной и гендерно-поля-ризующей культурной социальной традицией, вследствие чего продолжается в течение жизни их непохожее и неравное позиционирование в социальной структуре. Таким образом, в формировании настоящего мужчины и настоящей женщины никогда не участвуют одни только психологические факторы; в этом же направлении всегда действуют структурные или ситуационные влияния.
Тело, созданное гендером (gendered body)
Личность, созданная гендером, не существует как чистый или бестелесный дух. Она физически существует в биологической структуре, то есть в человеческом теле, которое, как и сама личность человека, подвергается процессам андроцен-тричного и гендерно-поляризующего самовосприятия и конструирования себя. Конструирование тендерного тела, почти в такой же степени, как и конструирование личности, показывает, на каких глубоких уровнях андроцентричная и ген-дерно-поляризующие линзы могут формировать чувства человека относительно того, что чуждо его собственному «я», а что — нет. Под телом я подразумеваю не только внешний вид людей, в одежде или без одежды, но также то, как они функционирует физиологически, как они передвигаются в пространстве и даже как они ощущают и выражают свои сексуальные желания.
Рассмотрим для начала, что чувствуют люди в связи с тем, как они предположительно выглядели бы в глазах других, взять хотя бы уровень обнаженного тела, не думая пока о движениях. Восприятие через линзу тендерной поляризации заставляет людей чувствовать себя неуютно по поводу буквально любой особенности своего тела, если таковая спонтанно чаще встречается у представителей другого пола. Женщины с заметно выраженным волосяным покровом на ногах и лице, мужчины маленького роста с недостаточно рельефным торсом воспринимают эти свои особенности как чуждые своему «я» — то есть, это их настолько глубоко задевает, что будто бы эти
221
особенности неправомерно, «незаконно» поселились в их телах. Данное чувство заставляет женщин пользоваться бритвенными станками, депиляториями и обесцвечивающими средствами, а мужчин заниматься бодибилдингом, носить обувь на высокой подошве и прибегать к гормональной коррекции. На тело всячески воздействуют, чтобы оно соответствовало гендерно-поляризующими представлениями людей о себе самих.
Распространенное стремление совершенствовавать биологические половые различия, делая тела даже более «мужскими» или более «женскими» по внешности, чем было отпущено в каждом конкретном случае природой, свидетельствует, насколько велико воздействие гендерно-поляризующей линзы на восприятие и «конструирование» себя. Напрашивается предположение: чувства «нормальных» гендерно-поляризо-ванных личностей в отношении своего тела отличаются от переживаний транссексуалов в отношении их тела только по степени (и направленности).
Тем не менее, эмоции, связанные с телом, никогда не являются следствием влияния единственно линзы тендерной поляризации. Линзы андроцентризма и тендерной поляризации всегда сложным образом взаимосвязаны, и именно поэтому американские мужчины предрасположены ценить и позитивно относиться к своему телу, в то время как американские женщины предрасположены относиться к своему телу амбивалентно, а, значит, и не принимать его. Такая асимметрия между полами вытекает из андроцентричных убеждений: хотя эти убеждения прекрасно дополняют тендерную поляризацию применительно к мужчинам, они до такой степени конфликтуют с тендерной поляризацией *и* биологией применительно к женщинам, что фактически неосуществимое в реальности воплощение женского тела полностью удовлетворяет требованиям обеих линз.
Что касается мужчин, то андроцентричная готовность отдавать приоритет всему мужскому и подчеркивать непохожесть всего женского так превосходно гармонирует с гендерно-поляризующей готовностью акцентировать природные половые различия, что это только усиливает мотивацию мужчин ценить и позитивно воспринимать мужские признаки своего тела. А что касается женщин, то в их случае взаимодействие обеих линз дает парализующий эффект. С

одной стороны, линза тендерной поляризации побуждает женщин акцентировать свои природные половые различия, чтобы совсем не походить на мужчин. С другой стороны, линза андроцентриз-
222
ма побуждает их минимизировать те же свои половые отличия, в том числе и до такой степени, чтобы выглядеть не слишком по-женски.

Эта андроцентричная минимизация женского тела была частью американской культуры, по крайней мере, начиная с 1920-х годов, когда женщины, пытаясь расширить границы женских возможностей, стягивали грудь и носили платья с сильно заниженной талией, чтобы не так отчетливо выступали контуры тела. И хотя минимизация женского тела была без промедления отставлена после Второй мировой войны с наступлением эпохи Мэрилин Монро, моды на материнство и женскую загадочность, она с новой силой возродилась в 1970-х и 1980-х годах, когда идеальная деловая женщина, одевающаяся ради успеха, не только носила на службе бизнес-костюм в мужском стиле; под этим костюмом было так мало подкожного жира, что из женских контуров практически нечего было скрывать.

В 1899 году Торстен Веблен (Thorstein Veblen) рассуждал в работе *Теория праздного класса* о том, что среди богачей женская красота отождествляется с «тонкими и миниатюрными ручками и ножками и стройной талией» (Р. 148), так как подобный облик эффектно демонстрирует способность мужа содержать свою абсолютно не приспособленную к работе жену. Другими словами, и «стянутая грудь» в западной культуре, и «деформированная ступня» в Китае представляют собой «повреждения» женского тела, что должно, по замыслу, выглядеть привлекательным, потому что это — очевидная демонстрация «солидной финансовой репутации» мужа (Р. 149).

Один из аспектов теоретического анализа Веблена особенно актуален в связи с вопросом о том, почему женская красота у сегодняшнего американского среднего класса так тесно связана со стройностью фигуры. Точно так же, как утянутая с помощью корсета грудь или уменьшенные в результате длительной сильной фиксации стопы сдавливали женское тело до биологически патологического размера, современный идеал худощавой женщины вторгается в естественную биологическую тенденцию женского организма — образование жировой ткани (или попросту жира) на каждом этапе развития, от половой зрелости, затем беременности, до менопаузы. Вдобавок к тому, что идея женской худощавости не согласуется с ген-дерно-поляризующим посылом о необходимости для женщины не выглядеть по-мужски, андроцентричное уравнивание женской красоты с худобой также противоречит закономерностям женской биологии[20].
223
В период между 1966 и 1970 гг. более 7,5 тысяч подростков, участвовавших в национальном исследовании, отвечали на вопрос: «Каким (какой) Вам хотелось бы быть — более «плотным» («плотной»), более худым (худой) или Вас устраивает ваша сегодняшняя физическая форма?» (Dornbusch et. al. 1984). Полученные результаты соответствовали моему утверждению о том, что линзы андроцентризма и тендерной поляризации предрасполагают мужчин позитивно относиться к своему телу и в то же время не оставляют женщинам биологически реальных физических форм, которые могли бы удовлетворять их противоречивое представление о том, как должна выглядеть женшина. Юноши в этом исследовании или высказывали все большую удовлетворенность своим телом на каждом следующем возрастном этапе нормального сексуального созревания, или степень их приятия своего тела оставалась на одном и том же уровне. Девушки же высказывали все меньшую удовлетворенность своим телом на каждом следующем возрастном этапе нормального полового созревания. В возрастной группе подростков, достигших самого высокого уровня половой зрелости, бьши обнаружены самые большие различия между полами: более 80% юношей бьши очень довольны своим телом, и более 60% девушек выразили крайнюю степень недовольства.

Линза андроцентризма не только создает у женщин амбивалентное отношение к своему женскому телу; неразрывно связывая ощущение независимого «я» с мужчинами, эта линза также создает у женщин амбивалентное отношение в вопросе независимости женского тела как такового. Хотя женское тело занимает определенную часть физического пространства, само это пространство может представляться по праву принадлежащим мужчинам, и только мужчинам; и в этом пространстве существуют различные нацеленные на независимость потребности и стремления, которые в андро-центричном мире, по определению, имеются только у мужчин. Соответственно, женщины в большей степени склонны так позиционировать себя, чтобы занимать меньше пространства, и не вызывать страх у других, быть восприимчивыми и чувствительными, жить в

согласии с мужчинами, чем быть сильными, уверенными в себе и главенствовать в межличностных отношениях[21]. Женщины также обычно чувствуют себя неуютно в связи с почти любым открытым проявлением физиологической потребности или функции. Поэтому для традиционно андроцентричной и гендерно-по-ляризованной женщины все — от сексуальных побуждений

224

до отрыжки, громкого освобождения от газов, неумеренного поглощения пищи — вызывает такое же ощущение чуждого своему «я», как и выраженный волосяной покров на ногах.

Подобное отрицание женщинами телесных проявлений в различные исторические периоды принимало различные формы. Например, в девятнадцатом веке оно проявлялось, прежде всего, в том, что женщины подавляли свои сексуальные желания. Сегодня же, наоборот, оно проявляется в первую очередь в подавлении аппетита, крайне выраженном при таком заболевании, как анорексия[22].

Однако, не стоит усматривать в сдвиге форм женского самоотречения от секса к еде снижения степени значимости сексуальности для самовосприятия и «я»-конструкции в структуре мужского и женского. Сексуальность продолжает играть исключительную роль, составляя часть американской культуры, потому что линзы андроцентризма и тендерной поляризации продолжают устанавливать, что считать нормальным и естественным, а что — чуждым и проблематичным. Несмотря на то, что подобное влияние этих линз (что следует воспринимать как чуждое своему «я», а что — естественным) имеет многочисленные последствия в сфере сексуальности, я хотела бы обсудить подробнее два из них: формирование андроцентричной гетеросексуальное™, или эротизирование женского неравенства, а также отвращение к гомосексуальности.

Андроцентричная гетеросексуальностъ

В последние годы все большее число американцев, наконец, стали признавать существование повального насилия над женщинами со стороны мужчин, на что феминистки настойчиво обращали внимание общества с тех пор, как Сьюзен Бра-унмиллер опубликовала в 1975 году свою книгу под названием *Против Нашей Воли.* Хотя с позиции традиционного здравого смысла подобное насилие следует расценивать как патологические проявления психики уголовника или слабоумного, из феминистского анализа этого явления в целом и, в частности, из анализа на уровне факторов культуры в вышеупомянутой книге логически вытекает, что все эти формы грубого и жестокого обращения с женщинами — включая сексуальное насилие и избиение — не что иное, как крайнее проявление мужского господства и отношения к женщине как к вещи. Подобное отношение рассматривается как нормальное и

225

естественное в контексте житейского понимания гетеросексуальное™. Иными словами, обыденное переживание сексуального влечения само по себе до такой степени сформировано по образцу андроцентричного и гендерно-поляризующего представления о том, что мужское господство нормально и естественно (а что-либо другое, кроме мужского господства, неестественно и проблематично). Грубое и жестокое обращение с женщиной в сексуальных отношениях является вовсе не единичным случаем, когда отдельный мужчина вымещает свои психологические проблемы на отдельной женщине. Скорее, мы имеем дело с неизбежным культурным побочным продуктом андроцентричной гетеросексуальности, эротизиру-щей неравенство полов.

Эта эротизация неравенства полов обнаруживается в том, что большинство американцев считают абсолютно нормальной и естественной гетеросексуальностью. Во-первых, несмотря на то, что ни женщины, ни мужчины в американском обществе не склонны приветствовать гетеросексуальные отношения, где женщина крупнее, выше ростом, сильнее, старше, умнее, выше по социальному положению, более искушенная, более образованная, более талантливая, более самоуверенная или более высокооплачиваемая; они склонны одобрять гетеросексуальные отношения, где мужчина крупнее, выше ростом, сильнее женщины, и т.д.

Во-вторых, и женщины, и мужчины считают нормальным и естественным, когда мужчина играет в сексуальном взаимодействии более доминирующую или напористую роль, а роль женщины более уступчивая и компромиссная. Если же уверенность постоянно проявляет женщина, а податливость — мужчина, то это рассматривается как мужское бессилие и утрата женственности. Таким образом, предполагается, что в сфере нормальной, обыденной гетеросексуальной чувственности мужчина должен превосходить женщину в широком спектре черт, имеющих отношение к статусу, он должен играть лидирующую роль практически в каждом аспекте гетеросексуального

взаимодействия — от приглашения на свидание, выбора развлечений и платы за угощение до режиссирования сексуальным сближением.

И наконец, как мужчины, так и женщины рассматривают женщину в целом и женское тело — в частности, скорее, как объект мужского сексуального влечения, чем как испытывающий сексуальное желание субъект (или активный фактор). Подобная объективизация, проявляющаяся в необычайно сильном подчеркивании женской привлекательности в

226

американской культуре, наряду с почти беспрерывной демонстрацией обнаженного или полуобнаженного женского тела в искусстве, рекламе и средствах массовой информации является по сути эротизацией неравенства полов и лишь противодействует воспеванию женской сексуальности, потому что подразумевает мужскую позицию в восприятии сексуальности женщины. Женщины воспринимаются с позиции андроцентризма, и при этом сами они склонны воспринимать себя подобным образом, а именно не в контексте своих собственных сексуальных желаний, но в границах своей способности стимулировать и удовлетворять сексуальные желания мужчин.

Не беда, что в американской культуре нет похожей традиции демонстрировать обнаженное или полуобнаженное мужское тело. Эта культура настолько основательно утвердила женщин и женскую наготу как объекты сексуального влечения мужчин, что, когда американцы видят изображение обнаженного или полуобнаженного мужского тела, они сразу же реагируют вполне определенно: это объект желания не гетеросексуальной женщины, а мужчины-гомосексуалиста. Подобное восприятие, в свою очередь, до такой степени усиливает их отвращение к гомосексуальности, что все завершается признанием демонстрации обнаженного мужского тела как истинной порнографии.

Как видно из вышесказанного, мужское господство и «овеществление» женщины настолько тщательно встроены даже в эти три «нормальных» и, по идее, вознаграждающихся аспекта гетеросексуального желания, что из этого следует: изнасилования во время свидания — достаточно частое явление, и не случайно. В конце концов, когда мужчина воспринимает реальность через линзы андроцентризма и тендерной поляризации, он считает нормальным и естественным добиваться секса, даже если женщина немного сопротивляется. При этом женщина считает невозможным и проблематичным для себя утвердить свое нежелание секса настолько мощно и убедительно, чтобы у мужчины не было иного выхода как остановиться, когда он собирается применить или уже использует силу. Впрочем, теперь напористое сексуальное поведение стало преимущественно нормой для мужчин, а нормой женского сексуального поведения стало сопротивление мужскому напору; причем, она не должна устраивать сцен или вести себя невежливо. В свете этого, многие мужчины, совершающие сексуальное насилие во время свидания, вовсе не считают совершенный ими половой акт изнасилованием[23].

227

Распространенность изнасилования на свиданиях не удивляет, учитывая, сколько мужчин и женщин носят тендерные линзы. Тогда не должно быть удивительным и то, как много мужчин находят насилие против женщин таким сексуально возбуждающим и до такой степени утверждающим их маскулинность (или то и другое одновременно), что они сами обращаются с женщинами грубо или наблюдают за другими в жестоких сценах порнографической продукции.

Отвращение к гомосексуальности

Следующая тема для рассмотрения — два взаимосвязанных феномена: почему американцы в большинстве своем склонны считать гомосексуальное влечение отвратительным и почему эта неприязнь к гомосексуальности, видимо, более распространена среди мужчин, чем среди женщин[24]. Мои собственные размышления об этом явлении фрагментарно разбросаны в этой и предыдущей главах. Поэтому позвольте собрать вместе все детали анализа, относящиеся к восприятию реальности сквозь андроцентричные и гендерно-поля-ризующие линзы.

На протяжении почти всего XX века, в основном, в психиатрии и культуре, гомосексуальность и гетеросексуаль-ность характеризовались как взаимно исключающие сексуальные ориентации; гетеросексуальность определялась как обязательное условие психологической нормальности, а гомосексуальность — как доказательство наличия психопатологии. До XX века гомосексуальность истолковывалась преимущественно в смысле полового акта, не направленного на продолжение рода, а не в контексте постоянной, неизменной индивидуальной особенности. Это отнюдь не значило, что общество, заботящееся о потомстве, сердечно приветствовало гомосексуализм, однако эта тема никогда не была главной для самовосприятия мужчины или

женщины.
Однако, в наше время гомосексуальность рассматривается как центральный фактор самоопределения мужчины или женщины. Гендерно-поляризованная личность предрасположена полное соответствие культурным тендерным сценариям считать нормальным и естественным, а все отклонения от культурных тендерных сценариев склонна считать чуждыми и сомнительными. В частности, гендерно-поляризованная личность склонна считать гомосексуальные девиации особенно сомнительными, независимо от того, о ком идет речь — о себе или о других. Беспокойство по поводу гомосексуальности
228
обостряется под влиянием гендерно-поляризующего понятия «настоящий мужчина» и «настоящая женщина», в противоположность понятию «биологический мужчина» и «биологическая женщина». Идея о настоящих женщинах и мужчинах вынуждает мужчин и женщин чувствовать себя так, словно они находятся в разреженной атмосфере, требующей особой осторожности из-за опасности риска выглядеть ненастоящими мужчинами и женщинами.
Взаимодействие этих различных граней тендерной поляризации в психике индивидуума приводит в результате к тому, что гомосексуальность приобретает характер основной угрозы статусу мужчины или женщины. Более конкретно, гендерно-поляризующие представления о настоящем мужчине и настоящей женщине взаимодействуют с гендерно-поляризую-щим толкованием гомосексуальности как неизменной индивидуальной патологии. В результате, даже единичный гомосексуальный импульс превращается в необратимую угрозу нормальности. Не удивительно, что гендерно-поляризован-ные мужчины и женщины склонны подавлять в себе любые импульсы, напоминающие о гомосексуальности и относиться к любым подобным импульсам, наблюдаемым у других, как к отвратительно неестественным.
Неприязнь к гомосексуальности захватывает мужчин в большей степени, чем женщин. В общем, женская сексуальность в андроцентричном обществе определяется с мужских позиций, поэтому лесбиянство само по себе оказывается практически невидимым явлением. Кроме того, культурное представление о «настоящем» мужчине заставляет мужчин чувствовать себя более небезопасно (по сравнению с женщинами). Они стараются соответствовать своему полу, поскольку данное культурное представление возлагает на мужчин нереалистичные требования: не только подавлять в себе любой человеческий импульс, содержащий хотя бы малейший намек на женственность, но также достичь такого влияния и власти в своем сообществе, которые обеспечат ему значительные отличия от женщин и других — «ненастоящих» мужчин.
Более высокий уровень тендерной небезопасности (gender insecurity) (сомнений в своем тендерном соответствии. — *Прим. ред.)* у мужчин способствует тому, что им приходится утверждать свою мужественность с гораздо большими эмоциональными затратами, чем женщинам утверждать свою женственность. Кроме того, сомнение в своем тендерном соответствие предрасполагает мужчин прибегать к двум деструктивным видам формирования маскулинности, напрямую
229
1
связанным с гомосексуальностью. Во-первых, им приходится подавлять в себе фактически все несвойственные для гендер-но-конвенциальных (cross-gender) мужчин побуждения, включая желание физического контакта со своими отцами или своими сыновьями. Единственное исключение из набора табуированного поведения составляют действия в контекстах, четко определенных культурой как бесспорно маскулинные (корректно или некорректно определенные — другой вопрос). Самый простой пример — тесный физический контакт между мужчинами на футбольном поле. Во-вторых, сомнение в своем тендерном соответствие побуждает мужчин воспринимать себя в рамках своих «природных» отличий как от женщин, так и от гомосексуальных мужчин. В некоторых случаях это *психологическое* отмежевание от всего женственного как от «другого» смягчает тревогу мужчин по поводу адекватности своей маскулинности. Однако, в крайних случаях требуются более деструктивные формы выстраивания защитной маскулинности, например, в случаях женского превосходства и покушений со стороны гомосексуалиста.
В целом, для американских мужчин отвращение к гомосексуальности, как к собственной, так и чужой, является следствием их гендерно-поляризующего представления о нормальности гетеросексуальное™ и патологичное™ гомосексуальности. Оно также обусловлено психологически-защитной потребностью использовать свои осознаваемые отличия от мужчин-гомосексуалов, чтобы противостоять собственной уязвимости в отношении того, достаточно ли

они маскулин-ны. Из сказанного не следует, тем не менее, что отвращение к гомосексуальности лучше толковать как психологическую проблему, чем как проблему культурную. Совсем наоборот. Даже преступники, повинные в насилии на почве ненависти к гомосексуалистам, вымещают свою агрессию и фрустрацию на гомосексуалистах и лесбиянках именно потому, что в американской культуре эти группы людей изначально принадлежат к «другим». Это очень похоже на то, как евреи в нацистской Германии были *определены* как «другие».

Формирование тендерного нонконформиста (gender nonconformist)

Давайте вернемся от формирования индивидуальности тендерных конформистов к формированию индивидуальности тендерных нонконформистов. В последнюю категорию

230

входят все те люди, кто в своей жизни всерьез отвергают анд-роцентричное, гендерно-поляризующее и биологически эс-сенциалистское представления о настоящем мужчине и настоящей женщине. Иными словами, все те люди, которым в конце девятнадцатого века и в начале двадцатого приписали бы наличие сексуальной инверсии: гомосексуалисты, лесбиянки, бисексуалы (испытывающие сексуальное влечение к лицам обоих полов. — *Прим. пер.),* транссексуалы (лица, стремящиеся изменить свой пол. — *Прим. пер.)* и дети с «нарушениями тендерного поведения» (gender-disordered) к которым продолжают относиться как к случаям патологии даже после того, как концепция сексуальной инверсии вышла из моды. В эту категорию также входят феминисты обоих полов, активно конфронтирующие с предлагаемыми культурой тендерными жизненными сценариями. Сюда же входят и относительные традиционалисты — женщины и мужчины, ставшие тендерными нонконформистами только потому, что пересмотрели некоторый важный аспект мужского или женского жизненного сценария. Например, это женщины, жертвующие браком и детьми ради карьеры, или мужчины, предпочитающие семью карьерному росту.

И хотя все эти различные группы нонконформистов вроде бы и не образуют однородную категорию, тем не менее, их сближают две взаимосвязанные особенности, намного более важные для обсуждения, чем любое из отличий. Всем своим существованием эти тендерные нонкорформисты бросают вызов предполагаемой в культуре естественной связи между полом тела и тендером психики. А так как они не оправдывают культурных ожиданий в отношении гендерно — соответствующих жизненных сценариев, они должны найти свой путь создания конкурентоспособной индивидуальности в обществе, которое упорно отказывает им к какой бы то ни было легитимности.

Начиная с конца девятнадцатого века, большинство дискуссий о нездоровой группе тендерных нонконформистов сводилось к двум вопросам о причинах и методах лечения болезни. Основное предположение о причине болезни всегда было неизменным: что-то не сработало на уровне биологии или в жизненном опыте этих людей, и это что ¯ то надо исправить.

Кроме того, что тендерных нонконформистов считали больными, сам вопрос: «Что же не сработало?» — несет в себе еще более глубокое допущение: гомогенность в границах каждого пола естественна, а разнообразие неестественно. Это

231

более глубокое допущение легко выявляется даже в дискуссиях, в ходе которых тендерный нонконформизм не называется патологическим проявлением, а лишь предполагается, что психические последствия у немаскулинных мужчин, у нефемининных женщин и у негетеросексуальных мужчин или женщин требует причинно-следственных объяснений. И снова здесь допускается, что все «согласования» между полом тела и тендером психики являются естественными, а любое «рассогласование» ¯ неестественным.

Однако, как мне представляется, слишком уж много этих «рассогласований» просматривается всегда и повсюду, чтобы можно было помышлять о полной естественности. Все эти так называемые рассогласования лишь показывают, что сущность человеческого тендера и сексуальности не является заранее предрешенной на уровне индивидуума или культуры, благодаря только природе или только воспитанию; скорее, и на уровне индивидуума, и на уровне культуры они представляют собой последствия взаимодействия между биологией и историей. И благодаря этому взаимодействию, потенциальный разброс многообразия огромен в разных культурах и у разных мужчин и женщин в одной и той же культуре[25].

Лучшая аналогия — пищевые предпочтения. Люди рождаются с основной потребностью — потребностью в еде, а также со всеобщей способностью есть какую-то характерную пищу, считающуюся пригодной для употребления, в определенное время и в определенном месте. На

уровне культуры этот естественный навык вступает во взаимодействие со многими вариантами: что пригодно для еды, а что — нет; что имеется в наличии, а что отсутствует; также — с большим разнообразием прочих исторических факторов. В итоге мы имеем дело с огромным разбросом пищевых предпочтений, характерных для разных культур. На индивидуальном уровне тот же самый навык взаимодействует с индивидуальными различиями личного опыта человека, а также с рядом возможных индивидуальных различий в биологии вкуса. В результате, получается огромное разнообразие пищевых предпочтений у разных людей в пределах одной и той же культуры.

Эта биоисторическая модель человеческих пищевых предпочтений имеет много общего со сферой тендера и сексуальности. Однако решающее значение в данном случае имеет то, что данная модель переворачивает обычное представление о том, каковы ожидаемые соотношения между полом тела и тендером психики. В частности, она наводит на мысль не о тендерной поляризации между мужчинами и женщинами, а о

232

богатстве и разнообразии как среди разных культур, так и среди мужчин и женщин внутри одной и той же культуры.

Данная мысль меняет столь многие представления, что исчезает необходимость в психологическом вопросе, спровоцированном фактом существования тендерных нонконформистов в американском обществе: «Что не сработало?», или даже «Почему они существуют?». Все сработало так, как надо, и они существуют, в том варианте или в ином, потому что тендерное разнообразие — естественное явление.

К психологическим вопросам в связи с существованием тендерных нонконформистов вернее отнести следующее. Во-первых, если тендерное разнообразие является нормой для человечества, тогда почему так много людей в Соединенных Штатах считают своей обязанностью формировать себя не только в духе исключительной гетеросексуальное™, но также и маскулинности (в случае мужчин) или фемининности (в случае женщин)? И, во-вторых, каким образом тендерным нонконформистам удается формировать жизнеспособные индивидуальности в обществе, которое так настойчиво отказывает им даже в требовании считаться психологически нормальными?

Первый вопрос звучал раньше в этой же главе. Для рассмотрения второго вопроса будет полезным обратиться к истории развития мужской гомосексуальной идентичности и женской лесбийской идентичности на протяжении XX столетия. Я выделяю именно эту группу по той причине, что недавний опыт жизни этих людей в гомофобном и гетеросексист-ском мире — подобно евреям, живущим в антисемитском мире — выдвигает на первый план необходимость для каждой группы «других» смотреть преимущественно *на* линзы преобладающей культуры, а не *сквозь* них, и тем самым развивать у себя противоположное сознание. Иначе говоря, существование в качестве «других» выдвигает для них на первый план необходимость четко сформулировать позицию, в которой будет оспариваться мнение о них со стороны преобладающей культуры. Более того, эта позиция будет подвергать сомнению саму объективность преобладающей точки зрения.

В отличие от евреев, имеющих давнюю историю и свод традиций, которым они могут следовать и сегодня, защищая своих детей от влияния антисемитских линз доминирующей культуры, лесбиянки и геи в целом вынуждены развивать свое чувство инаковости, не имея подобной психологической защиты против культурной стигматизации гомосексуальности. Возможно, ничего нельзя сделать в плане изоляции в детстве

233

геев и лесбиянок, которые почти неизбежно вырастают в семьях, не принадлежащих к стигматизированному меньшинству и не разделяющих их положения в качестве членов данной группы. Но кое-что можно сделать, и уже делается для поддержки будущих поколений лесбиянок и геев: формулируется традиция утверждения ценности и достоинства их отличий от доминирующих групп[26].

До Второй мировой войны даже большие города в Соединенных Штатах все еще не имели стабильных и открытых для доступа гомосексуальных сообществ. Отсюда следовало, что большинство геев и лесбиянок открывали свои гомосексуальные побуждения в обстановке секретности, не имея возможности поделиться с себе подобными. И хотя в их случае особое взаимодействие биологии и личного опыта оказывалось явно недостаточным для формирования у них традиционной тендерной психики, интернализация тендерных линз была, безусловно, достаточной, чтобы их пробуждающаяся тендерная неконформность казалась им самим нездоровой.

Их состояние обострялось, когда они обращались в местную библиотеку или психотерапевту за разъяснениями или помощью. В библиотеке они могли отыскать романы такого сорта, как *Родник одиночества (1928)* Рэдклиффа Холла, где лесбиянка описывалась как несчастная «причуда творения... отвратительно увечная и отталкивающая... порочная в своих побуждениях», «наказанье Божье» (цит. по: Faderman 1981, р. 321) — следовательно, достойная скорее жалости, чем презрения. У психотерапевта они могли получить все мыслимые виды лечения, нацеленные на спасение от гомосексуального влечения, включая психоанализ, гипноз, «коррекционную терапию», гормональную терапию, лекарственную шоковую терапию, электрошоковую терапию, аверсивную терапию (от *лат.* Aversio — отвращение. — *Прим. пер.),* кастрацию, гистерэктомию (удаление матки — *Прим. пер.)* и даже лоботомию (операция на мозге. — *Прим. пер.)*[21].
Почти каждому гомосексуалисту и лесбиянке в Соединенных Штатах приходилось в обстановке социальной изоляции и на фоне постоянных мыслей о болезни в одиночку справляться с огромной проблемой формирования своей жизнеспособной идентичности во враждебной культуре; им приходилось изощряться, чтобы избегать навешивания ярлыков; без чьей-либо помощи со стороны, без социальной или идеологической поддержки своей тендерной неконформности. Некоторым из них, безусловно, удалось создать удовлетворяющую
234
идентичность и удовлетворяющую жизнь, невзирая на особенность ситуации. Например, «выкинуть из головы» свою гомосексуальность и организовать свою жизнь в соответствии с другими личными приоритетами; найти (или образовать), как это делают некоторые лесбиянки, группы поддержки для незамужних женщин-профессионалок, где есть возможность выяснять и обсуждать многие аспекты их отличий от превалирующей культуры. Тем не менее, большинство тогдашних геев и лесбиянок в ситуации самоизоляции или патологизации гомосексуальности со стороны большей части общества попадали в ситуацию серьезного риска, связанную с самооценкой себя как человека с врожденной патологией; это было куда серьезнее, чем восприятие окружающих. В самых тяжелых случаях подобное самовосприятие приводило к самоубийствам; во многих случаях предпринимались тщетные попытки снова и снова прилагать усилия для изменений себя при помощи лекарств или психотерапии.
Опасность, связанная с созданием идентичности в условиях отсутствия социальной и идеологической поддержки, заметно снизилась не только благодаря накопленному до Второй мировой войны опыту лесбиянок и геев, но также благодаря тем, кого мы сегодня называем транссексуалами. Смотря на мир сквозь линзы доминирующей культуры, эти тендерные нонконформисты — мужчины и женщины — испытывают такие страдания из-за несоответствия между своим телесным полом и гендером своей психики, что убеждают себя в том, что они являются совершенно «нормальными» мужчинами и женщинами, но только случайно оказались в ловушке тела другого пола. Поэтому транссексуалы добиваются смены своего физического пола, которая проводится поэтапно через серии хирургических операций.
Хотя мои убеждения могут показаться в современном научном сообществе невразумительными, моя гипотеза состоит в следующем. В случае транссексуализма мы имеем дело с относительно редким явлением, когда люди доносят до зрелого возраста ошибочный и неверный с позиции биологии урок, который американские родители преподают своим детям в раннем возрасте — урок о том, кто такие мужчины и женщины. Причина, по которой одни только транссексуалисты упорно придерживаются этого «небиоло-гичного» урока, состоит в том, что он обеспечивает им жизнеспособный и эффективный путь формирования идентичности, согласующейся с культурным определением мужчин и женщин.
235
Каковы бы ни были причины, фактически транссексуал входит в жизнь с крайне нонконформистскими предпочтениями в выборе рода занятий, товарищей по играм, одежды, и т.д. Но затем получает ошибочное родительское научение, которое проходят почти все дети о том, что определенному полу соответствуют определенные культурные признаки (поведение, черты характера, определенные эмоции, профессиональные преференции. — *Прим.ред).* Вырастая, транссексуалы приписывают себе «неверные» индикаторы пола и уже не расстаются с ними до самой зрелости. И как иронично это ни звучит, такая линия поведения обеспечивает транссексуалу жизнеспособную идентичность «настоящей» женщины или «настоящего» мужчины.
Общественная изоляция гомосексуалистов и лесбиянок в американском обществе закончилась в ходе Второй мировой войны, когда огромное количество молодых людей уходили из семей и начинали жить вместе в однополом сообществе в вооруженных силах или в городских пансионах

(до тех пор, пока семьи могли оплачивать их проживание). Знакомясь друг с другом, гомосексуалисты и лесбиянки начали организовывать нечто вроде своих общественных организаций (бары, газеты, команды для игры в софтбол, церкви, стиль одежды), обеспечивающих активную общественную жизнь отдельно от доминирующей культуры. Действуя так, они превращались из скопления отдельных лесбиянок и геев в динамичную и взаимосвязанную субкультуру, или сообщество лесбиянок и геев.

Хотя этго сообщество не сразу стало оспаривать отношение доминирующей культуры к гомосексуальности как болезни (несмотря на нанесение тем самым урона и сообществу в целюм, и отдельным индивидам), эти тендерные нонконформисты не были вынуждены справляться со своей инаковост-ью в полной изоляции. Теперь у них было нечто вроде «до!ма» или «семьи», где они могли чувствовать себя среди других совершенно естественно и где могли развить психологическую идентичность скорее как члена группы с сексуальными отклонениями, чем изолированного и патологического индивидуума.

Такая 1идентификация с группой лиц с сексуальными отклонениями приобрела новое звучание в 1970-х и 1980-х гг., когда гомюсексуальная субкультура стремительно стартовала как движение за права гомосексуалистов, конституциональная база юоторого стремительно возрастала не просто благодаря общестгвенной поддержке их тендерной неконформности,

236

но в равной степени благодаря политической и идеологической поддержке. Тому способствовало множество исторических факторов, включая ранее сформированное движение негров и женщин за свои права и движение против войны во Вьетнаме. Один исторический момент чаще всего отмечается как дата рождения движения гомосексуалистов за права человека — 27 июня 1969 года, пятница. В этот день полицейские совершили налет на бар для геев в Гринвич Виллидже (район Нью-Йорка), затем ставший центром многодневного бунта, в связи с чем эта дата стала рассматриваться как начало политического сопротивления гомосексуалистов против гетеросек-сизма доминирующей культуры.

Бар назывался Stonewall Inn. После Стоунволла лесбиянки и гомосексуалисты очень быстро смогли сформировать тот тип оппозиционного сознания, который необходим группе «других», если она когда-нибудь захочет выработать жизнестойкую идентичность. Для лесбиянок и геев было характерно то, что они конструировали свою *политизированную* сексуальную идентичность, в чем просматривался не только их протест против смысла, вкладываемого доминируюшей культурой в понятия «гомосексуалист» и «лесбиянка», но также отрицание самой нейтральности данной культуры. В моем представлении эти два аспекта протеста гомосексуалистов и лесбиянок соответствуют двум более или менее хронологически последовательным ступеням внутри самого движения за права геев: сначала акцентируется чувство собственного достоинства геев, а затем придается особое значение перспективам гомосексуальности. Использование родового понятия *man* (в перев. с англ. — человек), включающего и мужчину, и женщину, так же как родового понятия *gay (в* перев. с англ. — веселый или «такой же хороший (достойный) как ты» good as you), включающего лесбиянок, бисексуалов, гомосексуалистов, носит андроцентричный характер. По этой причине я, по возможности, избегаю употреблять слово «гей», за исключением тех случаев, когда не найти подходящей альтернативы. Термин *квир {queer* — в переводе с англ. — странный, чудаковатый, сомнительный, подозрительный, гомосексуальный. — *Прим. пер.),* предложенный недавно некоторыми активистами движения (как свободный от андроцен-тричного контекста — *Прим. пер.),* не получил широкого распространения. К тому же он не вписывается во фразы, связанные с историей и содержащие термин «гей» — *gay rights* (права гомосексуалистов) и *gay pride* (чувство собственного достоинства гомосексуалистов).

237

При том, что движение за права гомосексуалистов всегда включало сопротивление формально установленной политике дискриминации гомосексуалистов и лесбиянок, это сопротивление вначале было в большей степени связано с идеей чувства собственного достоинства гомосексуалистов. В то время гомосексуалисты и лесбиянки боролись не только за гражданские права, как притесняемое меньшинство, но также и против клейма патологии, из-за которого им так долго не удавалось формирование позитивной самооценки. Поэтому они сочли необходимым выйти из тени (совершить coming out — открыть свою сексуальную ориентацию, выйти из клозета — употребляемые специфические термины. — *Прим. ред.)* и открыто идентифицировать себя как геев или лесбиянок. В частности, в лесбийско-феминистском сообществе это гордое самоопределение имело несколько больший вес в связи с заявлением о том, что только лесбиянки

— феминистки, полностью посвятившие себя делу освобождения женщин, на все сто процентов будут отдавать свои силы проблемам женщин. Гетеросексуальные феминистки заявили, что будут распределять свои усилия между проблемами мужчин и проблемами женщин.

В движении за права гомосексуалистов случались серьезные политические конфликты, и это вызывало столкновения между гомосексуалистами и лесбиянками, а также размежевание между гомосексуалистами и лесбиянками, с одной стороны, и бисексуалами — с другой. Эти конфликты настолько сгладились на фоне консерватизма администрации Рейгана, эпидемии СПИДа и подъема уровня жестокости и насилия против гомосексуалистов в Соединенных Штатах, что к началу 1990-х гг. упомянутые группы снова уверенно продекларировали свою идентичность и единство. Появились новые группы и ассоциации, а также новая область академических исследований, посвященных лесбиянкам, гомосексуалистам и бисексуалам. Ученые этого направления стремятся приоткрыть скрытую предысторию формирования лесбийского, гомосексуального и бисексуального прошлого; анализировать конструирование *всех* форм человеческой сексуальности, включая традиционно неизучаемую форму исключительной гетеросексуальности. Эти исследователи стремятся также представить культурное требование исключительной гетеросексуальности как идеологическую и институционализированную конструкцию, а не изначальную по природе человеческую сексуальность. В основе этого нового академического направления лежит следующая исходная предпосылка: будучи

238

в течение длительного времени вытесненными на периферию доминирующей культурой, сексуальные меньшинства выработали особый путь, позволяющий им смотреть *на* линзы превалирующей культуры, чем *сквозь* них[28].

Подъем научного интереса к лесбиянкам, гомосексуалистам и бисексуалам — не единственный вызов со стороны гомосексуалистов по отношению к доминирующей культуре. В последние два десятилетия и по сей день данная тема находит свое отражение в многочисленных эссе, романах, поэзии, музыке, искусстве и других формах художественного творчества. Развивающаяся культурная традиция утверждения гомосексуальной идентичности важна для формирования индивидуальной идентичности в том смысле, что будущим поколениям лесбиянок, геев и бисексуалов больше не потребуется создавать свою гомосексуальную идентичность заново или в условиях гетеросексистской концептуальной схемы. В реальности большинству лесбиянок, геев и бисексуалов все еще придется взрослеть в семьях, где они с самого рождения будут получать метапослания гомофобического и гетеросексистского содержания. Но когда они захотят получить информацию об альтернативных видах тендерного поведения и сексуальности, богатая традиция самоутверждения окажется им весьма кстати. Может быть, когда-нибудь она составит конкуренцию еврейской традиции, необходимой еврейским детям, вырастающим в антисемитской культуре.

С тех пор, как Американская Психиатрическая Ассоциация исключила гомосексуализм из перечня психических расстройств, многие психологи, пишущие о гомосексуальности, утверждают, что утвердившаяся идентичность гея и лесбиянки, или раскрытие ими своей идентичности, с необходимостью предполагает прохождение личности через несколько прогнозируемых последовательных стадий[29]. Согласно этой концепции, на ранних стадиях часто возникает гнев на господствующую культуру из-за подавления ею сексуальных меньшинств и полное погружение в политику и культуру гомосексуального сообщества; на последней стадии — формирования зрелой сексуальной идентичности — личность освобождается от *одержимости* идеей сексуальной идентичности и начинает рассматривать гетеросексуальность, гомосексуальность или бисексуальность как один из аспектов общей личностной идентичности.

Наверное, обществу стоило бы задаться целью не делать привилегий для исключительной гетеросексуальной культуры. В таком обществе не было бы причин злиться на

239

господствующую культуру, даже на ранних стадиях формирования геев и лесбиянок, и отпаша бы нужда в самой теории. Тем не менее, в нашем социальном мире доминирующая культура никогда не перестает находить «других» или нападать на гомосексуалистов при помощи антигомосексуальной стратегии и общественных норм.

Жизнь в атмосфере нетерпимости со стороны общественных институтов доминирующей культуры для людей нетрадиционной ориентации предполагает два альтернативных варианта самоутверждения. Связывать тот или другой вариант со степенью психологической зрелости было бы ошибкой теоретизирования в культурном и политическом вакууме. С одной стороны, человек

может строить свою сексуальную идентичность на фундаменте оппозиции превалирующей культуре, а с другой — создавать свой индивидуальный мир, поддерживающий его/ее сексуальную идентигчность. И, хотя с позиции стадийности формирования идентичности предпочтительнее выглядит вторая стратегия, но, п<о крайней мере, некоторые из гомосексуалистов и лесбиянок вынуждены вставать в оппозицию доминирующей культуре, как будто их идентичность все еще находится в перечне психических расстройств Американской Психиатрической Ассоциации. Есть и другие возможности. В недалеком будущем определенно появится концептуальное сопротивление гетерюсексистской ортодоксии, а вместе с ним и какая-то система получения образования, способствующая самоутверждению людей гомосексуальной ориентации и их творческого самовыражения. Все это когда-нибудь сделает реальной возможность для лесбиянок, геев и бисексуалов выстраивать и утверждать свою идентичность, используя опыт, накопленный героическими личностями из тех, кто шел впереди.

В последние годы политизирование идентичности дало личную поддержку, позитивный результат в области расширения прав и оказался политически эффективным не только для лесбиянок, геев и бисексуалов, но также и для других субординированных сообществ, включая афроамериканцев, латиноамериканцев, женщин, и даже людей с ограниченными физическими возможностями. Однако, несмотря на это, политика идентичности может быть сопряжена с таким же внутренним напряжением, как и более ранняя политика психологической андрогинии.

Что касается андрогинии, то это внутреннее напряжение возникает вследствие конфликта между моралью андрогинии (согласно которой поведение не «привязывается» к традици-

онным полоролевым стандартам, то есть такие культурные конструкции, как маскулинность и фемининность, должны быть упразднены) и концепцией андрогинии, которая все-таки говорит о маскулинности и фемининности как о независимых и вполне осязаемых реальностях. Точно так же внутреннее напряжение в политике идентичности является результатом конфликта между моралью (согласно которой категории идентичности в основной культуре являются идеологическими и формально установленными конструкциями) и самой стратегией, которая все-таки имеет дело с теми же самыми категориями идентичности, как если бы они были сущностной реальностью[30].

Однако, в сущности, хотя понятия гетеросексуальности, гомосексуальности и бисексуальности могут быть историческим и культурным *вымыслом,* как и понятия маскулинности и фемининности, понятия черный американец, латиноамериканец, азиат, коренной американец, белый американец — все эти вымыслы становятся психологической реальностью, как только они институционализируются доминирующей культурой. Соответственно, эти понятия могут обладать исключительной политической силой, используемой как для притеснения со стороны доминирующей культуры, так и для сопротивления этому угнетению.

6

Трансформация взглядов на проблему неравенства полов

Начиная со второй половины XIX века, вопрос о биологических различиях между полами находился в центре внимания практически всех дискуссий о половом неравенстве в Америке. Эта тема была актуальной как для первых американских феминисток, боровшихся за получение основных гражданских прав для женщин, так и для феминисток второй волны, которые позже вышли на историческую сцену. Ее актуальность сохраняется и по сей день. Интерес к половым различиям в настоящее время настолько глубоко проник в американскую культуру, что доказательства этого можно найти практически в любом журнале, продающемся в местном супермаркете. Всеобщая популярность названной темы подпи-тывается как современной наукой, так и современным феминизмом: в науке особое значение придается проблемам социобиологии и изучению гормонального фона в пренаталь-ной стадии развития плода, а феминизм провозглашает особое женское видение взаимозависимого мира.

При рассмотрении проблемы половых различий особое внимание уделяется тому, насколько оба пола *действительно* различны. Это вопрос, требующий безотлагательного решения как с научной, так и с политической точек зрения. В конце главы 2 я выразила свое несогласие, утверждая, что с научной точки зрения подобная постановка вопроса неправильна. В данной главе я продвинусь в своих рассуждениях чуть дальше, предположив, что уделять такое большое внимание

половым различиям неверно также и с политической точки зрения. В частности, я полагаю, что если люди в нашей андро-центричной, гендерно-поляризующей и биологически-эссен-

циалистской культуре когда-нибудь поймут, почему равенство полов с необходимостью требует радикальной перестройки общественных институтов, то культурные дебаты о неравноправии с неизбежностью будут посвящаться другим вопросам. Главной темой будут не различия между мужчинами и женщинами, а то, какими путями андроцентричные общественные институты трансформируют эти различия не в пользу женщин.

К необходимости подобных изменений в культурных дискуссиях нас подводят три следующих предположения, вытекающие из теоретического анализа, проделанного в данной книге. Во-первых, не требует доказательств существование, по крайней мере, подгруппы в спектре половых различий, такой, например, как способность женщин к деторождению. Во-вторых, при рассмотрении проблемы неравенства женщин важен не столько вопрос о половых различиях как таковых, сколько вопрос о том, как социальный контекст и существующие половые различия взаимодействуют друг с другом. Наконец, сам социальный контекст представляется состоящим из двух самостоятельных — хотя и взаимосвязанных — аспектов: андро-центризма, окончательному уничтожению которого должен посвятить себя каждый феминист, и тендерной поляризации, необходимость ликвидации которой представляется более спорной.

Головоломка различий

Вот уже 150 лет в дебатах о женском неравноправии поднимается мучительный вопрос, сформулированный в форме дихотомии: являются женщины и мужчины в принципе одинаковыми или в принципе различными. Этот провоцирующий вопрос о половых различиях не дал возможности достичь согласованного мнения в области социальной политики даже феминистам: помимо того, что он неразрешим по существу, вдобавок он порождает множество таких же явно неразрешимых дихотомий. Эти дихотомии второго порядка прослеживаются в ответах на следующие три вопроса: (1) В чем причина женского неравноправия? (2) Какова наилучшая стратегия, позволяющая покончить с неравноправием женщин? (3) Что подразумевается под женским равноправием, в чем его суть?

243

В настоящее время в культурных дебатах неравноправие женщин обычно рассматривается как результат действия одной из двух причин, которые, как прав!ило, считаются взаимоисключающими, хотя это и не так. В(о-первых, женщины не имеют доступа к экономическим или толитическим ресурсам вследствие преднамеренной политики! и практики дискриминации (даже в тех случаях, когда положение некоторой части женщин приближено к положению мзужчин и тем самым согласие достигнуто). В этом случае правительство должно делать шаги к исправлению ситуации. Во-вторых, биологические, психологические и историчесюие отличия женщин от мужчин (особенно характерный для женщин психологический конфликт между карьерой и семьей) вынуждают их делать выбор не в пользу карьеры, что, в свою очередь, лишает женщин возможности доступа к экономике и политике. В последнем случае некого винить за жещское неравноправие, а отсюда следует и отсутствие единодупция по поводу необходимости защищать женские права[1].

Результаты недавних экономических исследований на первый взгляд могут показаться удивительными: на сегодняшний день в американском обществе женщины как отдельная группа находятся в экономически невыгодном положении, сопоставимым с уровнем 1969 года. Принимая во внимание и единственную подгруппу, достигшую некоторого реального экономического прогресса, в которую входят в основном молодые, белые, незамужние женщины,, имеющие хорошее образование, и подгруппы женщин самых низкооплачиваемых профессий, а также работающих неполный рабочий день, можно констатировать: в целом заработок женщин как группы по-прежнему составляет примерно 65% от заработка мужчин[2].

Факт непрекращающегося существования женского неравенства спустя тридцать лет после принятия антидискриминационного закона часто рассматривается как доказательство того, что дискриминация в отношении женщин не является такой уж важной причиной их неравенства: в этом смысле якобы гораздо важнее выб;₀р самой женщины. Я считаю, что это непрекращающееся женское неравенство выступает доказательством неадекватности понимания того, как в действительности работает механизм дискриминации женщин.

Еще со времен решения Верховного суда по делу *Мюллер против штата Орегон* (1908), согласью которому охранительное законодательство (protective legislation) могло применять-

244

ся в тех случаях, когда была необходима выплата компенсации женщинам ввиду «невыгодных условий в борьбе за существование», в дебатах по тендерной политике преобладали две

противоборствующие стратегии, направленные на искоренение неравенства женщин. Стратегия тендерной нейтральности, известная также как тендерная слепота, предписывает не делать никаких различий на основе пола. Стратегия особой защиты для женщин, известная также как чувствительность к половым различиям, предписывает создавать особые условия на рабочих местах, чтобы это служило компенсацией женщинам их биологической и исторической материнской роли.

Принцип тендерной нейтральности в отношении равенства полов был популярен в 1960-е годы и в начале 1970-х годов. Об этом свидетельствует не только готовность Верховного суда в решении по делу *Рид против Рид* окончательно объявить неконституционной явную дискриминацию женщин, но и готовность почти всех феминистов того времени с энтузиазмом поддержать принятие поправки о равных правах, которая может служить одним из ярких примеров проявления тендерной слепоты. Популярность гендерно-нейтральному подходу обеспечило то обстоятельство, что он соответствовал трем важным аргументам, которые феминистки и феминисты стремились донести до широкого круга общественности: (1) дискриминация на основе пола долгое время не давала женщинам права на равную защиту со стороны закона, гарантированную всем гражданам Четырнадцатой поправкой к Конституции США; (2) законодательство, разработанное в целях защиты и поддержки работающих женщин, принесло им больше экономического вреда, чем помощи; и (3) женщинам присуща врожденная интеллигентность, ответственность, они способны поддерживать себя сами, если им будет предоставлена такая же возможность, как и мужчинам; женщины вовсе не являются от природы ущербными, как их обычно представляют законодатели и судьи.

Однако в конце 1970-х и в 1980-х годах поборники равных прав постепенно начали понимать, что тендерная нейтральность настолько сгладила различия в жизненных ситуациях женщин и мужчин, что в качестве стратегии она полезна только тем немногим женщинам, которые находятся в сходных с мужчинами условиях. При этом множеству женщин, вынужденных в силу гендерно обусловленных обстоятельств — материнству и замужеству — выполнять низкооплачиваемую работу, эта стратегия мало что давала, если вообще не была

245

бесполезной. Но причина заключалась не только в этом. Ген-дерно-нейтральная стратегия бездумно и шаблонно проявила себя в отношении проблем с оформлением разводов: она буквально причиняла вред женщинам, находящимся в неравных условиях с мужчинами, своими ложными постулатами о том, что у женщин такие же возможности зарабатывать деньги, как и у мужчин, и, следовательно, женщины так же мало нуждаются в алиментах, как и их мужья. (Weitzman 1985). Концентрация идеологических усилий на этой очень большой группе женщин, находящейся в неравных условиях с мужчинами, высветила недостатки тендерной нейтральности, и тем самым вернула на авансцену общественной жизни стратегию особой защиты.

Приблизительно в это же время сторонники стратегии особой защиты предложили не особые ограничения для женщин, как это имело место в деле *Мюлер против штата Орегон,* а, наоборот, особые льготы для женщин. В частности, они провозгласили новую стратегию в отношении условий работы, задуманную так, чтобы женщины получили одновременно возможность и иметь высокооплачиваемую работу, и оставаться ответственными родителями. К числу предложенных мер относились обязательный оплачиваемый отпуск по беременности и гарантированное возвращение на прежнее место работы после рождения ребенка, оплата неотработанного времени в связи с болезнью ребенка и даже выплаты по социальному обеспечению ребенка. Конечно, требование, чтобы подобные схемы были приняты только для определенного пола, не укладывалось в рамки представлений, основанных на полном игнорировании половых различий, а также на «Поправке о равных правах». Тем не менее, оно не выглядело исключительным в эпоху, когда практически все меньшинства решительно отстаивали ценности плюрализма и чувствительность по отношению к различиям (включая людей с ограниченными физическими возможностями, которые, благодаря принятию специальных мер, наконец, стали получать возможность участвовать в основных сферах американской жизни).

В 1990-е годы требование особых льгот для работающих женщин получило большую поддержку в обществе, но и сопротивление этому также было немалым. Поддержка исходила, прежде всего, от тех феминисток, которые убедились в провале стратегии тендерной нейтральности и для которых самым ужасным было то, что в современном мире оплачиваемого труда от женщины фактически требовалось быть похожей

на мужчину. Сопротивление исходило от феминисток, придерживающихся других взглядов, а также от тех, кто был далек от феминизма.
Противники стратегии из феминистского лагеря считали, что особая защита делает женщин гомогенной группой и это подкрепляет старый сексистский стереотип восприятия, согласно которому женщины по своей природе не способны успешно конкурировать с мужчинами до тех пор, пока не будут созданы условия, компенсирующие их особые нужды. С другой стороны, противники, далекие от феминизма, не видели смысла в принятии особых мер помощи для группы людей, чье невыгодное экономическое и политическое положение проистекает не из дискриминации, а является результатом их собственного решения вкладывать свое время и энергию в воспитание своих детей, а не в свою профессиональную карьеру. С позиций нефеминистской критики, безусловно, имело смысл не допускать, чтобы работодатели причиняли ущерб женщинам путем открытой дискриминации, однако не было никакого смысла в том, чтобы обязать предпринимателей принимать особые меры для помощи женщинам на рынке труда.
Идея особой защиты женщин ввиду их биологической и исторической роли матери, существовавшая со времени ее поддержки Верховным судом в 1908 году, оказалась столь же противоречивой, как и ее более поздний вариант, выдвинутый в 1960-х годах. Я имею в виду особую защиту против скрытой и косвенной дискриминации, проявляющейся в двойной политике в ситуациях, связанных с проблемами относительной ценности выполненной работы и предпочтительного найма (preferential hiring).
Относительная ценность заключается в том, что вместо соблюдения правила, согласно которому женщина и мужчина, выполняющие одну и ту же работу, должны получать одинаковое жалованье, устанавливается, что мужчина и женщина получают одинаковое жалование за разную работу, в соответствии с ее значимостью. *При предпочтительном найме* вместо открытого запрета дискриминации женщин устанавливаются правила, в соответствии с которыми при найме на работу конкретной женщине может быть оказано предпочтение перед конкретным мужчиной, имеющим точно такую же квалификацию. При этом устанавливаемые обязанности и графики работы регулируются таким образом, чтобы нанимать установленный процент женщин в установленный период времени. Планирование функциональных обязанностей может, в свою
247
очередь, создавать благоприятную почву для применения квот с целью резервировать рабочие места исключительно для женщин.
С точки зрения сторонников особой защиты, относительная ценность работы и предпочтительный найм являются необходимыми мерами, поскольку дискриминация против женщин часто ставит под удар не только женщин как таковых, но и каждого, в любой профессии и с любым рабочим стажем в силу того, что женщины как группа становятся более предпочтительными на рынке труда, чем мужчины. В то же время противники подобной политики считают, что предпочтения в договоре личного найма несправедливо лишают ни в чем не повинных мужчин равных возможностей; тем самым попирается едва ли не священный принцип тендерной нейтральности. А что касается относительной ценности, то в этом случае попирается еще один священный американский принцип — право работодателей устанавливать размер заработной платы в соответствии с законами свободного рынка[3].
Итак, те, кто считают дискриминацию причиной неравенства женщин и предлагают в качестве лекарства тендерную нейтральность, исходят из предполагаемого сходства мужчин и женщин. В то время как другие, усматривающие причину неравенства женщин в их собственном выборе, а в качестве лекарства предлагают особую защиту, исходят из предположения о различиях между мужчинами и женщинами. Эта дихотомия между сходством и различиями снова выявляет два противоположных толкования женского равенства: одна группа предполагает, что женщины и мужчины будут играть совершенно одинаковые роли дома и на работе, а другая группа считает, что женщины выйдут точно на такой же уровень экономического благосостояния, или равенства с мужчинами, продолжая при этом играть свои, традиционно отличные от мужских роли домашних хозяек и матерей.
Неудивительно, что концепция равенства женщин, основанная на представлении об их сходстве с мужчинами, была популярна в те времена, когда дискриминация, тендерная нейтральность и «Поправка о равных правах» преобладали в феминистском дискурсе. Кстати, в это же время была в почете и концепция психологической андрогинии. Тогда феминистам казалось, что единственный эффективный способ покончить с сексистскими стереотипами восприятия женщин и с дискриминацией женщин, как неизбежным следствием стереотипного восприятия —

упразднить раз и навсегда тендерные различия. Это значит, что общество наконец-то пере-
248
местится в направлении андрогинного будущего, где мужчины и женщины будут не только находиться на одном уровне экономического и политического влияния, но и будут обладать одинаковыми правами, одинаковыми обязанностями и даже играть одни и те же социальные роли.
Несмотря на то, что вначале только антифеминистки, и среди них Филлис Шлефли
(Phyllis Schlafly), возражали против понимания равенства как сходства, аргументируя это тем, что подобный подход принижает и разрушает роль женщины в семье, со временем многие из феминисток пришли к такому же мнению. Они доказывали, что толкование женского равенства как сходства с мужчинами равносильно утверждению, что историческая роль женщины и сопутствующие ей достоинства не имеют подлинной ценности.
Да, — продолжали они свои доводы, — женщины от рождения так же умны, как и мужчины, и с этим никто не спорит; но все-таки женщины от рождения имеют существенное отличие, связанное с их биологической способностью к деторождению. И в связи с этим отличием, любое достойное внимания определение равенства должно сохранять биологическую и историческую роль женщины как матери и придавать этой роли такое же большое культурное значение, какое традиционно придается мужским ролям. Иначе говоря, цель феминизма не в том, чтобы дать возможность женщинам действовать и зарабатывать, в точности как мужчина, а, скорее, в том, чтобы женщины были в состоянии зарабатывать, как мужчины, сохраняя при этом присущую им заботу о благополучии собственных и других детей.
Более ста лет занял процесс решения дилеммы — похожи женщины по существу на мужчин или совершенно не похожи. Совсем недавно феминистки направили усилия на разработку еще одной альтернативы. Смысл ее лучше всего передает следующий вопрос: похожи ли друг на друга женщины различной расовой и этнической принадлежности, разных классов, религий, сексуальных предпочтений и, возможно, даже разных национальностей с точки зрения их потребностей, целей и опыта настолько, чтобы образовать группу, объединенную политическими интересами и какой-либо единой программой социальных изменений? Или женщины из различных сообществ имеют настолько существенные врожденные отличия друг от друга, что у них совсем или почти совсем нет общих мотивов, а, следовательно, и нет возможности прийти к общему феминистскому разрешению вопроса женского неравенства?[4]
249
Однако, несмотря на различия между самими женщинами, историк Эстель Фридман (Estelle Freedman) весьма красноречиво отстаивает остающуюся в силе значимость феминистской борьбы: «В исторический момент, когда понятие «женщина» продолжает быть внутренне связанным с ограниченным доступом к материальным ресурсам, более сильной уязвимостью в отношении физического и психологического насилия, ограниченной представленностью в политике,...мы должны избегать как тенденции ложного единения обоих полов, так и большей, чем есть на самом деле, разобщенности внутри нашего пола» (1990, p. 261). То есть, с одной стороны, феминисткам не следует втягиваться в обсуждение новых тупиковых дилемм, с другой стороны, они также не должны допускать, чтобы их вновь обретенное понимание различий между женщинами разрушило давнишний феминистский проект создания социального мира, в котором понятие «женщина» больше не является синонимом понятия «неравенство»[5].
Однако при этом остается вопрос: как смогут феминистки подготовить дискуссию о тендерной политике, которая обеспечит возможность создания подобного социального мира в таком обществе, как Соединенные Штаты, где господствуют мужчины? Иначе говоря, как смогут американцы перешагнуть за пределы всех этих спорных дилемм, которые были сущим бедствием для феминистских дискуссий о неравенстве женщин на протяжении 150 лет? Я считаю, что с этими дилеммами пора расстаться; консенсус в области тендерной политики может быть достигнут, если часть различий между мужчинами и женщинами будет принята за аксиому, и тогда отправной пункт дискуссии сдвинется от различий как таковых — к вопросу о том, почему общественное положение женщин в социальной структуре столь андроцентрично. Эта андроцентричнсть не только переводит различия между мужчинами и женщинами в плоскость невыгодного положения женщин, но и маскирует мужской стандарт под тендерную нейтральность[6].

На пути к тендерной нейтральности: искоренение андроцентризма

В 1984 году признанная исследовательница феминистского направления Кэтрин МакКиннон (Catharine MacKinnon) разоблачила распространенный миф о тендерной нейтральности, как никто другой до нее. Хотя она никогда не использова-

ла термин *андроцентризм,* ее основной аргумент был почти идентичен приведенному в этой книге: несмотря на то, что мужчины и женщины отличаются друг от друга во многих биологических и исторических характеристиках, в конечном счете, за любое проявление женского неравенства — от отставания в заработной плате до количества случаев насилия — ответственны не различия между мужским и женским, а устройство социального мира с позиций мужчин. В этом мире нужды мужчин удовлетворяются автоматически, в то время как нужды женщин рассматриваются как особые случаи или остаются неудовлетворенными.

Рассмотрим, например, решение Верховного суда о страховании в связи с нетрудоспособностью, обсуждавшееся в Главе 3. Несмотря на то, что биологические различия в данном контексте не подлежат обсуждению, вовсе не биологические различия как таковые послужили причиной того, что, согласно решению суда, беременность не подлежала страхованию, в то время как операция по удалению простаты и иссечению крайней плоти предусматривала страхование. Причина заключалась в том, что представление о тендерной нейтральности до такой степени искажено андроцентризмом, что мужской организм автоматически принимается за стандарт. Поэтому никаких сомнений в неправильности такого решения и не возникало, в особенности в свете положения о равной защите законом: страхование в полном объеме предоставлялось в каждом случае мужской неработоспособности, но не в каждом случае женской неработоспособности.

Рассмотрим другой пример. Речь идет о недавно звучавшей критике в отношении юридического толкования самозащиты, согласно которому обвиняемый может быть признан невиновным в убийстве только в том случае, если он/она воспринимали ситуацию как неотвратимо влекущую за собой увечье или смерть и не превысили предела необходимой обороны. До сих пор считалось, что данное определение никак не связано с тендером, но сейчас оно больше не кажется таким уж гендер-но-нейтральным. Признанные исследовательницы — феминистки, в числе которых Элизабет Шнейдер (Schneider 1980) и Филлис Кроукер (Crocker 1985), указывают, что юридическая трактовка предела необходимой обороны гораздо лучше вписывается в сценарий, в соответствии с которым в отдельном эпизоде внезапного нападения участвуют двое мужчин, чем в сценарий, по которому избивают женщину. Причем, если в прежние времена последний вариант замечался в реальной жизни относительно редко, то в последнее время он случается

все чаще и чаще: мужчина, здоровый и сильный, беспощадно избивает женщину, а она не может ожидать защиты со стороны полиции, потому что он — ее муж. Осознание приходит с пониманием, что если бы эта женщина и эта ситуация учитывалась мужчинами-политиками во время составления проекта якобы нейтрального толкования самозащиты, то они не должны были бы акцентировать излишнее внимание на том, что подвергшийся нападению человек может прибегать к самозащите исключительно в тех случаях, когда существует неизбежная опасность для его жизни.

Ситуации, в которых отличия мужчин от женщин «компенсируются утвердительным образом», не ограничиваются в американском обществе страхованием жизни и самозащитой (MacKinnon 1987, p. 36), в то время как отличия женщин от мужчин рассматриваются как природное препятствие в достижении равенства полов. Процитирую МакКиннон:

Фактически любое качество, отличающее мужчин от женщин, ... в нашем обществе *утвердительным* образом компенсируется. Особенности мужской физиологии лежат в основе большинства видов спорта; мужские потребности определяют специфику страхования транспортных средств и здоровья; их социально спланированные биографии находят отражение в должностных ожиданиях и моделях успешной карьеры; их перспективы и интересы определяют качество образования; об их опыте и одержимости говорят их заслуги; их объективизация жизни получает выражение в искусстве; их военная служба характеризует гражданственность; с их присутствием ассоциируется семья; их неспособность ладить друг с другом — их войны и борьба за власть — определяет ход истории; их образ дает представление о боге, и их гениталии олицетворяют секс. В отношении каждой отличительной (от женщин) мужской особенности существует утвердительный план действий (affirmative action plan, p. 184), в прочих случаях известный как структура и ценности американского общества (1987, p. 36).

Из всех перечисленных МакКиннон андроцентричных воплощений качеств, которые обычно считаются гендерно-ней-тральными, возможно, ни одно настолько непосредственно не отвечает за отсутствие у женщин права доступа к экономическим и политическом ресурсам в Соединенных Штатах, как структура сферы труда. Многие американцы могут думать, что современный рынок

труда гендерно-нейтрален настолько, насколько и должен быть в настоящее время, что прямая дискриминация против женщин стала незаконной. Однако
252
фактически дискриминация так тщательно пригнана к работающему мужчине с неработающей женой, сидящей дома и ведущей хозяйство, включая и уход за детьми, что она превращает то, что по сути своей является различиями мужского и женского, в массовую женскую ущербность.

Представим, насколько иным было бы социальное устройство, если бы не было мужчин (репродуктивные технологии справились бы с этим. — *Прим. ред.).* Большинство представляющих рабочую силу — включая высшие эшелоны власти в правительстве и промышленности — состояло бы или из беременных женщин, или женщин, ухаживающих за детьми, по крайней мере, в течение какого-то периода их взрослой жизни. В этих условиях производственный процесс должен быть настолько четко скоординирован с деторождением и материнскими обязанностями, что должны были бы появиться учреждения, осуществляющие эту координацию. Оплачивался бы отпуск по беременности, оплачивались бы пропущенные рабочие дни в связи с болезнью детей, оплачивалась бы социальная помощь детям, и была бы согласованность — скорее, чем рассогласование — между рабочим временем и учебными часами занятий в школе. Тогда, возможно, появилось бы совершенно иное толкование объемов работы: рабочая норма составляла бы не сорок часов или больше в неделю по достижении зрелости и до самой старости, но существовал бы переходный период — от менее чем сорока часов в неделю для тех, у кого дети еще маленькие, до сорока или больше часов в неделю для тех, чьи дети уже подросли.

Эта картина из другой реальности может оказаться поучительной. Биологическая и историческая роль женщины-матери не является преградой для женщины в экономической и политической жизни. Что действительно мешает ей, так это сам андроцентричный социальный мир, предлагающий единственный институционализированный механизм совмещения оплачиваемой работы с исполнением родительских обязанностей, а именно — работающий мужчина с женой, которая сидит дома и воспитывает детей.

Этот институциональный пробел по-разному затрагивает различные группы женщин. Например, среди матерей, имеющих маленьких детей и работающих полный рабочий день, едва ли не единственный способ удержания определенного уровня благосостояния — терпеливо и постоянно прикладывать собственные усилия в поисках надежной и доступной по средствам формы присмотра за детьми. А это, надо сказать, в Соединенных Штатах не является ни достаточно надежным,
253
ни достаточно дешевым, но слишком часто воспринимается именно таким. Матери должны вставать спозаранок, чтобы как-то пристроить детей и не опоздать на работу. В промежутках они беспокоятся о своих старших детях — не попадут ли они в какую-нибудь передрягу в те часы, когда остаются без присмотра перед школой или после нее. При этом женщины надеются на чудо — хорошо бы на этой неделе в школе не объявили бы каких-нибудь свободных дней. Хоть бы никто из детей не заболел, иначе придется или оставлять больного ребенка одного дома на целый день, или не выходить на работу. Перечисленного вполне хватило бы, чтобы дойти до нервного срыва, но ведь это еще далеко не все (таково, к сожалению, положение с заботой о детстве в Соединенных Штатах): каждый день своей жизни матери проживают с мыслью о том, что их детям не хватает нежной, любящей заботы или вдумчивого и внимательного присмотра. Они все это могли бы дать своим детям, если бы только могли позволить себе сидеть дома, пока дети еще маленькие.

Нет ничего удивительного в том, что женщины, учитывая эти трудности, выходят замуж за мужчин с высоким потенциалом в заработной плате, а также часто принимают решение помогать мужу зарабатывать больше — например, стараются получить медицинское образование до рождения первого ребенка. Таким образом, вместо того, чтобы найти оптимальное для себя соотношение между работой и семьей, женщины остаются дома, по крайней мере, пока дети в школе, а потом выполняют работу только такого уровня, которую они могут себе позволить, исходя из школьной успеваемости детей. Такое, на первый взгляд, рациональное решение работает на семейный бюджет только до тех пор, пока сохраняется брак. Но если супруги разводятся, как это часто происходит с Соединенных Штатах, то в этом случае каждая частичка потенциального заработка, которую супружеская пара на протяжении совместной жизни инвестировала в свое будущее, воплотится в потенциале мужа, а жена останется лишенной возможности самостоятельно обеспечивать себя, хотя такая возможность у нее имелась до

замужества.

Отсутствие институциональной поддержки в оптимизации соотношения работы и семьи отрицательно сказывается на жизни и двух других оставшихся групп женщин, причем совершенно по-разному. Первую группу составляют все те ориентированные на серьезную карьеру женщины, которые не видят иного пути достижения поставленных целей, кроме отказа иметь детей. Подобной жертвы никогда не требовалось от

254

мужчин, добравшихся до вершины своей карьеры. Вторая группа разительно отличается от предыдущей: в ее состав входят все одинокие матери, живущие на социальное пособие и несущие на себе клеймо неспособности иметь кормильца в доме. Вместо этого им приходится просить хоть какой-нибудь социальной поддержки, чтобы быть в состоянии нести на себе двойную ответственность родителя и кормильца[7].

Может показаться, что акцент на необходимости институциональной поддержки в вопросе координации оплачиваемой работы и семьи говорит об особой поддержке женщин. Вовсе нет. Это призыв к американцам уяснить, что их социальные институты не отражают потребности и жизненный опыт обоих полов (как женщин, так и мужчин); вместо этого они отражают потребности и жизненный опыт мужчин. Это призыв к американцам реконструировать свои социальные институты с тем, чтобы они охватывали как мужской, так и женский опыт, чтобы ни один пол автоматически не получал или не лишался преимуществ вследствие особенностей социальной структуры.

Если концепция тендерной нейтральности в смысле учета интересов обоих полов рассчитывает иметь какую-нибудь реальную значимость, социальные институты должны принимать в расчет беременность, как основной пример женского опыта. Беременность имеет особый статус по двум причинам. Во-первых, это исключительно женский опыт, и он существенно влияет на физическое состояние женщины. Если беременность не принимать во внимание в масштабе общества, это автоматически дает преимущества мужчинам как группе, а женщин как группу лишает ряда преимуществ. Во-вторых, институциональное игнорирование беременности часто оправдывается на том основании, что недостатки беременности испытывают лишь те конкретные женщины, которые *сами сделали такой выбор.* Но беременность не является таким уж «необязательным» состоянием для конкретной женщины, как предполагает данный аргумент. Еще важнее то, что беременность не является «необязательным» условием для общества в целом; следовательно, это состояние представляет особый интерес и остается привлекательным выбором даже для тех женщин, кто предохраняется от беременности.

Почти таким же основательным примером женского опыта, как беременность или деторождение, является постоянная обязанность ухаживать за детьми. Здесь, конечно, вопрос не просто в необходимости получения поддержки, состоящей в том, чтобы матери, насколько возможно, были устроены на

255

работу, как и отцы. Кроме того, существует проблема переосмысления самого значения работы или службы с тем, чтобы воспитанию следующих поколений придавалась столь же большая ценность, как и любой единице производимого в стране национального продукта. Подобный сдвиг в андроцен-тричных ценностях культуры предполагает также и следующее: профессии, связанные с уходом за детьми и воспитанием детей, должны оплачиваться гораздо выше, чем в настоящее время. Постоянный уход за маленькими детьми должен рассматриваться как такой же вид жертвования собственной карьерой ради блага общества, как и служба в армии. В этом случае усилия женщин должны оплачиваться, и им должна оказываться помощь при вхождении в «гражданскую» структуру, аналогично закону о льготах демобилизованным.

Эта расширенная модель тендерной нейтральности равнозначно охватывает не только различия между женщинами и мужчинами, но также различия между женщинами, из-за которых совсем недавно была поставлен под угрозу сам проект единого феминистского решения проблемы женского неравноправия. Да, в этом проекте допускается, что у женщин различной расовой и классовой принадлежности, с разными сексуальными предпочтениями и т.п., имеются до определенной степени различные потребности и различный жизненный опыт. Однако эти различия между женщинами не должны больше расцениваться как неустранимые препятствия для общего феминистского решения; как препятствия они не серьезнее, чем различия между мужчинами и женщинами в отношении женского равноправия. Главный вопрос не в том, существуют или нет различия между женщинами; конечно, они есть. Главный вопрос в

следующем: достаточно ли широк диапазон феминистского анализа и предложений, чтобы этот анализ оказался эффективным в некоторых особых направлениях, в русле которых андроцентричные социальные структуры принижают различные группы женщин.
Один пример, иллюстрирующий необходимость такой широты, взят из моего собственного опыта: я отстаивала необходимость выделения субсидий по уходу за маленькими детьми для работающих вне дома женщин (и мужчин), а также предложила установить льготы для родителей, постоянно сидящих дома с детьми (некий аналог льгот для демобилизованных из армии). Примерами включения в феминистский анализ других важных сторон проблемы различий между женщинами могут быть: (1) отстаивание в ситуациях развода положения, согласно которому жены-домохозяйки вносят ощутимый

256

вклад в карьеру своих мужей; кроме того, требование соответствующих дополнительных выплат партнерам в браках сексуальных меньшинств, аналогичных и сопоставимых по размеру с выплатами женам в гетеросексуальных браках; (2) отстаивание необходимости того, чтобы не только право на аборт и право контроля над рождаемостью, но и медицинское наблюдение в пренатальном и постнатальном периодах было доступным для женщин из всех социальных классов.
Анализ того, как андроцентричные институты переводят различия в плоскость недостатков женщин, подразумевает три основных урока, изложенных в предыдущих главах этой книги; все они объединены значимостью окружения, в котором находится человек.
Урок первый, прямо вытекающий из главы о биологическом эссенциализме, состоит в следующем: какой бы мощной и детерминированной силой ни казалась биология, ее влияние в каждом конкретном случае зависит от окружения, с которым она взаимодействует. Аспект этого биологического контекстуализма (от слова контекстуальный — определяемый контекстом, зависящий от контекста. — *Прим. ред.),* который я хотела подчеркнуть в данной главе, представляет собой способность культурных технологий освобождать человеческий организм от того, что когда-то раньше представлялось его внутренними биологическими ограничениями — отсюда мой интерес к таким технологическим инновациям, как антибиотики, замораживание, контроль над рождаемостью и планирование пола будущего ребенка. То, что я хочу подчеркнуть в данной главе — это не способность культуры освобождать от биологический ограничений, а, наоборот, ее способность дискриминировать; в частности, способность социальной андро-центричной структуры взаимодействовать с биологией таким образом, что из этого взаимодействия «естественно» и автоматически вырабатывается женская ущербность и мужское преимущество.
В своих лекциях для студентов колледжа я привожу аналогию, поясняющую это взаимодействие. Аналогия связана с одним из моих недостатков — речь идет не о женственности, а о маленьком росте. (Мой рост всего около 145 см. — *СБ.)* Представьте сообщество, состоящее из таких коротышек, как я. Иногда можно услышать мнение, бытующее в американском обществе, будто бы люди маленького роста не могут работать пожарниками, потому что они для этого недостаточно высокие и сильные. Встает вопрос: могут ли, в конце концов, все дома в этом поселении коротышек сгореть? Ну да, могут,

257

если эти низкорослые люди пользуются тяжелыми лестницами и брандспойтами, предназначенными для рослых людей. Но ответ может быть «нет» в том случае, если мы, люди маленького роста (а мы умны, как все, кто невысок), сможем сконструировать более легкие лестницы и брандспойты, пригодные и для высоких, и для невысоких людей. Мораль ясна: проблема не в низком росте; проблема возникает тогда, когда люди низкого роста вынуждены функционировать в социальной структуре, приспособленной для высоких.
Второй урок, прямо вытекающий из главы о формировании индивидуального, состоит в следующем: при всей значимости искоренения любых форм прямой дискриминации женщин такое демократическое общество, как Соединенные Штаты, ограничивает своих граждан, и особенно женщин, не заключением под стражу, а, главным образом, наличием социальных институтов и правил. Эти институты и правила незаметно и автоматически прокладывают путь к любым исторически заранее заданным выборам, или традиционно стандартным способам поведения, запрограммированным для той или иной группы в нужное время и в нужном месте. Значение такого институционального «упрощения» легко просматривается в модели изменения поведения, наблюдаемой в таких местностях, как город Итака в штате Нью-Йорк, в котором я

живу. Там были приняты новые законы и нововведения, касающиеся такого важного события повседневной жизни, как повторная утилизация мусора. До введения программ повторной утилизации большинству жителей нашего микрорайона никогда и в голову не приходила подобная мысль; горстка пионеров повторной утилизации не могла обойтись со своим подлежащим повторной переработке материалом никаким иным способом, кроме как нарушая постановление: они кидали его в тару для мусора, предоставляя сборщикам возможность еженедельно увозить все это в своих коллекторах на местную свалку.

Теперь повторная утилизация узаконена и осуществляется при помощи специальных приспособлений для различных видов подлежащего переработке материала, а халатное поведение граждан почти ежедневно идет на убыль. Идея повторной переработки, возможно, пока не принята настолько, чтобы ею прониклось все новое поколение и никогда больше не швыряло бы сырье для утилизации туда, куда не следует. Но теперь этот процесс не так уж и сложно организовать, и отдельные люди уже не станут компрометировать себя, нарушая закон. Сходным образом, если у женщин когда-нибудь появится

258

право доступа к экономическим и политическим ресурсам Соединенных Штатов, должны быть созданы такие институты, которые так же облегчали бы *каждой женщине* процесс выполнения родительских функций и получение нормальной заработной платы, как, в конце концов, это произошло в Итаке, Нью-Йорк, в отношении всех и каждого в деле повторной утилизации мусора.

Третий урок, состоящий в том, как андроцентричные институты переводят различия в плоскость недостатков женщин, вытекает из главы об андроцентризме. Значение урока в следующем: возможно, в настоящее время и появятся гендерно-нейтральные институты, подобные действующим в Америке, согласно которым явная дискриминация женщин станет незаконной. Фактически же все общество настолько пропитано андроцентризмом, что даже институты, напрямую не дискриминирующие женщин — вроде закона о самозащите — неизбежно вызывают сомнение в самой своей основе.

В начале этой главы высказывалась мысль о том, что дискуссии о неравенстве полов топтались на месте из-за вопросов, неразрешимых из-за их акцентирования на половых различиях. Нужно понять, что есть возможность выйти за пределы различий между полами, и сделать это можно, переместив основной фокус дискуссии на проблему андроцен-тризма.

Обратимся сначала к дисскуссии о том, является невыгодное положение женщин в экономике и политике результатом дискриминации по признаку пола или результатом личного выбора самих женщин. При перемещении фокуса рассмотрения эти варианты больше не выглядят взаимоисключающими. Скорее, одно из основных направлений дискриминации по признаку пола в американском обществе характеризуется тем, что женщины вынуждены делать свой выбор в таком андроцентричном социальном мире, который не обеспечивает достаточного количества институциональных механизмов координирования между сферами оплачиваемого труда и обязанностей, связанных с родительством. То, что работающие женщины помещены в институциональный вакуум, позволило каждой женщине накопить свой собственный опыт, как согласовать оплачиваемую работу и семейные обязанности. Кроме того, почти гарантировано, что в большинстве случаев успех женщины на рынке труда сопряжен с огромными эмоциональными затратами. К сожалению, здесь не обошлось без иронии судьбы: поскольку на уровне культуры нет достаточного понимания

259

того, как действует системная дискриминация против женщин, она (культура. — *Прим. пер.)* часто ошибочно оценивает эти эмоциональные затраты, приписывая их не влиянию андроцентричных институтов, а «побочному результату феминизма» (Newsweek 1986. March 31. P. 58)[8].

Далее, рассмотрим дискуссии о том, какова наилучшая стратегия в отношении искоренения женского неравенства: тендерная нейтральность или особая защита. При смене фокуса рассмотрения эти две стратегии больше не противостоят друг другу. Вместо этого современные институты настолько последовательно проводят в жизнь линию андроцентризма, что для них единственный способ хотя бы начального приближения к тендерной нейтральности — это, в конечном счете, подвести общество к принятию полного комплекса особых привилегий для женщин, как оно всегда поступало в отношении мужчин, и только мужчин. Из того, что спектр этих особых привилегий для мужчин всегда был широк, а сами привилегии признавались серьезными, логически следует, что исключительно *в интересах нейтральности* особые привилегии для женщин должны быть в такой же степени либеральными и серьезными. Они

должны включать не только страхование медицинских проблем женщин, но и такие позиции, как оплачиваемый уход за ребенком, сопоставимые заработки в традиционно женских профессиях и даже преимущественное право быть принятым на работу для тех, кто у кого имеется стаж работы именно в профессиях, традиционно считающихся женскими.

Для тех, кто еще не понимает, что андроцентричные социальные институции устанавливают скрытые привилегии для мужчин и мужского опыта, высказанные предложения должны казаться глубоким заблуждением. В конце концов, они основываются на концепции групповых, а не индивидуальных прав. Но обозначать тендерную справедливость исключительно в значении индивидуальных прав имеет смысл *после* того, как равные условия для конкуренции, о которых всегда твердят мужчины, достигнут наконец такого уровня, что будут включать в себя как женские, так и мужские групповые права.

Как говорилось в главе 1, андроцентричное общественное устройство было создано богатыми, исключительно гетеросексуальными мужчинами, а не мужчинами вообще. Соответственно, большинство, на первый взгляд, нейтральных институций содержит скрытую дискриминацию бедных и цветных людей, сексуальных меньшинств, равно как и дискриминацию женщин. В этой книге приведено немало примеров

260

скрытой дискриминации сексуальных меньшинств, в том числе в отношении объема медицинского страхования для работающих и других дополнительных льгот, действующих только в тех случаях, когда пара нетрадиционной сексуальной ориентации официально зарегистрирована как супружеская. Скрытая дискриминация бедных ущемляет также и права цветных, о чем свидетельствуют два примера: финансирование государственных школ путем налогообложения местных жителей и обеспечение медицинского страхования при условии, если человек работает, причем, только на постоянном месте работы. Хотя ни в одном их этих правил открыто не упоминается ра-сово-классовая принадлежность или сексуальные предпочтения, они гораздо лучше согласуются с опытом небедных, белых и гетеросексуально ориентированных лиц. Так что не суть важно, насколько нейтрально эти правила выглядят — они по-прежнему продолжают систематически дискриминировать бедных, цветных, гомосексуалистов и лесбиянок и по — прежнему продолжают предоставлять групповые права богатым, белым и гетеросексуально ориентированным лицам[9].

И, наконец, коснемся споров о том, имеет ли смысл рассматривать равенство полов в значении равенства или здесь нужно говорить о подобии. Другими словами, должны ли женщины играть одинаковые с мужчинами социальные роли или они должны находиться на одинаковом с мужчинами уровне экономического и политического влияния, в то время как на практике, будучи женами и матерями, продолжать выполнять свои традиционно отличные роли. Если изменить фокус рассмотрения, то сам вопрос сходства или различия женских и мужских ролей отпадает. Проблема, скорее, в следующем: не превращают ли андроцентричные институции какие бы то ни было ролевые различия между женщинами и мужчинами в совокупность экономических и политических потерь для женщин как для группы в целом; причем *до такой степени,* что надо помешать этому явлению как можно скорее? Исчезнут ли сами собой ролевые различия между женщинами и мужчинами — это совершенно отдельный вопрос, который мы рассмотрим далее.

На пути к утопии: искоренение тендерной поляризации

До настоящего момента я пыталась предложить основы для достижения консенсуса между различными феминистскими взглядами в отношении тендерной политики, центрируясь на

261

^

дебатах вокруг андроцентризма социальных институций. Однако теперь я хочу выйти за пределы андроцентризма и встать на защиту утопических представлений, в плоскости которых тендерная поляризация, как и андроцентризм, полностью развенчана: различия между мужчинами и женщинами больше не формируют ни культуру, ни психику человека (за исключением специфических биологических контекстов, вроде репродукции). Эта особая утопия носит спорный характер, поскольку она подвергает сомнению фундаментальное убеждение в том, что мужчины и женщины отличаются друг от друга в психологическом и половом аспектах. Данный взгляд спорен еще и тем, -что не согласуется с доминирующей в современной Америке феминистской мыслью (которая сама нуждается в доказательствах) — с мнением о том, что женщина является центральной фигурой мироздания. (Этого вопроса мы уже касались раньше).

Тендерная поляризация — фактор, организующий общественную жизнь вокруг мужских и

женских различий, формирующий культурную связь между полом и практически любым другим аспектом человеческого опыта, включая манеру одеваться, социальные роли *ш* даже способы выражения эмоций и переживания сексуального желания. Соответственно, отказ от тендерной поляризации требует разрыва всех этих созданных культурой связей и сужает диапазон различий между мужчинами и женщинами до уровня органической — но чрезвычайно важной — соотнесенности, прежде всего касающейся биологии репродукции. При полной тендерной деполяризации биология пола будет «минимально представлена» в социальной жизни человека (Cornell 1987, р. 289). Иначе говоря, вся совокупность человеческого опыта больше не будет подразделяться на культурные категории, основанные на тендере, так что представители разных полов больше не будут культурно идентифицироваться по различиям в стилях одежды, различным социальным ролям, личностным характеристикам или по сексуальным и эмоциональным проявлениям в партнерстве: все эти культурные призиаки для распознавания пола будут значить не больше, чем сейчас значит цвет глаз или размер обуви.

Отсутствие сценариев, базирующихся на тендере, не следует понимать только в том смысле, что мужчины и женщины будут иметь большую, по сравнению с имеющейся сейчас, свободу в проявлениях маскулинности, фемининности или андрогинности, гетеросексуальности, гомосексуальности или бисексуальности. Скорее, различия между мужским и

262

женским больше не будут располагаться на оси культурных координат. Это, в свою очередь, означает, что сами понятия маскулинности, фемининности и андрогинии: гетеросексу-альности, гомосексуальности и бисексуальности — будут отсутствовать в культурном сознании, как сейчас отсутствуют такие понятия, как специфика эротических предпочтений в зависимости от полихромности *(«hetero-eye-colored»eroticism),* монохромности *(«homo-eye-colored» eroticism)* или сочетания *(«bi-eye-colored» eroticism)* этих особенностей радужной оболочки глаз[70].

Хотя феминистки в целом, возможно, и не поставили перед собой задачу устранения тендерной поляризации, мой собственный настрой изъять ее как из области культуры, так и из сферы человеческой психики опирается на два независимых критических подхода к тендерной поляризации. Первый вытекает из общей гуманистической озабоченности тем, что тендерная поляризация не дает возможности мужчинам и женщинам в равной степени развивать свой полный человеческий потенциал. Второй подход выражает характерную именно для феминизма тревогу по поводу принципа, в соответствии с которым тендерная поляризация предусматривает андроцентризм.

С позиции гуманистически-ориентированной критики конца 1960-х — начала 1970-х годов, бывшей популярной среди теоретиков андрогинии, к которым отношусь и я, разделение человеческого опыта на маскулинный и фемининный ограничивает человеческий потенциал, по крайней мере, тремя взаимосвязанными способами.

Во-первых, тендерная поляризация приводит, скорее, к однородности женщин и мужчин, что предусматривает разнообразие и несходство, естественно проявляющееся внутри каждого пола, или некоторое естественное частичное совпадение между полами, обеспечивающее расцвет в социальной и психологической сферах жизни. Кроме несовместимости с разнообразием человеческой природы, подобная однородность не согласуется с такой американской ценностью, как свободный выход за пределы условных границ характеристик, определяемых происхождением — например, пола, расы и касты.

Во-вторых, тендерная поляризация делит на две части не только человечество, но и бытие людей в мире, получая маскулинный и фемининный типы, тем самым, оставляя вне сферы рассмотрения и изучения не только людей андрогинно-го склада, которые когда-то были объектом пристального внимания феминистов, но также андрогинные способы

263

отношения с миром, в чем часто виделась самая суть человеческой нормальности. Рассмотрим для примера гендерно-по-ляризующую дихотомию между мужской автономией и женской зависимостью. Несмотря на то, что все человеческие существа являются одновременно и неоднозначно как отдельными и автономными индивидуальностями, так и полностью взаимосвязанными и взаимозависимыми членами человеческого общества, этот двусторонний факт человеческого бытия не отражен ни в одной концепции гендерно-поляризующеи культуры. Возьмем другой пример — гендерно-поляризующеи дихотомии между мужской рассудочностью и женской эмоциональностью. При том, что человеческая психика является одновременно и нераздельно и рациональной, и эмоциональной, этот факт также не отражен ни в одной концепции

гендерно-поляризующеи культуры.
Наконец, тендерная поляризация настолько энергично расширяет понимание того, что значит быть мужчиной или что значит быть женщиной, что вследствие этого возникла парадоксальная культурная идея, согласно которой «настоящий» мужчина и «настоящая» женщина существенно отличается от просто биологического мужчины и биологической женщины. Эта парадоксальная идея, в свою очередь, приводит к тому, что мужчины и женщины слишком глубоко проникаются чувством, что женственность или мужественность — это не просто дар природы; чтобы выглядеть по-настоящему мужественным или женственной, надо этого добиваться, работать над собой и не портить своего имиджа «неправильным» поведением. Культурой выработано не имеющее аналогов понятие «настоящий» человек, благодаря чему люди никогда полностью не уверены в адекватности своего поведения этим представлениям о «настоящем человеческом» — гуляют ли они, играют ли, едят, думают или занимаются сексом; они просто отмахиваются от того стиля поведения, который заложен в них биологической природой.
Таким образом, сущность гуманистического несогласия с тендерной поляризацией состоит в том, что она превращает мужчин и женщин в тендерные карикатуры, лишая их возможности в полной мере проявлять свой человеческий потенциал. В противоположность гуманистической позиции, собственно феминистские возражения заключаются в следующем: тендерная поляризация способствует и поощряет воспроизводство власти мужчин на уровне общества, подчеркивает фундаментальность различий между маскулинным и фемининным, что, в свою очередь, составляет почву для уко-
264
ренения андроцентризма. Этот антифеминистский аспект тендерной поляризации проявляется на трех уровнях: институциональном, психологическом и идеологическом.
На институциональном уровне тендерная поляризация способствует и поощряет воспроизводство власти мужчин на уровне общества, производя дихотомию: с одной стороны, выделяется маскулинная сфера оплачиваемого труда, а с другой — фемининная сфера быта и воспитания детей. Тем самым поддерживается тендерное разделение труда и затушевывается необходимость в любых механизмах — например, оплачиваемого ухода за детьми — которые давали бы возможность любому человеку свободно функционировать в обеих сферах. Механизмы такого рода координации будут считаться излишними до тех пор, пока тендерная поляризация будет гарантировать, что разным людям (то есть мужчинам и женщинам) нужно заниматься разными делами; отсутствие скоординированное™ в разных сферах жизнедеятельности будет и дальше способствовать сохранению половой иерархии и исключению авторитета женщин в экономической и политической сферах.
На психологическом уровне тендерная поляризация способствует и поощряет воспроизводство власти мужчин на уровне общества, дихотомически помещая по разные стороны женскую и мужскую индивидуальность и личность. Этим и поддерживается идея *психологической* маскулинности и феми-нинности, к которой культура с готовностью приспосабливает свои андроцентричные концепции силы и бессилия. Этот ужасный альянс андроцентризма и тендерной поляризации располагает мужчин формировать идентичность, основным стержнем которой является доминирование, а женская идентичность формируется на фундаменте уважения. Тех же, кто не вписывается в данные взаимоисключающие типы идентичности, культура воспринимает как «ненормальных», да и сами они считают так же.
Наконец, на идеологическом уровне тендерная поляризация способствует и поощряет воспроизводство власти мужчин на уровне общества, выстраивая культурный дискурс в таком направлении, что даже наиболее вопиющие примеры неравенства полов рассматриваются не иначе, как половые различия. Иначе говоря, тендерная поляризация дает право религии, науке, законодательству, средствам массовой информации, и т.д. логически обосновывать существующее положение в сфере пола таким образом, что это автоматически делает линзы андроцентризма незаметными. Конечно, не
265
одна только тендерная поляризация создает видимость разумности сохранения статуса-кво в сфере пола; линзы биологического эссенциализма довершают этот процесс, определяя сами различия между мужским и женским как биологически естественные.
Кроме критики тендерной поляризации со стороны гуманистов и феминистов, есть еще и общий моральный аргумент, охватывающий все антигуманистические и антифеминистские аспекты тендерной поляризаци. Основной посыл этого довода состоит в том, что, разделяя человеческие

ценности и опыт на маскулинный и фемининный, тендерная поляризация не только помогает мужчинам удерживать культуру в своих руках, но также удерживает культуру в тисках максимально выраженных мужских ценностей. Это создает проблему морального свойства: в мире сугубо мужских ценностей война предпочтительнее мира, риск важнее оказания помощи, и даже подчинение природы существеннее поиска гармонии с ней. И если случится так, что именно мужчинам будет предоставлено неоспоримое преимущество в принятии решений общественного и даже мирового масштаба, есть опасность, что это приведет не только к взаимному уничтожению в огромных масштабах, но и к уничтожению нашей планеты.

Единственная польза от того, что тендерная поляризация столь основательно внедрилась в андроцентричные институты, состоит в том, что предполагаемые изменения на институциональном уровне, имеющие целью покончить с андро-ценризмом, с таким же успехом обязательно затронут и тендерную поляризацию. Вернемся к предположению о том, что общество могло бы выработать механизмы оптимального соотношения участия человека в трудовом процессе и в семье. Кроме направленности против андроцентризма, это институциональное нововведение работало бы на разрушение границ между маскулинным миром оплачиваемого труда и фемининным миром быта и заботы о детях. Оно бы инициировало процесс отмены поляризации в отношении индивидуальности и личности, предоставив женщинам осваивать навыки власти и общественного положения, а мужчинам — приобретать опыт заботы и помощи другим. И хотя другие формы институциональных изменений в большей степени касаются тендерной поляризации, я полагаю, что наиболее эффективный путь развенчивания тендерной поляризации лежит в направлении развенчивания андроцентризма (не говоря уже о необходимости покончить с любыми формами

266

дискриминации против лесбиянок, гомосексуалистов и бисексуалов).

В конечном итоге, тендерная деполяризация может потребовать даже больших мер, чем *социальная* революция, направленная на переустройство социальных институтов и создание новых дискурсов культуры. Тендерная деполяризация также потребует *психологической* революции на уровне личности (что же мы все-таки собой представляем как мужчины и женщины?), так же как и глубоких изменений на уровне чувств по поводу того, что для нас значит наш биологический пол и как он связан с нашей психикой и сексуальностью.

Попросту говоря, эта психологическая революция заставит всех нас начать оценивать биологический факт бытия женщиной или мужчиной во многом точно так же, как сейчас мы оцениваем биологический факт бытия *человеком.* Кто-то считает, что мы аутентичны своему полу и надо максимально это использовать; кто-то считает принадлежность к определенному полу настолько незначительным фактом, что требуется повышать значение пола; иные полагают, что рамки пола настолько ограничивают нас, что пора бы придумать какую-нибудь другую теоретическую модель. Вместо этого можно было бы рассматривать пол как всецело данный нам от природы, влияние которого мы поэтому и можем использовать автоматически. С другой стороны, влияние пола ограничено только лишь теми сферами, в которых он действительно воздействует как биологический фактор, и поэтому он совершенно безопасно может быть «задвинут» на периферию нашего сознания и оставлен там в одиночестве. Иными словами, биологический пол больше не может оставаться центральным фактором индивидуальности и сексуальности.

Примечания

Глава 2

[1] В более широком контексте феминистская критика науки представлена в работах Bleier (1988a), Haraway (1989), Hardling (1986,1987), Hardling, O'Barr (1987), Keller (1985), Longino (1987, 1990), и Shiebinger (1978, 1989). Критика науки как культурной и исторической деятельности представлена в работах Bernstein (1976), Feyerabend (1976), Fiske, Shweder (1986), Kuhn (1962), Polanyi (1967), Rorty (1979) и Toulmin (1972,1982).

[2] Хотя, по моим сведениям, известный биолог Эрнст Меир (Ernst Mayr) никогда не рассматривал тему биологического эссенциализма в теориях половых различий и мужского превосходства, он утверждал, что «огульные заявления в расистской литературе... почти неизменно основывались на эссен-циалистских» представлениях (1982, p. 47). Для знакомства с более глубоким анализом истории биологического эссенциализма с позиций эволюционного биолога см.: *Growth of Biological Thought* (1982) Эрнста Меира, в частности, его определение разницы между эссенциалистским, или типологическим, подходом (согласно которому все элементы, входящие в

одну и ту же категорию, по сути однаковы) и популяционным подходом (согласно которому каждый член группы биологически уникален).

[3] Дискуссия о биологических философствованиях в отношении классового и национального происхождения в конце XIX и начале XX века основывается большей частью на работах Kamin (1974) и Gould (1981).

[4] К середине девятнадцатого века это утверждение о наличии «врожденного расового характера» африканцев полностью совпало с псевдонаучной теорией «полигенеза», согласно которой расы были, скорее, сформированы как совершенно отдельные и отличные друг от друга виды, чем как вариации одних и тех же видов. Сторонником этой теории был даже известный гарвардский биолог Луи Агасси. Несмотря на то, что автор теории полигенеза Чарльз Колдуэлл в 1830 году недвусмысленно утверждал, что эта теория никогда не должна приводиться в оправдание «порабощения африканцев или истребления индейцев» (цит. по: Fredrickson 1971, p. 73), за очень короткий промежуток времени полигенез стал использоваться в качестве «научной апологии порабощения негров и уничтожения индейцев» (Fredrickson 1971, p. 77). Данная цитата взята из одной из основных книг по полигенезу под названием *Человеческие типы (Types of Mankind)(\%5^)* «Совершенно очевидно, что наше отношение и обращение с этими людьми должно в большой степени зависеть от их врожденного расового характера. В то время как контакт с белым человеком кажется губительным краснокожему индейцу, чье племя растаяло под натиском решительного наступления поселенцев, как весенний снег (под угрозой полного вымирания), негр расцветает под защитой своего белого хозяина, с готовностью принимая уготованное ему положение, живет и плодится, преумножая свое благосостояние» (цит. по: Frederickson 1971, p. 77—78). Более подробно на тему подобного страшного альянса науки и расизма в девятнадцатом веке см.: Fitzhugh (1854/1965), Frederickson (1971) и Jordan (1968).

[5] Об истории движения в защиту евгеники см.: Haller (1963) и Kevles (1985). О двух дополнительных документах, в которых придается особое значение превосходству «нордической крови», см.: Grant (1922) и Stoddard (1920).

[6] Дискуссия о биологических теориях пола, выдвигавшихся с конца девятнадцатого века по начало двадцатого века, наиболее полно представлена в исследовании Sayers (1982). Более подробно о соотношении биологических теорий и текущей политики см.: Bannister (1979), Gould (1980), Hofstadter (1959), Hubbard (1979), Jordanova (1980, 1989), Merchant (1980), Newman (1985), C.E. Rosenberg (1976), Russett (1989), Shields (1975a, 1982), Smith-Rosenberg, Rosenberg (1973).

[7] Хотя здесь представлена большей частью моя собственная критика со-циобиологии, последняя была объектом критики со стороны многих исследователей, включая Bleier (1984), Fausto-Sterling (1985), Flax (1987), Gould (1981), Haraway (1981), Levins, Lewontin (1985), Lewontin (1977), Quadagno (1979), Sahlins (1976), а также Sayers (1982). О более поздних дискуссиях по поводу социобиологии см.: Caplan (1978).

[8] Обсуждение истории и доказательств теории гормонального обеспечения в пренатальном периоде развития плода более полно приведена в Seiwert (1988). Также см.: обзоры Adkins-Regan (1988), Arnold, Gorski (1984), Beach (1981), Beatty (1979), Feder (1984), Jost (1983), Longino, Doell (1983), Meaney (1988), Meyer-Bahlburg (1984), а также: Whalen (1968). Кроме того, см.: Fausto-Sterling (1985), Bleier (1984) и особенно: C.L.Moore (1985) и Birke (1989).

[9] Более детально о том, как половые различия опосредуются социальным взаимодействием даже в животном мире, см.: C.L.Moore (1985), Birke (1989), а также Goldfoot, Neff (1987).

[10] Обзор последних работ по этой теме см.: Fausto-Sterling (1985). Иная критика, в особенности в отношении исследования Money и Ehrhardt, представлена в работах Bleier (1984), Fausto — Sterling (1985), а также: Quadagno et al. (1977).

[11] Замечательные прения по этим дебатам приведены в H.L.Moore (1988), гл. 2.

[12] Существуют совершенно противоположные аргументы на этот счет: некоторые авторы считают, что в основе способности к образованию такого рода «связки» с младенцем лежат не только различия между полами, но также и наступающая сразу после рождения возможность контакта матери с ребенком, в процессе которого и появляется эта связка. Основательная критика этого аргумента применительно к людям содержится в работе Myers (1984). По вопросам современных оценок всего накопленного материала в этой области см.: Fleming (1989). Впечатляющее исследование того, как иные формы социального опыта, кроме контакта, также могут влиять на родительскую мотивацию, приведено в Goldfoot, Neff (1987). Ученые обнаружили: хотя взрослые мужчины и женщины в равной степени способны заботиться о

запеленутом младенце в отсутствии кого-либо из других взрослых, те же самые взрослые мужчины совершенно игнорируют младенца в присутствии взрослой женщины.

Глава 3

[1] Это краткое обсуждение концепции патриархата представляет лишь один очень небольшой фрагмент современной феминистской мысли. Подробнее

269

об эволюции современного феминистского мышления, начиная с 1960-х годов, см.: Davis (1981), Donavan (1988), Echols (1989), H. Eisenstein (1983), Hull, Scott, Smith (1982), Jaggar (1983), а также: Nicholson (1986).

[2] Даже в такой краткой цитате Бовуар великолепно предвосхищает появление двух взаимосвязанных концептов, которые позднее будут разрабатываться в лингвистике и психологии. Когда она замечает, что понятие «мужчина», в основном, рассматривается «и как позитивное, и как нейтральное», она предвосхищает лингвистическое разграничение между «маркированными» и «немаркированными» терминами, когда они находятся в оппозиции друг к другу. Бовуар уловила идею о том, что типичный контраст между противоположностями (как, например, хороший — плохой, длинный — короткий или счастливый — несчастный) не является симметричным, то есть, одно понятие находится на положительном полюсе шкалы, а другое — на отрицательном полюсе. В большинстве, если не во всех случаях, контраст является асимметричным. Это значит: приняв нейтральное значение, позитивный, или немаркированный, термин указывает, скорее, на саму шкалу в целом, а не на ее позитивный полюс; но негативный, или маркированный, термин указывает именно на негативный полюс шкалы. Эта асимметрия легко улавливается в вопросах. Вопросы, содержащие немаркированные термины, вроде «Насколько хорошим оказался этот фильм?» или «Насколько высок Крис?» не подразумевают, что фильм был хорош, или что Крис высокого роста. В то же время вопросы, содержащие маркированные термины, вроде «Насколько плох был фильм?», или «Насколько недотягивает Крис в росте?» подразумевают, что ответ должен находиться где-то рядом с негативным полюсом шкальк Применимость такого рода разграничений к гендерно противоположным парам понятий, вроде мужчина — женщина, лев — львица, кобель — сука, мастер — мастерица, очевидна. В каждой приведенной паре термин, обозначающий мужской пол, не маркирован, и поэтому может принять нейтральное значение, с тем чтобы включить в себя термин, обозначающий женский пол.

Однако, когда Бовуар пишет, что «есть абсолютно мужской тип, маскулинный... Таким образом, род людской является мужским,» нейтрализация мужчины с тем, чтобы он заключал в себе и женщину, больше не является для нее главной темой. Главное — маскулинизация всего человечества как вида, когда женщина исключается или, по крайней мере, рассматривается как другая, не похожая на мужчину.

В данном случае Бовуар предвосхищает такой психологический концепт, как прототипичность, подразумевающий идею о том, что категория человеческого (так же как категория *птица* или даже категория *человек)* не является симметричной структурой, все элементы которой воспринимаются как совокупность необходимого и достаточного. Скорее, категория человеческого - это асимметричная структура, стержнем которой является прототип (первообраз, модель. - *Прим. пер.)* и которая содержит в себе как главные, так и второстепенные элементы. Любые элементы, образующие данную категорию, не равны по своему статусу в системе представлений воспринимающего эту категорию человека; какие — то элементы воспринимаются как более равноценные (или более прототипные), по сравнению с другими элементами. Например, дрозд — более прототипная птица, чем цыпленок или страус. Полезность концепции прототипа очевидна. Как и про-тотипный элемент в любой категории, мужчина рассматривается в качестве ориентира, стандарта по отношению к категории человеческого существа; а женщина, как и любые непрототипные элементы в любой категории,

270

рассматривается как вариация прототипа, то есть как менее репрезентативный представитель человеческого рода.

Подробнее о различиях между маркированным и немаркированным см. в работах: Lyons (1977) и Clark (1969). Подробнее о понятии прототипично-сти, оспаривающем «классические» взгляды на концепты и категории, см. Rosch (1973), Lakoff(1987), Smith, Medin (1981), а также: Gardner (1985), глава 12.

[3] Об истории иудейско-христианской традиции см.: Pagels (1976), Phillips (1984), Sanday (1981), Lerner (1986), главы 8 и 9. Подробнее об идеологической борьбе течений внутри раннего

христианства см.: Pagels (1977, 1988).
[4] По поводу дискуссии о традиционной библейской интерпретации женщины см. Phillips (1984), Sanday (1981). По вопросу феминистского переосмысления и реконструкции религиозных текстов и религиозной практики см.: Plaskow (1990), Reuther (1985), а также: Sjoo, Mor (1987).
[5] О древнегреческой мысли см.: Okin (1979). Более подробно о женщинах в западной политической мысли см.: Saxonhouse (1985) и Bullough, Shelton, Slavin (1988). О направлении, описывающем древнегреческую мысль как восходящую к более ранней африканской цивилизации, см.: Bernal (1987).
[6] По крайней мере, одна исследовательница феминистского направления (Saxonhouse 1985) не согласна с подобным уравниванием Платона и Аристотеля. По ее мнению, Платон отвергает женское тело, искусственно отводя материнству такую же неопределенную роль, как и отцовству; Аристотель придает большое значение именно тем добродетелям, которые составляют суть роли женщины в семье — стабильности, сдержанности, а также заботе о детях и об их образовании.
[7] Всесторонний анализ естественных прав и теории социального контракта с позиций феминизма дан в работе Pateman (1988).
[8] Для более детального ознакомления с полной теорией Фрейда см.: Hall (1954).
[9] Более детальный обзор этих трех типов реакций со стороны феминисток дан в книге Sayers (1982), глава 8. Подробнее о дискуссии между Фрейдом и его современниками написано в книге Gallop (1982), глава 2, также см.: Mitchell (1974), p. 121-131.
[10] Подробнее об этой третьей разновидности реакций со стороны феминисток см.: Einstein, Jardine (1980), Mitchell (1974), Gallop (1982, 1985), а также: Moi (1985).
[!1] Об анализе этой области американского законодательства с позиций феминизма см.: Estrich (1987), Lindgren, Taub (1988), Rhode (1989), Russell (1982).
[12] Мои рассуждения, касающиеся времен до начала Гражданской войны, во многом опираются на работы Sachs, Wilson (1978). Более детальный анализ дан в работах Basch (1982), DuBois (1978), Flexner (1959), Gurko (1974), Norton (1980) и Pleck (1987).
[13] Мои рассуждения о периоде после Гражданской войны во многом опираются на работы Sachs, Wilson (1978), Lindgren, Taub (1988), Taub, Schneider (1982), а также Baer (1978).
[14] За небольшими исключениями, которые четко обозначены, приведенные в конце главы судебные решения можно найти в работе Lindgren, Taub

(1988). Решение по делу *Slaughter — House,* приведенное здесь, явилось первым исключением (см.: Sachs, Wilson, 1978, p. 99—100.
[15] Процитировано по Sachs, Wilson, 1978, p. 122.
[16] Процитироваано по Ваег, 1978, р. 50.
[17] Мое обсуждение современной эры равенства в этом разделе и далее во многом опирается на работы Baron (1987), Lindgren, Taub (1988), Taub, Schneider (1988), MacKinnon (1987) и Scales (1980-1981).
[18] Практически до 1960-х гг. выносились судебные определения о необходимости специальных проверок, в особенности в отношении негров. См., например: примечания к знаменитому делу *Соединенные Штаты против Кэ-ролин Продактс (United States* v. *Carotene Products,* 1938).
[19] Подробнее об этой стратегии и полемике вокруг нее см.: Cole (1984).
[20] Для более полного представления о характере дискуссий о беременности и других юридических разногласиях в отношении женского организма см.: Z.R.Eisenstein(1988).
[21] Более полно по вопросу половой сегрегации на месте работы см.: Reskin (1984). Подробнее по вопросу сопоставимой ценности см.: Gold (1983), а также Treiman, Hartman (1981).
[22] В исходном исследовании неравного положения мужчин и женщин после развода (Weitzman 1985) было показано, что эта диспропорция еще больше: уровень жизни мужчин после развода поднимается на 42%, а женщин-опускается до 73%. Позднее эти количественные показатели оспаривались, о чем см.: Faludi (1991, P. 19-25).
Глава 4
[1] Эти взаимоисключающие сценарии не обязательно идентичны в разных субкультурах большого общества, что прекрасно показано в недавнем исследовании различий маскулинности на уровне расы, общественного класса и этноса. См., например: Segal (1990).
[2] В этой главе обсуждение изменяющихся моделей сексуального поведения опирается, в основном, на следующие источники: D'Emilio (1983b), Greenberg (1988), Katz (1976), а также Duberman, Vicinus, Chauncey (1989). Подробнее об однополой романтической женской дружбе см.:

Smith-Rosenberg (1975) и Faderman (1978, 1981, 1991).
[3] Обсуждение изучения половой жизни в девятнадцатом веке основывается на исследованиях: Birken (1988), Chauncey (1982, 1983), Faderman (1978), Foucault (1978), Greenberg (1988), Marshall (1981), Weeks (1981, 1986).
[4] Полнее об исследовании половой жизни феминисток и незамужних женщин см.: Faderman (1981) и Jeffreys (1985).
[5] О дифференциации между выбором сексуального объекта и сексуальной инверсией много писали Chauncey (1982—1983), Focault (1987) и D.King (1981). Полнее этот вопрос изложен у Havelock Ellis, см.: Robinson (1976) и Weeks (1977).
272
[6] Полнее о викторианских взглядах на сексуальность и их истоках см.: Cott (1978), а также: D'Emilio, Freedman (1988), глава 3.
[7] Данный анализ развития науки о половой жизни сходен с анализом этой темы, проделанным Chauncey (1982-1983), D.King (1981) и Marshall (1981). Несколько иной взгляд изложен в работе Birken (1988).
[8] Подробнее о дарвинистских взглядах Фрейда см.: Birken (1988), Marcus (1975) и Sulloway (1979). Более детальное обсуждение теории Фрейда о мужском гомосексуализме см.: в работе Lewes (1988). Более современные рассуждения обобщающего характера о лесбиянках представлены в работе Kitzinger (1987).
[9] Более тщательный анализ этого важного труда представлен во введении к работе Stephen Marcus издания 1975 года.
ю Эти теории обобщены в работах Lewes (1988) и C.Thompson (1947).
[11] О последователях психоанализа Фрейда см.: Lewes (1988) и Bayer (1981). О других направлениях, отраженных в многочисленной психоаналитической литературе пост-фрейдовского периода, см.: Friedman (1988).
[12] Критика общего отхода от сексуальности дана в работе Marcuse (1955).
[13] О многолетних клинических испытаниях некоторых из множества видов терапии см.: Katz (1976).
[14] Следует помнить, что авторство классификации DSM принадлежит Американской психиатрической Ассоциации.
[15] Эта схватка прекрасно описана в работе Bayer (1981).
[16] Краткая характеристика эры Маккарти опирается на работы D'Emilio (1983b), а также D'Emilio, Freedman (1988).
[17] Труды Кинси (Kinsey), Форда (Ford) и Бич (Beach) и также Хукера (Hooker) обобщены в работе Bayer (1981). Детальнее о трудах Кинси см.: Robinson (1976).
[18] Вклад Томаса Шаца, оспаривавшего существующие категории психического здоровья, что являлось протестом против социальной власти психиатрии, обобщен в работе Bayer (1981). Одними из первых среди социологов, обсуждавших социальный аспект формирования сексуальности, были: William Simon и John Gagnon (1967), утверждавшие, что все сексуальное поведение строится по определенным культурным сценариям и научение здесь происходит точно таким же образом, как и в других культурно специфических областях поведения — в соответствии с определенными сценариями; Mary Mcintosh (1968), за которой закрепилась репутация первого исследователя, предположившего, что гомосексуальная «роль» является недавним культурным изобретением; Howard Becker (1963), Erving Goffman (1963), Edwin Schur (1965) и Martin Hoffman (1968), считавшие взгляд на гомосексуальность как на патологию упражнениями в социальном контроле над отклонениями от нормы. Подробнее об этих и других социологах см.: Plummer (1981) и D'Emilio (1983b), p. 142—144. Оригинальный текст статьи Макинтош (Mcintosh), а также более недавние интервью, взятые у нее Джеффри Уиксом (Jeffrey Weeks) и Кеннет-том Пламмером (Kenneth Plummer), содержатся в работе Plummer (1981).
[19] Рассмотрение многочисленных культур, где гомосексуальность включена в тендерные сценарии, см.: в работе Greenberg (1988). Более глубокий анализ случая в Замбии в этом отношении проделан Herdt (1981).
273
[20] Более детальную критику концепта гомофобии см.: Plummer (1981a) и Kitzinger (1987).
[21] Более подробно об истории женоненавистничества в психологическом аспекте и многоплановости взглядов на этот вопрос на ранних этапах феминизма см.:: Shields (1975a, 1975b, 1982). Более полно вопрос о феминистских исследованиях раннего периода в широкой области

социальных наук изложен в работе R.Rosenberg (1982).
В своих обзорах литературы раннего периода, касающейся половых различий, и Woolley, и HoUingworth решительно критиковали своих коллег за научную недоброкачественность. Woolley в 1910 году высказался следующим образом: «Вероятно, нет такой области знаний, претендующей на научность, как эта, где буйно разрастается ужасающая личная предубежденность, погребенная под предрассудками логика, необоснованные утверждения и даже сентиментальная чушь и слюни» (цит. по: Shields 1975a, p. 739).
[22] Глупая и бредовая ненависть к женщинам, о чем говорил Woolley, не исчезла с первыми феминистскими выступлениями. Ко времени появления второй волны феминизма в конце 1960-х, в общественно-научной литературе существовала новая ниша, заполненная массой исследований и теорий, доказывающих как различия между мужским и женским, так и женскую неполноценность. (Значительно более полный обзор литературы женоненавистнического толка составлен Garai, Scheinfield 1968). В русле второй волны феминистского движения группа женщин с докторскими научными степенями по психологии поставила задачу снова воспользоваться мощью эмпирической науки, чтобы изучить половые различия непредвзято и объективно (например: Deaux 1976; Frodi et al. 1977; Hochshild 1973; Hyde, Linn 1986; Sherman 1971; и особенно Maccoby, Jacklin 1974). Критика имеющейся в психологии традиции пытаться установить эмпирически раз и навсегда, какие из предполагаемых различий между мужчинами и женщинами относятся к области мифов, а какие являются реальностью, содержится в работах: Bleier (1988b), Block (1976), Eagly (1987), Epstein (1988), Hare-Mustin, Maracek (1988, 1990), Sherif (1979), а также Unger (1983).
[23] Я признательна Moravski (1985) за упоминание моего имени в истории психологии в контексте связи между ранее полученными данными об отсутствии половых различий и развитием теста маскулинности — феминин-ности.
[24] О критике, обращенной к Terman и Miles, сообщали Morawski (1985) и Lewin (1984a). О критическом обсуждении тестов интеллекта см.: Gould (1981).
[25] Обзор, посвященный этим более поздним тестам, см.: Lewin (1984b) и Constantinople (1973).
[26] Об истории критики концепций транссексуализма и трансвестизма см.: D.King (1981). К трудам, в которых с наибольшей убежденностью доказывается, что транссексуализм является самостоятельным психиатрическим феноменом, относятся: Benjamin (1966), Stoller (1968), Green, Money (1969), Green (1974), а также классификация DSM-III, составленная Американской Психиатрической Ассоциацией. Лучшим источником научно-популярного характера на тему транссексуализма, видимо, является книга Steiner (1985).
[27] Обсуждение (скорее, в негативном свете) практики хирургической смены пола психиатрами, специализирующимися в области тендерных расстройств, приведено в работе Stoller (1985), глава 9. Более позитивные взгляды на этот

вопрос в связи с долговременным положительным эффектом приведены в работе Blanchard (1985).
[28] Работа Reker описана детально у Zucker (1985). Она носит принудительный характер; по крайней мере, в двух своих последних книгах, написанных для широкой аудитории, Reker также способствовал искоренению того, что он понимал под сексуальной перверсией.
[29] Прекрасной новой книгой, в которой транссексуалисты не представлены больными людьми и где исследуется культурное значение всех видов ношения одежды противоположного пола в истории, литературе, кино, фотографии, популярной и массовой культуре, является Garber (1992).
[30] Многочисленные эмпирические доказательства, подтверждающие это мнение, приведены в обзоре Huston (1983).
[31] Лучше всего эти противоположные направления в психологии развития иллюстрируют две теории: теория социального научения (Mischel 1970) и когнитивная теория развития (Kohlberg 1966). Критический анализ этих и других теорий, объясняющих присвоение гендера, дан в работах Mussen (1969), Maccoby, Jacklin (1974), Huston (1983), Bern (1985).
[32] Традицию Колберга продолжили Lewis, Brooks-Gunn (1979), Martin, Halverson, а также Ullian (1981).
[33] Более полное введение в теорию Пиаже изложено в Flavell (1963) и Piaget (1970).
[34] Эмпирические доказательства утверждения, согласно которому маленькие дети в Америке могут отличать мужчин от женщин с большей легкостью на основе культурных условных знаков, чем на основе биологических признаков, можно найти в работах: Bern (1989), Carey (1985), Goldman, Goldman (1982), Katcher (1955), Levin, Balistrieri, Schukit (1972), а также Thompson, Bentler (1971). Эмпирические доказательства утверждения о том, что маленькие дети в Америке

создают более ограничительные тендерные правила для своих сверстников-мальчиков, по сравнению с соответствующими правилами для сверстниц-девочек, представлены в работах: Carter, McCloskey (1983— 1984), Fagot (1977, 1985), Stoddart, Turiel (1985).

[35] Разъяснения в отношении критики стадийности развития и эмпирические доказательства в поддержку этой критики даны в работах: Bern (1989), Carey (1985), Chi (1978), Gelman, Baillargeon (1983), Gelman, Gallistel (1978), а также Keil (1989).

[36] Об этих ранних ориентирах см.: Broverman et. al. (1970), Bern (1972, 1974), Block (1973), Constantinople (1973), а также: Spence, Helmreich, Stapp (1974).

[37] Вместе взятые, разделы об андрогинии и о гендерной схематизации, а также части следующего раздела, касающиеся утверждения женских отличий, составляют два аспекта феминистской психологии в течение последних двадцати пяти лет. Другие рассуждения о психологии феминизма в этот период можно найти в работах: Crawford, Maracek (1989), Deaux (1984), Fine (1985), Fine, Gordon (1989), Hare-Mustin, Maracek (1988, 1990), Henley (1985), Jacklin (1989), Lykes, Stewart (1986), Parlee (1979), а также: WaUston (1981).

[38] Лучшие из последних комментариев к тесту BSRI и другим сходным методам самооценки, относящимся к тендеру, даны Lenney (1991). Исходное описание самого теста BSRI см.: Bern (1974, 1977, 1981a). В психологии было много разногласий (скорее, технического характера) по вопросу самой

процедуры оценки результатов и содержания BSRI, также как и в отношении постоянства результатов теста. Хотя это вряд ли интересно кому-нибудь, кроме психологов, соответствующие сведения представлены в Bern (198S), Spence (1984), Taylor, Hall (1982), а также Frable (1989).

[39] Об этой критической дискуссии по поводу андрогинии см.: Gelpi (1974), Secor (1974), Stimpson (1974). Типичные критические замечания в отношении концепции андрогинии внутри самой психологии представлены в работах Morawski (1987), Lott (1981), Sampson (1977).

[40] Усовершенствованная оценка андрогинии предложена Каролин Хейльб-рун, см.: Heilbrun (1980).

[41] Представление о моих разработках по тендерной схематизации в плоскости антропологии впервые было четко сформулировано в работе Bern (1987).

[42] Эти теории, а также их отношение в споре по поводу минимизации — максимизации (различий. — *Прим. ред.),* обсуждались в работах: Alcoff (1988), Echols (1983, 1989), Hare-Mustin, Maracek (1988), и в особенности Snitow (1989). Из рассуждений Snitow с очевидностью вытекает, что раскол может осуществляться на многих различных уровнях. Я заимствовала термины *минимизаторы* и *максимизаторы* из статьи Catharine Stimpson, опубликованной в 1980 г.

[43] Это было замечательное время. Некоторые истории об этом см.: K.King (1990).

[44] О других рассуждениях различных теоретиков, размышляющих о женщинах, см. в работах: H.Eisenstein (1983), Harding (1986), и особенно Segal (1987).

Глава 5

[1] Иной анализ главных теоретических направлений, изучающих формирование тендера у индивидуума, см. в работе: Connell (1987), глава 9.

[2] Модель самоисполняющегося пророчества была теоретически сформулирована социологом Мертоном (Merton 1948). Но первую эмпирическую проверку она прошла в исследовании, проведенном на крысах (!) психологом Робертом Розенталем. После дальнейших эмпирических исследований в контексте изучения ожиданий педагогов в отношении различных групп студентов (Rosental, Jacobson 1968) данная модель бьша применена к изучению тендера. Обзор данных, полученных при исследовании самоисполняющейся природы тендера и других стереотипов, представлен в Snyder (1981).

[3] Подробнее о направлении, созданном Лаканом, изложено в материалах недавно прошедшей дискуссии феминистов психоаналитической традиции, среди которых была и Джулиет Митчелл. См.: Mitchell J. (1974), глава 3.

[4] Эрик Эриксон — один их тех, кто считает, что женщина до тех пор не достигает полной идентичности, пока не встретит в своей жизни мужчину. См. критику Эриксона: Carol Gilligan (1982) глава 1.

[5] См., например: Garfinkel (1967), Raymond (1979), а также Kessler, McKenna (1978).

[6] См., например: последний раздел этой главы, а также D'Emilio (1938b), D'Emilio, Freedman (1988), Halperin (1990).

[7] Я признательна Berger (1963) за подсказанную мысль о первом процессе инкультурации, а также Shveder (1984) — за идею о повторном процессе инкультурации.
[8] Эта теоретическая дискуссия об инкультурации продемонстрировала большое влияние Berger (1963), Shweder, LeVine (1984), Geertz (1973, 1983), а также Shveder (1984). Подробнее о социальном формировании ребенка см.: Edelstein (1983), Kessen (1979), Kessen, Siegel (1983), Tobin et al. (1989) и особенно Wartofsky (1983).
[9] Обсуждение темы американского индивидуализма полнее всего изложено: Bellah et al. (1985), Geertz (1983), Hsu (1985), Ochs, Schieffelin (1984), а также у Shweder, Bourne (1984).
См.: Т. Hall (1973), глава 10 («Космические разговоры»).
[10] Анна 3. Паркер, Университет штата Орегон, Географический факультет, личное общение.
[11] Подробнее о женских видах работы см: Connell (1987). Более полно о проблеме половой сегрегации на рабочем месте см: Reskin (1984), Reskin, Hartmann (1986), а также Reskin, Roos (1990).
[12] Образец подобной феминистской критики представлен у Martyna (1980); рекомендации относительно альтернативных форм см: Frank, Treichler (1989).
[13] Для более подробного ознакомления с моим собственным изложением вопроса воспитания детей, не ограничивающего их гендерными рамками, см. последние разделы моих работ 1983, 1984, 1985 и 1989 гг.
[14] Фактические доказательства того, что мальчикам в большей степени запрещается поведение, свойственное девочкам, а также ношение одежды «для девочек», чем девочкам — мальчишеское поведение и ношение одежды «для мальчиков», приведены в исследованиях: Carter, McCloskey (1983—1984), Fagot (1977, 1985), Fling, Manosevitz (1972), Langlois, Downs (1980), Stoddart, Turiel (1985). Провокационный разбор культурной значимости переодевания в одежду противоположного пола в истории, литературе, кино, фотографии, популярной и массовой культуре осуществил Garber (1992).
[15] Направление конструктивизма в психологии личности представлено в исследованиях: Allport (1961), Kelly (1955), Bern, Allen (1974), а также Caspi, Bern, Elder (1989). Другие конструктивистские теории личности обсуждаются в работе Bern (1987). Конструктивистская традиция в когнитивной психологии утверждается в качестве главной в учебнике Ulrich Neisser. *Cognitive Psychology.* 1967. Изложение взглядов Нейссера более доступным языком опубликовано в Neisser (1976). Более глубокий анализ этого направления в целом представлен в работах: Glass, Holyoak (1985), Gardner (1985).
[16] Более детализированное обобщение этих и других экспериментальных исследований, посвященных изучению поведенческих ограничений у традиционно тендерных личностей, см.: Bern (1985), Frable, Bern (1985), Frable (1990).
[17] Единственное исключение наблюдалось в том случае, когда группа состояла только из мужчин или только из женщин. В этих условиях главная роль отводилась тому, кто сидит во главе стола (Porter, Geis 1981; Porter et al. 1983).
[18] Удачное пояснение к этому исследованию см. в работах: Lott (1987), р. 246—249, а также Matlin (1987), р. 129—137. Другой пример удачного
277
описания феминистской психологии как целого направления дано у Unger, Crawford (1992).
[19] Фактическое обоснование этого несоответствия с биологией дано в работах: Rodin et al. (1985) и Dombusch et al. (1984).
[20] Исследования половых различий на уровне поведения, которое психологи называют невербальным, приводятся в работе Mayo, Henley (1981).
[21] О подавлении аппетита женщинами см.: Brumberg (1988).
[22] Подробнее о насилии в ситуациях свидания или о насилии, совершаемом хорошо знакомыми лицами, см.: Parrot, Bechhofer (1991), Warshaw (1988).
[23] Существует много документальных доказательств связи между гомо-фобией и мужчинами, в том числе и большое количество законов в западной культуре, запрещающих мужской гомосексуализм, так же как и слишком большое внимание, уделявшееся мужскому гомосексуализму в теории психиатрии. Эмпирические доказательства того, что гомофобические ат-титюды больше выражены у мужчин, чем у женщин, см.: в работе Негек (1988).
[м] Достоин восхищения обзор примеров кросс-культурного многообразия, приведенный в работе Newton (1988).
[25] Основой для обсуждения проблемы идентичности послужил исторический анализ,

представленный D'Emilio (1983a, 1983b).
[26] Все эти виды лечения приведены у Katz (1976).
[27] Работы, посвященные общим представлениям о перспективах движения геев, рассматриваются у Brown (1989) и Sedgwick (1990). Взгляд на историю изучения лесбиянок, геев и бисексуалистов в работах нового направления см.: Escoffier (1990). Как это обычно происходит с новыми течениями в науке, многие концептуально важные темы все еще остаются объектами бурных дискуссий. Для меня, например, одним из самых важных вопросов остается следующий: Какова предыстория лесбиянок, гомосексуалистов и бисексуалистов? Иными словами, какую более широкую категорию людей представляют сегодняшние лесбиянки, геи и бисексуалисты как в историческом, так и в кросс-культурном контекстах?
Борьба мнений вокруг этой темы до сих пор чаще всего включает вопрос: Можно ли сегодня конкретную женщину называть лесбиянкой, если она сама не считает себя таковой, и если ее привязанность к женщинам носит, скорее, эмоциональный или политический характер, чем эротический или генитальный (см., например: Ferguson, 1990). Еще один вопрос представляет для меня очень большой интерес: Категория «лесбиянка» основывается на особым образом сформированных сексуальных или нежных, чувствительных связях с лицом того же пола, или же эту категорию надо пересмотреть с тем, чтобы сделать акцент на наличии души, которая *всегда* противостоит гендерно-поляризующей концепции, увязывающей естественным образом телесный пол и тендер психики. Если верно последнее, тогда не все женщины, находящиеся в интенсивных взаимоотношениях с другими женщинами, должны относиться к категории, которую сегодня представляют лесбиянки, геи и бисексуалисты; при этом в данную категорию должны быть включены все, кто носят одежду противоположного пола, все транссексуалисты, все трансвеститы, а также все смельчаки, выходящие за границы правил своего пола.
278
[28] Какой из этих вариантов предпочесть, зависит, отчасти, от следующего: или разделять взгляды двадцатого столетия, согласно которым сексуальное влечение является ключевым моментом в психике индивидуума, или взгляды девятнадцатого века, согласно которым сексуальное влечение связано с психическим паттерном большего масшаба, то есть с тем, что сегодня называется тендером. Хотя я живу в двадцатом веке, я все еще немного придерживаюсь взглядов девятнадцатого.
[29] Примеры теорий стадийности: Coleman (1982), Finnegan, McNally (1987), Troiden (1979) и особенно Cass (1979, 1983/1984). Более детальная критика этих теорий представлена у Kitzinger (1987).
[30] Подробнее о внутренней напряженности, связанной с политикой идентичности, упоминается в работах: Weeks (1987), Fuss (1989), глава 7, а также Butler (1990). Материалы для более вдумчивого и нетрадиционного обсуждения многих аспектов гомосексуальной идентичности содержатся в работе Sedgwick (1990).
Глава 6
[1] Относительно мягкий пример аргументации по поводу этого «женского выбора» приведен в работе Kirp et al. (1986)
[2] Наиболее четко и убедительно эти данные представлены в работе Fuch (1988).
[3] Обсуждение всеобщего конфликта между тендерной нейтральностью и особой защитой в других плоскостях приведено в следующих источниках: Baer (1978), Kaminer (1990), а также Kirp et al. (1986). Прекрасное пояснение к дебатам о сопоставимой ценности см.: Gold (1983). Радикальные предложения, связанные с предпочтениями женщин в договоре личного найма, см.: Hawkesworth (1990).
[4] Эта недавно проявившаяся озабоченность феминисток различиями между мужским и женским проросла на почве обоснованных обвинений, прозвучавших со стороны цветных женщин в 1970 году. Обвинения сводились к следующему: феминистки и сам феминизм повинен в том, что выдает интересы белых женщин, представительниц среднего класса за всеобщие женские интересы; кроме того, феминистов обвинили в отрицании собственного соучастия в расистском и классовом притеснении цветных, мужчин и женщин. Для более подробного знакомства с позицией феминисток различной расово-классовой принадлежности см.: Davis (1981), Hooks (1984); Hull, Scott, Smith (1982), а также: Joseph, Lewis (1981).
[5] Наблюдения Фридман относительно того, что феминистский проект не утратил своей обоснованности, были высказаны в 1987 году в Стэн-форде, на конференции, посвященной феминистским взглядам на половые различия. И, хотя конференция была гораздо больше

ориентирована на теорию, чем на социальную политику, ее результаты (Rhode 1990) представляют собой прекрасный пример дискуссии о различиях, которые я здесь упоминала.

[6] Довод о том, что андроцентризм превращает отличие в недостаток, имеет много общего с рассуждениями, встречающимися повсюду у МасЮппоп (1987), Okin (1989), Rhode (1989).

279

[7] Дерзкая феминистская критика современной системы социального обеспечения в США приведена в книге Fraser (1989), глава 7.

[8] Подробнее о наступлении (antifeminist backlash), направленном против феминизма, см.: Faludi (1991).

[9] Анализ того, как правила, кажущиеся нейтральными, систематически дискриминируют многие группы меньшинств, включая «других» в отношении расы, тендера, возраста, этнической принадлежности, религии и состояния здоровья, см.: в работе Minow (1990).

[10] Некоторые соображения о том, как могла бы реализоваться сексуальность в отсутствие тендерной поляризации, приводятся в работах: Newton, Walton (1984), а также Rubin (1984).

Мини-словарь для чтения книги

Аболиционизм — движение за отмену какого-либо решения или закона, например, за отмену рабства или дискриминации.

Агностик — человек, отрицающий познаваемость объективного мира и объективное значение истины.

Андрогиния — концепция о совмещении в одной личности как маскулинных, так и фемининных качеств.

Андроцентризм — центрированность на мужском в культуре, где мужское понимается как норма, а женское как отклонение от этой нормы.

Бисексуальность — одновременная сексуальная ориентация поведения и чувств индивида по отношению к людям разного пола.

Тендер — совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола.

Генедерная схема — структура знаний, организованная на основе категории тендера.

Гетеросексуальность — сексуальная ориентация поведения и чувств индивида на лиц другого пола.

Гетеросексизм — игнорирование и дискриминация иных сексуальных ориентации, кроме гетеросексуальности.

Гинекофобия — патологическая неприязнь к женскому (женщинам).

Гомосексуальность — сексуальная ориентация поведения на лиц своего пола.

Диморфизм — наличие в пределах одного и того же вида животных или растений двух более или менее резко различающихся форм.

281

Дискриминация — процесс, посредством которого члены социально определенной группы воспринимаются нежелательно из-за их принадлежности к данной группе.

Дискриминация по полу — практика, посредством которой отдается предпочтение одному полу по сравнению с другим.

Дискурс — совокупность вербальных манифестаций, устных или письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи.

Евгеника (от гр. *eugenes* — благородного происхождения) — наука о методах влияния на человечество для совершенствования его природы.

Идентичность — базовая структура, характеризующая восприятие личностью собственной целостности, уникальности и неповторимости.

Инкультурация — приобщение к культуре.

Интеракционизм — взаимодействие различных направлений и факторов.

Ксенофобия — страх и враждебность перед всем чужим, иностранным.

Конвенциальный (от лат. *conventio* — соответствующий договору, условию) — соответствующий установившимся традициям.

Коннотация — устойчивая ассоциация, которую вызывает в языковом сознании говорящих употребление того или иного слова в данном значении.

Контекстуализм (от слова *контекстуальный)* — определяемый контекстом, зависящий от контекста.

Культура — макроявление, представляющее из себя комплекс нематериальных явлений и идей.

Контр-перенос — искажение психоаналитиком клинического материала в связи с собственными бессознательными тревогами.

Конструктивизм — теоретическое направление, утверждающее, в противоположность биодетерминизму, социально-культурную детерминацию разнообразных явлений (социальных структур, схем восприятия, мысли и действия) на уровне общества и индивида.

Конформизм — приспособление к существующим нормам, принятие господствующих мнений, некритическое следование общим тенденция и авторитетам.

Маскулинность — наборы желаемых психологических и поведенческих свойств и качеств, ожидаемых от мужчин в конкретном социально-историческом контексте.

Мизогиния — отрицательное отношение к женщинам.

282

Сегрегация — вид расовой или национальной дискриминации; политика отделения людей по разнообразным признакам.

Сексизм — идеология и практика дискриминации людей по признаку пола; предубеждения против женщин.

Сексуализация — приписывание сексуальной привлекательности определенным объектам.

Схема — структура знаний, суммирующее изначальное знания и накопленный индивидуальный опыт в отношении того или иного класса стимулов и событий. Понятие введено Ж.Пиаже и Ф.К. Бартлетом в 30-е годы XX в.

Окси(ю)морон — стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство.

Патриархат — господство мужчин над женщинами; строй, при котором существует дискриминация людей по признаку пола.

Пол — биологические характеристики мужчин и женщин. К половым характеристикам относятся анатомические, репродуктивные, хромосомные различия между мужчинами и женщинами на телесном, физическом уровне. Пол биологически детерминирован.

Политики — разнообразные способы управления людьми.

Регрессия — движение назад в своем развитии.

Релятивизм — методологический принцип, утверждающий относительность и условность знаний.

Транссексуализм — вариант соотношения между телесным полом и психическим тендером.

Феминизм — 1) целостная теория, связанная с характером глобального угнетения женщин; 2) социополитическая теория и практика, стремящаяся к освобождению женщин от дискриминации; 3) социальное движение, направленное на стратегическую конфронтацию с гедерно-классовой системой. Существует в форме множества направлений и разнообразных идеологических течений в защиту прав женщин, основанных на представлении о правовом равенстве полов.

Фемининность — наборы желаемых психологических и поведенческих свойств и качеств, ожидаемых от женщин в конкретном социально-историческом контексте.

Эпистемология (от эпистема — исторически изменяющаяся структура, определяющая условия функционирования сознания и культуры в конкретный исторический период) — теория познания.

283

Экстраполяция — метод научного исследования, заключающийся в распространении выводов, полученных из наблюдения над одной частью явления, на другую его часть.

Эссенциализм — теоретическая концепция, в основе которой лежит идея о некоем данном (природой или богом), существующем вечно и неизменно.

Эпифеномен — побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния.

Библиография

Adkins-Regan E. 1988. Sex hormones and sexual orientation in animals // Psychobiology. Vol. 16. No. 4. P. 335-347.

Alcoff L. 1988. Cultural feminism versus post-structuralism: The identity crisis in feminist theory // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 13. P. 405-436.

Alda A. 1975. What every woman should know about men // Ms. October. P. 15-16.

Allport G.W. 1961. Pattern and growth in personality. New York: Holt, Rinehart & Winston.

American Psychiatric Association. 1980. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 3rd ed. Washington, D.C.: American Psychiatric Association.

Aptheker B. 1989. Tapestries of life: Women's work, women's consciousness, and the meaning of daily

experience. Amherst: University of Massachusetts Press.
Aristotle. 1952a. On the generation of animals // Great books of the Western world / Ed. R.M.Hutchins. Vol. 9. Chicago: Encyclopaedia Britannica. P. 225-331.
Aristotle. 1952b. Politics // Great books of the Western world. P. 445- 548.
Arnold A.P., Gorski R.A. 1984. Gonadal steriod induction of structural sex differences in the central nervous system // Annual Review of Neuroscience. Vol. 7. P. 413-442.
Baer J.A. 1978. The chains of protection: The judicial response to women's labor legislation. Westport, Conn.: Greenwood Press.
Bakan D. 1966. The duality of human existence. Chicago: Rand McNally.
Bannister R.C. 1979. Social Darwinism: Science and myth in Anglo-American thought. Philadelphia: Temple University Press.
Barash D. 1979. The whisperings within. New York: Harper & Row.
Baron A. 1987. Feminist legal strategies: The powers of difference // Analyzing gender: A handbook of social science research / Ed. B.B.Hess, M.M.Ferree. Newbury Park, Calif.: Sage. P. 474-503.
Barry H., Ill, Bacon M.K., Child I.L. 1957. A cross-cultural survey of some sex differences in socialization // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 55. P. 327-332.
285
Basch N. 1982. In the eyes of the law. Women, marriage, and property in nineteenth-century New York. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
Baum M.J. 1979. Differentiation of coital behavior in mammals: A comparative analysis // Neuroscience and Biobehavior Review. Vol. 3. P. 265-284.
Bayer R. 1981. Homosexuality and American psychiatry: The politics of diagnosis. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
Beach F.A. 1981. Historical origins of modern research on hormones and behavior // Hormones and Behavior. Vol. 15. P. 325—376.
Beatty W.W. 1979. Gonadal hormones and sex differences in nonreproductive behaviors in rodents: Organizational and activational influences // Hormones and Behavior. Vol. 12. P. 112— 163.
Beauvoir S. de. 1952. The second sex. New York: Knopf.
Becker H.S. 1963. Outsiders: Studies in the sociology of deviance. New York: Free Press.
Bell N.J., Weinberg M.S., Hammersmith S.K. 1981. Sexual preference: Its development in men and women. Bloomington: Indiana University Press.
Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. 1985. Habits of the heart: Individualism and commitment in American life. New York: Harper.
Bern D.J., Allen A. 1974. On predicting some of the people some of the time: The search for cross-situational consistencies in behavior // Psychological Review. Vol. 81. P. 506-520.
Bern S.L. 1972. Psychology looks at sex roles: Where have all the androgynous people gone? Los Angeles: UCLA Symposium on Sex Roles.
Bern S.L. 1974. The measurement of psychological androgyny // Journal of Clinical and Consulting Psychology. Vol. 42. P. 155—162.
Bern S.L. 1975. Sex role adaptability: One consequence of psychological androgyny // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 31. P. 634-643.
Bern S.L. 1977. On the utility of alternative procedures for assessing psychological androgyny // Journal of Clinical and Consulting Psychology. Vol. 45. P. 196-205.
Bern S.L. 1978. Beyond androgyny: Some presumptuous prescriptions for a liberated gender identity // The psychology of women: Future directions in research / Ed. J.A.Sherman, F.L.Denmark. New York: Psychological Dimensions. P. 1—23.
Bern S.L. 1981a. Bern Sex Role Inventory professional manual. Palo Alto, Calif.: Consulting Psychologists Press.
Bern S.L. 1981b. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing // Psychological Review. Vol. 88. P. 354-364.
Bern S.L. 1983. Gender schema theory and its implications for child development: Raising gender-aschematic children in a gender-schematic society // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 8. P. 598—616.
Bern S.L. 1984. From biology to feminism: Reply to Morgan and Ayim // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 10. P. 197-199.
Bern S.L. 1985. Androgyny and gender schema theory: A conceptual and empirical integration // Nebraska Symposium on Motivation, 1984: Psychol-

ogy and gender / Ed. T.B.Sonderegger. Lincoln: University of Nebraska Press. P. 179-226.
Bern S.L. 1987. Gender schema theory and the romantic tradition // Review of personality and social psychology / Ed. P.Shaver, C.Hendrick. Newbury Park, Calif.: Sage. Vol. 7. P. 251-271.
Bern S.L. 1989. Genital knowledge and gender constancy in preschool children // Child Development. Vol. 60. P. 649-662.
Bern S.L. 1992. On the inadequacy of our sexual categories: A personal perspective // Feminism and psychology. Vol. 2. P. 435—437.
Bern S.L., Lenney E. 1976. Sex typing and the avoidance of cross-sex behavior // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 33. P. 48—54.
Bern S.L., Martyna W., Watson C. 1976. Sex typing and androgyny: Further explorations of the expressive domain // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 34. P. 1016-1023.
Benbow C.P. 1988. Sex differences in mathematical reasoning ability in intellectually talented preadolescents: Their nature, effects, and possible causes // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 11. P. 169-232.
Benjamin H. 1966. The transsexual phenomenon. New York: Julian Press.
Berger P.L. 1963. Invitation to sociology: A humanistic perspective. New York: Doubleday.
Bergler E. 1947. Differential diagnosis between spurious homosexuality and perversion homosexuality // Psychiatric Quarterly. Vol. 21. P. 399—409.
Bergler E. 1956. Homosexuality: Disease or way of life? New York: Hill & Wang.
Bernal M. 1987. Black Athena: The Afroasiatic roots of classical civilization. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
Bernstein R.J. 1976. The restructuring of social and political theory. New York; Harcourt Brace.
Bieber I. 1965. Clinical aspects of male homosexuality // Sexual inversion: The multiple roots of homosexuality / Ed. J. Marmor. New York: Basic Books. P. 248-267.
Bieber I., Dain H., Dince P., Drellich M., Grand H., Gundlach R., Kremer M., Rifkin A., Wilbur C, Bieber T. 1962. Homosexuality: A psychoanalytic study of male homosexuals. New York: Basic Books.
Birke L.I.A. 1989. How do gender differences in behavior develop? A reanalysis of the role of early experience // Perspectives in ethology: Whither ethology? / Ed. P.P.G.Bateson, P.H.Klopfer. New York: Plenum. Vol. 8. P. 215-242.
Birken L. 1988. Consuming desire: Sexual science and the emergence of a culture of abundance, 1871 — 1914. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
Blackstone W. 1765 — 1769/1979. Commentaries on the laws of England. Chicago: University of Chicago Press.
Blanchard R. 1985. Gender dysphoria and gender reorientation // Gender dysphoria: Development, research, management / Ed. B.W.Steiner. New York: Plenum. P. 365-392.
Bleier R. 1984. Science and gender: A critique of biology and its theories on women. New York: Pergamon.
287
Bleier R. (ed.). 1988a. Feminist approaches to science. New York: Per-gamon.
Bleier R. 1988b. Sex differences research: Science or belief? // Feminist approaches to science / Ed. R.Bleier. New York: Pergamon. P. 147—164.
Block J.H. 1973. Conceptions of sex role: Some cross-cultural and longitudinal perspectives // American Psychologist. Vol. 28. P. 512—526.
Block J.H. 1976. Issues, problems, and pitfalls in assessing sex differences: critical review of «The psychology of sex differences» // Merrill-Palmer Quarterly. Vol. 22. P. 283-308.
Brigham C.C. 1923. A study of American intelligence. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
Broverman I.K., Broverman D.M., Clarkson F.E., Rosenkrantz P.S., Vogel S.R. 1970. Sex-role stereotypes and clinical judgments of mental health // Journal of Consulting and Clinical Psychology. Vol. 34. P. 1—7.
Brown L.S. 1989. New voices, new visions: Toward a lesbian/ gay paradigm for psychology // Psychology of Women Quarterly. Vol. 13. P. 445—458.
Brownmiller S. 1975. Against our will: Men, women, and rape. New York: Simon & Schuster.
Brumberg J.J. 1988. Fasting girls: The emergence of anorexia nervosa as a modern disease. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Bullough V.L., Shelton B., Slavin S. 1988. The subordinated sex: A history of attitudes toward women. Athens: University of Georgia Press.

Butler J.P. 1990. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York: Routledge.
Caplan A.L. (ed.). 1978. The sociobiology debate: Readings on the ethical ant scientific issues concerning sociobiology. New York: Harper & Row.
Carey S. 1985. Conceptual change in childhood. Cambridge, Mass.: MIT/ Bradford Press.
Carter D.B., McCIoskey L.A. 1983 — 1984. Peers and the maintenance of sex-typed behavior: The development of children's conceptions of cross-gender behavior in their peers // Social Cognition. Vol. 2. P. 294—314.
Caspi A., Bern D.J., Elder G.H., Jr. 1989. Continuities and consequences of interactional styles across the life course // Journal of Personality. Vol. 57. P. 375-406.
Cass V.C. 1979. Homosexual identity formation: A theoretical model // Journal of Homosexuality. Vol. 4. P. 219-235.
Cass V.C. 1983 — 1984. Homosexual identity: A concept in need of definition // Journal of Homosexuality. Vol. 9. P. 105—126.
Chauncey G.J. 1982 — 1983. From sexual inversion to homosexuality: Medicine and the changing conceptualization of female deviance // Salmagundi: Quarterly of the Humanities and Social Sciences. Vol. 58 — 59. P. 114—146.
Chi M.T.H. 1978. Knowledge structure and memory development // Children's thinking: What develops! / Ed. RS.Siegler. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. P. 73-96.
Chodorow N.J. 1978. The reproduction of mothering: Psychoanalysis and the sociology of gender. Berkeley: University of California Press.
Chodorow N.J. 1989. Feminism and psychoanalytic theory. New Haven, Conn.: Yale Uni-versity Press.
Clark H.H. 1969. Linguistic processes in deductive reasoning // Psychological Review. Vol. 76. P. 387—404.

Clarke E.H. 1873. Sex in education; or, A fair chance for girls. Boston: J.R.Osgood.
Cole D. 1984. Strategies of difference: Litigating for women's rights in a man's world // Law and Inequality: A Journal of Theory and Practice. Vol. 2. P. 33-96.
Coleman E. 1982. Developmental stages of the coming-out process // Journal of Homosexuality. Vol. 7. P. 31—43.
Connell R.W. 1987. Gender and power. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
Constantinople A. 1973. Masculinity-femininity: An exception to a famous dictum // Psychological Bulletin. Vol. 80. P. 389- 407.
Cott N.F. 1978. Passionlessness: A reinterpretation of Victorian sexual ideology, 1790 — 1850 // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 4. P. 219-236.
Crawford M., Maracek J. 1989. Psychology reconstructs the female: 1968 — 1988 // Psychology of Women Quarterly. Vol. 13. P. 147-165.
Crocker P. 1985. The meaning of equality for battered women who kill men in self-defense // Harvard Women's Law Journal. Vol. 8. P. 121—153.
Daly M. 1978. Gyn/Ecology: The metaethics of radical feminism. Boston: Beacon.
Darwin C 1859/1952. The origin of species by means of natural selection // Great books of the Western world / Ed. R.M.Hutchins. Chicago: Encyclopaedia Britannica. Vol. 49. P. 1-251.
Darwin C. 1871/1952. The descent of man and selection in relation to sex // Great books of the Western world / Ed. R.M.Hutchins. Chicago: Encyclopaedia Britannica. Vol. 49. P. 253-600.
Davis AY. 1981. Women, race and class. New York: Random House.
Dawkins R. 1976. The selfish gene. New York: Oxford University Press.
Deaux K. 1976. The behavior of women and men. Monterey, Calif.: Brooks/Cole.
Deaux K. 1984. From individual differences to social categories: Analysis of a decade's research on gender // American Psychologist. Vol. 39. P. 105-116.
D'Emilio J. 1983a. CapitaUsm and gay identity // Powers of desire: The politics of sexuality / Ed. ASnitow, C.Stansell, S.Thompson. New York: Monthly Review Press. P. 100-113.
D'Emilio J. 1983b. Sexual politics, sexual communities: The making of a homosexual minority in the United States, 1940 — 1970. Chicago: University of Chicago Press.
D'Emilio J., Freedman E.B. 1988. Intimate matters: A history of sexuality in America. New York: Harper 8c Row.
Donavan J. 1988. Feminist theory: The intellectual traditions of modern American feminism. New York: Continuum.
Dornbusch S.M., Carlsmith J.M., Duncan P.D., Gross R.T., Martin J.A., Ritter P.L., Siegel-Gorelick B.

1984. Sexual maturation, social class, an the desire to be thin among adolescent females // Developmental and Behavioral Pediatrics. Vol. 5. P. 308-314.
DSM — см. American Psychiatric Association.

Duberman M.B., Vicinus M.B., Chauncey G.,Jr. (eds.). 1989. Hidden from history: Reclaiming the gay and lesbian past. New York: New American Library.
DuBois E. C. 1978. Feminism and suffrage: The emergence of an independent, women's movement in America, 1848 — 1869. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
Eagly A.H. 1987. Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. Hillsdale, N.J.: Erlbaum.
Echols A. 1983. The new feminism of yin and yang. New York: Monthly Review Press.
Echols A. 1989. Daring to be bad: Radical feminism in America, 1967—1975. Minneapolis: University of Minnesota Press.
Edelstein W. 1983. Cultural constraints on development and the vicissitudes of progress // The child and other cultural inventions / Ed. F.S.Kessel, A.W.Siegel. New York: Praeger. P. 48-81.
Eisenstein H. 1983. Contemporary feminist thought. Boston: G.K.Hall.
Eisenstein H., Jardine A. (eds.). 1980. The future of difference. Boston: G.KHall.
Eisenstein Z.R. 1988. The female body and the law. Berkeley: University o California Press.
Ellis H. 1928. Studies in the psychology of sex. Vol. 7: Eonism and other supplementary studies. Philadelphia: F.A.Davis.
Ellis H., Symonds J.A. 1897/1975. Sexual inversion. New York: Arno Press.
Ember C. 1973. Feminine task assignment and the social behavior of boys // Ethos. Vol. 1. P. 424-439.
Epstein C.F. 1988. Deceptive distinctions: Sex, gender, and the social order. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Erikson E.H. 1968. Womanhood and the inner space // Identity: Youth and crisis / Ed. E.H.Erikson. New York: Norton. P. 261- 294.
Escoffier J. 1990. Inside the ivory closet: The challenges facing lesbian and gay studies // Out/Look. Fall. P. 40-48.
Estrich S. 1987. Real rape. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Faderman L. 1978. The morbidification of love between women by nineteenth-century sexologists // Journal of Homosexuality. Vol. 4. P. 73—90.
Faderman L. 1981. Surpassing the love of men: Romantic friendship and love between women from the Renaissance to the present. New York: Morrow.
Faderman L. 1991. Odd girls and twilight lovers: A history of lesbian life in twentieth century America. New York: Columbia University Press.
Fagot B.I. 1977. Consequences of moderate cross-gender behavior schoolchildren // Child Development. Vol. 48. P. 902-907.
Fagot B.I. 1985. Beyond the reinforcement principle: Another step toward understanding sex role development // Developmental Psychology. Vol. 21. P. 1097-1104.
Fagot B.I., Hagen R., Leinbach M.D., Kronsberg S. 1985. Differential reactions to assertive and communicative acts of toddler boys and girls // Child Development. Vol. 56. P. 1499-1505.
Faludi S. 1991. Backlash: The undeclared war against American women. New York: Crown.

Fausto-Sterling A. 1985. Myths of gender: Biological theories about women and men. New York: Basic Books.
Feder H. 1984. Hormones and sexual behavior // Annual Review of Psychology. Vol. 35. P. 165-200.
Ferguson A. 1990. Is there a lesbian culture? // Lesbian philosophies and cultures/ Ed. J.Allen. Albany: State University of New York Press. P. 63—88.
Feyerabend P.K. 1976. Against method. New York: Humanities Press.
Figes E. 1970. Patriarchal attitudes. London: Faber & Faber.
Fine M. 1985. Reflections on a feminist psychology of women // Psychology of Women Quarterly. Vol. 9. P. 167-183.
Fine M., Gordon S.M. 1989. Feminist transformations of/despite psychology // Gender and thought: Psychological perspectives / Ed. M.Crawford, M.Gentry. New York: Springer-Verlag. P. 146—174).
Finnegan D.G., McNally E.B. 1987. Dual identities: Counseling chemically dependent gay men and lesbians. Center City, Minn.: Hazelden.
Fiske D.W., Shweder R.A. (eds.). 1986. Metatheory in social science: Pluralisms and subjectivities.

Chicago: University of Chicago Press.
Fitzhugh G. 1854/1965. Sociology for the South; or, The failure of free society. New York: B.Franklin.
Flavell J.H. 1963. The developmental psychology of Jean Piaget. New York: Van Nostrand.
Flax J. 1987. Postmodernism and gender relations in feminist theory // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 12. P. 621—643.
Fleming A.S. 1989. Maternal responsiveness in human and animal mothers // Maternal responsiveness: Characteristics and consequences. New directions for child development / Ed. M.H.Bornstein. San Francisco: Jossey-Bass. Vol. 43. P. 31-47.
Flexner E. 1959. Century of struggle: The woman's rights movement in the United States. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Fling S., Manosevitz M. 1972. Sex typing in nursery school children's play interests // Developmental Psychology. Vol. 7. P. 146— 152.
Ford C.S., Beach F.A. 1951. Patterns of sexual behavior. New York: Harper.
Foucault M. 1978. The history of sexuality. Vol. 1: An introduction. New York: Random House.
Frable D.E.S. 1989. Sex-typing and gender ideology: Two facets of the individual's gender psychology that go together // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 56. P. 95-108.
Frable D.E.S. 1990. Marginal and mindful: Deviants in social interactions // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 59. P. 140—149.
Frable D.E.S., Bern S.L. 1985. If you're gender-schematic, all members of the opposite sex look alike // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 49. P. 459-468.
Frank F.W., Treichler P.A. (eds.). 1989. Language, gender, and professional writing: Theoretical approaches and guidelines for nonsexist usage. New York: Modern Language Association of America.
Fraser N. 1989. Unruly practices: Power, discourse, and gender in contemporary social theory. Minneapolis: University of Minnesota Press.
291
Fredrickson G.M. 1971. The black image in the white mind: The debate on Afro-American character and destiny, 1817 — 1914. New York: Harper & Row.
Freedman E.B. 1990. Theoretical perspectives on sexual difference: An overview // Theoretical perspectives on sexual difference / Ed. D.L.Rhode. New Haven, Conn.: Yale University Press. P. 257—261.
Freud S. 1905/1962. Three essays on the theory of sexuality. New York: Basic Books.
Freud S. 1920/1959. The psychogenesis of a case of homosexuality in a woman // Sigmund Freud: Collected papers / Ed. E.Jones. New York: Basic Books. Vol. 2. P. 202-231.
Freud S. 1924/1959. The passing of the Oedipus-complex // Sigmund Freud: Collected papers / Ed. E.Jones. New York: Basic Books. Vol. 2. P. 269—276.
Freud S. 1925/1959. Some psychological consequences of the anatomical distinction between the sexes // Sigmund Freud: Collected papers / Ed. E.Jones. New York: Basic Books. Vol. 5. P. 186-197.
Freud S. 1933/1964. Femininity // New introductory lectures on psychoanalysis / Ed. J.Strachey. New York: Norton. P. 99—119.
Friedan B. 1963. The feminine mystique. New York: Norton.
Friedman R.C. 1988. Male homosexuality: A contemporary psychoanalytic perspective. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Frodi A., Macaulay J., Thome P.R. 1977. Are women always less aggressive than men? A review of the experimental literature // Psychological Bulletin. Vol. 84. P. 634-660.
Fuchs V.F. 1988. Women's quest for economic equality. Cambridge, Mass.: Har vard University Press.
Fuss D. 1989. Essentially speaking: Feminism, nature, and difference. New York: Routledge.
Gallop J. 1982. The daughter's seduction: Feminism and psychoanalysis. Tthaca, N.Y.: Cornell University Press.
Gallop J. 1985. Reading Lacan. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
Garai J.E., Scheinfield A. 1968. Sex differences in mental and behavioral traits // Genetic Psychology Monographs. Vol. 77. P. 169—299.
Garber M. 1992. Vested interests: Cross-dressing and cultural anxiety. New York: Routledge.
Gardner H. 1985. The mind's new science: A history of the cognitive revolution. New York: Basic Books.
Garfinkel H. 1967. Passing and the managed achievement of sex status in an intersexed person. Part 1 // Studies in ethnomethodology / Ed. H.Garfinkel. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. P. 116-185.
Geddes P., Thomson J.A. 1890. The evolution of sex. New York: Scrib-ner & Welford.
Geertz C. 1973. The interpretation of cultures. New York: Basic Books.

Geertz C. 1983. From the native's point of view: On the nature of anthropological understanding // Local knowledge: Further essays in interpretive anthropology / Ed. C.Geertz. New York: Basic Books. P. 55—70.
German R., Baillargeon R. 1983. A review of some Piagetian concepts // Handbook of child psychology: Cognitive development / Ed. J.H.Flavell, E.M.Markman. New York: Wiley. Vol. 3. P. 167-230.
292
Gelman R., Gallistel C.R. 1978. The child's understanding of number. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Gelpi B.C. 1974. The politics of androgyny // Women's Studies. Vol. 2. P. 151-160.
Gilligan C. 1982. In a different voice: Psychological theory and women's development. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Gilman C.P. 1911/1971. The man-made world; or, Our androcentric culture. New York: Johnson Reprint.
Glass A.L., Holyoak K.J. 1985. Cognition. New York: Random House.
Goddard H.H. 1917. Mental tests and the immigrant // Journal of Delinquency. Vol. 2. P. 243-277.
Goffman E. 1963. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
Gold M.E. (ed.). 1983. A dialogue on comparable worth. Ithaca, N.Y.: In-dustria and Labor Relations Press.
Goldfoot D.A., Neff D.A. 1987. Assessment of behavioral sex differences in social contexts: Perspectives from primatology // Masculinity/femininity: Basic perspectives / Ed. J.M.Reinisch, L.A.Rosenblum, S.A.Sanders. New York: Oxford University Press. P. 179-195.
Goldman R.J., Goldman J.D.G. 1982. Children's sexual thinking. London: Routledge & Kegan Paul.
Gould S.J. 1980. Women's brains // The panda's thumb. More reflections in natural history / Ed. G.J.Gould. New York: Norton. P. 152-159.
Gould S.J. 1981. The mismeasure of man. New York: Norton.
Goy R., Resko J.A. 1972. Gonadal hormones and behavior of normal and pseudohermaphroditic nonhuman female primates // Recent progress in hormone research / Ed. E.B.Astwood. New York: Academic Press. Vol. 28. P. 707-754.
Grant M. 1922. The passing of the great race; or, The racial basis of European history. New York: Scribner's.
Green R. 1974. Sexual identity conflict in children and adults. Baltimore, Md.: Penguin.
Green R. 1987. The «sissy boy syndrome» and the development of homosexuality. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Green R., Money J. 1969. Transsexualism and sex reassignment. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.
Greenberg D.E. 1988. The construction of homosexuality. Chicago: University of Chicago Press.
Gurko M. 1974. The ladies of Seneca Falls: The birth of the woman's rights movement. New York: Macmillan.
Hall C.S. 1954. A primer of Freudian psychology. New York: World Publishing.
Hall E.T. 1973. The silent language. Garden City, N.Y.: Anchor Press / Doubleday.
Hall G.S. 1904/1919. Adolescence: Its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion, and education. Vol. 2. New York: Appleton.
Hall R. 1928. The well of loneliness. London: J.Cape.
293
Haller M.H. 1963. Eugenics: Hereditarian attitudes in American thought. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
Halperin D.M. 1990. One hundred years of homosexuality and other essays on Greek love. New York: Routledge.
Hamilton W.D. 1964. The genetical evolution of social behavior // Journal of Theoretical Biology Vol. 7. P. 1-52.
Haraway D.J. 1981. In the beginning was the word: The genesis of biological theory // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 6. P. 469-481.
Haraway D.J. 1989. Primate visions: Gender, race, and nature in the world of modern science. New York: Routledge.
Harding S. 1986. The science question in feminism. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
Harding S (ed.). 1987. Feminism and methodology: Social science issues. Bloomington: Indiana University Press.

Harding S., O'Barr J.F. (eds.). 1987. Sex and scientific inquiry. Chicago: University of Chicago Press.
Hare-Mustin R.T., Maracek J. 1988. The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology // American Psychologist. Vol. 43. P. 455-464.
Hare-Mustin R.T., Maracek J (eds.). 1990. Making a difference: Psychology and the construction of gender. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Hartsock N.C..M. 1983. Money, sex, and power: Toward a feminist historical materialism. New York: Longman.
Hawkesworth M.E. 1990. Beyond oppression: Feminist theory and political strategy. New York: Continuum.
Heilbrun C.G. 1973. Toward a recognition of androgyny. New York: Norton.
Heilbrun C.G. 1980. Androgyny and the psychology of sex differences // The future of difference / Ed. H.Eisenstein, AJardine. Boston: G.K.Hall. P. 258-266.
Henley N.M. 1977. Body politics: Power, sex, and nonverbal communication. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
Henley N.M. 1985. Review essay: Psychology and gender // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 11. P. 101-119.
Herdt G.H. 1981. Guardians of the flutes: Idioms of masculinity; A study of ritualized homosexual behavior. New York: McGraw-Hill.
Herdt G.H., Davidson J. 1988. The Sambia «turnim-man»: Sociocultural and clinical aspects of gender formation in male pseudohermaphrodites with 5-alpha-reductase deficiency in Papua New Guinea // Archives of Sexual Behavior. Vol. 17. P. 33-56.
Herek G.M. 1988. Heterosexuals' attitudes toward lesbians and gay men: Correlates and gender differences // Journal of Sex Research. Vol. 25. P. 451-477.
Hochschild A. 1973. A review of sex role research // Changing women in a changing society / Ed. J.Huber. Chicago: University of Chicago Press. P. 249-267.
294
Hoffman M. 1968. The gay world: Male homosexuality and the social creation of evil. New York: Basic Books.
Hofstadter R. 1959. Social Darwinism in American thought. New York: Braziller.
Hooker E. 1957. The adjustment of the male overt homosexual // Journal of Projective Techniques. Vol. 21. P. 18—31.
Hooks B. 1984. Feminist theory: From margin to center. Boston: South End Press.
Hsu F.L.K. 1985. The self in cross-cultural perspective // Culture and self: Asian and Western perspective / Ed. A.J.Marsella, G.DeVos, F.L.K.Hsu. New York: Tavistock. P. 24-55.
Hubbard R. 1979. Have only men evolved? // Women look at biology looking at women / Ed. R.Hubbard, M.S.Henifin, B.Fried. Cambridge, Mass.: Schenkman. P. 7-35.
Hull G.T., Scott P.B., Smith B. (eds.). 1982. All the women are white, all the blacks are men, but some of us are brave: Black women's studies. New York: Feminist Press.
Huston A.C. 1983. Sex-typing // Handbook of child psychology / Ed. P.H.Mussen. New York: Wiley. Vol. 4. P. 387-467.
Huxley J. 1943. Evolution: The modern synthesis. New York: Harper.
Hyde J.S., Linn M.C. (eds.). 1986. The psychology of gender: Advance through meta-analysis. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.
Imperato-McGinley J., Peterson R.E., GautierX, Sturla E. 1979a. Androgens and the evolution of male gender identity among male pseudohermaphrodites with a 5-alpha-reductase deficiency // New England Journal of Medicine. Vol. 300. P. 1236-1237.
Imperato-McGinley J., Peterson R.E., Gautier X, Sturla E. 1979b. Male pseudohermaphroditism secondary to 5-alpha-reductase deficiency: A model for the role of androgens in both the development of the male phenotype and the evolution of a male gender identity // Journal of Steroid Biochemistry. Vol. 11. P. 637-645.
Irigaray L. 1985. This sex which is not one. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
Irigaray L. 1991. The Irigaray reader. Cambridge, Mass.: Basil Blackwell.
Jacklin C.N. 1989. Female and male: Issues of gender // American Psychologist. Vol. 44. P. 127-133.
Jaggar A.M. 1983. Feminist politics and human nature. Totowa, N.J.: Rowman & Allanheld.
Jeffreys S. 1985. The spinster and her enemies: Feminism and sexuality, 1880-1930. London: Pandora.
Jensen A.R. 1969. How much can we boost IQ and scholastic achievement? // Harvard Educational Review. Vol. 39. P. 1-123.

Jones E. 1927/1961. The early development of female sexuality // Papers on psychoanalysis / Ed. E.Jones. Boston: Beacon. P. 438—451.
Jones E. 1935/1961. Early female sexuality // Papers on psychoanalysis / Ed. EJones. Boston: Beacon. P. 485-495.
Jones E. 1957. The life and work of Sigmund Freud. Vol. 3. New York: Basic Books.
295
Jordan W.D. 1968. White over black: American attitudes toward the Negro, 1550—1812. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
Jordanova L.J. 1980. Natural facts: A historical perspective on science and sexuality // Nature, culture, and gender / Ed. C.P.MacCormack, M.Strathern. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press. P. 42—69.
Jordanova L.J. 1989. Sexual visions: Images of gender in science and medicine between the eighteenth and twentieth centuries. Madison: University of Wisconsin Press.
Joseph G.I., Lewis J. 1981. Common differences: Conflicts in black and white feminist perspectives. Boston: South End Press.
Jost A. 1953. Problems of fetal endocrinology: The gonadal and hypophyseal hormones // Recent Progress in Hormone Research. Vol. 8. P. 379—418.
Jost A. 1983. Genetic and hormonal factors in sex differentiation of the brain // Psychoneuroendocrinology. Vol. 8. P. 183—193.
Jung C.G. 1953. Anima and animus // Two essays in analytical psychology / Ed. C.G.Jung. New York: Meridian. P. 198-223.
Kamin L.J. 1974. The science and politics of I. Q. New York: Wiley.
Kaminer W. 1990. A fearful freedom: Women's flight from equality. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
Kanter R.M. 1977. Men and women of the corporation. New York: Basic Books.
Kardiner A. 1954. Sex and morality. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill.
Karsch F.J., Dierschke D.J., Knobil E. 1973. Sexual differentiation of pituitary function: Apparent difference between primates and rodents // Science. Vol. 179. P. 484-486.
Katcher A. 1955. The discrimination of sex differences by young children // Journal of Genetic Psychology. Vol. 87. P. 131—143.
Katz J. (ed.). 1976. Gay American history: Lesbians and gay men in the U.S. A. New York: Harper & Row.
Keil F.C. 1989. Concepts, kinds, and cognitive development. Cambridge, Mass.: MIT/Bradford Press.
Keller E.F. 1985. Reflections of gender and science. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Kelly G.A. 1955. The psychology of personal constructs. New York: Norton.
Kessel F.S., Siegel A.W. (eds.). 1983. The child and other cultural inventions. New York: Praeger.
Kessen W. 1979. The American child and other cultural inventions // American Psychologist. Vol. 34. P. 815-820.
Kessler S. J., McKenna W. 1978. Gender: An ethnomethodological approach. New York: Wiley.
Kevles D.J. 1985. In the name of eugenics: Genetics and the uses of human heredity. New York: Knopf.
King D. 1981. Gender confusions: Psychological and psychiatric conception of transvestism and transsexualism // The making of the modern homosexual / Ed. K.Plummer. Totowa, N.J.: Barnes & Noble. P. 155-183.
296
King K. 1990. Producing sex, theory, and culture: Gay/straight remappings in contemporary feminism // Conflicts in feminism / Ed. M.Hirsch, E.F.Keller. New York: Routledge. P. 82-101.
Kinsey A.C, Pomeroy W.B., Martin C.E. 1948. Sexual behavior in the human male. Philadelphia: W.B.Saunders.
Kinsey A.C, Pomeroy W.B. Martin C.E., Gebhard P.H. 1953. Sexual behavior in the human female. Philadelphia: W.B.Saunders.
Kirp D.L., Yudof M.G., Franks M.S. 1986. Gender justice. Chicago: University of Chicago Press.
Kitzinger C. 1987. The social construction of lesbianism. London: Sage.
Klein M. 1932. The psycho-analysis of children. New York: Delacorte.
Knobil E., Plant T.M., Wildt L., Belchetz P.E., Marshall G. 1980. Control of the rhesus monkey menstrual cycle: Permissive role of hypothalamic gonad-otropin-releasing hormone // Science. Vol. 207. P. 1371—1373.
Kohlberg L. 1966. A cognitive-developmental analysis of children's sex-role concepts and attitudes // The development of sex differences / Ed. E.E.Maccoby, Stanford, Calif.: Stanford University Press. P. 82—

173.
Kuhlin H., Reiter E.O. 1976. Gonadotropin and testosterone measurements after estrogen administration to adult men, prepubertal and pubertal boys, and men with hypogonadotropism: Evidence for positive feedback in the male // Pediatric Research. Vol. 20. P.46-51.
Kuhn T.S. 1962. The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press.
Kwawer J. 1980. Transference and countertransference in homosexuality: Changing psychoanalytic views // American Journal of Psychoanalytic Therapy. Vol. 34. P. 72-80.
Lakoff G. 1987. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press.
Langlois J.H., Downs A.C. 1980. Mothers, fathers, and peers as socialization agents of sex-typed play behaviors in young children // Child Development. Vol. 51. P. 1237-1247.
Leiderman P.H. 1981. Human mother-infant bonding: Is there a sensitive phase? // Behavioral development: The Bielefeld interdisciplinary project / Ed. K.Immelmann, G.W.Barlow, L.Petrinovich, M.Main. New York: Cambridge University Press. P. 454—468.
Leifer A.D., Leiderman P.H., Barnett C.R., Williams J.A. 1972. Effects of mother-infant separation on maternal attachment behavior // Child Development. Vol. 43. P. 1203-1218.
Lenney E. 1991. Sex roles: The measurement of masculinity, femininity, and androgyny // Measures of personality and social psychological attitudes / Ed. J.P.Robinson, P.R.Shaver, L.S.Wrightsman. San Diego, Calif.: Academic Press. Vol. 1. P. 573-660.
Lerner G. 1986. The creation of patriarchy. New York: Oxford University Press.
Levin S.M., Balistrieri J., Schukit M. 1972. The development of sexual discrimination in children. // Journal of Child Psychology and Psychiatry. Vol. 13. P. 47-53.
297
Levins R., Lewontin R.C. 1985. The dialectical biologist. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Lewes K. 1988. The psychoanalytic theory of male homosexuality. New York: New American Library.
Lewin M. 1984a. «Rather worse than folly?» Psychology measures femininity and masculinity. 1: From Terman and Miles to the Guilfords // In the shadow of the past: Psychology portrays the sexes; A social and intellectual history / Ed. M.Lewin, New York: Columbia University Press. P. 155—178.
Lewin M. 1984b. Psychology measures femininity and masculinity. 2: From «thirteen gay men» to the instrumental-expressive distinction // In the shadow of the past: Psychology portrays the sexes; A social and intellectual history / Ed. M.Lewin. New York: Columbia University Press. P. 179—204.
Lewis M., Brooks-Gunn J. 1979. Social cognition and the acquisition of self. New York: Plenum.
Lewontin R.C. 1977. Sociobiology—a caricature of Darwinism// Proceedings of the 1976 biennial meeting of the journal of Philosophy of Science Association / Ed. F.Supp, P.D.Asquith. East Lansing, Mich.: Philosophy of Science Association. Vol. 2. P. 22—31.
Lewontin R.C., Rose S., Kamin L.J. 1984. Not in our genes: Biology, ideology, and human nature. New York: Pantheon.
Lindgren J.R..,Taub N. (1988). The law of sex discrimination. St. Paul, Minn.: West.
Longino H.E. 1987. Can there be a feminist science? // Hypatia. Vol. 2. P. 51-64.
Longino H.E. 1990. Science as social knowledge: Values and objectivity in scientific inquiry. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
Longino H.E., Doell R. 1983. Body, bias, and behavior: A comparative analysis of reasoning in two areas of biological science // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 9. P. 206- 227.
Lott B. 1981. A feminist critique of androgyny: Toward the elimination of gender attributions for learned behavior // Gender and nonverbal behavior / Ed. C.Mayo, N.M.Henley. New York: Springer-Verlag. P. 171-180.
Lott B. 1987. Women's lives: Themes and variations in gender learning. Monterey, Calif.: Brooks/Cole.
Lykes M.B., Stewart A.S. 1986. Evaluating the feminist challenge to research in personality and social psychology: 1963—1983 // Psychology of Women Quarterly. Vol. 10. P. 393-412.
Lyons J. 1977. Semantics. Vol. 1. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press.
Maccoby E.E., Jacklin C.N. 1974. The psychology of sex differences. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
Mcintosh M. 1968. The homosexual role // Social Problems. Vol. 16. P. 182-192.
MacKinnon C A. 1987. Difference and dominance: On sex discrimination (1984) // Feminism unmodified: Discourses on life and law / Ed. C.A.MacKinnon. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. P. 32—45.
MacKinnon J. 1978. The ape within us. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Malthus T.R. 1798/1960. On population. New York: Modern Library.
Marcus S. 1975. Introduction // Freud S. Three essays on the theory of sexuality. New York: Basic Books. P. xix—xli.
Marcuse H. 1955. Eros and civilization. New York: Random House.
Marshall J. 1981. Pansies, perverts, and macho men: Changing conception of male homosexuality // The making of the modern homosexual / Ed. K.Plummer. Totowa, N.J.: Barnes & Noble. P. 133-154.
Martin C.L., Halverson C.F. 1981. A schematic processing model of sex: typing and stereotyping in children // Child Development. Vol. 52. P. 1119-1134.
Martin M.K., Voorhies B. 1975. Female of the species. New York: Columbia University Press.
Martyna W. 1980. Beyond the he/man approach: The case for nonsexist language // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 5. P. 492-493.
Matlin M.W. 1987. The psychology of women. New York: Holt, Rinehart & Winston.
Mayo C, Henley N.M. (eds.). 1981. Gender and nonverbal behavior. New York: Springer-Verlag.
Mayr E. 1982. The growth of biological thought: Diversity, evolution, and inheritance. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Meaney M.J. 1988. The sexual differentiation of social play // Trends in Neurosciences. Vol. 11. P. 54—58.
Merchant C. 1980. The death of nature: Women, ecology, and the scientific revolution. New York: Harper & Row.
Merton R.K. 1948. The self-fulfilling prophecy //Antioch Review. Vol. 8. P. 193-210.
Meyer J.K., Peter D.J. 1979. Sex reassignment // Archives of General Psychiatry. Vol. 36. P. 1010-1015.
Meyer-Bahlburg H.F.L. 1984. Psychoendocrine research on sexual orientation // Progress in Brain Research. Vol. 61. P. 375—398.
Miller J.B. 1976. Toward a new psychology of women. Boston: Beacon.
Millett K. 1969. Sexual politics. New York: Ballantine Books.
Minow M. 1990. Making all the difference: Inclusion, exclusion, and American law. Ithaca, N.Y: Cornell University Press.
Mischel W. 1970. Sex-typing and socialization // Carmichael's manual of child psychology / Ed. P.H.Mussen. New York: Wiley. Vol. 2. P. 3-72.
Mitchell J. 1974. Psychoanalysis and feminism: Freud, Reich, Laing and women. New York: Random House.
Moi T. 1985. Sexual/textual politics: Feminist literary theory. New York: Routledge.
Money J.,Ehrhardt A. 1972. Man and woman, boy and girl. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.
Montrelay M. 1977. L'Ombre et le nom: Sur la fitminitu. Paris: Minuit.
Moore C.L. 1984. Maternal contributions to the development of masculine sexual behavior in laboratory rats // Developmental Psychobiology. Vol. 17. P. 347-356.

Moore C.L. 1985. Another psychobiological view of sexual differentiation // Developmental Review. Vol. 5. P. 18—55.
Moore H.L. 1988. Feminism and anthropology. Minneapolis: University of Minnesota Press.
Morawski J.G. 1985. The measurement of masculinity and femininity: Engendering categorical realities // Journal of Personality. Vol. 53. P. 196—223.
Morawski J.G. 1987. The troubled quest for masculinity, femininity, and androgyny // Review of personality and social psychology / Ed. P.Shaver, C.Hendrick. Newbury Park, Calif.: Sage. Vol. 7. P. 44-69.
Morin S. F., Schultz S. J. 1978. The gay movement and the rights of children // Journal of Social Issues. Vol. 34. P. 137—148.
Morris J. 1974. Conundrum. New York: Signet.
Mussen P.H. 1969. Early sex-role development // Handbook of socialization theory and research / Ed. D.A.Goslin. Chicago: Rand McNally. P. 707-731.
Myers B.J. 1984. Mother-infant bonding: The status of this critical-period hypothesis // Developmental Review. Vol. 4. P. 240—274.
Neisser U. 1967. Cognitive psychology. New York: Appleton-Century-Crofts.
Myers B.J. 1976. Cognition and reality: Principles and implications of cognitive psychology. San Francisco: Freeman.

Newman L.M. (ed.). 1985. Men's ideas/Women's realities: Popular science, 1870 — 1915. New York: Pergamon.
Newton E. 1988. Of yams, grinders, and gays: The anthropology of homosexuality // Out/Look. Spring. P. 28-50.
Newton E., Walton S. 1984. The misunderstanding: Toward a more precise sexual vocabulary // Pleasure and danger: Exploring female sexuality / Ed. C.S.Vance. Boston: Routledge & Kegan Paul. P. 242-250.
Nicholson L.J. 1986) Gender and history: The limits of social theory in the age of the family. New York: Columbia University Press.
Norton M.B. 1980. Liberty's daughters: The revolutionary experience of American women. Boston: Little, Brown.
Ochs E., Schieffelin B.B. 1984. Language acquisition and socialization: Three developmental stories and their implications // Culture theory: Essays on mind, self, and emotion / Ed. R.A.Shweder, R.A.LeVine. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press. P. 276—320.
Okin S.M. 1979. Womenin Western political thought. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
Okin S.M. 1989. Justice, gender, and the family. New York: Basic Books.
Pagels E. 1976. What became of God the mother? Conflicting images of God in early Christianity // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 2. P. 293-305.
Pagels E. 1977. The Gnostic gospels. New York: Random House.
Pagels E. 1988. Adam, Eve, and the serpent. New York: Random House.
Parlee M.B. 1979. Psychology and women // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 5. P. 121-133.
Parrot A., Bechhofer L. (eds.). 1991. Acquaintance rape: The hidden crime. New York: Wiley.
300
Parsons T., Bales R. 1955. Family, socialization, and inter-action process. Glencoe, 111.: Free Press.
Pateman C 1988. The sexual contract. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
Phillips J.A. 1984. Eve: The history of an idea. San Francisco: Harper & Row.
Phoenix C.H., Goy R.W., Gerall A.A., Young W.C. 1959. Organizing action of prenatally administered testosterone propionate on the tissues mediating mating behavior in the female guinea pig // Endocrinology. Vol. 65. P. 369-382.
Piaget J. 1932. The moral judgment of the child. London: Kegan Paul.
Piaget J. 1970. Piaget's theory // Carmichael's manual of child psychology / Ed. P.H.Mussen. New York: Wiley. Vol. 1. P. 703-732.
Plaskow J. 1990. Standing against Sinai: Judaism from a feminist perspective. San Francisco: Harper.
Plato 1952a. Laws // Great books of the Western world / Ed. R.M.Hutchins. Chicago: Encyclopaedia Britannica. Vol. 7. P. 640-799.
Plaskow J. 1952b. The Republic // Great books of the Western world. Vol. 7. P. 295-441.
Plaskow J. 1952c. Timaeus // Great books of the Western world. Vol. 7. P. 442-477.
Pleck E. 1987. Domestic tyranny: The making of American social policy against family violence from colonial times to the present. New York: Oxford University Press.
Plummer K. 1981a. Building a sociology of homosexuality // The making of the modern homosexual / Ed. K.Plummer. Totowa, N.J.: Barnes & Noble. P. 17-29.
Plummer K (ed.). 1981b. The making of the modern homosexual. Totowa, N.J.: Barnes & Noble.
Polanyi M. 1967. The tacit dimension. London: Routledge & Kegan Paul.
Porter N., Geis F.L. 1981. Women and nonverbal leadership cues: When seeing is not believing // Gender and nonverbal behavior / Ed. C.Mayo, N.M.Henley. New York: Springer-Verlag. P. 39—61.
Porter N., Geis F.L., Jennings J. 1983. Are women invisible as leaders? // Sex Roles. Vol. 9. P. 1035-1049.
Quadagno D., Briscoe R., Quadagno J.S. 1977. Effects of perinatal gonadal hormones on selected nonsexual behavior patterns: A critical assessment of the nonhuman and human literature // Psychological Bulletin. Vol. 84. P. 62-80.
Quadagno J.S. 1979. Paradigms in evolutionary theory: The sociobiological model of natural selection // American Sociological Review. Vol. 44. P. 100-109.
Rado S. 1940. A critical examination of the concept of bisexuality // Psychosomatic Medicine. Vol. 2. P. 459—467.
Raymond J G. 1979. The transsexual empire: The making of the she-male. Boston: Beacon.
Rekers G.A. 1982a. Growing up straight: What every family should know about homosexuality. Chicago: Moody.

Rekers G.A. 1982b. Shaping your child's sexual identity. Grand Rapids, Mich.: Baker Book House.
Reskin B.F. (ed.). 1984. Segregation in the workplace: Trends, explanations, remedies. Washington, D.C.: National Academy Press.
Reskin B.F., Hartmann H.I. (eds.). 1986. Women's work, men's work: Sex segregation on the job. Washington, D.C.: National Research Council.
Reskin B.F., Roos P.A. 1990. Job queues, gender queues: Explaining women's inroads into male occupations. Philadelphia: Temple University Press.
Reuther R.R. 1985. Womanguides: Readings toward a feminist theology. Boston: Beacon.
Rhode D.L. 1989. Justice and gender: Sex discrimination and the law. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Rhode D.L (ed.). 1990. Theoretical perspectives on sexual difference. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Rich A. 1973. Diving into the wreck: Poems, 1971 - 1972. New York: Norton.
Rich A. 1974. Poems: Selected and new, 1950 - 1974. New York: Norton.
Rich A. 1976. Of woman born: Motherhood as experience and institution. New York: Norton.
Rich A. 1978. The dream of a common language: Poems, 1974—1977. New York: Norton.
Rich A. 1980. Compulsory heterosexuality and lesbian existence // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 5. P. 631—660.
Robinson P. 1976. The modernization of sex: Havelock Ellis, Alfred Kinsey, William Masters and Virginia Johnson. Ithaca, N.Y: Cornell University Press.
Rodin J., Silberstein L., Striegel-Moore R. 1985. Women and weight: A normative discontent // Nebraska Symposium on Motivation, 1984: Psychology and gender / Ed. T.B.Sonderegger. Lincoln: University of Nebraska Press. P. 197-221.
Rorty R. 1979. Philosophy and the mirror of nature. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
Rosch E.H. 1973. Natural categories // Cognitive Psychology. Vol. 4. P. 328-350.
Rose H. 1983. Hand, brain and heart: A feminist epistemology for the natural sciences // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 9. P. 73-90.
Rosenberg C.E. 1976. No other gods: On science and American social thought. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.
Rosenberg R. 1982. Beyond separate spheres: Intellectual roots of modern feminism. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Rosenblatt J.S. 1967. Nonhormonal basis of maternal behavior in the rat // Science. Vol. 156. P. 1512-1513.
Rosenblatt J.S., Siegel H.I. 1981. Factors governing the onset and maintenance of maternal behavior among non-primate animals: The role of hormonal and nonhormonal factors // Parental care in mammals / Ed. D.J.Gubernick, P.HKlopfer. New York: Plenum. P. 13-76.

Rosenthal R., Jacobson L. 1968. Pygmalion in the classroom: Teacher expectation and pupils' intellectual development. New York: Holt.
Rossi A.S. 1977. Abiosocial perspective on parenting // Daedalus. Vol. 106. P. 1-31.
Rossi A.S. 1985. Gender and parenthood // Gender and the life course / Ed. A.S.Rossi. New York: Aldine. P. 161-191.
Rousseau J.J. 1755/1952. On the origin of inequality // Great books of the Western world / Ed. R.M.Hutchins. Chicago: Encyclopaedia Britannica. Vol. 38. P. 323-366.
Rubin G. 1984. Thinking sex: Notes for a radical theory of the politics of sexuality // Pleasure and danger: Exploring female sexuality / Ed. C.S.Vance. Boston: Routledge & Kegan Paul. P. 267- 319.
Ruddick S. 1989. Maternal thinking: Toward a politics of peace. Boston: Beacon.
Russell D.E.H. 1982. Rape in marriage. New York: Macmillan.
Russett C.E. 1989. Sexual science: The Victorian construction of womanhood. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Sachs A, Wilson J.H. 1978. Sexism and. the law: A study of male beliefs and legal bias in Britain and the United States. New York: Free Press.
Sahlins M. 1976. The use and abuse of biology: An anthropological critique. Ann Arbor: University of Michigan Press.
Sampson E.E. 1977. Psychology and the American ideal // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 35. P. 767-782.

Sanday PR. 1981. Female power and male dominance: On the origins of sexual inequality. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press.
Saxonhouse A.W. 1985. Women in the history of political thought: Ancient Greece to Machiavelli. New York: Praeger.
Sayers J. 1982. Biological politics: Feminist and anti-feminist perspectives. New York: Tavistock.
Scales A.C. 1980 — 1981). Toward a feminist jurisprudence // Indiana Law Journal. Vol. 56. P. 375-444.
Schiebinger L.L. 1987. The history and philosophy of women in science: A review essay // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 12. P. 305-332.
Schiebinger L.L. 1989. The mind has no sex? Women in the origins of modern science. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Schneider E.M. 1980. Equal rights to trial for women: Sex bias in the law of self-defense // Harvard Civil Rights—Civil Liberties Law Review. Vol. 15. P. 623-647.
Schur E.M. 1965. Crimes without victims; Deviant behavior and public policy: Abortion, homosexuality, drag addiction. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
Secor C 1974. Androgyny: An early reappraisal // Women's Studies. Vol. 2. P. 161-169.
Sedgwick E.K. 1990. Epistemology of the closet. Berkeley: University of California Press.
Segal L. 1987. Is the future female? Troubled thoughts on contemporary feminism. London: Virago.
303
Segal L. 1990. Slow motion: Changing masculinities, changing men. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
Seiwert C. 1988. The brain as a reproductive organ: An analysis of the organizational theory of hormone action. Unpublished manuscript, Cornell University.
Sherif C.W. 1979. Bias in psychology // The prism of sex: Essays in the sociology of knowledge / Ed. J.A.Sherman, E.T.Beck. Madison: University of Wisconsin Press. P. 93—133.
Sherman J.A. 1971. On the psychology of women: A survey of empirical studies. Springfield, 111.: Charles C. Thomas.
Shields S.A. 1975a. Functionalism, Darwinism, and the psychology of women // American Psychologist. Vol. 30. P. 739—754.
Shields S.A. 1975b. Ms. Pilgrim's progress: The contributions of Leta Stetter Hollingworth to the psychology of women // American Psychologist. Vol. 30. P. 852-857.
Shields S.A. 1982. The variability hypothesis: The history of a biological model of sex differences in intelligence // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 7. P. 769-797.
Shweder R.A. 1984. Anthropology's romantic rebellion against the enlightenment; or, There's more to thinking than reason and evidence // Culture theory: Essays on mind, self, and emotion / Ed. R.A.Shweder, R.A.LeVine. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press. P. 27—66.
Shweder R.A., Bourne E.J. 1984. Does the concept of the person vary cross-culturally? // Culture theory: Essays on mind, self, and emotion / Ed. R.A.Shweder, R.A.LeVine. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press. P. 158-199.
Shweder R.A., LeVine R.A. (eds.). 1984. Culture theory: Essays on mind, self, and emotion. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press.
Simon W., Gagnon J.H. 1967. Homosexuality: The formulation of a sociological perspective // Journal of Health and Social Behavior. Vol. 8. P. 177-184.
Sjoo M., Mor B. 1987. The great cosmic mother: Rediscovering the religion of the earth. New York: Harper & Row.
Slijper F.M.E. 1984. Androgens and gender role behaviour in girls with congenital adrenal hyperplasia (CAH) // Progress in Brain Research. Vol. 61. P. 417- 422.
Smith D.E. 1987. The everyday world as problematic: A feminist sociology. Boston: Northeastern University Press.
Smith E.E., Medin D.L. 1981. Concepts and categories. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Smith-Rosenberg C. 1975. The female world of love and ritual: Relations between women in nineteenth-century America // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 1. P. 1—29.
Smith-Rosenberg C, Rosenberg C. 1973. The female animal: Medical and biological views of woman and her role in nineteenth-century America // Journal of American History. Vol. 60. P. 332—356.
Snitow A. 1989. Pages from a gender diary: Basic divisions in feminism // Dissent. Vol. 36. P. 205-224.
304
Snyder M. 1981. On the self-perpetuating nature of social stereotypes // Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior / Ed. D. L. Hamilton. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. P. 183-212.

Snyderman M., Herrnstein R.J. 1983. Intelligence tests and the Immigration Act of 1924 // American Psychologist. Vol. 38. P. 986-995.
Socarides C. 1968. The overt homosexual. New York: Grane & Stratton.
Socarides C. 1970. Homosexuality and medicine // Journal of the American Medical Association. Vol. 212. P. 1199-1202.
Spence J.T. 1984. Masculinity, femininity, and gender-related traits: A conceptual analysis and critique of current research // Progress in experimental research in personality / Ed. B.A.Maher, W.B.Maher. New York: Academic Press. Vol. 13. P. 1-97.
Spence J.T, Helmreich R.L., Stapp J. 1974. The Personal Attributes Questionnaire: A measure of sex-role stereotypes and masculinity-femininity // JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology. Vol. 4. P. 43—44.
Spencer H. 1852. A theory of population deduced from the general law of animal fertility // Westminster Review. Vol. 57. P. 468-501.
Spencer H. 1873. Psychology of the sexes // Popular Science Monthly. Vol. 4. P. 30-38.
Spencer H. 1876. The principles of sociology. New York: Appleton.
Steiner B.W. (ed.). 1985. Gender dysphoria: Development, research, management. New York: Plenum.
Stimpson C.R. 1974. The androgyne and the homosexual // Women's Studie. Vol. 2. P. 237-248.
Stimpson C.R. 1980. The new scholarship about women: The state of the art // Annals of Scholarship. Vol. 1. P. 2-14.
Stoddard L. 1920. The rising tide of color against white world-supremacy. New York: Scribner's.
Stoddart.T, Turiel E. 1985. Children's concepts of cross-gender activities // Child Development. Vol. 56. P. 1241-1252.
Stoller R.J. 1968. Sex and gender. New York: Science House.
Stoller R.J. 1985. Presentations of gender. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Sulloway F.J. 1979. Freud, biologist of the mind: Beyond the psychoanalytic legend. New York: Basic books.
Symons D. 1979. The evolution of human sexuality. New York: Oxford Univer sity Press.
Szasz T.S. 1961. The myth of mental illness. New York: Hoeber-Harper.
Szasz T.S. 1979. Review of Janice Raymond's «The transsexual empire» // New York Times Book Review. 1979. June 10. P. 11, 39.
Taub N., Schneider E.M. 1982. Perspectives on women's subordinatior and the role of law // The politics of law: A progressive critique / Ed. D.Kairys. Boston: Pantheon. P. 117-139.
Taylor M.C, Hall J.A. 1982. Psychological androgyny: A review and reformulation of theories, methods, and conclusions // Psychological Bulletin. Vol. 92. P. 347-366.
Terman L.M., Miles C.C. 1936. Sex and personality: Studies in masculinil and femininity. New York: McGraw-Hill.
305
Thompson C. 1947. Changing concepts of homosexuality in psychoanalysis // Psychiatry. Vol. 10. P. 183-189.
Thompson S.K., Bender P.M. 1971. The priority of cues in sexdiscrimination by children and adults // Developmental Psychology. Vol. 5. P. 181—185.
Tiger L. 1970. The possible biological origins of sex discrimination // Impact of Science on Society. Vol. 20. P. 29—44.
Tobin J.J., Wu D.Y. H., Davidson D.H. 1989. Preschool in three cultures: Japan, China, and the United States. New Haven, Conn.: Yale University Press.
Toulmin S.E. 1972. Human understanding. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
Toulmin S.E. 1982. The return to cosmology: Postmodern science and the theology of nature. Berkeley: University of California Press.
Treiman D.J., Hartmann H.I. (eds.). 1981. Women, work, and wages: Equal pay for jobs of equal value. Washington, D.C.: National Academy Press.
Troiden R. 1979. Becoming homosexual: A model of gay identity acquisition // Psychiatry. Vol. 42. P. 362-373.
Ullian D.Z. 1981. The child's construction of gender: Anatomy as destiny // Cognitive and affective growth: Developmental interaction / Ed. E.K.Shapiro, E.Weber. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. P. 171-184.
Unger R.K. 1983. Through the looking glass: No wonderland yet! (The reciprocal relationship between methodology and models of reality) // Psychology of Women Quarterly. Vol. 8. P. 9—32.
Unger R.K., Crawford M. 1992. Women and gender: A feminist psychology. New York: McGraw-Hill.

Valdes E., del Castillo C, Gutierrez R., Larrea,R, Medina M., Perez-Palacios G. 1979. Endocrine studies and successful treatment in a patient with true hermaphroditism // Acta Endocrinologica. Vol. 91. P. 184—192.
Veblen T. 1899/1934. The theory of the leisure class: An economic study of institutions. New York: Random House/Modern Library.
Wallston B.S. 1981. What are the questions in psychology of women: A feminist approach to research // Psychology of Women Quarterly. Vol. 5. P. 597-617.
Warshaw R. 1988. I never called it rape: The Ms. report on recognizing, fighting, and surviving date and acquaintance rape. New York: Harper & Row.
Wartofsky M. 1983. The child's construction of the world and the world's construction of the child: From historical epistemology to historical psychology // The child and other cultural inventions / Ed. F.S.Kessel, A.W.Siegel. New York: Praeger. P. 188-215.
Weeks J. 1977. Coming out: Homosexual politics in Britain, from the nineteenth century to the present. London: Quartet Books.
Weeks J. 1981. Discourse, desire and sexual deviance: Some problems in a history of homosexuality // The making of the modern homosexual / Ed. K.Plummer. Totowa, N.J.: Barnes & Noble. P. 76-111.
Weeks J. 1986. Sexuality. London: Tavistock.
Weitzman L.J. 1985. The divorce revolution: The unexpected social and economic consequences for women and children in America. New York: Free Press.
306
Whalen R.E. 1968. Differentiation of the neural mechanisms which control gonadotropin secretion and sexual behavior // Perspective in reproduction and sexual behavior / Ed. M.Diamond. Bloomington: Indiana University Press. Vol. 15. P. 325-376.
Whiting B.B., Edwards C.P. 1988. Children of different worlds: The formation of social behavior. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Wilson E.O. 1975. Sociobiology: The new synthesis. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Wilson E.O. 1978. On human nature. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
Wynne-Edwards V. C. 1962. Animal dispersion in relation to social behavior. New York: Hafner.
Zucker K.J. 1985. Cross-gender-identified children // Gender dysphoria: Development, research, management / Ed. B.W.Steiner. New York: Plenum. P. 75-174.

Приложение

Сандра Бем

Теория тендерной схемы и ее применение для развития ребенка: воспитание ребенка, свободного от тендерной схематизации, в обществе тендерной схематизации

Каждый родитель, учитель и возрастной психолог знает, что мальчики и девочки становятся маскулинными и фемининными в очень раннем возрасте. К четырем—пяти годам дети начинают предпочитать типичные игры, которые определены культурой как соответствующие их полу. Они также предпочитают играть с детьми своего пола.

Приобретение соответствующих полу предпочтений, навыков, личностных установок, поведения, «я-концепции» называется в психологии процессом полотипизации — типизации по полу (sex-typing).

Важность и универсальность этого процесса по-разному рассматривается в трех психологических теориях развития, которые проясняют, как развивающийся ребенок начинает сопоставлять шаблоны, определяемые как соответствующий полу в его/ее культуре.

Три теории типизации по полу являются наиболее влиятельными:

психоаналитическая теория, теория социального научения и теории когнитивного развития. Совсем недавно четвертая

308

теория типизации по полу была представлена в психологической литературе — теория тендерной схемы.

Эта статья написана, чтобы представить теорию тендерной схемы феминистской аудитории, которая незнакома с психологией.

Для того, чтобы ознакомить с предысторией проблем, которые способствовали созданию теории

тендерной схемы, я бы начала с обсуждения трех теорий полотипизации, которые преобладают в современной психологии.

Психоаналитическая теория

Первым психологом, который задался вопросом, как мужское и женское трансформируется в маскулинное и фемининное, был Фрейд. Поэтому практически все предыдущие источники по психологии развития начинались с обсуждения проблемы полотипизации в психоаналитической теории. Психоаналитическая теория подчеркивает идентификацию ребенка с родителем своего пола как первичный механизм, посредством которого ребенок становился полотипизированным. Идентификация происходит из результатов исследования ребенком своих гениталий как половых различий: через зависть к пенису и страха кастрации, которые это исследование порождает в мальчиках и девочках, — к успешному разрешению Эдипова конфликта.

Хотя часть феминистских школ обнаруживают плодотворность обращения к психоаналитическим рамкам в последние годы, взгляд на то, что анатомия — это судьба, исторически ассоциируется с достаточно консервативным заключением относительно неизменности процесса полотипизации.

Среди всех лидирующих теорий полотипизации психоаналитическая наиболее известна среди непсихологов, в то время как у психологов она стала не так популярна. Частично из-за того, что эту теорию трудно эмпирически проверить. И, более важно, из-за того, что эмпирические доказательства просто не подтверждают, что исследования детьми различий гениталий и идентификация детей с родителем своего пола являются основополагающей детерминантой полотипизации.

Теория социального научения

В отличие от психоналитической теории, теория социального научения подчеркивает, во-первых, значение поощрения

309

и наказания, которое дети получают за соответствующее или не соответствующее полу поведение, и, во-вторых, роль обучения, которое основано на процессах наблюдения и моделирования.

Таким образом, теория социального научения помещает источник полотипизации в дифференцированную по полу сферу социализации.

Возможно, что основное достоинство теории социального научения для психологов заключается в том, что к развитию психологии женщин и мужчин она применяет тот же общий принцип научения, который уже хорошо известен в отношении развития множества других видов поведения.

Таким образом, если это касается формальной теории, ген-дер не должен требовать каких-то специальных положений; то есть не нужно специального психологического механизма или процесса, который можно постулировать для объяснения того, как дети становятся типичными по полу, помимо общего объяснения о том, что дети обучаются другим видам социализированного поведения.

Интересно, что обобщения теории формируют основу, к которой обращаются особенно феминистские психологи. Если нет ничего специфического в отношении тендера, тогда сам по себе феномен полотипизации не является ни неизбежным, ни неизменным. Дети становятся типизированными по полу, потому что пол является основой для дифференциальной социализации в культуре.

В принципе, любая категория может стать основой для различий в социализации.

Хотя, с одной стороны, теория социального научения принимает во внимание освоение ребенком множества различных моделей поведения, которое стереотипизируется культурой как соответствующее полу, с другой стороны, она рассматривает ребенка скорее как относительно пассивного реципиента окружающих воздействий, нежели как активного участника этого процесса, пытающегося организовать и, таким образом, понять социальный мир.

Представление о пассивной роли ребенка не соответствует общим утверждениям о том, что часто ребенок сам конструирует и предлагает свои собственные версии тендерных правил.

Это также не соответствует факту, что гибкость, с которой дети интерпретируют тендерные правила, изменяется с возрастом.

В одном исследовании, например, 73% 4-х летних и 80% 9-летних детей верят, — проявляя при этом гибкость — что не

310

должно быть ограничений по полу в отношении выбора профессии.

В период между 4 и 9 годами дети начинают обретать более ри гидные мнения, и в середине этого

периода дети демонстрируют наименьшую гибкость. Так, 33% пятилетних, 10% шестилетних, 11% семилетних, 44% восьмилетних считают, что не должно быть ограничений по полу в отношении профессионального выбора.

Этот специфический поведенческий паттерн не уникален в интерпретации детьми тендерных правил. Даже если перейти от тендера к синтаксису, дети сначала обучаются особенным грамматическим формам через усиление (подкрепление) и моделирование. По мере взросления, однако, они начинают конструировать свои собственные грамматические правила на основе того, что они слышат вокруг себя, и только позже они способны принимать во внимание исключения из этих правил.

Таким образом, только более старшие и самые младшие дети говорят: бежал (правильную форму глагола ran в прошедшем времени), а дети в среднем возрасте говорят неправильную форму глагола бежать в прошедшем времени (ranned)*.

Это все доказывает, что ребенок не является пассивным наблюдателем Скорее, она/он активно формируют правила для организации и понимания направления информации в его/ее мире.

Теория когнитивного развития

В отличие от теории социального научения, теория когнитивного развития сосредоточена исключительно на первичных агентах ее/его полоролевой социализации. Фокус теории отражает основное базисное положение, что половая типизация происходит естественно и неизменно из всеобщих принципов когнитивного развития (то есть процесс когнитивного развития везде одинаков и всеобщ).

Если дети активно действуют, познавая окружающий мир, они неизбежно «помечают себя — называют себя *альфа* - и определяют, что есть другие *альфа* и *бета* вокруг них. Представляя себя в данном когнитивно-мотивационном виде..., дети перемещаются к другим *альфа* и отдаляются от всех *бета.* Таким образом, ребенок определяет, к какому тендеру он или

* Бем предлагает пример с глаголом бежать (run-ran-run).

она относятся, и в какую активность он/она должны быть соответственно включены»*.

По существу, теория когнитивного развития постулирует, что, так как дети нуждаются в когнитивной стабильности самоопределения себя как мужчин или женщин, это мотивирует его /ее ценить то, что кажется более похожим на себя, в терминах тендера.

Эта система оценивания, основанная на тендере, в свою очередь, мотивирует ребенка включаться в активность, свойственную (конгруэнтную) тендеру, прилагать усилия для освоения соответствующих тендерных установок и отдавать предпочтение соответствующих тендеру сверстникам. Базисная самокатегоризация определяет базисное оценивание. Раз мальчик начал стабильно идентифицировать себя как мужчину, то он будет позитивно оценивать те объекты и те действия, которые находятся в соответствии с его тендерной идентичностью.

Объяснение теории когнитивного развития по поводу по-лотипизации было настолько влиятельным с момента ее опубликования в 1966 году, что многие психологи принимают почти как данность то, что юное дитя спонтанно развивает основанную на тендере Я—концепцию и основанную на том же тендере систему ценностей, даже в отсутствии внешнего давления вести себя в полостереотипной манере.

Несмотря на популярность, эта теория, однако, не могла объяснить, почему пол будет иметь преимущество над другими потенциальными категориями самоопределения — такими как раса, религия и даже цвет глаз. (Сами категории являются искусственными.)

Интересно, что сама по себе теория не настаивает на том, что какая-то определенная категория должна иметь преимущество. Более того, большинство теоретиков когнитивного развития не только не размышляют эксплицитно по поводу вопроса: «почему пол», но даже ни разу не подняли вопрос о возможностях использования других категорий в общей теории. В той степени, в которой сторонники данной теории ставят этот вопрос вообще, они подчеркивают первостепенность восприятия для ребенка видимых различий между полами, особенно биологически обусловленных, таких как размеры и сила.

Предположительные утверждения о том, что половые различия являются естественными и неизбежными и более пер-

* Lewis M.J. Brooks-Gunn, J. Social Cognition and the Acquisition of Self. New York: Plenum Publishing Corp., 1979. P. 270.

цептивно первостепенными для детей, чем другие, могут не иметь кросс-культурной валидности.

Хотя, может быть, верно, что наша культура не конструирует другие различия между людьми, кроме пола, которые нас заставляют воспринимать. Другими словами, сами категории различия являются полностью культурными. Но ведь другие культуры формируют такие различия. Например, различия между теми, кто принадлежит высшей касте и низшей касте; между теми, в ком обитает душа (духи), и теми, у кого ее нет; между теми, кто божественен, и теми, кто смертен; между теми, кто сух, и теми, кто влажен; теми, кто открыт, и теми, кто замкнут.
Ирония в том, что, при условии подобных кросс-культурных различий, теория когнитивного развития, подчеркивающая активные усилия ребенка по познанию мира, не смогла открыто признать возможность существования иных различий, помимо половых, которые могут быть более первостепенными в восприятии в другой культурной среде.
Можно было ожидать, что универсальность и неизбежность, характерные, с точки зрения теории, для когнитивных процессов у детей, неявно и беспричинно будут перенесены в одну из многочисленных сфер, которая этим процессом оперировала: сферу тендера.
Нельзя сказать, что теория когнитивного развития полностью неверна в своем неявном предположении, что у всех детей есть врожденная готовность организовывать свое восприятие социального мира на основе пола. Возможно, развитие дало полу биологически обусловленный приоритет над другими категориями. Важный момент, однако, заключается в том, что вопросы, всегда ли пол имеет когнитивное преимущество и почему это происходит, вообще не рассматриваются в теории когнитивного развития. Чтобы понять, почему дети становятся типизированными по полу скорее, чем типизированными по расе или касте, необходима теория, которая прямо поставит вопрос, как и почему дети начинают использовать пол как организующий принцип познания.

Теория тендерной схемы

Теория тендерной схемы содержит черты как теории социального научения, так и теории когнитивного развития в понимании полотипизации. Теория тендерной схемы предполагает, что полотипизация возникает в большей степени из процесса тендерной схематизации, из обобщенной способно-
313
сти части детей кодировать и организовывать информацию — включая информацию о себе — в соответствии с культурными определениями мужского и женского. Как и теория когнитивного развития, теория тендерной схемы предполагает, что по-лотипизация происходит посредством собственных когнитивных процессов у детей. Однако, далее, теория тендерной схемы предполагает, что процессы тендерной схематизации, в свою очередь, сами происходят из социальной практики дифференцирования по полу.
Таким образом, теория тендерной схемы, как и теория социального научения, предполагает, что половая типизация является результатом научения. А, следовательно, не является неизбежным, неминуемым и не поддающимся изменению явлением. В этой дискуссии я впервые объясняю в деталях, что из себя представляют процессы тендерной схематизации и как они способствуют типизации по полу. Затем необходимо будет исследовать условия, при которых формируются процессы тендерной схематизации. Именно они обеспечивают основы того, чтобы категория «пол» начала обладать приоритетом над другими социальными категориями в процессе познания окружающей действительности.

Процессы тендерной схематизации

Теория тендерной схемы начинается с обзора того, что развивающийся ребенок без вариаций обучается социальным представлениям о женском и мужском. В большинстве обществ эти определения содержат в себе разнообразную и разветвленную сеть ассоциаций, связанных с полом, которые представляют не только черты, напрямую связанные с мужчинами и женщинами, такие как анатомия, репродуктивные функции, разделение труда и установки личности, но и другие черты, более отдаленно и метафорически связанные с полом -такие, как угловатость и округлость абстрактных форм и периодичность фаз луны. Так, угловатость почему-то ассоциируется с мужественностью, а круги и окружности — с женственностью.
Действительно, нет другой такой дихотомии в человеческом опыте, имеющей такое большое количество связей, как различие между мужским и женским.
Кроме того, в дополнение к усвоению подобной содержательной информации о тендере, дети учатся использовать эту разветвленную сеть связанных с полом ассоциаций для оценки
314
и применения новой информации. Они обучаются кодировать и организовывать информацию в

терминах гендерной схемы, которая постоянно развивается и дополняется в сознании.
Схема - это познавательная структура, сеть ассоциаций, которая организует и управляет восприятием индивида. Схема функционирует как предвосхищающая структура. Иными словами, она заранее настроена на то, чтобы искать и связывать входящую информацию в пучки ассоциаций (в терминах, релевантных схеме). Таким образом, процессы схематизации информации высоко избирательны и способны навязывать индивиду структуру и значение огромного множества входящих стимулов. Процессы схематизации информации содержат в себе готовность сортировать информацию в категории на основе некоторых особых измерений, несмотря на существование других, которые индивид тоже может применять.
Таким образом, процесс гендерной схематизации включает спонтанную сортировку характеристик и поведения на маскулинные и фемининные категории или «эквивалентные классы», несмотря на их различия по множеству других направлений, не связанных с тендером.
Хотя эти характеристики могут значительно различаться друг от друга по иным основаниям, люди игнорируют последние, так как они не относятся к тендеру. Например, понятия «нежный» и «соловей» спонтанно помещаются в категорию фемининных, а «уверенный» и «орел» - в категорию маскулинных.
Так же, как и другие теории схемы (например, теория схематизации Найсера), теория гендерной схемы (ТГС) рассматривает восприятие как конструктивный процесс, то есть созидательный и творческий, а не просто копирующий. При таком процессе происходит взаимодействие между входящей информацией и уже существующей у индивида схемой. В конце концов, это взаимодействие и определяет все то, что воспринимает индивид.
Теория гендерной схемы утверждает, что феномен полоти-пизации происходит частично: 1) в результате процессов гендерной схематизации; 2) из обобщенной готовности индивида обрабатывать информацию на основе связанных с полом ассоциаций. Эти ассоциации, в свою очередь, формируют тендерную схему. Далее, теория гендерной схемы полагает, что процесс полотипизации оканчивается, в результате, внедрением самой Я-концепции в тендерную схему. При этом дети обучаются содержанию гендерной схемы, характерной для каждого конкретного общества. Помимо этого, они обучаются
315
тому, какие характеристики связаны с их собственным полом, а следовательно, и с ними самими.
Это не просто включает в себя обучение определенным отношениям между каждым полом и каждым направлением или характеристиками — например, мальчик должен быть сильным, а девочка — слабой, но включает в себя более глубокие уроки о том, что сами характеристики по-разному применяются в отношении к разным полам. Так, континиум «сильное — слабое» отсутствует в схеме, которую можно применить для девочек. А характертистика «заботливость» вообще исключена из схемы, применяемой для мальчиков. Взрослые редко замечают или говорят детям, какая сильная девочка или как нежен мальчик, при всей их готовности замечать именно эти свойства в «соответствующем» поле. Дети учатся применять эту же селективную схему к себе, выбирая из множества возможных человеческих измерений только те, которые определены как приемлемые для его/ее собственного пола и поэтому подходящие для организации разнообразного содержания Я-концепции. Таким образом, Я-концепция детей становится типизированной по полу, и два пола становятся в своих собственных глазах различными не столько по степени выраженности свойств, сколько по качеству.
Одновременно с этим дети обучаются оценивать свою личность с позиции соответствия тендерной схеме, противопоставляя собственные предпочтения, отношения, поведение, характеристики предпочтениям, отношениям, поведению и характеристикам другого пола. Тендерная схема становится предписывающим, диктующим стандартом или гидом, а самооценка становится заложницей этого стандарта. Затем, становясь усвоенными, мотивационные факторы побуждают индивида регулировать собственное поведение таким образом, чтобы оно соответствовало культурным определениям женственности и мужественности. Так, культурный миф становится самовыполняющимся рецептом, и, в соответствии с теорией тендерной схемы, мы вновь обращаемся к феномену, известному как типизация по полу.
Необходимо подчеркнуть, что теория тендерной схемы является теорией процесса, а не содержания. Полотипизирован-ные индивиды регулируют свое поведение и информационные процессы независимо от того, какое содержание феми-нинности и маскулинности определено в данной культуре. Процесс делит мир на фемининные и маскулинные категории, а не на содержания данных категорий — это является центральным положением теории тендерной схемы.

Соответственно, полотипизированные индивиды отличаются от других индивидов не только по степени фемининно-сти и макскулинности, которой они обладают, но и по тому, насколько их Я-концепция и поведение организовано на основе тендера, а не на основе других категорий. Так, многие не типизированные по полу люди могут описывать себя как, например, заботливых или доминирующих без использования категорий фемининности или маскулинности. Когда гендер-но-типизированые индивиды так описывают себя, это значит, что для них могут быть выделены тендерные коннотации* характеристик или поведения.

Эмпирические исследования по процессам тендерной схематизации

Недавние эмпирические исследования поддерживают основное содержание теории тендерной схемы, в соответствии с которым типизация по полу происходит из процессов тендерной схематизации. Во множестве исследований, которые используют различных субъектов и различные парадигмы, мужчины и женщины, типизированные по полу, значительно более вероятно, чем не типизированные по полу, организуют процесс сбора информации — включая информацию о себе — в терминах тендера.

Одно исследование, например, использовало задачи на запоминание, чтобы определить, присутствуют ли при этом тендерные коннотации только у полотипизированных индивидов, как предполагает теория тендерной схемы, или также у не полотипизированных,.

В исследовании участвовало 48 женщин и 48 мужчин студентов, которые описали себя соответственно как типизированных по полу и не типизированных (на основе опросника половых ролей Бем). Во время эксперимента субъектам предлагался случайный набор из 61 слова, которые включали имена собственные, названия животных, глаголы, детали одежды. Часть имен была мужскими, часть — женскими, одна треть слов внутри каждой из категорий была определена юристами-студентами как имеющая фемининный подтекст (бабочки, смущаться, бикини), одна треть — как маскулинный, (орангутанг, метать, брюки), и одна треть — как нейтральные (муравей, шагать, свитер).

* Коннотация — устойчивая ассоциация, которую вызывает в языковом сознании говорящих употребление того или иного слова в данном значении.

Слова предъявлялись на слайдах через трехсекундные интервалы, и испытуемым сообщали, что затем их ответы будут проверяться. Через три секунды после предъявления последнего слова, им давалось 8 минут, чтобы записать как можно большее количество слов в любом порядке.

Как и ожидалось, результаты показали, что хотя полотипи-зированные и не полотипизированные индивиды вспоминали равное количество слов, порядок запоминания слов был у них разным. Вспомнив одно слово с фемининным подтекстом, полотипизированные индивиды более вероятно вспоминали другие слова с таким же подтекстом, чем неполотипизирован-ные индивиды. Последние могли вспоминать слова с разными подтекстами в случайном порядке. Такая же закономерность была со словами с маскулинным подтекстом. Другими словами, последовательность воспоминаний для полотипизирован-ных индивидов обнаруживалась в значительно больших кластерах или опытах по «фемининным» или по «маскулинным» словам, чем последовательность воспоминаний у не полоти-пизированных индивидов. Воспоминание об одном фемининном (или маскулинном) слове может увеличивать вероятность вспоминания другого фемининного (или маскулинного) слова таким способом, если индивид спонтанно кодирует оба слова как фемининные (или, соответственно, как маскулинные). Тендерная схема, таким образом, связывает два слова в памяти. Эти результаты подтверждают положение теории тендерной схемы о том, что полотипизированные индивиды имеют большую готовность, в отличие от не полотипизированных, кодировать информацию в терминах связанных с полом ассоциаций, которые создает гендерная схема.

Второе исследование проверяло гипотезу о том, что полотипизированные индивиды характеризуются готовностью решать на основе тендера, какие личностные характеристики ассоциируются с их Я-концепцией, а какие - не согласовываются. Испытуемыми во втором исследовании были другие группы студентов, состоящие из 48 мужчин и 48 женщин, которые также описывали себя как полотипизированных и не полотипизированных (с помощью опросника половых ролей Бем). В течение каждого индивидуального эксперимента шестьдесят утверждений—характеристик из опросника BSRI (Bern Sex Role Inventory) проецировались на экран по одному в каждый момент времени, и испытуемых просили нажимать на одну из двух кнопок - «я» или «не я», оценивая, совпадают ли предъявляемые утверждения с их собственным

представлением о себе или нет. При этом фик-
318
сировалось время реакции для определения времени принятия решения испытуемым по поводу каждой характеристики. Теория тендерной схемы предсказывала, и результаты это подтвердили, что полотипизированные испытуемые отвечали значительно *быстрее,* чем остальные, когда подтверждали с помощью кнопки «я» гендерно—соответствующие характеристики или отвергали с помощью кнопки «не я» гендерно-не-приемлемые характеристики.

Эти результаты позволили предположить, что когда принимается решение о том, является или нет определенная характеристика самоописательной, полотипизированные индивиды не обременяют себя прохождением затратного по времени процесса привлечения поведенческих доказательств из памяти и суждений о том, являются ли доказательства оправданием утвердительного ответа, в отличие от не типизированных.

Скорее всего, полотипизированные индивиды «высматривали» характеристики из своей тендерной схемой. Если характеристика была соответствующей полу, они быстро отвечали да, если не соответствовала — то нет. Иногда, конечно, даже полотипизированные индивиды были вынуждены принимать во внимание наличие характеристик, не соответствующих полу, или отсутствие характеристик, соответствующих полу. В этих ситуациях они были значительно медленнее, чем не типизированные индивиды. Этот паттерн быстрого произнесения (производства) соответствующих тендеру самоописаний и медленного производства не соответствующих тендеру самоописаний подтверждает положение теории гендерной схемы о том, что полотипизированные индивиды спонтанно сортируют информацию на основе тендера, несмотря на существование других измерений, которые могли бы быть также использованы за основу категоризации.

То, что предшествует процессам гендерной схематизации

Как и почему полотипизированные индивиды развивают готовность организовать всю поступающую информацию и свою Я-концепцию в терминах тендера? Так как процесс гендерной схематизации представляет собой частный случай общего процесса схематизации, вышеупомянутый частный вопрос можно заменить более общим вопросом: как и почему индивид организует информацию в терминах социальной категории? Или почему социальная категория трансформировалась в когнитивную схему?
319
Теория тендерной схемы полагает, что трансформация данной социальной категории в ядро познавательной схемы зависит от социального контекста, в который эта категория внедрена, а не от собственных характеристик самой категории. Давая соответствующий социальный контекст, даже категорию цвета глаз и роста можно сделать когнитивной схемой. Согласно теории тендерной схемы, категория превращается в схему при условии, если:

1) социальный контекст сделал ее центром большой ассоциативной схемы; если идеология и практика культуры будет создавать ассоциации между этой категорией и широким спектром других категорий, поведения, концепций, характеристик;

2) социальный контекст определяет данную категорию как имеющую широкое функциональное значение. Иными словами, создает огромное множество социальных институтов, норм, табу, разделяющих людей, а также их поведение и характеристики на основе этой категории.

Последнее условие является решающим. Навязывая социальной категории функциональную значимость, культура активизирует пассивные сети ассоциаций и делает схему пригодной для осмысления и толкования реальности.

Мы все с детства обучаемся различным ассоциативным сетям и жизненным концепциям, многим потенциальным когнитивным схемам, но центральное место и функциональная значимость, которая приписывается обществом особым категориям, оживляет эти ассоциативные сети и дает этим схемам преимущество перед другими.

Культура способствует тому, чтобы тендер получил преимущество в познании реальности над другими категориями. Почти во всех культурах подрастающих детей учат двум важным вещам о тендере, а именно: 1) тому, что связанные с полом большие ассоциативные сети помогут им понимать и осваивать мир; 2) тому, что дихотомия между мужчинами и женщинами «мужское — женское» имеет внутреннее и широкое отношение фактически ко всем областям человеческого опыта.

Типичный американский ребенок не может не замечать, что родители, учителя, сверстники имеют соответствующее поведение, которое изменяется как функция пола, что игрушки, одежда и ее

цвет, работа, хобби, домашнее разделение труда, даже местоимения изменяются как функция пола.
Как предполагает теория тендерной схемы, дети могли быть менее схематизированными по тендеру, а, следовательно, и по полу, если бы общество ограничивало ассоциативные
320
сети, связанные с полом, и не настаивало на функциональной важности тендерной дихотомии.
Но, по иронии, хотя общество становится более чувствительным к негативным половым стереотипам и начинает вычеркивать их из СМИ и детской литературы, оно все еще остается слепым к ничем не обоснованному подчеркиванию самого тендерного противопоставления. Например, в начальной школе мальчиков и девочек ставят отдельно или напротив друг друга; они учат песенки, где «пальцы — леди, а большой палец — мужчина»; они видят мальчиков и девочек, расположенных в кукольном домике напротив друг друга, на днях календаря, чтобы обучиться самому календарю. Заметим, что дети не расположены в линию по цвету кожи — в белую и черную; пальцы в песенке — не черные и не белые; черные и белые куклы не расположены альтернативно по дням календаря. Наше общество стремится к переоценке расовых различий , но продолжает преувеличивать половые.
Из-за той роли, которую пол играет в репродукции, возможно ни одно общество не может быть индифферентным к полу в своей культуре, как это происходит отношению к цвету глаз, и, тем самым, тендерной схеме дается социологически обоснованный приоритет над другими категориями. По этой причине было бы возможно, что пол развился бы в базисную категорию восприятия для всего нашего вида, и, таким образом, тендерной схеме дан и биологически обоснованный приоритет.
Однако, положения ТГС состоят в том, что повсеместное настойчивое требование функциональной значимости тендерной дихотомии должно обязательно превратить ее в более когнитивно-приемлемый — и в более отдаленный от уместного — контекст, чем это могло быть на самом деле.
Необходимо заметить, что положения ТГС о процессах, предшествующих тендерной схематизации, еще не проверены эмпирически.
Невозможно установить, в каком случае индивидуальные различия в гендерно-схематизирующих процессах происходят из-за различий в тендерной дихотомии в процессе индивидуальной социализации, а в каком случае они описывают конкретную особую социализацию, которая поддерживает или уменьшает процессы тендерной схематизации. Тем не менее, я хотела бы установить количество удовлетворяющих стратегий, которые соответствуют теории тендерной схемы для воспитания ребенка, свободного от тендерной схематизации, в обществе тендерной схематизации.
321
Эта дискуссия будет высоко отвлеченной, даже если она поможет прояснить взгляд теории тендерной схемы на то, как обучаются процессам тендерной схематизации и как можно научиться чему-нибудь другому вместо этого. Как мы увидим, многие стратегии, рекомендованные для воспитания гендерно-несхематизированного ребенка, уже адаптированы родителями-феминистами, которые пытались создать то, что называется несексистской или освобожденной от тендера формы воспитания. В этом случае, если что и обеспечивает теория тендерной схемы, так это новые теоретические рамки для размышления о психологическом влиянии различных практик воспитания. Дискуссии будут подтверждены примерами, взятыми из практики моей семьи. Это будут иллюстрации, а не систематические доказательства того, что подобные стратегии действительно снижают процессы тендерной схематизации.
Воспитание гендерно-несхематизированного ребенка
Многие родители-феминисты — это те, кто надеется вырастить ребенка, свободного от тендерной схематизации в обществе тендерной схематизации, как и другие родители, которые хотят вырастить своих детей с верой и ценностями, несовпадающими с доминирующей культурой. И пытаться сделать это надо до того, как доминирующая культура подчинит себе детей. Безусловно, родители-феминисты находятся в сложной ситуации, так как они не могут игнорировать тендер, как им хотелось бы. Общество и культура обучает их детей тендеру точно так же, как детей из других семей.
Здесь предлагается две стратегии решения этой проблемы. Первая состоит в том, чтобы обучить детей различиям между полами, но без втягивания этих различий в ассоциативные сети, связанные с культурными определениями пола. При этом необходимо одновременно и тормозить знания

детей о культурных представлениях о поле, и обеспечивать детей биологическими определениями пола.

Вторая стратегия состоит в том, чтобы дать детям альтернативную или «разрушительную» схему, с помощью которой они смогли бы интерпретировать и расшифровывать культурные понятия о поле, вместо того, чтобы обучаться им. Этот шаг необходим, даже если дети обучаются процессам тендерной схематизации позже, чем их сверстники из более традиционных семей.

322

И для ребенка, и для взрослого подобная альтернативная схема поможет создать сопротивление доминирующей культуре и поддержать тем самым их тендерную асхематичность даже в гендерно-схематизированном обществе.

Обучение детей различиям между полами

Культурные понятия о поле. Детей учат тому, что тендер есть ассоциативная сеть большой функциональной значимости. Это достигается посредством демонстрации множества культурных связей с полом, существующих в обществе. Соответственно, первый шаг родителей, которые хотят задержать развитие процесса тендерной схематизации — это задержать знания детей по поводу этих культурных посланий о тендере. Родители могут пытаться ослабить связанные с полом корреляции внутри социального пространства детей, таким образом, внося изменения в основы, по которым дети могут конструировать свои собственные концепции мужественности и женственности.

Они могут это делать, расшатывая половые стереотипы своим собственным поведением или снабжая своих детей информацией, с помощью которой они могут самостоятельно принимать решения. Они могут изменить свои традиционные роли при приготовлении обеда, купании детей, вождении машины. Они могут подчеркивать, что все дети, независимо от пола, могут иметь кукол и грузовики, одежду голубого и розового цвета, а партнерами по играм — и мальчиков, и девочек. Они могут дать своим детям, пока они подрастают, возможность увидеть мужчин и женщин в нетрадиционных профессиях.

Пока дети малы, родители могут ставить заслон культурным посланиям о тендере, проверяя книги и телевизионные программы, в которых явно или неявно сообщается о полах на небиологической основе.

В настоящее время*, такая тактика исключит множество детских книг и большинство телевизионных программ. С другой стороны, также может уменьшиться количество феминистских книг, стремящихся преодолеть половые стереотипы. Даже если книга настаивает на том, что «плохо» не разрешать

* Статья написана 17 лет назад, и за это время появилась продукция для детей, которая не показывает девочек традиционно. Например, мультфильм «Мулан» о китайской девочке-воине.

323

Вилли иметь куклу, она неявно учит ребенка, еще необученного ассоциативной сети, что мальчики и куклы не могут нормально сосуществовать вместе.

Чтобы компенсировать эту цензуру, родители сами должны искать или создавать материал, который бы не обучал половым стереотипам. С нашими собственными детьми мы с мужем «излечивали» книги, где это только было возможно, от связанных с полом корреляций. В основном, в книгах мы изменяли пол главных персонажей, подрисовывая грудь или длинные волосы на рисунках, изображающих преимущественно мужчин — водителей, врачей, пилотов и так далее. Можно вычеркивать или сокращать части текста, где мужчины или женщины описываются в стереотипной манере. Если вы читаете детскую книгу вслух, то используйте местоимения без явного указания на то, что все герои без платьев и розовых бантиков должны быть обязательно мужского пола. Например, вопрос может ставиться таким образом: «Что делает этот маленький поросенок? Почему он или она хочет построить мост?»

Эти практики создаются для того, чтобы позволить самым маленьким детям обитать в обществе, если родителям повезло, где корреляции с полом смягчены скажем, с 0,96 до 0,43. В соответствии с теорией тендерной схемы, таким образом, можно ослабить образование связанной с полом ассоциативной сети, которая, в свою очередь, формирует основу тендерной схемы.

Если эта социальная практика учит детей тому, что полом, по сути, не является, то детей надо обучить тому, что есть собственно пол.

Биологические особенности пола

Когда все культурные корреляты с полом ослаблены или удалены, существуют две, не требующие обсуждений, биологические особенности полов: анатомия и репродукция.

Соответственно, родители могут сделать эти особенности различительными характеристиками мужественности и женственности. Обучая своих детей тому, что гениталии у мужчин и женщин разные, родители помогают детям понять сущность культурных определений пола и, таким образом, сократить сеть связанных с ним ассоциаций.

Объясняя детям, что мужчины и женщины имеют только репродуктивные различия, родители ограничивают функцио-

324

нальную значимость пола и тем самым тормозят процессы тендерной схематизации. Получая четкое и прямое определение того, что такое пол и где он собственно находится, дети имеют предпосылки для конструирования собственной концепции мужественности и женственности на биологической основе, а не на культурных коррелятах, которые им предъявляются.

Чем более гибко дети интерпретируют правила и категории, тем больше это способствует поддержанию их веры в то, что пол определяется узко в терминах анатомии и репродукции, а не поддерживает традиционную веру в то, что каждое произвольное тендерное правило может быть жестко навязано и выполнено.

Факт, что между полами существуют биологические различия, должен быть поддержан в качестве основы феминистского воспитания ребенка.

Либерализация, происходящая в результате использования однозначного и прямого определения пола по гениталиям, и запрет на подобное определение прекрасно проиллюстрировано историей, которая случилась с нашим сыном Джереми, одевшим берет в детский сад.

Через некоторое время другой маленький мальчик сказал Джереми, что он, Джереми, должен быть девочкой, потому что «только девочки носят береты». После нескольких объяснений этому ребенку, что ношение берета ничего не значит и что быть мальчиком - значит иметь пенис и яички, Джереми, в конце концов, снял свои брюки для того, чтобы сделать свои аргументы более явными. Другой мальчик не удивился, а просто сказал, что «все имеют пенис, но только девочки носят береты».

В американской культуре детей не обучают определять пол в терминах анатомии и репродукции до самого последнего времени, и в результате, они, как приведенный в примере ребенок, ошибочно обращаются с культурными коррелятами секса как с его определением.

Эти ошибки поддерживаются тем фактом, что гениталий обычно не видно и поэтому на них нельзя ссылаться, чтобы идентифицировать чей-либо пол.

Поэтому, если наши дети спрашивают о ком-то, мужчина это или женщина, мы часто говорили о своей неуверенности относительно пола человека, подчеркивая, что у нас нет определенной информации на этот счёт — мы не можем посмотреть, что под одеждой этого человека — пенис или вагина. Более того, когда наши дети сами начинали использовать

325

небиологические «маркеры» для определения пола, мы мягко напоминали им, что пол определяется строением гениталий. Только гениталии определяют пол: «Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что Христос девочка, потому что у него длинные волосы?

Разве у волос Христа есть вагина?»

На наш взгляд, иллюстрированная книжка Стефании Ваксман «Кто такие девочки? Кто такие мальчики?» может быть дополнительной поддержкой в образовании по этой теме. Каждая страница показывала живые и привлекательные фотографии девочек и мальчиков, включенных в некоторое стереотипное поведение как более типичное или более соответственное для другого пола. Сопровождалось это текстами следующего содержания: «Некоторые говорят, что только девочки носит украшения, но Барри носит цепочку, и он — мальчик». Книга заканчивается фотографиями обнаженных взрослых и детей, и ясно определяет пол в терминах анатомии.

Это особенный урок о том, что такое пол и чем он не является. Здесь пол создается, чтобы сделать ребенка более наивным, чем его сверстники, в культурных аспектах гендера, и более искушенным, чем его сверстники, в биологических аспектах пола. Конечно, эта наивность со временем начинает исчезать, и они тоже начинают осваивать культурную сеть ассоциаций, связанных с полом. В этом плане родители должны предпринять шаги к тому, чтобы ассоциативная сеть не стала познавательной.

Обеспечение альтернативными схемами

Предположим, что родители-феминисты успешно научили ребенка определять пол в терминах анатомии и репродукции. Далее возникают вопросы о том, как такой ребенок будет осознавать множество связанных с полом понятий, которые начнут навязывать ее или его сознанию? Какие

альтернативные схемы можно предложить ребенку, чтобы помочь ему организовать и усвоить информацию, связанную с тендером?

Схема индивидуальных различий. Первая альтернативная схема является просто детской версией либеральной аксиомы, используемой, в общем, для противостояния стереотипному мышлению. Она гласит о том, что существуют значительные различия между индивидами внутри группы, по

сравнению с малыми различиями между группами. Например, на высказывание «девочки не играют в футбол» можно ответить, что «некоторые девочки играют в футбол (как твоя сестра Алиса или Маша с соседней улицы), а некоторые мальчики не делают этого (как твой дедушка и брат Алисы Виктор из нашего подъезда)". Это, конечно, полезно для родителей — поддержать себя длинным списком альтернативных примеров подобных случаев.

Схема индивидуальных различий применяется, чтобы предотвратить превращение индивидуальных различий в половые, а также связи воспринимаемых различий между людьми — в тендерную схему.

Это должно помочь детям в том, что два пола, в основном, подобны друг другу, и все легковесные суждения о половых различиях нужно рассматривать как сомнительные. Именно с этого скептицизма начинается феминистское осознание.

Схема культурного релятивизма. По мере взросления детей, их знания увеличиваются и они начинают осознавать, что вера и установки ее или его семьи о тендере отличаются от тех, которые доминируют в обществе.

Соответственно, дети нуждаются в разумном объяснении и логическом обосновании, а не просто в принятии того, что существование множества взглядов является более реальным, чем существование одного мнения. Одно из возможных объяснений культурного релятивизма предлагается выразить следующим образом: «разные люди верят различным вещам» и что существование различных противоположных убеждений, скорее, правило в обществе, нежели исключение.

Дети могут (и должны) ознакомиться со схемой культурной относительности задолго до ее применения к тендеру. Например, дети хотят понять, почему они, а не соседские дети, должны пользоваться ремнями безопасности; почему члены нашей семьи, а не соседской, обычно ходят дома обнаженными.

В этом случае необходимо упомянуть, что противоположные мнения сосуществуют весьма часто. Дети должны принимать с относительной невозмутимостью и спокойствием то, что их убеждения отличны от убеждений многих их сверстников в отношении тендера.

В заключение: схема культурного релятивизма может решить одну из основных проблем либеральных родителей-феминистов: как дать своим детям доступ к богатой классиче-

ской литературе и менее богатым СМИ, но в тоже время не оставить своих детей силам, которые обеспечивают процессы тендерной схематизации.

К счастью, цензура полостереотипных материалов, необходимая для задержки первоначального роста ассоциативных сетей, связанных с полом, может быть не нужна, когда дети уже научатся критическим урокам о том, что культурные послания отражают убеждения и установки личности или личностей, которые создают эти послания.

Соответственно, перед тем, как начать читать нашей дочери ее первый том сказок, мы обсудили ее культурные взгляды и установки о мужчинах и женщинах, которые сказки могли отражать. Так, по мере чтения, мы делали комментарии типа: «Как интересно, что люди, написавшие эту сказку, думают, что девочек всегда кто-то должен спасать». Если эти комментарии не будут тяжеловесны, то дети смогут полностью получить удовольствие от самой сказки и при этом научиться обесценивать половые стереотипы в этих сказках как несоответствующие их собственным убеждениям. Схема культурного релятивизма, таким образом, дает возможность детям осознать, что сказки имеют разные смыслы.

Схема сексизма. Культурный релятивизм хорош в свое время, но родители-феминисты не могут и не должны быть удовлетворены, притворяясь, что все идеи, особенно о тендере, одинаково верны. В будущем, они должны заявить, что декларации о мужчинах и женщинах в СМИ, в сказках, в других семьях не просто являются другими, они — неверные. Пришло время дать детям информацию о сексизме. Только получив схему сексизма, согласованную с пониманием исторических путей и современных последствий половой дискриминации, дети смогут

действительно понять, почему два пола так по-разному представлены в обществе. Например, почему в США никогда не было женщины-президента? Почему многие папы не остаются с детьми дома и почему так много людей верят, что половые различия являются «естественными» биологическими последствиями?

Дети, получившие готовность кодировать и организовывать информацию в терминах развивающейся сексистской схемы, подготовлены активно противостоять структурам, которые им навязывают люди с тендерной схемой.

Развитие сексистской схемы иллюстрируется реакцией нашей дочери Эмили на книгу Нормы Клейн «Девочки могут иметь любую профессию». Один из героев книги по

328

имени Адам Собел настаивает на том, что «девочки всегда должны быть медсестрами, а мальчики — всегда врачами» и что «девочки никогда не могут быть летчиками, а только стюардессами». Прочтя это, наша дочь в возрасте 4-х лет с презрением начала спонтанно навешивать ярлык «Адам Собел» на тех, кто говорит стереотипно о тендере. Это имя стало, таким образом, ядром развивающейся сексистской схемы ребенка, которая дает ему возможность противостоять любой половой дискриминации, которую он или она встретит в своей жизни. Как родители-феминисты, мы надеемся вырастить своих детей и без тендерной, и без сексистской схемы. В данный исторический момент, однако, приходится делать выбор по этому поводу. Должны ли мы воспитать детей схематизированными по тендеру, а, следовательно, и полотипизированными, или дети должны освоить схему сексизма и стать феминистами? Мы выбрали последнее.

Комментарии по психологической андрогинии

Центральная фигура ТГС — это полотипизированный индивид. Мои ранние работы были связаны с андрогинным субъектом. В начале 70-х андрогиния казалась многим феминисткам более либеральной и гуманной альтернативой традиционным, основанным на поле стандартам психического здоровья. Действительно, эта стратегия могла применяться в равной степени как для мужчин, так и для женщин. Она поддерживала стремление совмещать в своей личности фемининные и маскулинные черты.

Но, защищая концепцию андрогинии, феминистки заменили предписание «быть только фемининным или только маскулинным» на предписание «быть одновременно и фемининным, и маскулинным». Теперь у индивида вместо одного появилось два потенциальных источника неадекватности.

Концепция андрогинии, по моему мнению, проблематична и потому, что она базируется на допущении существования внутри нас фемининности и маскулинности. Она допускает, что фемининность и маскулинность имеют независимую и явную реальность, а не конструируются в процессе тендерной схематизации. Акцент на андрогинии делает невозможным понимание того, как тендер организует наше восприятие и нашу социальную жизнь.

329

Напротив, концепция процессов тендерной схематизации направляет наше внимание на разнообразные возможности тендерной схемы в условиях, где преимущество должны иметь другие схемы. Без сомнения, ТГС является политическим посланием. Согласно ему, не индивид должен быть андрогин-ным, скорее, сеть ассоциаций, образующая тендерную схему, должна быть более ограниченной в объеме, и общество должно прекратить настаивать на повсеместной функциональной важности тендерной дихотомии.

Человеческое поведение и личностные характеристики больше не должны определяться тендером. Общество должно прекратить проецировать тендер на ситуации, не связанные с гениталиям.

СОДЕРЖАНИЕ

Сандра Липсиц Бем
Линзы тендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов
Компьютерная верстка: *Верхозин В.Г.*
Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 06.09.2004

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 21,0. Тираж 1500 экз. Заказ №5350
Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)
Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14